Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Южный федеральный университет»

На правах рукописи

Казачанская Елена Александровна

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ ЗАПАДНОГО КОНСЕРВАТИЗМА

Специальность: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научный консультант: д.ю.н., профессор
Овчинников А.И.

г. Ростов-на-Дону, 2026

Оглавление

Введение 4

Глава 1. Концептуальные основания консервативных учений о праве и государстве и консервативной идеологии 33

§ 1.1. Идеологический контекст современного государственно-правового дискурса 33

§ 1.2. Понятие, историческое происхождение и признаки консервативной идеологии 50

§ 1.3. История формирования идеи и ценности права в западной консервативной идеологии 72

§ 1.4. Традиционная государственно-правовая организация общества в учениях консервативной правовой идеологии 88

Глава 2. Правопонимание и традиционные ценности в концепциях западного государственно-правового консерватизма 104

§ 2.1. Консервативные направления современного правового мышления на Западе 104

§ 2.2. Учение о ценностях права в концепциях консервативных мыслителей и правоведов 122

§ 2.3. Роль традиционных правовых ценностей в правовой системе: консервативный взгляд 140

§ 2.4. Традиционные духовно-нравственные ценности в теории и практике правового консерватизма 159

§ 2.5. Консервативное обновление классических концепций и типов правопонимания 175

Глава 3. Критика проекта модерна в современных консервативно-правовых учениях Западной Европы 187

§ 3.1. Консервативная правовая идеология в условиях цифрового мира 187

§ 3.2. Защита прав человека от угроз цифровизации с консервативных правовых позиций 208

§ 3.3. Государственно-правовой консерватизм в обществе метамодерна: критика нетрадиционных отношений и антиценностей 226

Глава 4. Ценность государства в западной консервативной правовой идеологии 246

§ 4.1. Сущность государства в фокусе консервативной правовой идеологии 246

§ 4.2. Временные векторы государственно-временного консерватизма 262
§ 4.3. Идея и ценность империи в консервативной правовой идеологии: современные подходы 269
§ 4.4. Идеи и ценности солидаризма в современной западной консервативной правовой идеологии 300
Заключение 322
Список использованных источников 352

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования. Современный период развития Российского государства отличается пересмотром ценностных оснований и базовых принципов правовой политики и идеологии, что вызвано не только геополитическими конфликтами и кризисами, но и совершенно очевидной необходимостью обретения собственной цивилизационной идентичности в условиях обоснованного отказа от вестернизации. В этих условиях особенно важно очертить контуры самобытности российской государственности и правовой культуры, определить границы, образы и смыслы национального правосознания. Для этой цели необходимо ответить на вопрос о том, в каком отношении к Западу находится Россия, имеющая общие с ним культурно-цивилизационные корни, религиозные и философско-мировоззренческие идеологемы, одна из которых прямо свидетельствует о цивилизационном «родстве»: «Москва – Третий Рим».

Изучение российской государственно-правовой идентичности только «изнутри» рискует воспроизводить существующие нарративы и мифологемы, формирует ложные стереотипы, ведет к «изобретению велосипедов». Западная политико-правовая мысль служит внешним теоретическим зеркалом и богатейшим инструментарием (концепции государства, суверенитета, солидаризма, постсекуляризма и др.) для разработки собственного сценария государственно-правового развития в XXI веке. Одно из важнейших идеологических понятий – «традиционные ценности» – возникло в свое время в Западной Европе в философских трактатах западных философов-традиционалистов, что уже определяет роль западноевропейского консерватизма в современном государственно-правовом дискурсе.

Защита традиционных духовно-нравственных ценностей осуществляется не только в отечественном государстве и праве, но и в зарубежном. Подходы западных правоведов к этим ценностям помогут лучше

сформировать и российские модели, концепции и механизмы защиты традиционных ценностей. Поэтому сравнительно-теортическая актуальность исследования западного консерватизма вытекает из потребности в научно выверенном и теоретически обоснованном сопоставлении западной и отечественной консервативных правовых традиций, консервативных учений о праве и государстве. В условиях активного общественного диалога о традиционных ценностях и о пути самобытного государственно-правового строительства в России подобный сравнительный анализ позволяет избежать упрощенных заимствований, слепого копирования или, напротив, радикальной поляризации, противопоставлений, дает возможность выявить универсальные и специфические элементы, способствуя более глубокому пониманию как общих тенденций развития консервативной правовой идеологии, так и выделению и оттенению особенностей национальных правовых культур.

Понятие Запада прочно закрепилось за государствами и народами, которые ведут свою цивилизационную, историческую и культурную преемственность от Римской империи, христианства и европейского Просвещения, а в политическом плане объединены вокруг США и Евросоюза. В научной литературе все чаще сегодня говорится о необходимости формирования новой науки – вестернологии, что важно для позиционирования западной цивилизации как одной из многих, лишая ее претензий на универсальность. Она направлена на деколонизацию русского национального сознания, отечественной социогуманитаристики, соотнесение западных догм с российской культурой и развитие «суверенной науки».

Следует отметить, что консервативные учения о государстве и праве западных ученых редко подвергались оценке, так как в отечественной социогуманитаристике в последние годы господствовал либеральный дискурс. Сравнительный анализ показывает, что Россия в последние десять лет своего развития выбрала консервативный вариант европейского развития, ранее отвергнутый неолиберальными кругами западноевропейских элит, но

который является очень популярным среди консервативных слоев представителей юридической и политологической науки. В государствах Западной Европы и в США, как и в России, наблюдается миграционный, семейный, демографический кризис, и в этих странах законодательством уже сегодня предлагаются не только неолиберальные меры, но и реформы консервативного характера, что вновь актуализирует дискуссию о поиске новых идей государственно-правового строительства. Актуальные глобальные вызовы (девальвация институтов, рост правового нигилизма, конфликт идентичностей) активизировали запрос на поиск устойчивых моральных и правовых ориентиров, ценностей, идеалов, что закономерно возрождает интерес к консервативным доктринам и концепциям как к источнику критики радикального индивидуализма, правового позитивизма и утилитаризма. Исследование интеллектуального ответа западного консерватизма на вызовы модерна и постмодерна позволяет выявить альтернативные модели связи права, нравственности и традиции, что имеет важное значение для осмысления современных процессов ценностной поляризации в западных обществах.

В российском дискурсе последних двух десятилетий ведутся споры о «традиционных ценностях», «суверенной демократии», «государстве-цивилизации», «империи» и т.д. В этих дискуссиях участники прямо или косвенно отсылают к историческим дискуссиям западников и славянофилов, либералов и консерваторов, евразийцев и необольшевиков и др. Между тем аналогичные дискуссии развивались и в Западной Европе. Понимание их особенностей (от консерватизма Жозефа де Местра до Карла Шмитта или «оригинализма») позволяет критически анализировать современные юридические и политические тренды. При этом следует иметь в виду, что углубление в исследование западной правовой традиции невозможно осуществить, не изучая национальные консервативные государственно-правовые идеи, показывая, что Россия может предложить мировому дискурсу свои модели консервативного плана (например, опыт имперской

полиэтничности, идеи соборности, критику юридического формализма с позиций справедливости), переводя их с языка культурных интуиций на язык рациональной теории государства и права.

Степень научной разработанности. В современной научной литературе давно обращается внимание на необходимость системной реконструкции и концептуализации правовой идеологии западного консерватизма как целостного интеллектуального феномена, так как пока в современной отечественной и зарубежной юридической и политической науках преобладают фрагментарные исследования отдельных мыслителей (Э. Бёрк, Ж. де Местр, К. Шмитт и др.). Между тем целостный и комплексный анализ, выявляющий общие позиции, базовые ценностно-правовые основания, идеологические программы в области правовой политики, а также их историческую трансформацию от эпохи романтизма до общества «метамодерна», практически отсутствует. Существует проблема недостаточно раскрытого и не изученного богатства идей консервативного правового наследия и недостаточной теоретической проработанности его аксиоматического ядра – системы традиционных ценностей (таких как преемственность, иерархия, солидарность, нравственный долг), определяющих специфику консервативной правовой идеологии и правопонимания. Данное исследование призвано восполнить этот пробел, предложив междисциплинарную методологию, интегрирующую подходы истории политических и правовых учений, философии права, политологии и аксиологии.

Исследование консервативных учений о праве сохраняет высокую актуальность и дискуссионность в современной юридической науке. Интерес к правовому консерватизму продиктован необходимостью практической: идет поиск мировоззренческих и концептуальных оснований правопорядка в эпоху глобальных трансформаций и ценностного поворота в праве, фиксируемых в конституционном развитии многих государств. Анализ степени разработанности темы требует систематизации обширного корпуса

источников по трем ключевым направлениям: теоретико-методологические основы консервативной правовой идеологии, государствоведческие аспекты правового консерватизма и ценностное измерение консервативного правопонимания.

В российской юридической науке проблемы консервативной правовой мысли, теории и философии права, консервативной правовой идеологии получили глубокое осмысление в работах В.В. Гошуляка, который исследует проявления консервативной идеологии в конституционном тексте; Н.С. Бондаря, раскрывающего аксиологические аспекты конституционной доктрины в идеологическом и национально-культурном контексте; А.В. Зуйкова, анализирующего общетеоретические вопросы идеологии в конституционном праве. Фундаментальный вклад в осмысление феномена правового консерватизма внес и А.И. Овчинников, в трудах которого, посвященных идеологии российской государственности, понятию государственной идеологии и ее функций, консерватизм рассматривается как тип правового мышления и мировоззренческая основа государственности. В целом, идеологические аспекты права раскрываются в работах А.И. Клименко (понятие правовой идеологии), В.А. Максимова (конституционно-правовой взгляд на государственную идеологию), А.Б. Каягина (взаимосвязь идеологии и правового воспитания), А.Ю. Мамычева (правовые ценности, архетипы и менталитет в контексте правовой идеологии). А.М. Осавелюк рассматривает связь конституционных положений с традиционными ценностями. М.С. Пермиловский рецензирует работу Осавелюка и развивает тему консервативных оснований современного российского конституционализма. Важное значение для понимания современного значения правового консерватизма имеют исследования А.Н. Кокотова и В.В. Лазарева, посвященные идеологическому измерению Конституции России и конституционных реформ. Полемика о допустимости и содержании государственной идеологии представлена в работах П.А. Астафичева и А.А. Сергеева. Социально-экономический срез

консервативной идеологии в контексте конституционных изменений раскрыт в трудах С.В. Масленниковой.

Глубоко и серьезно изучены разнообразные аспекты русского правового консерватизма, менталитета и идеологии в монографических и диссертационных сочинениях П.П. Баранова, А.А. Васильева, Е.И. Корнева, А.В. Полякова, Т.В. Шатковской и других авторов. В их работах представлен еще и широкий спектр консервативных правовых учений в западной правовой мысли. Например, Антон Александрович Васильев, являющийся одним из ведущих современных исследователей правового консерватизма, опубликовал фундаментальный труд, в котором рассмотрел консервативный идеал самодержавия и державности, концепции правообязанности и «общественного права», роль консервативной идеологии как охранителя духовной культуры России. Алексей Сергеевич Карцов – автор монографии, специально посвященной правовой идеологии русского консерватизма, раскрыл контуры консервативного правопонимания, проблемы правового нигилизма в идеологии русского консерватизма XIX–XX веков. Ученый систематически сопоставляет взгляды русских «охранителей» с идейными воззрениями отечественных и зарубежных консерваторов разных эпох, формулирует ключевые положения консервативного правопонимания, включая подход к экстраюридическим ценностям, проблему баланса индивидуалистической и коллективистской парадигмы, критику правового идеализма.

Историко-философские, мировоззренческие и концептуальные основания консерватизма исследуются через призму трудов классиков. В этом ключе анализируются работы Э. Бёрка, Ж. де Местра, Л. де Бональда, а также их интерпретации в трудах современных российских исследователей (А.В. Чудинов, Т.Б. Длугач, А. Минаков). Теоретическое осмысление консерватизма как идеологии невозможно без обращения к фундаментальным работам К. Манхейма, С. Хантингтона («Conservatism as an Ideology»), Г.-К. Кальтенбруннера и Р. Кирка, заложившим основы современного понимания консервативной традиции.

Для изучения западного консерватизма значительный пласт составляют исследования, посвященные связи консерватизма с естественно-правовой традицией. Работы Ж. Маритена, Дж. Финниса, Р.П. Джорджа, и А. де Бенуа позволяют рассматривать современное консервативное правопонимание как актуальную версию возрожденного естественного права, противостоящую правовому позитивизму и либеральному универсализму. Критический анализ либеральной доктрины с консервативных теоретико-правовых позиций осуществлен в работах А. Макинтайра и П. Денина, демонстрирующих внутренние противоречия либерального проекта. Консервативный правовой дискурс в современных западных теоретических дискуссиях представлен трудами А. Вермюля, развивающего идеи конституционализма общего блага, а также исследованиями англичанина Р. Скрутона, обосновавшего философскую и эстетическую состоятельность консервативного мировоззрения. Методологические основания консервативного подхода к праву заложены в работах представителей исторической школы права (Ф.К. фон Савиньи, Г.Ф. Пухта), что нашло отражение в современной российской историографии (А.А. Васильев, О.С. Сурков).

Как известно, государствоведческая проблематика консерватизма разрабатывалась еще в отечественной дореволюционной мысли (Н.Н. Алексеев, И.А. Ильин, Л.А. Тихомиров) и эмигрантской литературе (Г.К. Гинс, И.В. Вощин), в которой обосновывались органическая теория государства, принципы солидаризма и духовные основы государственной власти. В современной российской науке эти идеи развиваются в работах С.Н. Бабурина (цивилизационный подход к государству), А.Ю. Мамычева (социокультурная организация государственной власти), Н.И. Грачева (имперская форма государства) и А.Н. Кольева (теория консервативной реконструкции).

Для анализа государственно-правового консерватизма весьма важными являются труды, посвященные проблеме суверенитета и силы государства в консервативной парадигме в полемике с либерализмом. Например, сочинения

либерального философа Ф. Фукуямы («Сильное государство»), С. Хантингтона («Политический порядок в меняющихся обществах») и Г. Киссинджера («Мировой порядок») задают рамки дискуссии о необходимости сильного государства как гаранта стабильности и порядка. В этом же контексте актуальны работы, анализирующие современную геополитическую стратегию и концепцию технологического суверенитета (Д.А. Аникин, А.Ю. Мамычев, А.Г. Дугин).

Проблемы кризиса национального государства и возникновения новых форм публично-властной организации в условиях цифровой трансформации (сетевое государство, цифровое государство) представлены в трудах Л.В. Голоскокова, Э.А. Золаева, В.Б. Наумова, а также в зарубежных исследованиях (Б. Сринивасан, М. Кастельс). Консервативный ответ на эти вызовы, связанный с реновацией имперских начал и защитой цивилизационной идентичности, разрабатывается в рамках неоимперского подхода (С.Н. Бабурин, С.И. Каспэ, А.Г. Дугин).

Европейская традиция консервативной государственно-правовой мысли представлена именами Э.-В. Бёкенфёрде, П. Кирхгоффа, П. Манана, К. Шмитта, а также современных теоретиков права М. Вилле и Ж.-К. Милнера. Их работы позволяют проследить эволюцию консервативных представлений о государстве от этатизма к концепциям субсидиарности и христианской демократии. Анализ роли Палаты Лордов как консервативного института в британской конституции дан в трудах В.А. Томсинова.

Аксиологическая проблематика занимает центральное место в современных консервативных правовых исследованиях. В российской науке данное направление активно развивается в контексте конституционализации традиционных ценностей. Работы С.Н. Махиной, Ф.В. Чиркова, Н.С. Коневой и Г.Д. Садовниковой раскрывают правовые механизмы закрепления и защиты традиционных ценностей. Системный анализ этой сферы представлен в трудах А.И. Овчинникова, исследующего связь традиционных ценностей с национальной безопасностью и правотворческой политикой.

Концептуальные теоретико-правовые основания ценностного подхода заложены в работах Г.В. Мальцева (социальные основания права и антропология права), В.Н. Синюкова (цивилизационная природа правовой культуры), а также в интервью и публикациях А.В. Полякова, отстаивающего тезис о том, что права человека сами являются традиционной ценностью в определенном культурном контексте. Критика западной концепции прав человека с консервативных позиций наиболее ярко представлена в трудах А. де Бенуа («По ту сторону прав человека»), который рассматривает права человека как секулярную религию и инструмент унификации.

Религиозные, антропологические и этические аспекты консервативной правовой идеологии исследуются в работах М.Д. Фоминской (христианская концепция достоинства личности), И.Л. Честнова (постклассическая теория права) и П.Д. Баренбойма. Особое значение приобретают исследования, посвященные вызовам традиционным ценностям со стороны цифровизации, трансгуманизма и биотехнологий. В этом контексте рассматриваются труды В.И. Крусса (соматические права), И.А. Умновой-Конюховой, а также зарубежные исследования Н. Бострома, Р. Скрутона и Ш. Зубофф («Надзорный капитализм»), предупреждающие о дегуманизирующих последствиях технологического прогресса.

Изучение футурологических оснований консервативной аксиологии представлено в работах П.А. Сорокина, в частности его анализ кризиса чувственного общества и концепция «американской сексуальной революции», а также в трудах Ю. Хабермаса («Будущее человеческой природы»). Проблематика межпоколенческой солидарности и ответственности перед будущими поколениями как ценностный императив консерватизма разрабатывается Т.Н. Москальковой и в контексте идей Л. Буржуа о солидарности.

В зарубежной литературе ценностная проблематика активно исследуется в рамках дискуссий о постсекулярном обществе, роли церкви в современном государстве, католическом учении об обществе (Папа Римский

Бенедикт XVI, энциклика «Rerum Novarum»), коммунитаризме (М. Сэндел) и конституционной морали (П. Девлин, Г.Л.А. Харт). Работы Г.Дж. Бермана («Вера и закон») устанавливают неразрывную связь западной правовой традиции с христианскими ценностями, а исследования Р. Скрутона («Green Philosophy») демонстрируют возможность консервативного подхода к экологическим проблемам, основанного на принципах oikophilia (любви к родному дому).

Таким образом, степень разработанности темы характеризуется наличием обширной и разнородной источниковой базы, охватывающей как классические философско-правовые труды, так и современные междисциплинарные исследования. Однако целостного, системного исследования, посвященного именно эволюции и современному состоянию консервативных учений о праве в западном мире, объединяющего теоретико-правовой, историко-философский и аксиологический подходы, до настоящего времени не проводилось. Настоящая диссертация призвана восполнить этот пробел.

Объектом исследования являются консервативные государственно-правовые учения. **Предмет исследования** составляют идеологические, методологические, теоретико-правовые, институциональные аспекты традиционных ценностей в западной консервативной государственно-правовой мысли.

Цель исследования заключается в определении и установлении идеологических, методологических, аксиологических, историко-правовых аспектов осмысления традиционных ценностей представителями западного правового консерватизма, его эволюционных изменений, социокультурного контекста для оптимизации доктрины развития российского государства и права с учетом традиционных духовно-нравственных ценностей.

Поставленная и обозначенная цель диссертационной работы привела к определению и решению следующих **задач**:

– установить и проанализировать идеологический контекст современного государственно-правового дискурса, определить место и роль консервативной идеологии в системе конкурирующих концепций и парадигм государственнно-правового проектирования;

– сформулировать понятие и раскрыть его в контексте исторического происхождения и сущностных характеристик консервативной идеологии как особого типа государственно-правового строительства;

– реконструировать историю формирования ключевых идей и ценностей права в западной консервативной традиции, выявив преемственность и разрывы в их развитии, от античности до современности;

– определить и сформулировать концептуальные основы традиционной государственно-правовой организации общества в учениях консервативной правовой идеологии, раскрыв ее теоретическое понимание;

– систематизировать и классифицировать основные направления современного консервативного правового мышления на Западе, выявив их теоретико-методологические основания и специфику;

– отграничить содержание учения о ценностях права в концепциях ведущих консервативных мыслителей и правоведов, определив иерархию и соотношение различных ценностных рядов;

– установить место и роль традиционных правовых ценностей с позиций консервативного правопонимания, выявив их функции в обеспечении стабильности и преемственности правового развития.

– обозначить соотношение традиционных духовно-нравственных ценностей с позитивным правом в теории и практике правового консерватизма, выявив механизмы их инкорпорации в правовую систему;

– показать процессы консервативного обновления классических концепций и типов правопонимания (естественно-правового, позитивистского, психологического, социологического и др.), выявив их современные модификации в консервативной парадигме;

– выявить основные направления исследования и критического анализа процессов цифровизации и их влияния на право и государство с позиций современной консервативной правовой идеологии;

– сформулировать консервативные концепции защиты прав человека от угроз, порождаемых цифровой трансформацией, включая риски тотального контроля, дегуманизации и манипуляции сознанием, а также разрушения традиционных ценностей;

– установить аргументацию в критике западным государственно-правовым консерватизмом феноменов общества метамодерна, включая легитимацию нетрадиционных отношений и распространение антиценностей, выявив аргументацию и предлагаемые альтернативы;

– выявить сущность государства в фокусе консервативной правовой идеологии, обозначив его понимание как ценностно-целостного единства, гаранта традиции и субъекта исторической преемственности;

– определить временные векторы (хронотопы) государственно-правового консерватизма, проанализировав соотношение в нем ориентаций на прошлое (традиция), настоящее (стабильность) и будущее (ответственность перед потомками);

– дать характеристику современным консервативным подходам к идее и ценности империи как особой формы государственно-правовой организации пространства, выявив ее концептуальные признаки и значение в современном мире;

– охарактеризовать и описать идеи и ценности солидаризма в современной западной консервативной правовой идеологии, определив их роль в обосновании социального государства и преодолении атомизации общества.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

– доказана научно-теоретическая гипотеза о верховенстве традиционных ценностей в рамках правовой идеологии западного консерватизма, разработана авторская концепция соотношения государственной и правовой

идеологии в консервативной традиции, обосновывающая синтетическую модель их взаимосвязи, в рамках которой государственная идеология задает ценностный каркас и стратегические цели развития общества, а правовая идеология обеспечивает формально-юридические механизмы и процедуры для их реализации и легитимации. Выявлены автономная, функциональная и синтетическая концепции правовой идеологии в зависимости от типа правопонимани;

– проведена системная реконструкция западноевропейской консервативной правовой идеологии как целостного интеллектуального направления, что позволило ее представить не как совокупность разрозненных учений, а как преемственную традицию, объединенную общим ценностным ядром и методологией критики модерна и постмодерна;

– обосновано разграничение содержательного и ситуационного подходов к пониманию правового консерватизма, позволяющее преодолеть релятивизм в трактовке данного феномена: содержательный подход определяет консерватизм как тип правового мышления, основывающийся на закреплении в праве традиционных ценностей и сформировавшийся как реакция на революционное отрицание религиозных и традиционалистских оснований;

– выявлена и систематизирована совокупность сущностных признаков консервативной правовой идеологии (антиноминализм, иррационализм, антииндивидуализм и антиколлективизм, коммунитаризм, культурный национализм, религиозность, антисекуляризм, органицизм), образующих целостную систему и отличающих консерватизм от иных идеологических программ;

– установлена и сконструирована базовая аксиологическая матрица (система взаимосвязанных традиционных ценностей – преемственность, органицизм, иерархия, солидарность, нравственный долг, историческая легитимность), определяющая специфику консервативного правового мышления и отличающая его от либерального, социалистического и позитивистского типов правовой идеологии;

– раскрыта эволюция отношения консерватизма к естественному праву от критики рационалистически-индивидуалистической трактовки в классическом консерватизме (Э. Бёрк, Ж. де Местр) до позитивного восприятия и развития идей естественного права в современных консервативных учениях (неотомизм, «новая теория естественного права»), предложена и разработана оригинальная периодизация генезиса и эволюции консервативной правовой идеологии в Западной Европе, основанная на критерии трансформации ее ценностного содержания в ответ на ключевые вызовы модернизации (от реакции на Французскую революцию до ответа на вызовы метамодерна);

– определены основные параметры консервативного правопонимания: единство права и нравственности, вера в естественное право как вечный закон справедливости, гармония прав и обязанностей, баланс личного интереса и долга перед обществом и государством;

– систематизирована и структурирована консервативная критика идеи верховенства прав человека по отношению к правам и интересам общества, концептуализирующая симфоническое сочетание индивидуальных прав с правами народа, государства, общества, церкви и иных общих союзов,

– разработана оригинальная типология современных направлений консервативной правовой идеологии на Западе, включающая: а) «новую теорию естественного права» (Дж. Финнис, Р.П. Джордж); б) «конституционализм общего блага» А. Вермюля; в) англосаксонскую традицию Р. Скрутона; г) консервативный оригинализм; д) критику прав человека в традиции «новых правых» (А. де Бенуа); выявлены теоретико-методологические основания каждого направления;

– установлено центральное противоречие современной консервативной правовой идеологии между универсалистским пониманием права (требования практического разума и общего блага) и партикуляристским подходом (историческая обусловленность права, связь с определенным народом и его

образом жизни), что позволило данное противоречие определить как ключевую проблему развития консервативной правовой мысли;

– раскрыты аксиологические основания консервативного правопонимания, включающие: связь права с обычаями и традициями народа; приоритет общего блага над индивидуальными правами; признание иерархической структуры общества; высокий авторитет публичной власти и сильного государства; стабильность как важнейшую ценность; понимание права как продукта длительного исторического развития, легитимность которого определяется социально-правовой преемственностью;

– раскрыта концепция человеческого достоинства в современной консервативной правовой идеологии, выявлена ее трансформация от секулярного гуманизма к неотомистской доктрине, а раскрыто содержание «базовых благ» в теории Дж. Финниса и значение ойкофилии в философии Р. Скрутона для понимания достоинства личности в консервативной традиции;

– впервые исследована роль традиционных ценностей в обеспечении правового плюрализма с позиций консервативной идеологии, выявлены механизмы гармонизации государственного права с обычно-правовыми регуляторами, религиозными и моральными нормами, определено, что традиционные ценности выступают основанием для сосуществования множественных ценностно-нормативных систем в рамках одного общества.

– систематизированы основные направления консервативной интеграции традиционных ценностей в правовую систему (естественно-правовое, коммунитарное, интегративное, плюралистическое), выявлены их теоретико-методологические основания и практическое значение для развития правовых систем;

– впервые в юридической науке представлена систематическая консервативная критика технократического и цифрового развития права, выявлены философско-правовые основания этой критики, показана связь цифровых и трансгуманистических утопий с материализмом и рационализмом Нового времени, обоснована необходимость подчинения технологического

развития высшим, внетехническим целям – сохранению человеческого достоинства и традиционных ценностей.

– установлена система антиценностей либерализма в консервативной правовой идеологии, раскрыты содержание данного понятия и механизмы деструктивного воздействия либеральных установок (радикальная индивидуальная автономия, моральный релятивизм, секуляризм) на традиционные институты и социальные связи с позиции западного консерватизма, выявлен многоуровневый характер консервативной критики, объединяющей философско-правовую аргументацию, правовую теорию и конституционную практику;

– обоснован цивилизационный подход к пониманию сущности государства в консервативной правовой идеологии, раскрыто содержание понятия «государство-цивилизация», определены социальная сущность и назначение государства как института, обеспечивающего сохранение и воспроизводство социокультурной целостности, базовой ценностно-нормативной системы и традиционных институциональных оснований общества;

– разработана типология консервативных учений о государстве в зависимости от временной ориентации (традиционалистские версии – ориентация на прошлое; классический консерватизм – ориентация на настоящее; динамический консерватизм – ориентация на будущее), выявлены особенности каждого типа и обосновано преобладание динамического консерватизма в современных условиях;

– впервые в отечественной юридической науке представлен системный анализ солидаристских оснований современной консервативной правовой идеологии, раскрыто содержание солидаризма как учения об органической структуре общества, приоритете духовно-нравственных ценностей, социальном партнерстве как публично-правовом институте и роли государства как гаранта социальной целостности и общественной солидарности, выявлено

значение солидаризма для преодоления крайностей неолиберального индивидуализма и тоталитарного коллективизма;

– раскрыта теоретико-правовая природа концепции «традиционного государства» как идеального типа, синтезирующего принципы органицизма, сословно-корпоративного представительства и ценностного суверенитета, в отличие от договорных и рационалистических моделей, а также доказана теоретическая значимость консервативной интерпретации идей империи и солидаризма как правовых моделей, предлагающих альтернативу кризисным явлениям национального государства и атомизированного гражданского общества;

– введен в научный оборот отечественной теории права комплекс идей западноевропейских консервативных мыслителей XX–XXI вв. по вопросам кризиса правовых оснований западной цивилизации, а также их анализ нетрадиционных отношений и антиценностей в условиях общества метамодерна.

Методологическая основа диссертационного исследования определена спецификой историко-теоретического правового мышления, необходимого для изучения истории политических и правовых учений, истории государства и права, что обусловлено самим предметом работы – эволюцией консервативных учений о праве в западном мире в их историческом развитии и современном состоянии. Базовыми методами исследования в диссертации стали общенаучные методы познания, что дало возможность выявить тенденции западных идеологических дискуссий, определить их ценностные и институциональные конструкции, аргументы, логические структуры. Метод аналогии применялся для сопоставления разнородных концепций и выявления в них общих структурных элементов.

Логико-структурный анализ использовался для установления аргументов и выявления внутренней логической структуры консервативных правовых учений, определения взаимосвязей между их основными элементами и построения логически непротиворечивой системы изложения

материала. Историко-теоретический анализ необходим для реконструкции процесса генезиса и эволюции консервативных идей о праве и государстве в контексте развития западной философско-правовой мысли, выявления этапов их трансформации и преемственности основных положений от античности до современности.

Социокультурный и цивилизационный подходы к праву сыграли ключевую роль в настоящем исследовании, что позволило определить правовые явления и процессы не как изолированные нормативные конструкции, а как неотъемлемые элементы социокультурной среды, рассмотреть государство и право как продукты и феномены конкретной цивилизации. Данные подходы дали возможность выделить специфику западной правовой традиции и установить основные тенденции ее развития в условиях современных вызовов.

Аксиологический анализ выступил в качестве одного из центральных методов, что обусловлено проблематикой традиционных ценностей, их важностью для консервативной традиции. С помощью этого метода удалось установить иерархию ценностей в различных консервативных государственно-правовых учениях, определить роль традиционных ценностей в правовой системе и обосновании правопорядка.

Герменевтический и текстологический анализ применялись для толкования философско-правовых и теоретико-правовых текстов классиков и современных представителей консерватизма. Данные методы позволили проникнуть в смысловое содержание учений, выявить авторские интенции и контекстуальные значения ключевых понятий.

Антропологический подход использовался для анализа эволюции представлений о природе человека в консервативной традиции, поскольку понимание сущности права и назначения государства напрямую зависит от ответа на вопрос о том, что есть человек. Этот подход позволил раскрыть консервативную критику либеральной концепции автономной личности и обоснование неразрывной связи человека с традицией и сообществом.

В диссертации также был использован разнообразный методологический инструментарий юридической науки. Для сравнения различных национальных школ правового консерватизма (английской, французской, немецкой, американской), был привлечен сравнительно-правовой метод познания. Для выявления исторических особенностей и закономерностей возникновения, становления и развития консервативной правовой идеологии использовался историко-правовой метод познания.

Для обоснования теоретических выводов, формулирования основных положений и выделения ориентиров возможного развития правовых систем использовались методы правового моделирования и семантического анализа права. Они позволили выявить глубинные смыслы, заложенные в правовых понятиях и категориях, используемых в консервативном дискурсе (например, «общее благо», «человеческое достоинство», «солидарность», «традиция»).

Использование вышуказанных методов и подходов, а также принципов историко-теоретического анализа повзолило сформировать методологический комплекс, основанный на началах историзма, объективности и системности, что обеспечило достоверность полученных результатов, глубину проникновения в предмет исследования и позволило решить поставленные задачи по созданию целостной теоретико-правовой концепции западных консервативных учений о праве.

Гипотеза исследования. В общественном сознании бытует устойчивый стереотип, согласно которому западная идеология – это совокупность взглядов и ценностей, сформировавшихся в Европе и Северной Америке, в основе которых лежат индивидуалистический либерализм, защита прав человека, демократия, рыночная экономика и верховенство права, а ее высшими ценностями являются идея личной свободы, научные инновации, рационализм и стремление к прогрессу. Однако такое отождествление западной культуры и идеологии с либерализмом ошибочно: не менее популярными и распространенными являются идеалы консерватизма: традиционные духовно-нравственные ценности, вера в Бога, семья, обще благо. В силу различных

причин эти ценности не смогли стать ведущими: следует понять и осознать причины господства либеральных установок и ценностей над консервативными. Основной причиной такого поражения является капиталистическая модель экономики. Следовательно, для Российской Федерации одной лишь декларации недостаточно для того, чтобы победить в идеологической борьбе за традиционные духовно-нравственные ценности. Необходимы более фундаментальные меры: реформы социально-экономического характера и конституционного строя.

Синтез консервативного правопонимания с иными подходами к праву в западной юриспруденции привел к расширению методологического исследовательского горизонта в познании права различных правовых школ, парадигм и направлений, а также к их сближению в трактовке правового развития государства и его правовой политики.

Традиционные ценности являются не случайным или второстепенным элементом, а системообразующим, конститутивным ядром правовой идеологии западноевропейского консерватизма, определяющим ее генезис, внутреннее единство, историческую эволюцию и специфический вклад в общеевропейскую правовую мысль. Консерватизм, вопреки распространенным редукционистским трактовкам, представляет собой не просто политическую позицию или ностальгию по прошлому, но самостоятельный тип правопонимания, альтернативный либерально-индивидуалистической и рационалистической парадигмам.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Государственная идеология представляет собой подкрепленную властным авторитетом концепцию, определяющую иерархию целей и идеалов государственно-правового развития и выступающую элементом государственного суверенитета. Правовая идеология, в свою очередь, есть единство взглядов на правовой идеал и обоснование иерархии ценностей, защищаемых правом конкретного государства. В консервативной теории данные феномены находятся в отношении взаимовлияния и функциональной

связи (синтетическая модель), где государственная идеология задает ценностный каркас, а правовая идеология обеспечивает формально-юридические механизмы его реализации и легитимации. Право служит формой для закрепления и стабилизации ценностного содержания, задаваемого государством. Правовая идеология западноевропейского консерватизма представляет собой не просто совокупность политических взглядов, а самостоятельный тип правопонимания, системообразующим элементом которого является специфическая иерархия традиционных ценностей, противостоящая индивидуалистическому, утилитарному и волюнтаристскому пониманию права.

2. Консерватизм в его подлинном (содержательном) измерении представляет собой тип социального мышления, основывающийся на традиционных ценностях и задачах по их сбережению, сформировавшийся как реакция на Великую французскую революцию и отрицание ее антирелигиозных и антитрадиционалистских оснований. Данный подход противостоит ситуационному (англо-американскому) пониманию консерватизма как сохранения любого существующего порядка, что ведет к релятивизму и утрате содержательной определенности консервативной идеологии. В современный период консервативные партии и мыслители на Западе становятся носителями идеи защиты традиционных прав человека, в том числе и прав на свободу идеологического выбора. Классические представления о правах и свободах выглядят консервативными на фоне новых либеральных идей, особенно связанных с проблематикой ЛГБТ[1], трансгендеров, феминизма и др. Право на собственность, семью, воспитание детей, свободу убеждений сегодня преимущественно защищают консерваторы в своих доктринах, а не либералы.

3. Консервативная правовая идеология характеризуется следующими взаимосвязанными признаками: антиноминализм и правовой идеализм,

[1] Международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в РФ.

иррационализм и критика абсолютизации рационального познания права, отрицающего интуитивное право, антииндивидуализм и антиколлективизм в понимании солидарности сообществ, коммунитаризм, защита национальной правовой культуры, религиозность, антисекуляризм и органицизм. Данные признаки образуют целостную систему, отличающую консерватизм от иных идеологических программ модерна. Консерватизм представляет собой идеологическую инерцию средневекового религиозного мировоззрения или идеологию традиционного общества. Консервативная правовая идеология развивалась через последовательную критику ключевых парадигм модерна (рационализма Просвещения, либерального индивидуализма, позитивистского релятивизма), предлагая в качестве альтернативы правовые модели, основанные на исторической преемственности, органической солидарности и нравственной ответственности.

4. Все разнообразие направлений внутри правовой идеологии западного консерватизма следует охарактеризовать такими признаками: *во-первых*, право не сводится к «воле суверена», так как у права есть своя сущность, определяемая естественным законом, традицией, религией или культурной спецификой, а позитивное право легитимно лишь постольку, поскольку соответствует этому допозитивному основанию; право предшествует политике и государству исторически и оно укоренено в дополитическом порядке, под которым следует понимать либо порядок базовых благ, познаваемых разумом, либо спонтанный порядок общества, складывающийся в результате эволюции, либо культурную уникальность или социально-эмоциональную привязанность к «своему» отечеству; отрицание или скепсис по отношению к правовому конструктивизму: право нельзя рационально выдумывать, сочинять на основании абстрактных принципов, так как оно либо открывается разумом, либо вырастает из практики, либо переживается как нечто свое, либо исторически и культурно «вырабатывается»; право неразрывно связано с нравственностью; приоритет общего блага над индивидуальными правами. В целом, консервативное правопонимание

представляет собой альтернативу как юридическому позитивизму, так и либеральному нормативизму, предлагая понимание права как живого, органического явления, укорененного в истории, культуре и нравственных убеждениях народа.

5. В отличие от классического консерватизма (Э. Бёрк, Ж. де Местр), критиковавшего рационалистически-индивидуалистическую трактовку естественного права эпохи Просвещения, современный правовой консерватизм положительно относится к идеям естественного права, понимая традиционные ценности как рационально постигаемые принципы, способствующие достижению фундаментальных человеческих благ. Консервативное правопонимание базируется на признании неразрывного единства права и нравственности, вере в естественное право как вечный закон справедливости, имеющий божественное происхождение, и уважении к правам человека без их абсолютизации и секулярной автономизации. Центральными теоретико-правовыми конструкциями, выработанными в рамках данной идеологии для защиты традиционных ценностей, являются: а) концепция права как исторически сложившегося и нравственно укорененного порядка; б) модель «традиционного государства» как гаранта ценностного суверенитета и социальной иерархии; в) учение об общественном праве (Gemeinrecht) как синтезе правовых и моральных норм, обеспечивающем целостность социума.

6. В консервативной правовой идеологии обосновывается необходимость гармоничного сочетания прав личности с правами народа, государства, общества, церкви и иных общих союзов. Абсолютизация индивидуальных прав и их противопоставление общему благу ведет к дезинтеграции общества и утрате морально-нравственных оснований правопорядка. Правовой консерватизм утверждает примат общего блага и социальной солидарности над атомизированным индивидуализмом. Недопустимо жестко разделять общее и частное в трактовке прав человека, тем более, недопустимо частное ставить выше общего. Они должны

находиться в гармонии. Именно на этом поиске гармоничного сочетания всемирного и национального, правового и морального, общего и частного выстроен консервативно-правовой дискурс в современный период критики постмодернистского общества.

7. В условиях современного общества метамодерна интеллектуальный потенциал западноевропейского консерватизма сохраняет свою эвристическую значимость для критики таких явлений, как девальвация права в инструмент социальной инженерии, эрозия публичного суверенитета и кризис легитимности, вызванный отрицанием объективных ценностных оснований правопорядка. Современный западный правовой консерватизм представлен следующими основными парадигмами: а) неотомистская теория естественного права; б) «конституционализм общего блага», предполагающий соответствие конституционного правопорядка естественному порядку и божественному закону; в) англосаксонская традиция привязанности, лояльности и социальной сплоченности; г) консервативный оригинализм, фиксирующий неизменное значение конституционного текста; д) антипросветительская критика прав человека в традиции «новых правых».

8. Основное внутреннее противоречие в современной консервативной правовой мысли на Западе пролегает между универсалистами (для которых сущность права едина – требования практического разума и общего блага) и партикуляристами (для которых право всегда конкретно, исторически обусловлено и связано с определенным народом и его образом жизни). Данная напряженность между универсальным естественным правом и исторически сложившейся традицией составляет ключевую проблему современной консервативной правовой идеологии.

9. К традиционным ценностям современного западного правового консерватизма относятся: семья, вера в Бога и религиозные права, национальное государство, суверенитет, солидарность и законность. Ценность права в консервативной теории заключается в его связи с обычаями и традициями народа, обеспечивающей стабильность и устойчивость развития

общественных отношений. Консервативное правопонимание характеризуется приоритетом общего блага над индивидуальными правами, признанием иерархической структуры общества, высоким авторитетом публичной власти и сильного государства, а также стабильностью как важнейшей ценностью. Право рассматривается как продукт длительного исторического развития, легитимность которого определяется социально-правовой преемственностью и ориентацией на сохранение правокультурной целостности.

10. Человеческое достоинство является фундаментальной традиционной ценностью, трансформировавшейся от ценности секулярного гуманизма к ценностно-содержательной доктрине неотомизма. В «новой теории естественного права» достоинство личности раскрывается через систему «базовых благ» (жизнь, знание, игра, эстетические переживания, социальное общение, практический разум, религия), имеющих дорефлексивный и дотеоретический характер. В коммунитарной традиции (Р. Скрутон, М. Сэндел) достоинство личности неразрывно связано с ойкофилией – чувством сопричастности и общности, унаследованным от предков.

11. Традиционные ценности выступают основанием для реализации принципа правового плюрализма, признающего сосуществование множественных ценностно-нормативных систем в рамках одного общества. Консервативная правовая идеология обосновывает необходимость гармонизации государственного права с обычно-правовыми регуляторами, религиозными и моральными нормами как в формально-юридическом (признание обычного права), так и в эмпирическом (столкновение индивида с различными правовыми системами) измерениях.

12. Анализ консервативных концепций позволяет выделить четыре основных направления обоснования интеграции традиционных ценностей в правовую жизнь общества: а) естественно-правовое (существование объективных моральных истин, познаваемых разумом); б) коммунитарное (роль сообщества и традиций в формировании правокультурной идентичности); в) интегративное (преодоление дихотомии позитивизма и

естественного права через интерпретацию закона в свете моральных ценностей); г) плюралистическое (признание множественности правовых порядков и культурных традиций).

13. Консервативная правовая идеология рассматривает технократизацию и цифровизацию права как закономерный итог материализма и рационализма Нового времени, ведущий к утрате метафизических оснований юриспруденции и дегуманизации правового регулирования. Цифровые и трансгуманистические утопии квалифицируются как синтез неолиберальной модели и социалистической мечты, угрожающий традиционным ценностям (свобода воли, национальный суверенитет, телесная и духовная целостность человека). Консерваторы призывают не к запрету технологий, а к их подчинению высшим, внетехническим целям – сохранению человеческого достоинства, укреплению локальных сообществ и защите политической свободы.

14. Либеральные ценностные установки (радикальная индивидуальная автономия, моральный релятивизм, секуляризм) квалифицируются в консервативной правовой идеологии как «антиценности» (anti-values), поскольку их системная реализация ведет к кризису правосознания, утрате легитимности права, аномии, эрозии традиционных институтов (семьи, нации, религии), разрушению социальных связей и подчинению общего блага частному интересу. Данная критика носит многоуровневый характер, объединяя философско-правовую аргументацию, правовую теорию и конституционную практику ряда европейских государств.

15. В консервативной правовой идеологии доминирует цивилизационный (социокультурный) подход, согласно которому государство формируется, развивается и функционирует в конкретной социально-культурной среде и представляет собой феномен цивилизации. Социальная сущность и назначение государства связываются с обеспечением социокультурной целостности, охраной базовой ценностно-нормативной системы и воспроизводством традиционных правовых институциональных

оснований. Государство понимается как «государство-цивилизация», существование которого возможно лишь при условии сохранения цивилизационной идентичности и безопасности. Сохраняется для консерватизма и ценность государства как империи как возможности построить цивлизацию.

16. Консервативные учения о государстве дифференцируются в зависимости от их отношения к времени и направленности государственно-правового развития: а) традиционалистские версии (ориентация на прошлое, восстановление исконного порядка из «золотого века»); б) классический консерватизм (ориентация на настоящее, сохранение существующего положения); в) динамический консерватизм (ориентация на будущее, развитие, опирающееся на традиции и опыт прошлого). Преобладающим является динамический консерватизм, признающий необходимость эволюционного развития при сохранении ценностно-нормативного ядра.

17. Современная западноевропейская консервативная правовая идеология реабилитирует солидаристские основания политико-правовой и социально-экономической организации общества, базирующиеся на понимании общества как органического социокультурного целого. Солидаризм в консервативной интерпретации предполагает: приоритет духовно-нравственных ценностей и традиций; органическую структуру общества; отказ от абстрактных принципов и радикальных идеологий; приоритет модели социального партнерства как публично-правового института; роль государства как гаранта социальной целостности и общественной солидарности.

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая важность работы обусловлена значимостью западного консерватизма как ключевой традиции для понимания правового развития Европы и США. Генезис и эволюция таких фундаментальных для западной политико-правовой культуры концептов, как «правовое государство», «субъективное право как нравственное самоограничение», «империя»,

«солидаризм», не могут быть адекватно поняты без обращения к их консервативной интерпретации. Данная работа восстанавливает историческую справедливость, демонстрируя вклад консервативной мысли не только в критику, но и в созидание государственно-правовых идей, что необходимо для формирования объемной картины западной философии права и государственности.

Прогностическая и практико-ориентированная актуальность заключается в возможности применения историко-теоретического наследия для анализа современных процессов. Концепции консервативных мыслителей предлагают мощный аналитический инструментарий для осмысления таких феноменов, как суверенитет в условиях глобализации, возрождение идеи империи, поиск новой социальной солидарности, противостояние праву как «инструменту социальной инженерии». Это делает исследование востребованным не только в академической среде, но и в сфере юридического образования, а также при разработке правовой политики, ориентированной на укрепление ценностных основ общественного согласия.

Таким образом, актуальность исследования западных консервативных учений о праве и государстве заключается в преодолении изоляционистского подхода и разработке теоретического инструментария, позволяющего перейти от утверждений о «самобытности» к точному анализу специфических черт российской государственности и правосознания. В условиях современного поиска национальной идентичности такое исследование помогает критически осмыслить истоки современных идеологем, деконструировать мифы об исключительности и аргументированно позиционировать российский интеллектуальный опыт в рамках мирового диалога о будущем политического порядка, праве и свободе. Проведение данного диссертационного исследования является актуальной и насущной задачей, решение которой внесет существенный вклад в развитие истории и теории права и государства, истории учений о праве и государстве, сравнительного правоведения.

Апробация результатов диссертационного исследования. Результаты исследования неоднократно докладывались автором на многочисленных научно-теоретических конференциях межждународного, всероссийского и регионального уровней, круглых столах и научно-теоретических семинарах общим количеством не менее 10, а также рассматривались на заседании кафедры теории и истории государства и права ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет».

Результаты диссертационного исследования были получены и апробированы при выполнении научных грантов РФФИ № 19-011-00820 А «Правовая политика российского государства, ее приоритеты и принципы в условиях цифровой экономики и цифрового технологического уклада: концептуальные, методологические, отраслевые аспекты цифровизации права и правового регулирования», а также РФФИ № 21-011-44228 «Право и правосознание в теологическом измерении: история и современность».

По теме диссертационного исследования автором подготовлена и опубликована 21 научная работа, 18 из которых – в рецензируемых изданиях из Перечня ВАК, которые отражают основные научные результаты диссертационного исследования. Общий объем публикаций – 6,2 п. л. Результаты исследования внедрены в учебный процесс ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»,

Структура диссертации обусловлена поставленной целью и задачами исследования, состоит из введения, четырех глав, включающих шестнадцать параграфов, заключения и списка использованных источников.

Глава 1. Концептуальные основания консервативных учений о праве и государстве и консервативной идеологии

§ 1.1. Идеологический контекст современного государственно-правового дискурса

Со времен Платона с его трактатом «Государство» среди представителей философии права государственная идеология считается ключевым вопросом при определении сущности государства, его институтов, признаков и норм, в том числе и правовых норм. Однако вопрос о легитимности права и правовой системы в человеческих сообществах возник задолго до появления государства, еще в первобытные времена. Обоснование обязательности обычаев и традиций, пока не подвергнувшихся разделению на нормы морали, религии и права, строилось на мифологических сюжетах и сакрализации их источников.

Современное правоведение столкнулось с проблемой отсутствия государственной идеологии, понимаемой, прежде всего, в качестве подкрепленной властным авторитетом концепции, определяющей иерархию целей и идеалов государственно-правового развития. Идеологической дискуссии посвящено огромное количество современных исследований[1].

[1] См.: Гошуляк В.В. Идеология консерватизма в обновленной Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 6. С. 35–44; Зуйков А.В. О некоторых вопросах идеологии в российском конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 5. С. 14–18; Денисов С.А. Конституционализм как правовая идеология и отступления от нее // Вестник Гуманитарного университета. 2021. № 1. С. 118–128; Джагарян А.А. Достойная жизнь в идеологии российского конституционного строя // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 3. С. 4–9; Максимов В.А. Государственная идеология в современной России – конституционно-правовой взгляд // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 11. С. 54–59; Каягин А.Б. Государственно-правовая идеология и правовое воспитание: взаимосвязь и взаимообусловленность // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 22. № 4. С. 99–104; Кокотов А.Н. Конституция России и идеология // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 12. С. 11–23; Лазарев В.В. Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации // Журнал российского права. 2021. № 4. С. 5–17; Астафичев П.А. Конституционный запрет на государственную или обязательную идеологию: к вопросу о доктринальном осмыслении и обосновании // Конституционное и муниципальное право.

При этом большинство авторов отмечает негативный для правовой политики характер последствий отсутствия в государстве идеологии или национальной идеи.

Нельзя сказать, что в современном российском государстве за последние годы не придумано никакой государственной идеологии. Однако характер последней, закрепленной в Конституции РФ 1993 года, по мнению ряда авторов, не обладает позитивным для развития общества и государства характером. В частности, исследования А.И. Овчинникова были направлены на выявление ценностных характеристик государственной либеральной идеологии, ставшей фундаментом и политических, а также правовых реформ после принятия Конституции 1993 года[1]. Автор утверждает, что действующая Конституция закрепила либеральные ценности, «неведомые» русскому культурно-цивилизационному самобытному укладу, в силу чего их достижение не влечет за собой положительного развития государства. В его статьях часто либеральный проект («общество потребления») противопоставляется социальному («государство всеобщего благоденствия»), но оба признаются недостаточными, так как они якобы материалистичны. Стоит отметить, что не во всем с ученым следует согласиться, так как современные западные страны, например, такие как Швеция, Дания, Норвегия и другие, демонстрируют высокий уровень социального благоденствия наряду с либеральными ценностями и национально-консервативными идеалами[2].

2022. № 8. С. 12–18; Масленникова С.В. Идеология конституционных поправок 2020 г. в сфере социального и экономического развития // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 14. № 5. С. 24–47; Сергеев А.А. Нужна ли России государственная идеология? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 9–12; и др.

[1] Овчинников А.И. Идеология российской государственности в контексте модернизации: базовые ценности и приоритеты // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 1. С. 20–25.

[2] См.: Мошин В.А. Эволюция датского конституционализма: от абсолютизма к современному социальному государству // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 7. С. 54–57; Доренко К.С. Конституционализация принципа социального государства в зарубежных странах // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 3. С. 44–47; Моссберг Е.Ю. Правовое регулирование института паллиативной помощи и право человека на достойную жизнь: зарубежный опыт // Юрист. 2025. № 4. С. 38–42; и др.

При этом цифровизация будет только способствовать процессу укрепления социальных функций благодаря адресности социальной помощи[1].

Однако нельзя не отметить правоту А.И. Овчинникова в вопросе о необходимости соответствия государственной идеологии национальному менталитету, а также вообще необходимости идеологии[2]. В самом деле, государство, как и человек, не может существовать без высшей идеи, смысла и вечных духовно-нравственных ценностей[3]. Кроме того, без идеологии невозможно распределить функции между институтами государства в процессах обеспечения национальной безопасности[4]. Без идеологии, как справедливо утверждает Ю.Н. Калюжный, правовые институты государства прекращают свое воздействие на общественные отношения и обеспечение стратегических задач развития государства и национальной безопасности становится невозможным, что доказывает значимость и обязательность существования в современной системе права России идеологии[5].

Ведь государство представляет собой союз людей, сообщество, которое должно объединять на основе общих ценностей. Следовательно, России необходима идеология, пригодная для консолидации общества и обеспечения суверенитета. А.И. Овчинников справедливо полагает, что исторической основой российской государственности объявляются традиционные православные ценности: соборность, служение, жертвенность, любовь к Родине, добро, милосердие, и видит миссию России в отстаивании духовных ценностей

[1] См.: Аристов Е.В., Понкин И.В. Будущее социальности государства и социального государства в контексте цифровизации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. № 2. С. 175–191.

[2] См.: Овчинников А.И. Понятие государственной идеологии и ее функции в современном государстве // Философия права. 2012. № 2 (51). С. 15–20.

[3] См.: Овчинников А.И. Идеология российской государственности в контексте модернизации: базовые ценности и приоритеты // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 1. С. 20–25.

[4] Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Кравченко А.Г. Основы национальной безопасности: учебное пособие. М.: РИОР, ИНФРА-М, 2016. 235 с.

[5] См. об этом: Калюжный Ю.Н. Государственное управление в области обеспечения безопасности дорожного движения с использованием концепции «мягкой силы» // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 1. С. 24–29.

в противовес западной «цивилизации потребления». Он предлагает конституционно закрепить: традиционную семью (с запретом однополых браков); культурную и историческую роль русского народа при сохранении ценностей других народов России; приоритет общих интересов над индивидуальными (служение общему благу, обязанности собственника); четкую государственную позицию по вопросам духовно-нравственных ценностей. Впрочем, это и так уже сделано в конституционной реформе 2020 года. При этом ядром государственной идеологии автор предлагает признать общественный идеал конкретного социума, оформленного государственностью.

Думается, здесь следует не во всем согласиться с автором. Общественный идеал является понятием, доступным только высокообразованным гуманитариям – представителям общественных наук. Трудно себе представить какого-либо рабочего или служащего, блогера или артиста, размышляющими над общественным идеалом России. Скорее, национальная культура – вот что должно стать ядром государственной идеологии в любом государстве. Как справедливо отмечает В.А. Максимов, «ядром такой идеологии является…, в первую очередь системное осмысление национальной правовой и политической самобытности, духовных идеалов той или иной нации»[1].

Идеология необходима любому государству, цель которого – обеспечить полный суверенитет. Действительно, будущее России и ее статус сверхдержавы возможны только на основе «имперской идеи» – построения государства с абсолютным суверенитетом, что представлено как закономерная и позитивная цель развития. Имперская идея, по нашему мнению, вовсе не означает культ насилия и деспотизма, колонизации и поглощения иных наций. По нашему мнению, имперская идея сегодня является единственным ответом на новый империализм, под которым следует понимать формирующееся глобальное надгосударственное управление со стороны союза капитала, транснациональных корпораций и цифровых гигантов.

[1] Максимов В.А. Государственная идеология в современной России – конституционно-правовой взгляд // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 11. С. 54.

В своей знаменитой работе американский и итальянский философы Майкл Хардт и Антонио Негри описывают примерно такую империю, приходящую на смену прежним империям[1]. И нельзя не признать их правоты, хотя не все исследователи согласны с таким подходом[2]. Дело в том, что современная российская государственность столкнулась именно с таким вызовом: элиты государств, разделяющих идею однополярного мира, практически объединились против государств, продвигающих идею многополярного мира. Среди этих государств – Россия, Китай, Индия. И чтобы противостоять этим вызовам, каждое из этих государств должно стать по-настоящему автаркичной империей. Но может ли существовать империя в современном мире, не имея собственной идеологии? Не может, так как одной силы, одного экономического могущества или численного, демографического господства недостаточно для того, чтобы различные народы вошли в состав империи, как это было во времена Римской империи или Российской империи. В условиях постиндустриального мира для этого необходимы привлекательная государственная идеология или программа развития государства в стратегическом контексте.

Думается, идеологию можно признать элементом государственного суверенитета. Аналогичную позицию занимает и политолог А.Г. Дугин, который оценивает идеологию в контексте признаков суверенного государства. Идеология является важнейшим элементом последнего и, по его мнению, в условиях современной геополитической конкуренции Россия не может обойтись без «национальной идеи», которая должна быть не просто набором ценностей, а стратегическим проектом, мобилизующим волю нации[3].

Следует обратить внимание на критику статьи 13 Конституции РФ со стороны многих консервативно настроенных правоведов. Они полагают, что

---

[1] Хардт М., Негри А.Х. Империя / пер. с англ., под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. М.: Праксис, 2004. 440 с.

[2] Динч Д. На берегу «Империи». Критический анализ концепции Хардта и Негри // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 92–108. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.07.

[3] См. об этом: Дугин А.Г. Теория многополярного мира. М.: Евразийское движение, 2013. 532 с.; Его же. Русский логос – русский хаос. М.: Академический проект, 2015. 582 с.

необходимо оставить запрет на обязательную государственную идеологию. Россия слишком много претерпела за годы советского государства тоталитарного давления на общество, и статья 13 является гарантом от повторения этого негативного сценария. Например, конституционалист С.А. Авакьян прямо отмечает, что отказ от государственной идеологии был сознательным выбором, направленным на предотвращение возврата к тоталитаризму. Он указывает, что «идеологический плюрализм – это не отсутствие идей, а возможность свободного выбора и конкуренции между ними»[1]. И с ним нельзя не согласиться: идеологию вовсе не обязательно конструировать принудительной. Близкую позицию разделяет В.Д. Зорькин, который, рассуждая о конституционных ценностях, отмечает, что «российская Конституция... не является идеологически нейтральной. Она исходит из определенных базовых ценностей... но это ценности права, а не политической идеологии»[2]. Таким образом, правовые ценности (справедливость, права человека) не должны подменяться единой обязательной доктриной. Кстати, в последние годы В.Д. Зорькин защищает идеалы солидаризма – доктрины, которая была крайне популярна у немецких консерваторов начала XX столетия[3].

Правильной представляется промежуточная точка зрения, согласно которой государственную идеологию следует рассматривать как важнейший механизм и средство обеспечения единства народа, общества, государства, необходимый для достижения таких целей развития, которые обусловлены национальным характером, историей, культурно-цивилизационной самобытностью. Именно такие особенности, по нашему мнению, отличают консервативную государственную идею.

---

[1] См. об этом: Авакьян С.А. Ни одна страна не может жить без идеологии // Российская Федерация сегодня. 2009. № 6. С. 2–3, 22–23.

[2] Цит по: Корня А., Винокуров А. Идеологические единогласия // Коммерсантъ. 2023. 12 мая. № 82. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5979267 (дата обращения: 23.05.2024).

[3] Зорькин В.Д. Лекции о праве и государстве. СПб.: Конституционный Суд Российской Федерации, 2024. С. 13. URL: https://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=104 (дата обращения: 15.02.2025).

Идеология оценивается положительно с точки зрения ее превосходства над прагматизмом и технократизмом с управленческой точки зрения. Дело в том, что государство, «вооруженное» идеологией, проще адаптируется в условиях меняющейся социально-политической реальности, в то время как технократия и прагматизм, являясь жесткой схемой оценки принятых решений с позиции «выгоды» для бюджета или пользы для управления, порой приводят к серьезным просчетам. Примером можно признать известный закон «о монетизации льгот» или закон «о пенсионном возрасте». Эти два нормативных акта нанесли чудовищный удар по репутации государства в общественном мнении. Второй особенно болезненно сказался на имидже Президента РФ В.В. Путина, который обещал не поднимать пенсионный возраст. В этой части нельзя не согласиться с мнением доцента Парижского университета Нестора Капдевиллы: «В негативном смысле идеология противостоит прагматизму, потому что его жесткость мешает ему эффективно адаптироваться к меняющейся реальности»[1].

Нам очень близок подход французского философа герменевтического направления Поля Рикера, изложенный в работе «Лекции по идеологии и утопии» под редакцией Джорджа Х. Тейлора (Нью-Йорк: Издательство Колумбийского университета, 1986)[2]. У него понятие идеологии редуцируется к идее символического универсума, который является общим для определенного народного единства, интегрированного в государство. Следует сказать, что отечественный правовед М. Рейснер отмечал задолго до Рикера, что идеология – совокупность идей, принципов, норм и идеалов, подлежащих воплощению в общественной деятельности человека[3].

Символический универсум – понятие, точно отражающее когнитивную природу идеологии и ее мировоззренческую роль. В связи с тем, что каждый

[1] Capdevila N. “Ideology”: Everyday and scholarly usages of the term // Actuel Marx. 2008/1. No. 43. P. 50–61. DOI 10.3917/amx.043.0050. URL: https://shs.cairn.info/journal-actuel-marx-2008-1-page-50?lang=en (дата обращения: 16.06.2026).

[2] Ricoeur P. Lectures on Ideology and Utopia, edited by G.H. Taylor. New York: Columbia University Press, 1986. 300 p.

[3] Рейснер М.А. Государство. Введение. Культурно-исторические основы: Пособие к лекциям по общему учению о государстве. М., 1911. Ч. 1. С. 10.

символ является «окном» в незримый мир смыслов и значений, конструируемых в акте интерпретации символа, идеология позволяет достигать общих схем толкования этих смыслов и соединять интерпретаторов в единое общество. Так, например, символом православной идеологии Российской империи стала формула «православие, самодержавие, народность» и герб с двуглавым орлом, позволяющие выразить целый «океан» исторических, аксиологических, метафизических интерпретаций бытия огромного народа. Идеология Советского Союза выражалась символично «серпом и молотом», а ее формулой был тезис о кровавой борьбе за свободу угнетенных классов, выраженный в государственном символе – флаг СССР представлял собой красное полотнище с изображением серпа и молота и пятиконечной звезды.

В книге «Новый дух капитализма» («The New Spirit of Capitalism») Лука Болтански и Ева Кьяпелло анализируют тенденции развития капитализма и его идеологических оснований, показывая, как капитализм после 1968 года трансформировался и нашел «новый дух» для своего существования. Интересное определение идеологии дает Болтански: идеология – это «официальный набор представлений; набор идей и ценностей, которые распространены в обществе», современная идеология – это «набор общих представлений, которые являются характерными современной цивилизации»[1]. Фундаментом своих методологических построений они признают идеи Макса Вебера с его знаменитым сочинением о духе капитализма, религиозных корнях последнего. Ученые справедливо полагают, что современный капитализм, так же, как и ранний, нуждается в идеологическом обосновании. Иными словами, этой модели общественного развития необходим «дух» или идеология, оправдывающая вовлеченность в него людей, придающая смысл накоплению богатства и связывающая его с общим благом, общественными интересами.

[1] Boltanski L., Chiapello E. The New Spirit of Capitalism, trans. G. Elliott. London and New York: Verso, 2005. P. 8.

Если даже для экономической модели требуется идеологическое обоснование, то что можно сказать о правовой системе государства. Право является атрибутом любого государства, претендующего на цивилизационный статус. Поэтому идеология незримо присутствует в любой правовой системе: законы всегда защищают определенные идеалы и ценности. В этой связи возникает вопрос: что представляет собой правовая идеология? Это учение о правовом идеале, либо это совокупность идеалов, защищаемых правом конкретного государства, определенной страны?

Думается, ответить на этот вопрос следует исходя из разграничения государственной и правовой идеологии. Полагаем, что отношение между ними можно рассматривать как отношение между общим и частным. Попробуем обосновать данный вывод.

Отправной точкой в данной дискуссии является следующая проблема: право обладает качествами самостоятельного социального феномена или является инструментом государственного управления, его следствием и продолжением? Иными словами, можно ли признать право абсолютно автономной, самоценной системой ценностей справедливости, равенства и свободы (широкое понимание права) или, напротив, право представляет собой совокупность норм, созданных законодателем для управления обществом (юридический позитивизм)? Предлагаем признать существование трех методологических подходов к решению этой проблемы.

Автономная теория правовой идеологии. В первом случае вариантов несколько: это и религиозная теория естественного права (право как система норм, защищающих заповеди Божии), и либеральная рационалистическая теория права (право как система норм, защищающая порядок, основанный на договоре и свободе, автономии и личных интересах членов социума), и социологические, психологические теории, согласно которым право существует и вне государства.

Позиция жесткого разграничения и автономии права (либерально-правовая школа) восходит и к представлениям школы естественного права

Древнего Рима, и к католической теории права Фомы Аквинского, и к традициям нормативизма (Г. Кельзен) и либеральной теории, строго разделяющей право и мораль, право и политику.

С такой позиции государственная идеология и правовая идеология – принципиально разные явления, так как первая представляет собой совокупность ценностей, целей и доктрин, продвигаемых государственным аппаратом. Соответственно, она имеет все характеристики политической борьбы и пропаганды. В отличие от коньюнктурной государственной идеологии, правовая идеология представляется как имманентная природе права система идей, выражающих его функциональный характер. Например, идея верховенства права (rule of law), прав и свобод человека, разделения властей, формального равенства и юридической процедуры, правового государства. В этой философии не государство создает право, а наоборот.

Ее ярким представителем следует признать Юргена Хабермаса (Jürgen Habermas). Ученый проводит четкую границу между «системой» (административный и государственный аппарат) и «жизненным миром». Само право в его теории выступает как «медиум» и как «институт», имеющий функции связывания государства и общества. Это как бы некий мост между ними. Как «институт» оно укоренено в жизненном мире и коммуникативной рациональности, а ее легитимность коренится в демократических процедурах и дискурсе, а не в навязанной государственной идеологии. Следовательно, идеология права – это идеология демократического правотворчества и прав человека[1].

У этой теории есть и российские симпатизанты. Например, российский автор Владик Сумбатович Нерсесянц, являвшийся одним из самых ярких сторонников автономии и защиты самостоятельности от государства права через концепцию либертарно-юридической теории. Его подход стал

[1] Хабермас Ю. Фактичность и значимость / пер. с нем. М.: Весь Мир, 2021. 720 с. (Habermas J. Faktizität und Geltung: Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Suhrkamp, 1992.)

популярным благодаря жесткому разделению права и закона. Следуя этому разделению, можно выделить периоды в истории, когда государственная идеология навязывает неправовой закон. Примером можно признать СССР, в котором государство через право принуждало к идеологическому однообразию и подавляло естественные права человека. По его мнению, существует истинная правовая идеология – это идеология цивилизма, где право первично по отношению к государству и является мерой его легитимности[1].

Функциональное понимание правовой идеологии. Во втором случае право является обслуживающим государство инструментом. Данная концепция представлена критическими правовыми исследованиями (правовой реализм), марксистской и неомарксистской теорией, некоторыми постмодернистскими учениями.

В таких подходах право признается всегда защищающим некоторые идеалы, навязанные властным субъектом. Оно не может быть по природе нейтральным или автономным, безыдейным. По природе право всегда идеологично, причем государственно-идеологично. В таком случае правовая идеология признается всегда зависящим от государства продолжением его правовой политики, приобретая черты утонченной и замаскированной формы государственной или господствующей классовой идеологии. В таком случае право становится сервильным механизмом обслуживания власти и выдачи частных интересов за общественные, оправдывая существующий социальный порядок и маскируя отношения власти и господства.

Одним из ярких представителей такого подхода за рубежом является Славой Жижек (Slavoj Žižek), который исходя из синтеза достижений психоанализа и марксизма, рассматривает идеологию не как набор идей, а как объективную структуру, встроенную в социальные практики, включая право. Правовая система – это «идеологический аппарат государства»

[1] Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М.: Норма, 2018. 848 с.

(по Альтюссеру), который воспроизводит символический порядок или символический универсум, выгодный господствующему классу. В таком случае либерально-индивидуалистическая правовая идеология является по сути идеологическим оправданием неолиберального капитализма и империалистической политики с помощью идеи права[1].

В России близкие позиции высказывают неомарксисты, отталкиваясь от работ Евгения Борисовича Пашуканиса, который, еще в первые годы советской власти исследовал право с позиций марксизма. Его сторонник А.Н. Медушевский в некоторых работах подчеркивает, что право есть форма опосредования классовых интересов. Современная российская правовая система анализируется как инструмент формирования идеологии «вертикали власти», «суверенной демократии» или «консервативного поворота», где право используется для легитимации конкретного политического курса, а не для защиты абстрактных прав человека[2]. Еще одним ярким представителем данного подхода, но существенно измененного, является А.И. Клименко[3].

В трудах А.И. Клименко детально разрабатывается понятие «правовая идеология». По его мнению, не следует понимать под ней «систему идей, представленной рациональным уровнем правосознания (в контексте противопоставления правовой идеологии и правовой психологии)»[4]. Этот подход не совершенен, так как приводит к пониманию идеологии как «ложного», спекулятивного сознания. Не представляется правильным ученому и наиболее широкое понимание идеологии как иерархической системы ценностей (приводит к пониманию идеологии как системы идей, т.е.

---

[1] Жижек С. Возвышенный объект идеологии / пер. с англ. М.: Европа, 2021. 320 с. (Žižek S. The Sublime Object of Ideology. Verso, 1989.)

[2] См.: Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм // Избранные произведения по общей теории права и государства. М.: Наука, 1980. С. 71–255; Медушевский А.Н. Сравнительное конституционное право и политические институты: Курс лекций. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010. 592 с.

[3] Клименко А.И. Марксистские основания современной философии права // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 6. С. 74.

[4] Клименко А.И. Проблема понимания правовой идеологии // Юридическая психология. 2011. № 4. С. 2–7.

к содержательной интерпретации идеологии)[1]. Его подход отличается попыткой синтеза автономистского взгляда, изложенного выше и функционального, описанного марксистами. Вот как Клименко определяет правовую идеологию: «Полагаем, следует понимать правовую идеологию как особого рода социально-политический механизм, основной функцией которого является обеспечение единства государственно-организованного общества, а также порядка отношений и дифференциации статусов и власти внутри этого общества, т.е. его структуры»[2].

Синтетическая теория правовой идеологии. Назовем этот подход синтетическим. Вот его методологические предпосылки: он основан на институционализме и коммуникативной концепции общества; предполагает различия между феноменами, но акцентирует их взаимовлияние и функциональную связь в рамках государства; считает государственную и правовую идеологию разными, но взаимосвязанными подсистемами. С одной стороны, государственная идеология задает «ценностный каркас» и «стратегические цели» развития общества, с другой стороны, правовая идеология обеспечивает формально-юридические механизмы и процедуры для их реализации и легитимации. Они находятся в состоянии постоянного диалога и взаимной корректировки, но при этом государство выстраивается с помощью права. Правда, А.И. Клименко доходит до отождествления их: «Когда мы говорим о правовой идеологии, мы имеем в виду идеологию государства… Механизм правовой идеологии представлен тремя звеньями: способами обоснования государства, приемами этого обоснования и социальными институтами, целью которых является выработка содержания и трансляция идеологии государства – правовой идеологии»[3]. С этим нельзя согласиться.

---

[1] Там же. С. 2.

[2] Там же. С. 2–7.

[3] Клименко А.И. Проблема понимания правовой идеологии // Юридическая психология. 2011. № 4. С. 7.

Здесь ближе к истине видится концепция Никласа Лумана, который рассматривает общество как аутопойетическую систему, состоящую из функционально дифференцированных подсистем (право, политика, экономика и др.). Право и политика (включая государство) – это закрытые, операционально замкнутые системы, но они «структурно сопряжены». Государственная система через политические решения (законы) создает «возмущения» для правовой системы, которая перерабатывает их по своим внутренним кодам (правовое/неправовое). Таким образом, правовая идеология (автономия права) и государственная идеология (цели политики) коэволюционируют, влияя друг на друга, но не сливаясь[1].

Близкую позицию озвучивает и В.Д. Зорькин, который, являясь Председателем Конституционного Суда РФ, находясь на стыке политики и права, придерживается идеи синтеза. В своих статьях он базируется на идее верховенства права и Конституции как высшей правовой идеологии. С другой стороны, в своих работах он подчеркивает, что российское право должно отражать и защищать «суверенную государственность», «исторические традиции» и «нравственные основы» российского общества, что является элементами государственной идеологии. Право, таким образом, служит формой для легитимации и стабилизации ценностного содержания, задаваемого государством[2].

Если обратить внимание на практическую политику В.В. Путина, то увидим здесь мощную идеологизацию государственной власти. Такие идеи как «суверенная демократия», «русский мир», «традиционные ценности», «сильное социальное государство» являются каркасом государственной

[1] Луман Н. Право общества / пер. с нем. М.: Говорящее дерево, 2021. 880 с. (Luhmann N. Das Recht der Gesellschaft. Suhrkamp, 1993.)

[2] Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Выступление В.Д. Зорькина на ПМЮФ. 2018 год. URL: https://alrf.ru/news/pravo-v-tsifrovom-mire-vystuplenie-valeriya-zorkina-na-pmyuf/?ysclid=mr0q5ay3qu276073667; Его же. Цивилизация права и развитие России: избр. труды 2-е изд., доп. М:Норма, 2016. 416 с.

идеологии. Право (в частности, конституционное законодательство) постепенно становится ее проводником и правовым закреплением[1].

Выводы. Исходя из вышеизложенного, можно заключить следующее. Если под государственной идеологией следует понимать подкрепленную властным авторитетом концепцию, определяющую иерархию целей и идеалов государственно-правового развития, то под правовой идеологией следует понимать единство взглядов правоведов на учение о правовом идеале и на обоснование иерархии ценностей, защищаемых правом конкретного государства.

Государственную идеологию при этом можно признать элементом государственного суверенитета, ее наличие необходимо любому государству, цель которого – обеспечить полный суверенитет. В консервативной теории права и государства идеологию принято рассматривать как важнейший механизм и средство обеспечения единства народа, общества, государства, необходимые для достижения таких целей развития, которые обусловлены национальным характером, историей, культурно-цивилизационной самобытностью.

Правовая идеология незримо присутствует в любой правовой системе: законы всегда защищают определенные идеалы и ценности. Символический универсум – понятие, точно отражающее когнитивную природу идеологии и ее мировоззренческую роль. В связи с тем, что каждый символ является

[1] См. об этом: Махина С.Н. Правовое оформление традиционных ценностей: значение, проблемы и перспективы // Российская юстиция. 2025. № 2. С. 58–65; Чирков Ф.В. Конституционализация уголовной политики защиты традиционных ценностей: к постановке проблемы // Российский следователь. 2024. № 6. С. 42–45; Конева Н.С. Конституционализация традиционных ценностей: диалог общества и государства // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 12. С. 17–19; Садовникова Г.Д. 30 лет Конституции Российской Федерации: традиционные ценности и новые приоритеты // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 10. С. 45–53; Овчинников А.И., Багдасаров В.Ю., Чухутова Н.А. Правотворческая и правоприменительная политика в сфере традиционных духовно-нравственных ценностей // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2024. Т. 11. № 2. С. 16–28; Овчинников А.И. Национальная безопасность и традиционные духовно-нравственные ценности: вопросы законодательного обеспечения // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 1. С. 35–42.

«окном» в незримый мир смыслов и значений, конструируемых в акте интерпретации символа, правовая идеология позволяет достигать общих схем толкования этих смыслов и соединять толкователей законов в единое общество.

Можно выделить автономную, функциональную и синтетическую концепции правовой идеологии, отталкиваясь от широкого или позитивистского понимания права. Автономная концепция правовой идеологии возникает в рамках религиозной теории естественного права «(право как система норм, защищающих заповеди Божии), либеральной рационалистической теории права (право как система норм, защищающая порядок, основанный на договоре и свободе, автономии и личных интересах членов социума), социологической, психологической, антропологической теориях права»[1], согласно которым право существует и вне государства. С такой позиции государственная идеология и правовая идеология – принципиально разные явления, так как первая представляет собой совокупность ценностей, целей и доктрин, «продвигаемых» государственным аппаратом.

Функциональные модели познания представлены критическими правовыми исследованиями (правовой реализм), марксистской и неомарксистской теорией, некоторыми постмодернистскими учениями. В таком случае правовая идеология признается всегда зависящим от государства продолжением его правовой политики, приобретая черты утонченной и замаскированной формы государственной или господствующей классовой идеологии.

Синтетическая теория правовой идеологии основана на институционализме и коммуникативной концепции общества; предполагает различия между феноменами, но акцентирует их взаимовлияние и функциональную связь в рамках государства; считает государственную и правовую идеологию разными, но взаимосвязанными подсистемами. С одной

[1] Теория государства и права: учебное пособие / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. 3-е изд. М., 2006. С. 317.

стороны, государственная идеология задает «ценностный каркас» и «стратегические цели» развития общества, с другой стороны, правовая идеология обеспечивает формально-юридические механизмы и процедуры для их реализации и легитимации. Среди юридической элиты страны именно данная теория является популярной: большинством чиновников признается, что российское право должно отражать и защищать «суверенную государственность», «исторические традиции» и «нравственные основы» российского общества, что является элементами государственной идеологии. Право, таким образом, служит формой для легитимации и стабилизации ценностного содержания, задаваемого государством.

Итак, следует сделать вывод о том, что автономистский подход, жестко разделяющий понятия государственной и правовой идеологии, не имеет оснований в современном обществе, которое существует в формате государственных структур. Второй подход, который можно признать «функциональным», не может претендовать на истину, так как исторически и теоретически право и государство представляют собой разнопорядковые явления. Правильным методологическим основанием исследования консервативной правовой идеологии следует считать, на наш взгляд, синтетический подход, в рамках которого *ни правовая идеология*, *ни государственная не совпадают по своей сути*, *но обладают взаимопересекающимися сферами влияния на общество*. Правовая идеология не может не выполнять функцию легитимации государственного режима. В свою очередь, государство не может полностью поглотить правовую идеологию и обладать ею, так как определенные идеи права остаются неизменными. Это такие идеи как равенство, справедливость, личная свобода. Однако конфигурация связей между ними, соотношение целей и средств их достижения, механизмы их реализации, абсолютность и относительность этих идей зависит от типа идеологии: по-разному выстраиваются их матрицы и модели в теократической, либеральной, консервативной, социалистической (солидаристской) и иных идеологических конструкциях.

§ 1.2. Понятие, историческое происхождение и признаки консервативной идеологии

Эпоха Модерна характеризуется тем, что, как уже показано в предыдущем параграфе, идеологические аспекты права и государства стали одними из самых актуальных и дискуссионных в отечественной и зарубежной юриспруденции. В Средние века идеологических дискуссий не было – легитимность государства и права строилась на основе теократических идеалов. Можно смело утверждать, что теократическая государственная идеология и теократическое правопонимание были единственно возможными.

На современном этапе развития философии и теории права идеологическим вопросам посвящены проблемные статьи и монографии как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе. Различие заключается в том, что в зарубежной философии и теории права понятие «идеология» используется очень редко, в основном в негативном ключе, так как это понятие ассоциируется с идеологиями коммунизма, фашизма, национализма и т.д. Иногда критике подвергаются классические идеологии с позиции неомарксизма[1]. Понятие «идеология» в некотором смысле признается устаревшим, так как не вписывается в терминологию постмодернистской социальной теории. Однако идеологические споры вновь стали определяющими и порождающими геополитические и международные конфликты, свидетельством чего является идейное противостояние Российской Федерации и США относительно Украины. Президентом России В.В. Путиным неоднократно обращалось внимание на идеологический конфликт с западным миром: «Мир впервые оказался в положении, когда человечество может прекратить свое существование даже без ядерных конфликтов в силу многих причин, в том числе в силу утраты духовно-

[1] См.: Бузгалин А.В. Человек в мире отчуждения: к критике либерализма и консерватизма. Реактуализация марксистского наследия // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 155–166.

нравственных ценностей». Президент РФ взывает к возврату «идеологии здорового консерватизма и традиционных ценностей»[1].

Свобода от любой идеологии является визитной карточкой современных представителей либеральной политико-правовой мысли, хотя сама либеральная идеология не является свободной от идеологических конструкций, стереотипов и догм. Более того, в защите либеральных идей и ценностей ее сторонники «свободно» используют разнообразные механизмы пропаганды и навязывания ценностей «свободного мира», вводя цензуру и контроль во всех сферах информационного пространства. Печатные и аудиовизуальные СМИ, социальные сети, информационные ресурсы-сайты, блогерские публикации подвергаются ограничениям и запрету в тех случаях, когда они не отражают либеральную повестку глобальных элит, решивших использовать либерализм для построения нового мирового порядка.

В этой ситуации консервативные партии и мыслители на Западе становятся носителями идеи защиты традиционных прав человека, в том числе и прав на свободу идеологического выбора. Классические представления о правах и свободах выглядят консервативными на фоне новых либеральных идей, особенно связанных с проблематикой ЛГБТ[2], трансгендеров, феминизма и др. Право на собственность, семью, воспитание детей, свободу убеждений сегодня больше защищают консерваторы, чем либералы. Их позиции разделяют и простые люди, что ярко продемонстрировали выборы в США в 2024 году. В этой ситуации вновь актуален вопрос о правовой идеологии консерваторов.

Термин «идеология» появился в государственно-правовом лексиконе благодаря творчеству французского ученого Антуана-Луи-Клода Дестюта де

[1] Путин В.В. Выступление на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 21 октября 2021 г. // Президент России: офиц. сайт. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975 (дата обращения: 28.08.2024).

[2] Международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в РФ.

Траси, который понимал под этим словом науку об идеях[1]. В этой работе автор попытался осуществить анализ интеллектуальных способностей человека в контексте системы идей в разных сферах общественной жизни, для создания правильной системы образования. В своем докладе в 1796 году француз разъяснил это слово перед Национальным институтом наук и искусств.

Изначально идеологии как целостные конструкты идейно-методологического типа возникли в эпоху модерна. Три классические идеологии, по мнению И. Валлерстайна, сформированы именно в этот период: консерватизм, либерализм и социализм[2]. Благоприятными условиями для их появления стали: крах старого порядка, основанного на религиозном мировоззрении, развитие рационалистической философии, потребности отдельных социальных групп в новой системе координат.

Общеизвестно и очевидно, что наиболее заинтересованными в консервативной идеологии были представители родовой аристократии, точно так же, как в либерализме представители буржуазии. Три классические идеологии стали в некотором смысле продуктом кризиса христианской цивилизации.

Вот как И. Валлерстайн определяет понятие идеологии: «Идеологии – это не просто способы взгляда на мир, они больше, чем предрассудки и исходные постулаты. Идеологии – это политические метастратегии…»[3]. Однако в таком случае может возникнуть впечатление, что Великая французская буржуазная революция была следствием программного либерализма. Но это не так, либерализм оформился идеологически в противостоянии с консерватизмом. Последний возник именно как реакция на Великую французскую революцию, ставшую результатом секуляризации, атомизации, номинализма и рационализма.

---

[1] Дестют де Траси А.-Л.К. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / пер. с фр. Д.А. Ланина. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2013. 333 с.

[2] Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. IV. Триумф центристского либерализма, 1798–1914 / пер. с англ. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 496 с.

[3] Там же. С. 3.

Прежде чем рассмотреть эти признаки подробно, обратимся к тем определениям консерватизма, которые встречаются в научной литературе. Сразу отметим, что до сих пор ведутся дискуссии относительно понимания сути консервативного мышления. «До сих пор нет ясности в вопросе о том, что такое консерватизм вообще, и многие из тех, кто выдает себя за поборников этой философии и позиции, даже гордятся тем, что до сих пор не удалось найти его общепризнанного определения. Здесь царит большая неразбериха, и, как всегда при таких ценностных конфузиях, описание соответствующего понятия уже является политической декларацией, моментом борьбы партий, фракций и клик за власть, которая становится максимальной лишь тогда, когда включает в себя власть над использованием слов и тем самым над мышлением»[1].

Консерватизм рассматривается чаще всего как тип социального мышления, основывающийся на традиционных ценностях и задачах по их сбережению[2]. Прежде всего, само слово происходит от латинского «conservo» – сохраняю. Нам этот подход представляется наиболее правильным, так как он выражает *содержательное измерение* консерватизма. Этот подход называют еще идейным[3]. В этой парадигме консерватизм представляется как одна из идеологических программ модерна, идейно-политических матриц Нового времени. Внутри нее возможны отдельные трактовки консерватизма как мировоззрения, стиля политико-правового мышления, интеллектуально-духовной традиции[4].

Ситуационное понимание консерватизма связано с англо-американской политико-правовой мыслью и представляет собой политическое мышление,

[1] Kaltenbrunner G.-K. Der schwierige Konservatismus // Rekonstruktion des Konservatismus. Freiburg im Br., 1972. S. 19ff.

[2] Минаков А. Историк Аркадий Минаков – об актуальности консерватизма // Аргументы Недели. 2022. 25 октября. URL: https://argumenti.ru/interview/2022/10/795729 (дата обращения: 11.03.2026).

[3] Попов Э.А. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2005. С. 14.

[4] Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с.

выступающее за сильный и свободный рынок, антипатерналистическое государство, развитое гражданское общество. Впервые такое понимание консерватизма было озвучено в статье Сэмюэла Ф. Хантингтона «Консерватизм как идеология»[1]. В этой статье ученый определил ситуационный консерватизм «в качестве идеологии, которая рождается в тех исторических ситуациях, когда возникает фундаментальная угроза устоявшимся институтам, а защитники последних привлекают консервативную идеологию в качестве инструмента защиты этих институтов»[2]. В нашем исследовании рассматривается консерватизм не в «ситуационной» парадигме, а «содержательной», «ценностной», в контексте идеологического противостояния с либерализмом, социализмом, коммунизмом, глобализмом и другими идеологиями.

Важно для нас отметить, что Хантингтон выделил ряд устойчивых признаков консервативного мышления, формирование которых было определено еще английским мыслителем и общественным деятелем Эдмундом Бёрком. Анализ его взглядов здесь не входит в предмет нашего исследования, но мы будем отталкиваться от них в методологическом смысле.

Возможен и синтез двух подходов. В работе Йорама Хазони предлагается идея, что правильным был бы выбор для стран западных демократий отказаться от неолиберализма и вернуться к культурным традициям и основам американо-английского мировоззрения, в котором здоровый надэтнический национализм и религиозность трудами Ричарда Хукера и Эдмунда Бёрка стали основой консервативного отрицания французского Просвещения[3]. Думается, что позицию Хазони можно охарактеризовать как либеральный консерватизм в силу того, что в его основе лежит признание ценностей капитализма и рыночной экономики для развития

[1] Huntington S.P. Conservatism as an Ideology // The American Political Science Review. Vol. 51 (June 1957). P. 454–473.

[2] Ibid. P. 460.

[3] Hazony Y. Conservatism: A Rediscovery. Swift Press, 2022. P. 142–153.

и эволюции западных типов обществ. Надо отметить, что ситуативный консерватизм присущ англосаксонскому политическому менталитету, в то время как континентальному консерватизму свойственен традиционализм. Его важнейшим недостатком является релятивизм, выражающийся в том, что консервативным можно назвать любое политическое движение или идеологическую программу, направленную на сохранение действующего политического порядка.

Важно отметить, что консерватизм оформлялся постепенно, созревал он как реакция на революцию, как отрицание ее антирелигиозных и антиаристократических воззваний. «Консервативная доктрина родилась в реакции на Французскую революцию... Таким образом, она была контрреволюционной по своему рождению»[1]. Отсюда и столь различны идеологические позиции у отдельных консерваторов, например, у Жозефа де Местра или Эдмунда Бёрка. Можно с уверенностью утверждать, что консерватизм представляет собой идеологическую инерцию средневекового религиозного мировоззрения или идеологию традиционного общества. В этом смысле консерватизм всегда обладает идейными элементами антипрогрессизма, в то время как либерализм, напротив, в качестве стержня обладает прогрессистским рационализмом. «Просвещение утверждало веру в прогресс, апеллируя к преобразующим возможностям разума. Консерватизм отрицал прогресс, призывая на помощь авторитет исторического опыта»[2]. Кстати, и социализм как еще одна идеология модерна обладает прогрессизмом как своей основной заданностью и установкой мышления.

Поэтому признаки и свойства консерватизма тесно связаны с характеристиками либерализма и социализма в плане их отрицания. Этих признаков несколько: антиноминализм, иррационализм, антииндивидуализм и

[1] Валлерстайн И. Центристский либерализм как идеология. URL: https://www.colta.ru/articles/society/13382-immanuil-vallerstayn-tsentristskiy-liberalizm-kak-ideologiya (дата обращения: 11.03.2026).

[2] Дегтярева М.И. Жозеф де Местр и его русские «собеседники»: опыт философской биографии и интеллектуальные связи в России. Пермь: Астер, 2007. С. 114.

антиколлективизм, религиозность, антисекуляризм. Рассмотрим их последовательно.

Антиноминализм. Прежде чем раскрыть понятие антиноминализма, ответим на вопрос о сущности номинализма, который возник, как известно, в схоластической теологии Уильяма Оккама (ок. 1300–1349). Дело в том, что «реалисты защищали тезис о реальном существовании общих понятий “до вещей” и об их умопостигаемой природе, а номиналисты настаивали на том, что реально существует только единичное, общие же понятия возникают путем абстрагирования свойств единичных предметов и в этом смысле существуют “после вещей”»[1]. По сути, номинализм стал одной из первых предпосылок материалистической философии[2].

Номинализм стал в некоторым смысле отрицанием платонизма и универсалий, «приземляя» в некотором смысле ход философского мышления. Общие понятия, или универсалии, в средневековой схоластике считались органичными Богу и предшествующими единичным вещам. В свою очередь представители номинализма доказывали, что единичное предшествовало вещам, который творит Бог, а затем присваивает им имена человек. Следовательно, такие понятия, как «справедливость», «красота», «время» и т.д., существуют лишь в голове человека, представляя собой обобщенные имена (nomina) тех объектов внешнего мира, которые опытно становятся нам известны. Следовательно, опыт гораздо важнее разума, который подключается к процессу познания после опыта. Это привело к развитию эмпиризма в философии и иных науках, в том числе и юриспруденции.

В качестве примера реализма в праве и юриспруденции можно привести Дигесты Юстиниана, которые начинаются с общих формул и принципов, так как в то время были популярны идеи неоплатонизма. Можно привести в

[1] Гайденко П.П. Средневековый номинализм и генезис новоевропейского сознания // Вопросы философии. 2014. № 2. С. 156.

[2] См.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. III. 2-е изд. М., 2010. С. 104 (автор – М.М. Новоселов).

качестве примера и пандектную модель гражданского права, в рамках которой общая и особенная части составляют единый кодекс, причем начинается он именно с общей части, общих принципов, общих вопросов права. Напротив, номинализму присущ фокус внимания не на универсалии, а на конкретные вещи, отношения, которые представляют собой предпосылку для умственной операции превращения их определенного множества в «превращенную форму»[1].

Номинализм в силу отрицания универсальных и общих принципов политики, морали и права был выгоден светской власти и стал одним из основных базовых постулатов идейно-теоретических взглядов Возрождения и Реформации. Если для реалистов духовная власть как власть идеи выше светской, а монарх является лишь носителем полномочий данных первосвященником для «земных» дел, то номиналисты близки к опытному объяснению государственной власти. Оно создается в результате конкретных и земных потребностей и интересов людей. Так возникает секуляризм в политическом и правовом мышлении, отвергающий общие идеи права и власти[2].

Иррационализм. Иррационализм консервативной идеологии представляет собой отрицание господства рассудочности и логоцентризма в пользу преобладания логики ценностей над логикой выгоды. В связи с тем, что в основе консерватизма лежит христианская религиозность, которая сформировала европейскую цивилизацию, то рационализм вовсе не был чужд консерватизму. Более того, консерватизм не отрицает рационализма, а настаивает на том, что тот дает одностороннее видение реальности. Вот, например, как критически оценивает возможности рационализма Эдмунд Бёрк, который писал о либералах и просветителях: «Они придают своим

[1] См. об этом: Гаджиев Г.А. Нуждается ли российское гражданское право в расколдовывании (демистификации)? // Закон. 2023. № 9. С. 148–155.

[2] См.: Спекторский Е.В. Номинализм и реализм в общественных науках // Юридический вестник. 1915. Кн. 9 (1). С. 3.

рассудочным проектам огромную ценность, и, не уважая современное государственное устройство, равнодушно относятся к возможности его совершенствования»[1].

Известный исследователь идеологии политико-правового консерватизма Т.Ф. Шофилд отмечает: «Консерваторы отвергали предлагавшуюся радикалами апелляцию к разуму, поскольку видели в человеке нечто большее, нежели просто рациональную счетную машину, а именно – чрезвычайно сложное эмоциональное и религиозное существо»[2]. Будущее невозможно планировать рационально, человек представляет собой не только тело, потребности которого предсказуемы, но и душу, потребности которой подчинены после грехопадения прародителей Адама и Евы плену греховных страстей, а значит, и не предсказуемы. Поэтому консерватизм явно против прогрессизма, он по-христиански пессимистичен по отношению к «светлому будущему» человечества и возможностям общества Просвещения. Отсюда у консервативного правосознания надежда не на конструируемые нормы законодательства, а на духовно-нравственные ценности, формируемые христианской традицией. Консервативно мыслящий правовед больше доверяет религии и морали, чем собственном правовым установлениям. Только с опорой на традиционные моральные нормы право может обеспечить эффект.

Религиозность. Основой общественного порядка должна быть теократия – так полагали первые европейские консерваторы. Классик и основатель французского консерватизма Жозеф де Местр писал: «Конституции всегда выражают нечто ненаписанное; это нравы народов, их верования, обычаи – то, что сложилось в незапамятные времена и было воспринято осознающими дух народа образованными его слоями. Иначе

[1] Бёрк Э. Размышления о революции во Франции. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/berk_razmyshleniya_o_revolyutsii_vo_frantsii_1992__ocr.pdf (дата обращения: 10.03.2026).

[2] Чудинов А.В. Размышления англичан о Французской революции: Э. Бёрк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М.: Памятники исторической мысли, 1996. С. 20.

ничего святого и неизменного в Конституциях бы не было. Права народа никогда не бывают записанными после обсуждения. Конституции, по сути дела, – это пожалования суверенов, но эти права не имеют ни авторов, ни дат. Законодатели лишь собирают предшествовавшие элементы, они всегда действуют от имени Бога»[1]. Здесь мы видим консервативную теорию естественного права, так как именно в вечности де Местр «видит» корни прав человека, а не в их природе.

Коммунитаризм. Либерализм ориентируется на автономию индивида, избирающего самостоятельные формы защиты своих прав. Либеральная модель процессуальной деятельности основана на принципах индивидуализма и минимального государственного вмешательства в гражданско-правовые споры, в силу чего движение и ход процесса зависят от частной инициативы, в рамках которой и осуществляется правосудие. Такой порядок отражен в древнеримской максиме «vigilantibus non dormientibus subvenit lex», или «закон приходит на помощь бодрствующим, а не спящим»[2]. Отсюда не может быть никакого патерналистического механизма обеспечения безопасности личных интересов. Человек обречен на хронический стресс, связанный с необходимостью постоянно быть «начеку».

Индивидуализму консерватизм противопоставляет общинность или коммюнитарность. Если либерально-демократический проект государства и права предполагает в качестве отправной точки интересы индивидуума, то консервативный стиль правового мышления отталкивается от таких понятий как народ, этнос, нация, церковь. Кроме того, коллективные общности предшествуют личности, они ее формируют и задают ей основные признаки и свойства. Следовательно, закон как продукт жизни определенного сообщества играет огромную роль в консервативном правопонимании. Но легитимность

[1] Длугач Т.Б. Де Местр – враг Просвещения // История философии. 2018. Т. 23. № 1. С. 42.

[2] Пономарева А.П., Крымский Д.И. Замена ненадлежащего способа защиты: нерешенный вопрос практики через призму теории процессуального права // Вестник гражданского процесса. 2025. № 3. С. 104–131.

светского закона коренится в его соответствии религиозным предписаниям Библейского закона. В качестве примера можно привести суждения еще одного классика английского консерватизма Эдмунда Бёрка на судебном процессе лорда Гастингса, в которых тот обращает внимание на законы содателя, зарепляющие гуманность, правду и справедливость, являясь законом природы и нации и которому должны соответствовать земные законы[1].

Культурный национализм. Одним из важнейших принципов познания правовых систем и государственных порядков у консерваторов было признание социокультурной самобытности каждого народа. Отрицание универсализма в отношении судеб различных государств и народов подчеркивал еще Шарль Луи де Монтескьё в своем сочинении «О духе законов». Яркий представитель консервативной правовой мысли Жозеф де Местр отрицательно относился к идее общечеловеческих идей, понятий и ценностей: «В мире нет общечеловека. В своей жизни мне довелось видеть Французов, Итальянцев, Русских и т.д.; я знаю даже, благодаря Монтескьё, что можно быть Персиянином; но касательно общечеловека я заявляю, что не встречал такового в своей жизни; если он и существует, то мне об этом неведомо»[2]. В современной юридической науке универсалистский подход к праву постепенно утратил актуальность. Критика рационалистической концепции естественного права уступила место культурно-цивилизационному правопониманию.

Итак, одним из первых о границах универсальности национального государственно-правового опыта заговорил Шарль Луи де Монтескьё (1689–1755), в сочинении которого «О духе законов» (1848 г.) говорится об образе жизни разных народов как источнике права и правового сознания[3]. Мыслитель отметил две тенденции в формировании государственно-правовых убеждений

---

[1] Чудинов А.В. Размышления англичан о Французской революции: Э. Бёрк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М.: Памятники исторической мысли, 1996.

[2] Местр Ж. де. Рассуждения о Франции. М., 1997. С. 88.

[3] Монтескьё Ш. О духе законов. С. 9. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.O dukhe.pdf (дата обращения: 23.03.2025).

представителей разных народов: построение законодательства по смыслу естественного права, то есть природы вещей, представляет собой общую тенденцию; с другой стороны, история отдельного народа рождает собственные особенности политической и правовой культуры.

Вот универсальные характеристики естественных законов, присущих всем нациям, о которых пишет Монтескьё: самосохранение и стремление к миру, избежание голода, влечение полов друг к другу, стремление к общежитию. У каждого народа, помимо естественного закона, возникают и человеческие законы, которые обусловлены характерными для того или иного народа чертами. И только в исключительных ситуациях политические и правовые институты, нормы и законы одного государства могут оказаться приемлемыми и для другого. При этом соответствие законов условиям жизни того или иного народа представляет собой далеко не банальное отражение моральных и религиозных обычаев, что было понятно и очевидно еще римлянам, не требовавшим искоренения народных религиозных традиций у покоренных народов, например, у евреев, и допускавшим действие обычного права. Требовалось от каждого народа только послушание римской власти – прокуратору, а также своевременная уплата подати-налогов.

Монтескьё требует в своем сочинении соответствия человеческих или политических законов физическим свойствам государства, его климатическим и прочим географическим характеристикам, среди которых наиболее важными он считал состояние и плодородности почвы, положение государства, размер и протяженность территории страны, различные особенности быта и образа жизни народов, вид деятельности его представителей-земледельцев, скотоводов, рыбаков или охотников, количество населения, его благосостояние, мораль и религию, культуру и смыслы национальной истории. Все эти характеристики «духа закона» должны учитываться законодателем, и именно в нем находят свое выражение многочисленные условия жизни людей: форма правления, обычаи, религия,

историческая память и так далее. Поэтому нельзя не учитывать «духа законов» в правотворческой политике государства.

В некотором смысле Монтескьё можно считать одним из первых идейных сторонников сдержанности и умеренности при проведении реформ, рецепции правовых институтов. По сути, его учение о праве на самобытность каждого народа следует считать естественным законом. Иными словами, каждый народ имеет право на сохранение традиций. Не случайно его творчество совпало по временному этапу с появлением сочинений одного из ярчайших представителей английского консерватизма Эдмунда Бёрка (1729–1797), который в своей знаменитой работе «Размышления о революции во Франции» сформулировал главные тезисы консерватизма[1]. Они во многом определены антилиберальным и антииндивидуалистическим настроением Бёрка, что вполне органично для всех религиозно мыслящих людей.

Органицизм. Консервативная правовая идеология часто рассматривается вне духовно-нравственного контекста как некое политико-концептуальное направление, возникшее у аристократии XIX столетия в силу приверженности старых европейских элит устоявшимся и сложившимся порядкам средневековых привилегий, иммунитетов и разнообразных сословно-классовых преимуществ. Однако это – одностороннее восприятие, не создающее полноты представлений о процессах, происходивших в тот период развития европейской правовой мысли. В условиях кризиса модерна важным представляется анализ представлений одного из главных англосаксонских консерваторов Эдмунда Бёрка в части критики секуляризма – важнейшего принципа либерально-демократической идеологии Нового времени. Именно деистические, а порой и антирелигиозные взгляды идеологов либерализма встретили отторжение у консервативно настроенных представителей религиозно мыслящих интеллектуалов и европейского дворянства.

[1] Бёрк Э. Размышления о революции во Франции. URL: http://www.politnauka.org/library/classic/berk.php (дата обращения: 23.03.2025).

Важнейшим принципом консервативного мышления, как известно, является принцип органического историзма – взгляд на исторический процесс как на органический ход событий, а не как цепочку волевых преобразований, что мотивирует к отказу от активных преобразовательных действий. Эдмунд Бёрк здесь в некотором смысле не оргинален, так как в христианском богословии исторический процесс представляет собой результат действия Божественной воли и промысла Бога о мире. Вторжение и ломка этого процесса представляют собой в некотором смысле посягательство на этот промысл.

Один из представителей американской политики Генри Киссинджер видит разницу между консерватизмом и неоконсерватизмом именно в этом: консерваторы типа Бёрка строили свои концепции на основе убеждения в том, что идеалы и ценности имеют важнейшее значение, определяемое историей поколений[1]. Соответственно снос этих ценностей в имя неких универсальных демократических целей с помощью дипломатии или цветных революций приведет не к универсализации американского общественного идеала, а к катастрофам[2]. Различие между консерваторами и неоконсерваторами можно провести по их отношению к идеалам: первые не склонны к прагматизму и упованию на голую силу.

При этом исследователи наследия Бёрка отмечают его скептицизм по отношению к вере в разум, свойственный реформаторам Нового времени. Например, Крамник считает Бёрка совершенно не склонным к вере в разум и абстрактные идеи, в спекуляции и априорные принципы естественного права, свободы и равенства как основу для реформирования существующего правительства[3]. Однако в зарубежной науке, как, впрочем, и в отечественной,

[1] Киссинджер Г. О консерватизме // Эдмунд Бёрк, Жозеф де Местр. Консерваторы. Без либералов и революций. М.: Алгоритм, 2022. С. 7.

[2] Kirk R. The Conservative Mind of Newman // The Sewanee Review. 1952. Vol. 60. No. 4. P. 659–676. URL: http://www.jstor.org/stable/27538169 (дата обращения: 27.03.2023).

[3] The Portable Edmund Burke (Portable Library) by Edmund Burke (Author), Isaac Kramnick (Editor). Penguin Classics, 1999. 624 p.

господствует мнение о том, что Бёрк был якобы противником естественного права. Вывод этот сделан вот почему. В 1790 году после произошедшей во Франции революции Бёрк публикует свой известный труд «Размышления о революции во Франции … в письме к парижскому дворянину». В этой работе мыслитель проводит аналогию с помощью «старого замка, нуждающегося в ремонте» и революционной Франции: надо было просто отремонтировать замок, а не сносить его до основания. Масса или толпа людей презрела все лучшее, что было накоплено за многие века в этом замке, разобрав его по кирпичикам. Негативно относился Бёрк и к гонениям на аристократию, осуждал Национальное собрание Франции, посягнувшее на отказ от прежних правовых норм, выступив за конфискацию имущества аристократов, устраивая гонения на имущество католической церкви. Однако сказанное не ведет к отрицанию естественных прав Бёрком. Он критически относится к абстрактному их прочтению и избыточной рациональности в их интерпретации. Более того, можно утверждать, что Бёрк понимал естественное право с точки зрения принципов божественной справедливости.

Во-первых, Эдмунд Бёрк был последовательным защитником прав человека. Он родился в семье отца-протестанта и матери-католички в Ирландии в 1729 году, что не помешало ему всю свою жизнь заботиться о правах ирландцев, исповедующих католицизм. Как известно, правительство Англии осуществляло политику юридической дискриминации ирландцев-католиков: им нельзя было голосовать, участвовать в выборах и претендовать на государственные посты и должности, создавать национально-конфессиональные школы. Бёрк был сторонником относительной свободы вероисповедания, но оставался всю свою жизнь противником атеизма. Поэтому он пытался как мог защищать права христиан-непротестантов.

В сочинении «Трактат о законах и папстве» Бёрк критикует законодательство, направленное на регулирование и ограничение свободы совести по принципу конфессионального противоречия протестантизму. Его аргументы были таковы: данные нормы не могут быть признаны

справедливыми, так как приняты «вопреки принципу высшего закона, изменить который не во власти какой-либо общины или всей человеческой расы, означая волю Того, Кто дал нам свою природу и, давая, наложил на нее неизменный закон»[1]. Иными словами, свободу вероисповедания Бёрк понимал с точки зрения божественного естественного закона.

Во-вторых, несмотря на то, что Бёрк критически воспринял французскую «Декларацию прав человека и гражданина», его критика была связана с новым прочтением естественных прав. По его мнению, конструкция естественного права представляет собой слишком расплывчатую декларацию о свободе: «Имея право на все, – писал он, – они хотят всего».

В-третьих, все чаще исследователи творчества Бёрка признают наличие в его взглядах естественного права. Питер Дж. Стэнлис написал большую работу под названием «Эдмунд Бёрк и естественный закон» (1958 г.), в которой попытался обосновать вывод о том, что правовое мышление Бёрка являлось результатом признания некоторых естественно-правовых аксиом даже больше, чем у либералов[2]. В этой книге ученый показал, что несмотря на то, что Бёрк был консервативным правоведом, а не богословом, он в своих взглядах придерживался религиозного понимания естественного права. Все его сочинения базируются на признании фундаментального значения последнего, интегрированного в английское, шотландское и ирландское право. Осуществляя толкование английского общего права, Бёрк постоянно обращался к формулам аксиоматики естественного права. Именно последние определяли принципы справедливости, которые регулировали английское общее право.

В-четвертых, позиция Бёрка относительно соотношения пользы и справедливости свидетельствует о его признании естественного права

[1] Burke E. Tracts Relative to the Laws against Popery in Ireland (1760–65). URL: http://www.ricorso.net/rx/library/authors/classic/Burke_E/Ir_Affairs/Tracts_1763.htm (дата обращения: 27.03.2023).

[2] Stanlis P.J. Edmund Burke and the Natural Law. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1958. 311 p.

высшим законом. Выступая на одном из судебных процессов, он заявил: «Мы все рождаемся – как высокие, так и низкие – как правители, так и управляемые – в подчинении одному великому, неизменному, предсуществующему закону, закону, предшествующему всем нашим умыслам и всем нашим заговорам, главенствующему над нашими чувствами, которым мы связаны. в вечном обрамлении вселенной... Этот великий закон не возникает из наших комбинаций и договоров; напротив, оно дает им все возможные санкции»[1].

В чем актуальность идей Бёрка для современного российского государства? Во-первых, это защита исторических традиций. Во-вторых, это ценности: семья, церковь, община, родовой коллектив. В-третьих, разумный этатизм. В-четвертых, аристократизм в системе управления. В-пятых, учет национального правосознания при разработке законов.

Интересно отметить, что работы Бёрка по-прежнему волнуют американских исследователей, пытающихся найти ответы на сложные вызовы современности[2]. В условиях постмодерна и метамодерна важно иметь в виду, что традиционные ценности никуда не исчезли, сохранили свое влияние и на современный европейский консерватизм. Поэтому не стоит рассматривать нравственные убеждения и взгляды основателей консервативной правовой мысли как нечто свойственное данному концептуальному направлению в силу временных условий. Наступление на христианство современный консерватизм рассматривает как главную угрозу общественному развитию в Европе и США, отмечая необходимость отказа от секулярных представлений Нового времени в пользу постсекулярного нейтралитета государства по отношению к христианским ценностям и символам. Между тем современное

[1] Edmund Burke: Natural Lawyer. URL: https://lawliberty.org/edmund-burke-natural-lawyer-stanlis (дата обращения: 27.03.2023).

[2] Cliteur P. “The American Conservatives, Edmund Burke and Natural Law”. ARSP: Archiv Für Rechts- Und Sozialphilosophie / Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy. 1988. Vol. 74. No. 4. P. 452–460. URL: http://www.jstor.org/stable/23679942 (дата обращения: 27.03.2023).

государство в западном мире активно противостоит христианству: запрещается христианская символика, осуществляется гонение на политиков, представляющих интересы христиан, активно продвигается антихристианская по своей направленности политика толерантности ко всевозможным видам порока: от зоофилии до каннибализма. Поэтому идеи европейских консерваторов все чаще привлекают внимание исследователей в России и за рубежом.

В чем главные черты консервативного отторжения буржуазного революционного либерализма в концепции Эдмунда Бёрка? Во-первых, это жесткий и последовательный традиционализм, убеждение в решающем превосходстве уже сложившихся обычаев и предрассудков, проверенных историй и установившихся благодаря исторической мудрости народа, его коллективного разума. Не «чистый лист бумаги», а совокупность предрассудков представляет собой сознание народа, поэтому традиции последнего требуют учета и уважения. Во-вторых, это верховенство по отношению к частному благу таких ценностей, как семья, церковь, община, родовой коллектив, так как именно коллектив является носителем традиции, точнее даже сказать, коллективной памяти. В-третьих, государство не воспринимается отдельно от понятия «Отечество», а идеалом его является мощное, сильное, централизованное государство с гарантиями безопасности и стабильности семьям собственников. В-четвертых, государственная власть должна быть представлена не демократическим большинством, а знающими людьми, аристократическими носителями народной мудрости. В-пятых, не законы, а обычаи, не реформы сверху, а органическое развитие права. Следовательно, отражение в законах национальных обычаев и традиций представляет собой общественно-правовой идеал консерваторов.

Важно учесть, что частная собственность не только не отрицается, но и защищается Бёрком, что, в некотором смысле, «роднит» его с Джоном Локком. Консервативная правовая мысль англичан не может в некоторых пунктах не сближаться с либерализмом – в этом проявляется единый национальный

корень убеждений Бёрка и Локка. Поэтому западная традиция права включает оба этих направления правовой мысли: консервативное и либеральное. Подводя итог размышлениям об идеологической специфике западной традиции права, обратим внимание на близость и родственность этих двух противоречивых полюсов правовой мысли: прежде всего, рационализм в обоих случаях, признание интересов собственников, потребность в государственном обеспечении их безопасности. Возникает вопрос, почему реформы в постсоветской России пошли по пути исключительно либерального проекта государственно-правового развития без учета консервативной концепции? Думается, ответ может быть и таким: российские реформы правовой системы конца XX – начала XXI вв. были обусловлены не желанием обретения оптимальной модели государственно-правового развития, а потребностями легального оформления интересов спекулятивного капитала и необходимостью в новой модели экономического развития, основанной на полуколониальном статусе поставщика ресурсов мировым производителям. Синтез либеральных и консервативных установок был вполне возможен, и даже необходим, как это подтвердил успех Китайской Народной Республики, оказавшейся в полностью аналогичных условиях поиска новой модели общественно-политического и государственно-правового развития во второй половине XX века. В результате консервативной модернизации правовой и экономической системы КНР добилась совершенно удивительных результатов: вторая экономика мира и сверхдержава. В условиях цивилизационного выбора XXI века России стоит обратить внимание на доктрину «социализма с китайской спецификой». Эта доктрина предполагает целую сеть институтов правовой системы, политической и экономической системы, основанных на институтах собраний народных представителей, многопартийного сотрудничества, Коммунистической партии Китая. «Система социализма с китайской спецификой не только следует основной сущности социализма, но также постоянно перенимает полезные достижения, подходящие национальной специфике Китая, что в совокупности отражает

особенности и преимущества социализма с китайской спецификой»[1]. Полагаю, что и сегодня вполне допустимо использовать опыт синтеза консервативных и либерально-рыночных идей, моделей, ценностей и убеждений в процессе новой трансформации правовой системы России.

Консервативные идеологии Бёрка и де Местра оказали влияние на рост интереса к национально-культурным истокам права. Следует иметь в виду, что культурно-цивилизационный подход к праву сложился именно в рамках консервативного понимания права. Наиболее яркими характеристиками консервативного правопонимания обладает правовая идеология исторической школы права. Критика рационалистической концепции правотворчества стала основой теории права Густава Гуго (1764–1844), который первым заявил о необходимости переоценки возможности реформ в юриспруденции. Он полагал, что рационалистическая идея естественного права философов Нового времени не дает правильного взгляда на сущность права, не может иметь объективного значения, так как возникла из политической борьбы буржуазии за свои права. Согласно его взглядам, право рождается в национальной психологии. Особенно явно это прослеживается в формировании обычного права, в огромной его роли и значении в регулировании общественных отношений. Гуго, как и Карл Савиньи (1779–1861), другой представитель исторической школы права, отталкивается от понимания права как совокупности норм, возникающих не запланировано, а стихийно, в глубинах национальной культуры. Позже Савиньи стал признавать положительную роль законодательства, особенно в результате каких-либо перемен нравов, воззрений и потребностей. То есть законодательству им придается вспомогательный смысл и значение. Цель развития права – обеспечить нравственное назначение человеческой природы, как оно определяется христианской религией. По сути дела, в их правопонимании праву отводится роль защитного механизма традиционных духовно-нравственных ценностей.

[1] Чжан Ханьхуэй: Что такое социализм с китайской спецификой? // Труд. 21.05.2021.

Выводы. В современный период консервативные партии и мыслители на Западе становятся носителями идеи защиты традиционных прав человека, в том числе и прав на свободу идеологического выбора. Классические представления о правах и свободах выглядят консервативными на фоне новых либеральных идей, особенно связанных с проблематикой ЛГБТ[1], трансгендеров, феминизма и др. Право на собственность, семью, воспитание детей, свободу убеждений сегодня больше защищают консерваторы, чем либералы. Три классические идеологии (либерализм, консерватизм и социализм) стали в некотором смысле продуктом кризиса христианской цивилизации. Консерватизм возник именно как реакция на Великую французскую революцию, ставшую результатом секуляризации, атомизации, номинализма и рационализма.

Консерватизм в нашей работе понимается как тип социального мышления, основывающийся на традиционных ценностях и задачах по их сбережению. Такой подход выражает содержательное или идейно-сущностное измерение консерватизма. Такой консерватизм представляется как одна из идеологических программ модерна, идейно-политических матриц Нового времени, а внутри нее возможны отдельные трактовки консерватизма как мировоззрения, стиля политико-правового мышления, интеллектуально-духовной традиции. Такому пониманию противостоит ситуационное понимание консерватизма, связанное с англо-американской политико-правовой мыслью и либертарианством (Фридрих Хайек, Людвиг фон Мизес, Роберт Нозик и др.), представляет собой политическое мышление, выступающее за сохранение или консервацию классического либерализма, сильный и свободный рынок, антипатерналистическое минимальное государство, развитое гражданское общество и т.д. Ситуативный консерватизм присущ англосаксонскому политическому менталитету, в то время как континентальному консерватизму свойственен традиционализм.

[1] Международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в РФ.

Его важнейшим недостатком является релятивизм, выражающийся в том, что консервативным можно назвать любое политическое движение или идеологическую программу, направленную на сохранение действующего политического порядка. Подлинный консерватизм оформлялся постепенно, созревал он как реакция на революцию, как отрицание ее антирелигиозных и антитрадиционалистских воззваний. Консерватизм представляет собой идеологическую инерцию средневекового религиозного мировоззрения или идеологию традиционного общества. Признаки и свойства консерватизма тесно связаны с характеристиками либерализма и социализма в плане их отрицания. Этих признаков несколько: антиноминализм, иррационализм, антииндивидуализм и антиколлективизм, коммюнитаризм, культурный национализм, религиозность, антисекуляризм, органицизм.

Подведем некоторые итоги рассмотрения сущности консервативной правовой идеологии. *Во-первых*, ее отличает опора на религиозность в понимании человеческой природы; *во-вторых*, понимание органического, эволюционного развития общества и государства, которое мыслится как живой, целостный, медленно созревающий организм, а не случайный, договорно-атомарный союз индивидов. При этом право понимается как результат исторического, культурного творчества народа, а не результат парламентских интриг или воли суверена. *В-третьих*, ей присущ иррационализм, ввиду которого человек не является рациональным субъектом. Его рациональность рождается из стихии эмоций и мотивов. Кроме того, жизненный опыт и предрассудки предыдущих поколений, накопленные в результате разных конфликтов, являются жизненноважным и самым истинным. *В-четвертых*, первичны обязанности, а не права, важны интересы коллектива, а не отдельного индивида, общее (общество) больше и значимее частного (отдельной личности), обязанности и долг выше частных прав и интересов личности. *В-пятых*, не существует абстрактного человека, а люди всегда конкретны и особенны. В силу этого никакого равенства быть не может: люди рождаются не равными. Иерархия в социуме несет в себе здоровое

начало подчинения и власти, без которой невозможна никакая социальная жизнь. *В-шестых*, проверенные правовые модели и институты всегда имеют преимущества перед новыми модернистскими технологиями.

§ 1.3. История формирования идеи и ценности права в западной консервативной идеологии

Общеизвестно, что «Запад» представляет собой собирательное понятие, которое обычно обозначает группу стран, народов, культур, объединенных общими историческими корнями, культурными ценностями и политическими моделями. Иными словами, это особая цивилизация, которая имеет общие географический и исторический слой, религиозные и политические ценности. Еще в Древнем Риме появилось разделение на Западную (латинскую) и Восточную (греческую) империи, которые исповедовали восточное и западное христианство, что окончательно оформилось в 1054 году, когда состоялась Великая Схизма. Постепенно слово «Запад» стало означать католический (а позже и протестантский) мир, подчинявшийся Папе Римскому, в то время как Восток ограничивал православный мир, в котором главными были Византия, а затем и Россия.

С точки зрения исторического происхождения базовых ценностей и идеалов «Запад» – это цивилизация, возникшая на основе античного наследия (Древняя Греция и Рим): философия, демократия, римское право; христианства западного обряда; эпохи Ренессанса и Просвещения, когда стали популярными идеи гуманизма, свободы личности, прав человека, разделения властей, правового государства и гражданского общества. Благодаря тому, что эти ценности и нормы послужили благодатной почвой для развития капитализма, постепенно они вытеснили на периферию идеи социальной справедливости, солидаризма, общего блага, религиозности и др. Поэтому среди базовых ценностей Запада традиционно сегодня считаются: индивидуализм (приоритет личности над коллективом); либеральная

демократия; рыночная экономика; верховенство закона. В любом случае понятие «Запад» прочно закрепилось за странами, которые ведут свою историческую и культурную преемственность от Римской империи, христианства и европейского Просвещения, а в политическом плане объединены вокруг США и Евросоюза.

Западную традицию права давно уже отождествляют с либерализмом, правовым гуманизмом, модернизаторством и правовым государством. Однако западная традиция права предполагает и иные модели, например, модель консервативного правопонимания. Консервативная доктрина западных мыслителей резко уступает в плане исследования из России, так как ее идеи были не популярны ни в СССР, ни в период либерализма 1990–2022 годов в Российской Федерации.

В юридической литературе одним из первых о самобытности западной цивилизации и о границах ее всеобщего универсализма высказался видный историк права Гарольд Джордж Берман в своей знаменитой книге «Западная традиция права: эпоха формирования»[1]. В этой книге ученый в мельчайших деталях показал влияние религии на формирование и зарождение западного правопонимания, западноевропейской правовой культуры и государственных институтов.

Согласно его концепции, западная традиция права сформировалась под влиянием античного римского права и христианства, причем роль и значение последнего является ключевой. Берман выделил аксиологические параметры западной традиции права, показал ее влияние на государственно-правовую идентичность: главной ценностной парадигмой западного правового мышления он считает законность как важнейшее условие развития западноевропейской цивилизации. Однако его учение о цивилизационной государственно-правовой идентичности западных народов можно считать

[1] Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА-М. НОРМА, 1998. 624 с.

результатом длительных размышлений европейских интеллектуалов о судьбах западного мира, о предназначении и задачах европейского общества.

Еще в Древней Греции оказался дискуссионным вопрос об универсализме общих идей. Общеизвестно, что еще в античные времена был намечен раздел между отрицающим универсализм софистическим учением и универсализмом учения об идеях, что проявилось в споре между учениками Сократа и софистами. Лидер последних, Протагор, утверждал, что мерой всех вещей является человек, а истины объективной не существует, в то время как Сократ и его ученик Платон защищали всеобщую и объективную идею высшей истины и справедливости, идею всеобщего блага как важнейшей общественно-политической задачи. Человек и его природа мыслились соответственно различно. В первом случае, ввиду отрицания объективности и универсальности идей, абсолютной ценностью становится человек и его индивидуальные убеждения, во втором, напротив, этой ценностью обладает знание истины, идеи блага и ее реализация государственно-правовой жизни. Впоследствии именно отрицание абсолютных ценностей и высшего альтруизма, культ материальных благ и личной выгоды послужили основаниями либеральному мировоззрению, синтезировавшему номинализм и эмпиризм с экономической выгодой и расчетом, что и привело к возникновению экономоцентризма и появлению естественно-правового учения о частной собственности.

Платонизм, философия духа и религиозный общинный общественный идеал, отвергнутый модерном, с их представлениями о греховной природе человека и существовании абсолютных ценностей постепенно уступил место локковскому наивному гуманизму с убеждением о доброжелательности частного собственника и врожденной добропорядочности граждан, заключивших мирно общественный договор. Постепенно на место платоновского учения об универсальности истины пришла теория об универсальности рационально-индивидуалистического учения естественного права. Однако в эпоху постмодерна и метамодерна даже универсализм идеи

естественного права в либерально-индивидуалистическом понимании стал подвергаться критике.

Общеизвестно, что постмодернизм ориентирован на релятивизм и плюрализм нравственных ценностей, предполагающий и означающий, что «все относительно». Это значит, что не существует абсолютных критериев добра и зла, а отсюда вытекает, что не может существовать никаких обязательных для всех нравственно-правовых норм и идеалов. Прав человека в объективном смысле тоже, следовательно, не существует. И на место традиционных нравственных и правовых идеалов приходит относительная мораль, которая провозглашает в качестве морального то, что находится «в тренде». Откуда появляются тренды? Как правило, тренды формируются СМИ и их собственниками, которые используют медиакоммуникации для своих целей. В качестве примера манипулирования сознанием с помощью СМИ можно привести движение БЛМ, гипертрофирующее моральную ответственность белого населения перед «черными», или продвижение прав сексуальных меньшинств[1].

В эпоху господства и доминирования либерального индивидуализма, атомарной социальности, законодательного оформления автономных этических моделей поведения, технологических вызовов и трансформации социальных норм западный консерватизм предлагает четкий идейный ответ, центральным элементом которого является защита «традиционных ценностей». Это не просто ностальгия по прошлому, не попытка реакционного ответа на вызовы современности, а философско-интеллектуальная позиция, основанная на христианской антропологии, философии права и политике правового государства в его традиционном понимании как «правления закона», критике проекта модерна. В современной политической и правовой

[1] Овчинников А.И., Дюжиков С.А., Казачанская Е.А. Правосознание и духовно-нравственные вызовы современного общества: консервативный взгляд на возможности преодоления ценностного релятивизма // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2025. Т. 12, № 1. С. 25–31.

мысли эта защита разворачивается по нескольким ключевым направлениям, связанным с защитой конкретных ценностей. относимых классической государственно-правовой мыслью к «традиционным»[1]. Причем защита консервативных идей осуществляется в контексте ценности прогрессизма в некоторых отраслях права: без сохранения классических моделей правопонимания не может быть и положительных итогов этого прогресса, заявляют современные консервативно мыслящие правоведы[2].

Европейская правовая культура достаточно долго воспринималась как эталонная в отечественном правоведении. Однако сегодня происходит пересмотр культурно-цивилизационных оснований российского права. Все чаще звучит критика модернистских и постмодернистских идей развития государств и права. «Суть постмодерна права в Европе – в рецепции типологических черт греко-римской традиции крайнего индивидуализма, эстетизации поведения, расщепления коллективных идентичностей, предельной рационализации истины. Разворачивается позитивная этическая ретроградность правовой культуры, возвращение ее в доисторическое время вне контекста коллективных идентичностей, вовлечение культуры в круговорот прожитых этапов с критической неспособностью к новому синтезу правовых сообществ», – отмечают современные российские авторы[3]. Они видят в качестве следствия ретроспективной деградации традиции возрождение языческих дохристианских мировоззренческих ценностей.

---

[1] Гошуляк В.В. Идеология консерватизма в обновленной Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 6. С. 35–44; Михеева Т.Н., Михеев Д.С., Михеева П.Д. Запрет смены пола человека в России: правовые и аксиологические аспекты // Российский юридический журнал. 2025. № 1. С. 104–114; Овчинников А.И. Социоконструктивистская функция права // История государства и права. 2023. № 1. С. 44–48; Пермиловский М.С. Традиционные российские духовно-нравственные ценности и российские конституционные ценности: догматическое соотношение // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 11. С. 20–24.

[2] Старилов Ю.Н. Консерватизм правовой политики как гарантия прогресса в сфере административных и иных публичных правоотношений // Административное право и процесс. 2023. № 6. С. 15–33; Бабурин С.Н. Традиционные ценности как цивилизационный фактор развития государства // Юридический мир. 2023. № 11. С. 14.

[3] Синюков В.Н., Синюков С.В. Цивилизационная природа европейской правовой культуры // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 12. С. 23.

Консервативные правоведы активно осваивают новое прочтение ценности естественного права[1]. Прежде всего, в теории и философии права защищается традиционное правопонимание, сердцевиной которого является критика морального релятивизма наряду с отказом от либерального, рационально-индивидуалистического понимания естественного права. При этом интересно отметить, что классический консерватизм, напротив, выступал с критикой рационалистической теории естественного права. В частности, против этой универсалистской идеи естественного права, рожденной в эпоху Просвещения, был настроен реакционный слой мыслителей Франции и Англии.

Так, например, в сочинении «Размышления о революции во Франции» (1790 г.) один из родоначальников консерватизма Эдмунд Бёрк критикует абстрактные «права человека», в защиту которых выступили французские революционеры[2]. Их искусственный характер вызывал крайне негативную оценку, выходящую за границы критики их универсализма и рационализма. Реальной человеческой истории, конкретному народу эти «мертвые» конструкции, с точки зрения Бёрка, совершенно не известны, так как придуманы они искусственными построениями рассудочного разума схоластических философов. «Профессора искусственного права всегда шли рука об руку с профессорами искусственной теологии»[3].

Бёрк не был противником естественного права вообще, более того, он защищал права человека. Скорее, он был противником абсолютизации рационализма в понимании естественного права, противником

[1] Свободы и права человека – это тоже традиционная ценность [Интервью с А.В. Поляковым] // Закон. 2024. № 12. С. 8–16; Корнев Е.И. Права и свободы человека в консервативной философско-правовой мысли пореформенной России // Право и политика. 2007. № 9. С. 20–30.

[2] Покок Д.Г. А. Бёрк и древняя конституция: об одной проблеме в истории идей / пер. с англ. Л.В. Черниной; под ред. Т.М. Атнашева, М.Б. Велижева; вступ. ст. Т.М. Атнашева, М.Б. Велижева // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. II, № 3. С. 141–170.

[3] Бёрк Э. Размышления о революции во Франции / пер. с англ. // Бёрк Э. Правление, политика и общество: сборник. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. С. 115.

рационалистически-индивидуалистической модели. Аналогично и Жозеф де Местр был против такой трактовки естественных прав.

Взгляды де Местра строятся вокруг идеи божественного миростроительства и порядка, который сложен на установленных Творцом естественных законах. Осознать эти законы, управляющие обществом, смертному человеку невозможно. Они устанавливаются Богом и доступны в фокусе истории, традиции и морали. Органическое и постепенное развитие общества приводит к появлению конституции, дающей власть суверену[1].

Однако самыми жесткими критиками рационалистической концепции естественного права выступали представители исторической школы права, которых смело можно считать основоположниками правового консерватизма. Это правовед из Геттингена Густав Гуго (1764–1844), профессора Берлинского университета Фридрих Карл Савиньи (1779–1861) и Георг Фридрих Пухта (1798–1846), а также их ученик Рудольф фон Иеринг, которые обрушились с критикой на рационализм естественного права, не учитывающий реальную жизнь, весьма редко протекающую по законам разума, а строящуюся на исторических традициях. В их учении истинным источником права является не разум или воля законодателя, а жизнь народа, его характер, народный дух, что напрямую сказывается в развитии частного права. Народный правовой обычай, а не здравый смысл, экономический расчет или логические рассуждения законодателя следует учитывать в правотворчестве[2]. В этом они не были первопроходцами, так как еще Монтескьё в своем знаменитом трактате «О духе законов» пишет, что обычай, выражающий национальный дух, является единственно законным источником права.

Полагаем, что причиной смены вектора критики со стороны консерваторов идей естественного права является то обстоятельство, что в

[1] De Maistre J. Study on Sovereignty (1794–1796) // The Works of Joseph de Maistre. New York: Schocken Books, 1971. URL: https://archive.org/details/worksofjosephdem0000mais/mode/2up (дата обращения: 22.06.2023).

[2] Пухта Г.Ф. Энциклопедия права. Ярославль, 1872. С. 22.

эпоху Просвещения классическая античная идея естественного права, скорректированная и дополненная христианскими убеждениями, была давно забыта в Европе. Напомним, что реанимация этой идеи в Средние века обязана своим возникновением Фоме Аквинскому – католическому богослову, представителю Римско-католической церкви, которая была и остается самым консервативным союзом верующих или общественным институтом. Однако следует отметить, что Фома был склонен к установлению связи между естественным законом и разумом человека: «к естественному закону относится все, к чему человек склонен согласно своей природе, а среди прочего человеку по природе свойственно быть склонным к тому, чтобы действовать в согласии с разумом»[1]. Только вот разум совершенно по-иному понимался богословом. В его трудах речь идет о разуме богословском, а не спекулятивном, свойственном светским философам-софистам.

В отличие от консерваторов эпохи Просвещения, современные его последователи среди правоведов положительно относятся к идеям естественного права. Дело в том, что современный консерватизм видит в отрицании объективных моральных ценностей, составляющих сердцевину естественного закона, угрозу самим основам права. Если не существует «высшего закона» (higher law), то законодательство государства или позитивное право теряет свою легитимность и превращается в механизм продавливания интересов любых социальных групп, прежде всего, тех, которые выгодны бизнес-сообществу. Даже справедливость невозможно закрепить законодательно, не прибегая к такому объективному критерию, отмечают современные авторы С. Солари и Д. Коррадо[2].

Известный американский правовед Джон Финнис, один из главных современных теоретиков естественного права, полагает, что существует набор

[1] Аквинский Ф. Сумма теологии. URL: https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-6/5 (дата обращения: 25.06.2023).

[2] Solari S., Corrado D. Social justice and economic order according to natural law // Journal of market and morality. 2009. Vol. 12. No. 1. P. 49.

самоочевидных и универсальных базовых человеческих благ (life, knowledge, friendship, procreation и др.), которые и должны служить основой для законодательства. Эти универсальные блага и представляют собой основу естественного права. «Естественный закон… предоставляет набор принципов практического разума для определения того, что является хорошим для человеческих лиц и общин, и таким образом для того, чтобы артикулировать обязательства, которые являются нормативной основой для права»[1]. В таком понимании функции естественного права традиционные ценности представляют собой не обычное право, а рационально постигаемые принципы, способствующие достижению этих фундаментальных человеческих благ. При этом в теории Дж. Финниса «ценности не могут быть доказаны, но могут быть подкреплены данными наблюдений и диалектическими аргументами»[2].

Интересно отметить, что отечественные правоведы также склонны к синтезу идей естественного права и консерватизма в понимании естественного права. Так, в интервью, известный ученый А.В. Поляков утверждает, что правильный консерватизм может быть таковым только в союзе с правильным либерализмом. Это одна из распространенных идей лучших представителей «возрожденного естественного права», включая И.А. Ильина[3]. Подтверждением этому, по мнению автора, является Указ Президента РФ о традиционных ценностях[4], который якобы как раз предполагает их баланс. Однако многие правоведы с этим синтезом не согласны. Это одна из особенностей отечественного консерватизма.

---

[1] Finnis J. Natural Law and Natural Rights. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 23.

[2] Цит. по: Мартышина О.В. Проблемы ценностей в теории государства и права // Государство и право. 2004. № 10. С. 5.

[3] См. об этом подробнее: Свободы и права человека – это тоже традиционная ценность [Интервью с А.В. Поляковым] // Закон. 2024. № 12. С. 8–16.

[4] Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S&ysclid=mq7tum3p8t873275747 (дата обращения: 12.02.2026).

Следует согласиться с В.Л. Толстых в том, что «сторонники консерватизма подчеркивают обессмысливание прав человека в условиях разрушения коллективной идентичности»[1]. Действительно, как возможно их обеспечение, если разрушаются сдерживающие единство общества скрепы. На это обращают внимание и представители классического либерализма. В частности, Х. Арендт, которая не была либералом, но была ярким критиком тоталитаризма, порождаемого, по ее мнению, социальной деградацией и атомизацией. Понимая тоталитаризм как массовое движение изолированных обывателей, она писала: «Фундаментальное лишение человеческих прав сперва и прежде всего проявляет себя в утрате места в мире, которое делает мнения значительными и действия результативными. Нечто куда более глубокое, чем свобода и справедливость, кои суть лишь гражданские права, находится под угрозой, когда принадлежность к сообществу, где человек родился, больше не признается естественным делом...»[2]. В этом фрагменте речь идет о глобализации и гражданах мира.

Думается, следует отграничивать консервативную критику естественного права и критику прав и свобод человека. Идеологический конструкт «прав и свобод человека» давно стал одним из основополагающих принципов и целей развития философии права. Давно стали привычными учебники по правам человека. Некоторые авторы признают за этой идеей даже научное происхождение, полагая, что данный концепт является универсальным критерием совершенства норм законодательства. Например, в одной из книг обосновывается псевдонаучное учение о правах человека как универсальной оценочной категории и «важнейшей составляющей» права как такового[3]. Нельзя в этой связи не согласится с И.В. Деминым, что «сам факт появления учебников по “правам человека”, свидетельствующий о том, что

[1] Толстых В.Л. Миф о войне как центральный элемент международно-правовой идеологии // Российский юридический журнал. 2015. № 6. С. 48.

[2] Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. С. 396.

[3] Права человека / под ред. Е.А. Лукашевой. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 255.

либеральное правовонимание отождествляется с правопониманием как таковым, является вызовом если не для философии права, то, как минимум, для философии науки, в рамках которой различение между научным и идеологическим типами дискурса всегда рассматривалось в качестве исходного постулата и важнейшей задачи»[1].

В самом деле, изначально концепция прав человека обязана своим происхождением гуманистической философии эпохи Возрождения, когда достоинство каждой личности понималось с христианских позиций и представлений. Каждый человек представляет собой образ Божий, что делает необходимым предоставление защиты правам каждого человека в плане признания его достоинства. Однако впоследствии происходит искажение христианского понимания человека, его прав и свобод, сформировавшееся в Средние века, новым секулярным правовым гуманизмом, ставшим на путь оправдания пороков человека в эпоху атеизма и материализма: «аргументацию гуманизма используют для легализации однополых браков, эвтаназии, торговли “легкими наркотиками”, проституции, перемены пола. Человечество нашло удобный способ оправдания самых греховных желаний, источником которых теперь стал человек, вознесенный на пьедестал вместо Бога»[2].

Первым из современных правоведов-консерваторов, обрушившихся с критикой именно на права человека, следует признать французского традиционалиста-язычника Бенуа[3]. Ален де Бенуа – французский философ, основатель и ведущий теоретик движения «Новые правые» (“Nouvelle Droite”). Его работы включают систематическую критику либерализма, универсализма

[1] Демин И.В. Критика идеологии права человека в политической философии Алена де Бенуа // Вестник Самарской гуманитарной акалемии. Серия «Философия. Филология». 2017. № 2 (22). С. 82.

[2] Овчинников А.И. Миланский эдикт и его роль в формировании ценностей современного права // Философия права. 2013. № 3 (58). С. 19.

[3] Бенуа А. де. Как можно быть язычником. М.: Русская Правда, 2004. 240 с.; Его же. По ту сторону прав человека. В защиту свобод / пер. с фр. С. Денисова. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015. 144 с.; Его же. Против либерализма: к четвертой политической теории. М.: Амфора, 2009. 480 с.; Его же. Религия прав человека. URL: http://www.rossia3.ru/politics/foreign/prava_cheloveka (дата обращения: 12.02.2026).

и того, что он называет «метафизикой субъективности». Критику теории прав человека Бенуа осуществляет в контексте отрицания христианства. Центральным тезисом книги Бенуа «Как можно быть язычником» является фундаментальная критика иудео-христианской традиции и защита язычества как жизнеспособного, сложного мировоззрения. Автор рассматривает иудео-христианство как дуалистическую систему, которая создает пагубное разделение между духовным и материальным, Богом и миром. Он связывает эту двойственность с презрением к миру природы и «линейным» взглядом на историю, который породил такие разрушительные явления, как глобализм и необузданный капитализм. Он представляет европейское язычество не как примитивный культ, а как богатую и сложную метафизическую доктрину монизма (или «недуализма»). Это мировоззрение сакрализует мир и признает многообразие культур и богов, противостоя универсалистской и гомогенизирующей тенденции монотеизма.

Вместо христианства Бенуа развивает интеллектуальную языческую философию – критическую точку зрения, с которой можно анализировать и отвергать основы современной иудео-христианской цивилизации. У мыслителя явно проступают идеи Ницше, который также осуществлял критику христианства. Его идеи также близки к умеренному традиционализму.

Критикует Бенуа идею прав человека по следующим основаниям. Во-первых, права человека определяются как сугубо индивидуальные атрибуты, принадлежащие изолированному, досоциальному индивиду. Он критикует идею прав человека за универсализм и субъективизм одновременно. По его мнению, «субъективизм обязательно приводит к релятивизму (согласно которому, все равноценно), смыкаясь, таким образом, с эгалитарным выводом универсализма (все равноценны). Релятивизм можно преодолеть лишь за счет произвола моего Я (или произвола нашего коллективного Я): моя точка зрения должна взять верх просто потому, что она моя (или наша). Понятия справедливости и общего блага

тут же теряют всякую основу»[1]. Здесь позиция мыслителя сближается с точкой зрения де Местра и Бёрка. Однако в отличие от них он критикует и универсализм в восприятии естественного права и прав человека.

Во-вторых, права человека претендуют на всеобщность, стремясь навязаться повсеместно, игнорируя конкретные сообщества, традиции и культурные контексты. По его мнению, универсализм является результатом – деградации или разложения объективности. Объективность он считает правильной целью и принципом мышления и познания. Но универсализм он отличает от объективности. «Если объективности можно достичь, отправляясь от частных вещей, то универсализм стремится определить частность, отправляясь от абстрактного и произвольно заданного понятия. Вместо того, чтобы выводить долженствование из бытия, он поступает прямо противоположным образом. Универсализм состоит не в объективном рассмотрении вещей, он предписывает отправляться от всеобщей абстракции, из которой выводится знание о природе вещей»[2]. В этом смысле идеи де Бенуа тоже не новы, так как ранее эту критику универсализма естественного права глубоко осуществили представители немецкой исторической школы права Гуго, Савиньи, Пухта.

По мнению ученого, идея прав человека в условиях общества модерна постепенно становится религией. Этот культ стал «гегемоном», вытеснив другие политические и социальные концепции (такие как традиция, нация, прогресс), и превратился в «моральный горизонт нашего времени». Критиковать эту идеологию сегодня так же неприлично, как в прошлом сомневаться в существовании Бога. «Как и всякая религия, дискурс прав человека пытается выдать свои догмы за абсолют, с которыми невозможно спорить, не выставив себя глупцом, бесчестным или злым человеком.

[1] Бенуа А. де. По ту сторону прав человека. В защиту свобод / пер. с фр. С. Денисова. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015. 144 с. URL: https://www.livelib.ru/book/158484/readpart-po-tu-storonu-prav-cheloveka-v-zaschitu-svobod-alen-de-benua (дата обращения: 12.02.2026).

[2] Бенуа А. де. По ту сторону прав человека. В защиту свобод... С. 5.

Представляя права человека в качестве прав “человеческих” и “всеобщих”, их, естественно, ограждают от критики, то есть от права ставить их под вопрос, и в то же время их противников ненароком выталкивают за пределы человеческого рода, поскольку невозможно же выступать против того, кто говорит от лица человечества, и при этом остаться человеком. Война с теми, кто не верит в права человека, приобретает характер религиозной: так же, как верующие раньше считали своим долгом всеми возможными способами обращать “неверных” и маловерных, сторонники религии прав человека считают, что у них есть мандат на исполнение миссии, требующей насадить принципы этой религии по всему миру»[1].

Нельзя не обратить внимание и на критику либерализма и капитализма с позиции отчуждения человека. Ален де Бенуа отмечает: «В психологическом плане люди ощущают себя все более и более лишенными власти над самими собой. Это происходит под воздействием столь быстрых процессов, столь могущественных стратегий и столь весомых ограничений, что человек уже не в состоянии достичь уровня, на котором он может адекватно воспринимать происходящее, тем более влиять на него»[2]. В этом плане теория прав человека и идеология «общества потребления» тесно смыкаются и порождают нового управомоченного потребителя. По мнению Бенуа, в современном либеральном правовом мышлении сложилась устойчивая практика превращать в права человека любой потребительский интерес. Любой запрос превращается в право индивида: «Сегодня требовать своих прав – значит просто пытаться максимально увеличить свои прибыли. Появление фигуры потребителя прав стыкуется, таким образом, с экономическим идеалом человека, занятого исключительно увеличением полезности. Вот почему гражданину все сложнее найти свое место в обществе, политически мыслимом по образцу саморегулирующегося рынка»[3]. Кроме того, Бенуа критикует идею

[1] Там же. С. 6.
[2] Бенуа А. де. Против либерализма. М., 2009. С. 159–160.
[3] Бенуа А. де. По ту сторону прав человека. В защиту свобод… С. 96.

прав человека и за то, что она носит европоцентристский характер. Как отмечает И.В. Демин, «идеология прав человека, согласно трактовке Алена де Бенуа, претендует на универсальный статус, но фактически она является одним из проявлений европоцентризма и этноцентризма»[1].

Идеология прав человека, возникнув на почве синтеза христианской идеи достоинства каждой личности и гуманистических посылов раскрепощения, в самом деле является продуктом европейской культуры. Однако нельзя согласиться с Бенуа по поводу этноцентризма и европоцентризма данной идеи. Сама «загонка» этой идеи в узкий контекст европейской культуры является результатом отказа в признании абсолютных истин, в софистическом поклонении принципу относительности любой идеи, рождаемой в этническом или индивидуальном сознании. Иными словами, нельзя согласиться с Бенуа в той части, что если идея прав человека произошла в лоне европейского мышления и западной культуры, то она глубоко этнокультурно обсуловлена и не может быть пригодной в мировом масштабе.

Выводы. Рассматривая правопонимание консерваторов, несмотря на различные подходы в философско-правовых идеях Бёрка, де Местра, Гуго, Савиньи, Пухты, Бенуа и других, следует признать, что доминирующей ценностью в их концепциях является идея и принцип законности. Либеральное отрицание законности было порождено локковским секулярным гуманизмом с установкой на признание доброжелательности частного собственника и врожденной добропорядочности граждан, мирно заключивших общественный договор. Консервативное правопонимание, сердцевиной которого является критика морального релятивизма наряду с отказом от либерального, рационально-индивидуалистического понимания естественного права, в условиях современности придерживается универсалистского естественно-правового мировоззрения с теоцентристским акцентом. Если классический

[1] Демин И.В. Ален де Бенуа об истоках, мировоззренческих предпосылках и парадоксах теории прав человека // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. 2021. С. 31.

консерватизм выступал с критикой универсалистских начал рационалистической теории естественного права, то современные консерваторы придерживаются идеи божественного миростроительства и порядка, который сложен на установленных Творцом естественных законах. Традиционные ценности в теории естественного права представляют собой не обычное право, а рационально постигаемые принципы, способствующие достижению фундаментальных человеческих благ. В консервативной теории права следует отграничивать консервативную критику естественного права и критику прав и свобод человека, так как последние являются ценностями либерализма.

Консервативное правопонимание базируется на признании неразрывного единства, симфонии права и нравственности; на вере в естественное право как вечный, неизменный закон справедливости, идущий от Бога; на уважении к правам человека, но без их абсолютизации; на признании достоинства каждой личности, но без секулярного гуманистического ее раскрепощения и морально-правовой автономизации, под которой следует понимать «произвол и вседозволенность» в выборе моделей поведения (свободу от общественных правил). По нашему мнению, идея прав человека, несмотря на свое христианское происхождение, вполне истинна в глобальном мировом масштабе. Впрочем, именно по причине своего религиозного рождения она и способна быть универсальной для всего человечества идеей, так как христианство является мировой религией, а не этнической, как, например, иудаизм. Другое дело в том, что эта идея, лишившись своего христианского контекста, была положена в основание секулярного гуманизма, который, прикрываясь этой идеей, стал оправданием любого человеческого действия, включая и порочное, греховное действие. Как справедливо утверждает А.И. Овчинников, «к сожалению, современное понимание прав человека и то понимание, которое было свойственно христианским мыслителям первых веков, расходятся. Законодательство стран Евросоюза под влиянием политиков дрейфует в сторону дехристианизации права. Это

выразилось в легализации однополых браков, в разрешении однополым парам усыновлять детей, в легализации проституции, эвтаназии, раннего сексуального просвещения и т.д.»[1]

Является правильной, на наш взгляд, критика идеи верховенства прав человека по отношению к правам народа, государства, общества, церкви и иных общих союзов. Нельзя жестко разделять общее и частное в трактовке прав человека, тем более недопустимо частное ставить выше общего. Они должны находиться в гармонии. Именно на этом поиске гармоничного сочетания всемирного и национального, правового и морального, общего и частного выстроен консервативно-правовой дискурс в современный период критики постмодернистского общества.

§ 1.4. Традиционная государственно-правовая организация общества в учениях консервативной правовой идеологии

Понятие «консерватизм», как отмечалось выше, достаточно многообразно и неоднозначно, в различные эпохи в это понятие вкладывали нередко разнообразное содержание, оно отражало целый спектр социально-философских, политических, правовых, экономических идей и концептов. В рамках различных дисциплинарных практик формировалось специфическое определение консерватизма (экономический консерватизм, политический консерватизм, правовой консерватизм, культурный консерватизм и т.п.[2]). При этом в дисциплинарных исследовательских проектах ставились разные акценты, выделялся свой список сущностных признаков и характеристик,

[1] Овчинников А.И. Христианские ценности в современном праве и глобализация (к 1700-летию Миланского эдикта) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2013. № 2. С. 9.

[2] См.: Неоконсерватизм в странах Запада. Ч. 2. Социально-культурные и философские основы. М.: Академия наук СССР, 1982. 296 с.; Кузнецов В.А. Неоконсервативные силы ФРГ: идеология и политика: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Академия обществ. наук ЦК КПСС. М., 1991. 21 с.; Рыков А.В. Современное искусство и эстетика консерватизма. Лондонская школа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2005. Вып. 2. С. 80–87.

позволяющих относить ту или иную деятельность или строй мышления к консервативному.

Более того, начиная с XIX века, собственно, когда консерватизм получил свою правовую концептуализацию и вошел в социально-гуманитарную практику, каждые социально-экономические кризисы и политико-правовые трансформации влекли за собой и существенный пересмотр данного понятия, ревизию его сущностных признаков и содержательной интерпретации. Примечательно, что «ряд важнейших идей подверглись своего рода инверсии: некогда либеральные идеи приобрели консервативное значение, и, наоборот, отдельные консервативные идеи – либеральное содержание»[1].

Еще раз подчеркнем, что в рамках правовой науки все эти содержательные неопределенности и концептуальная вариативность в интерпретации феномена «консерватизм» усложняется еще и типами правового мышления. В каждом из них консерватизм также трактуется достаточно оригинально и специфически. Последнее следует учитывать и в исследовании консервативных правовых учений и доктрин. Это связано с тем, что консерватизм многие из теоретиков и историков права рассматривали как особый тип правового мышления, который противопоставлялся либеральному и естественно-правовому типам правовой мыследеятельности.

Однако можно согласиться и с рядом других теоретиков и историков права, которые настаивают на том, что в каждом типе правового мышления есть свои консерваторы. В целом консерватизм как тип общественного мышления (в праве, политике, экономике, культуре и т.п.), как идейное течение и социальная практика – «это не просто раз и навсегда данный комплекс идей и доктрин, а определенное отношение к действительности, к тенденциям общественного развития, подвергающееся более или менее существенным изменениям в зависимости от конкретных исторических условий»[2].

---

[1] Консерватизм: современные интерпретации. Научно-аналитический обзор. М.: Академия наук СССР ИНИОН, 1990. С. 5.

[2] Консерватизм: современные интерпретации. Научно-аналитический обзор… С. 6.

Сделаем еще одно важное теоретико-методологическое замечание, а именно, что в каждом из течений правовой мысли сосуществуют постоянные переменные компоненты, которые меняются в зависимости от социально-экономических, исторических и политических условий[1]. Данные идейно-смысловые компоненты являются основой и для описания традиционного государства в консервативной правовой идеологии, выступая отличительными признаками, сущностными характеристиками учений о последнем.

Известный английский консервативный мыслитель Линкольн Аллисон выделил четыре основных элемента консерватизма (скептицизм к утопическим теориям, приверженность к традициям и преемственность, естественный порядок и социальная иерархия[2]). Принимая за основу эти четыре элемента для описания традиционности государственно-правовой организации, дополним ее еще одним элементом и будем рассматривать их в качестве идейно-смысловых и доктринально-программных блоков современной консервативной правовой идеологии.

Именно эти стержневые ценности консервативной мысли, сгруппированные по ***пяти блокам***, выступают ценностно-смысловой системой координат в интерпретации и содержательном описании традиционной государственно-правовой организации общества (см. рис. 1).

[1] См. об этом подробнее: Жирнов Н.Ф. Политические идеи консерватизма в наследии Эдмунда Бёрка: преемственность и развитие: дис. … докт. полит. наук: 23.00.01. М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2009. 500 с.

[2] Allison L. Right principles: Conservative philosophy of politics. Oxford; New York: B. Blackwell, 1984. URL: https://archive.org/details/rightprinciplesc0000alli (дата обращения: 24.07.2025).

Рис. 1. Ценностно-смысловая система координат в консервативной интерпретации традиционной государственно-правовой организации общества

Первый блок выражает комплекс идей и учений о естественном порядке вещей и организации сообщества. Здесь традиционное государство базируется на властно-иерархической структуре общества, в которой каждый гражданин занимает строго отведенное ему место и реализует определенные, с учетом его социальной позиции, функции. Это структура является хребтом всей государственно-правовой организации, механизма государства и системы юридических учреждений. При этом данная организация всегда имеет сакральный (божественный порядок) или рациональный (естественный порядок вещей) режим легитимации.

Кроме того, традиционный иерархический порядок воплощается в консерватизме не только в признании естественного характера властно-иерархической организации государства, но и в представлении о ценностно-нормативной архитектонике.

В первом случае речь, как известно, идет о естественном состоянии любой традиционной государственно-правовой организации – иерархически

организованном обществе. Здесь консерваторы отстаивают идею строгой социальной структурации общества, где место каждого индивида определяется его положением в обществе. Это проявляется в поддержке традиционных институтов, таких как семья, церковь, право и государство, которые цементируют эту иерархию. Отсюда выводится и значение концепта «сильное государство», которое выступает необходимым элементом в обеспечении правового, экономического, политического и других общественных порядков, где происходит тесное сочленение прав и обязанностей личностей (например, известный концепт «правообязанной личности», т.е. права немыслимы без обязанностей, как и наоборот) и воплощается в принципе социального служения обществу и государству. В том числе властно-иерархический принцип предполагает сочетание строгой субординации с заботой о нижестоящих слоях общества. Сильные обязаны защищать слабых, а слабые – подчиняться сильным.

Если этот аспект иерархичности достаточно системно и всесторонне описан в современной литературе, то второму аспекту – ценностно-нормативной архитектоники – уделяется меньше внимания. В рамках последнего можно выделить три основных уровня/среза.

Во-первых, это ценностно-иерархический срез, отражающий совокупность консервативных идей, ценностей, образов, символов, традиций, когнитивных установок и т.д., определяющих государственно-правовую организацию и консервативные траектории ее развития.

Во-вторых, это нормативный срез, фиксирующий типоформирующие правила, нормы и стандарты определенной мыследеятельности людей (например, консервативно-правовой подход в эволюции национальной правовой системы или совершенствования правотворческой деятельности, создание ориентиров опережающей правотворческой деятельности/правового моделирования будущего).

В-третьих, это праксиологический срез, отражающий основные стили публичного поведения и модели взаимоотношений в системе «личность –

общество – государство» (например, консервативная модель публично-властных отношений между государством и обществом), а также устойчивые модели частноправового взаимодействия (например, деловые обыкновения, обычаи морских портов, локальные этноправовые модели обмена и проч.).

Второй блок отражает комплекс идей и учений о социально-экономической организации и правовой политике государства. В основном здесь западноевропейская консервативная правовая идеология придерживается «идеи маркетизма»[1], где свободные рыночные отношения и свободная конкуренция являются базовыми принципами государственно-правовой организации, основанием для реализации правовой политики государства.

Поэтому важнейшая задача традиционного государства – это гарантирование, обеспечение и защита свободного рынка и конкуренции. Именно рынок становится изначальным принципом развития и совершенствования как самого государства и права[2], так и конкретных социальных институтов, различных видов общественных взаимодействий. Здесь Л. Аллисон развивает неконсервативное учение Фридриха Августа фон Хайека, получившее массовую популярность в 60-х годах XX века, об изначальности принципа маркетизма в общественном развитии[3].

Напомним, согласно тезису Ф. фон Хайека существует реально только два магистральных пути развития человечества: *первый*, основанный на свободном рынке, ведущий к прогрессу человека и общества; *второй*, который

---

[1] Маркетизм (от англ. market – рынок) – совокупность идей, принципов и убеждений, которые обосновывают доминирование в правовой политике государства различных режимов поддержки и охраны частного предпринимательства, принципов и практики свободного нерегулируемого рынка, ограничивающих вмешательство в экономику, в свободные рыночные отношения. (Sandstrom G. The Marketism conundrum: how to proactively achieve proportionality in institutions? // Topos. 2015. № 2-3. P. 42–56.)

[2] Caverley J. Neoconservatism, Neoclassical Realism, and the Narcissism of Small Differences. In After Liberalism? Ed. R. Friedman, K. Oskanian, R.P. Pardo. Basingstoke: Palgrave. 2013. P. 145–166; Grieco J.M., Ikenberry G.L. State Power and World Markets. New York: W.W. Norton & Co., 2003. 300 p.

[3] Заметим, что именно за гармонизацию принципов консерватизма и маркетизма Ф.А. фон Хайек во многом получил Нобелевскую премию по экономике в 1974 году.

ставит государство выше рынка и тотально нормирует социально-экономические отношения – это явная дорога к рабству[1]. Именно эти идейно-теоретические основания позволили Л. Аллисону заявить в конце XX века, что в современное время «маркетизм и консерватизм это одно и тоже»[2].

Справедливо отмечается, что в XX веке, особенно после Второй мировой войны, «приспосабливаясь к социально-экономическим и общественно-политическим изменениям, консерваторы приняли многие важнейшие идеи и принципы, которые ими раньше отвергались, такие, например, как свободно-рыночные отношения, конституционализм, система представительства и выборности органов власти, парламентаризм, политический и идеологический плюрализм и т.д. Сохранив приверженность господствующей религии, после Второй мировой войны большинство консерваторов восприняли рационализм и технократизм»[3].

Следует отметить, что эти идеи, хотя и стали авторитетными и популярными и во многом способствовали эклектическому соединению свободы конкуренции, анархии рынка и проч. с властно-иерархической структурой, сращиванию идеологий либерализма и консерватизма, тем не менее последнее в основном характерно прежде всего для консервативно-правовой мысли США.

Например, для французской консервативно-правовой мысли, английской и немецкой школ такое сближение рассматривается минимум как проблематичное, а сама доктрина либеральной экономической системы и свободных рыночных отношений становилась неоднократно предметом острой критики в консервативной политико-правовой литературе[4].

---

[1] Хайек Ф.А. фон. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.

[2] Allison L. Right principles: Conservative philosophy of politics. P. 15.

[3] Консерватизм: современные интерпретации. Научно-аналитический обзор. М.: Академия наук СССР ИНИОН, 1990. С. 14.

[4] Например, в недавних выступлениях госсекретаря США Джей Ди Вэнса неоднократно подчеркивался возврат Америки к традиционным цивилизационным основаниям, обращалось внимание на ущерб, который приносит либеральный дискурс для гармоничных социальных отношений, повышения роли государства в регулировании разнообразных общественных процессов и т.д. (см. об этом: Индустриализация США по Вэнсу //

Здесь лишь мы отмечаем, что социально-экономический аспект в правовой политике государства является одним из ключевых элементов в консервативной правовой идеологии.

В целом следует отметить, что уже во второй половине XX века «реформаторский бум» постепенно сходит с авансцены государственно-правового развития. Многие мыслители и государственные деятели все чаще начинают обращаться к традиционным основаниям государства, ценностным приоритетам развития общественных отношений.

Так, например, К. Хорнунг отмечал, что уже в 1970-х годах происходит «выдвижение новой консервативной теории», формируются идейно-смысловые альтернативы прогрессистской либеральной теории государства, поскольку «импульсы послевоенного восстановительного периода стали ослабевать, а эйфория от реформ и революционных перемен прошла»[1].

В свою очередь процессы технологизации и информатизации, а затем и цифровизации, лишь ускорили этот процесс. Поэтому сегодня мы и становимся свидетелями того, как глобальный проект правовой унификации «сворачивается», а восстановление традиционной ценностно-нормативной системы общества и цивилизационных оснований государства вновь становится ключевым ориентиром государственно-правового развития.

В то же время будет пока большим преувеличением сказать, что либерально-демократическая правовая доктрина полностью сдает свои исторические позиции. Напротив, как мы отвечали выше, одним из влиятельных консервативных направлений в Западной Европе остается неоконсервативный либерализм. Как справедливо отмечает Н.Ф. Жирнов, «среди всех современных разновидностей консерватизма – ордолиберальный,

---

Информационный портал NewsFront. URL: https://news-front.su/2025/03/29/industrializacziya-ssha-po-vensu/?ysclid=m8xgdtekqv80983347 (дата обращения: 14.02.2026); Полный текст речи Джей Ди Вэнса на конференции по безопасности в Мюнхене // ИноСМИ. URL: https://inosmi.ru/20250216/vens-271862680.html (дата обращения: 14.02.2026)).

[1] Hornung K. Konservatismus // Politis – Padagogisches Handworterbuch. Munchen,1985. S. 267.

католический, национал-консерватизм, технократический, политико-экологический, просвещенный – в настоящее время наиболее влиятельными *остаются либеральный* (*традиционалистский*) *и неоконсерватизм*»[1].

Третий блок: в основании государства и его развитии лежит идея целостности, принципы общественного и институционального (правового, политического, экономического, культурного и др.) единства, где все элементы тесно взаимосвязаны и взаимообусловливают друг друга, а любые попытки кардинально изменить действующие социальные институты и порядки (юридические, политических, экономические и т.п.) влекут разрушение всей общественной целостности, упадок и разложение единого организма[2].

Неслучайно, многие исследователи, акцентируя внимание только лишь на данном аспекте (блоке) консерватизма, указывают, что консервативной правовой идеологии противоречит идея развития, что любое реформирование ведет к разрушению изначальной социокультурной, политико-правовой, социально-экономической целостности, к дисфункции традиционных институтов и порядков[3]. Еще раз подчеркнем, что консервативная правовая идеология не воспринимает любые изменения однозначно негативно. Напротив, консерватизм предполагает изменения, но такие изменения в правовых институтах и государственных органах, которые не подрывают их устойчивость и ценностно-нормативные основания функционирования системы общественных отношений.

В свою очередь, если внедрение новых институтов (политических, правовых, экономических и других) не основывается на национально-культурной специфике и не учитывает традиционную ценностно-нормативную основу общества, то такие институты, с позиции консерваторов,

---

[1] Жирнов Н.Ф. История политической мысли: консерватизм. М.: Издательство Юрайт, 2025. С. 86.

[2] Часто в аргументации данных положений используются исторические и теоретико-правовые достижения органической теории государства и права.

[3] Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 122–123.

не являются «рабочими». Последние будут дисфункциональны, т.е. не будут выполнять тех социальных функций, которые изначально проектировались реформаторами.

Такие наносные институты не будут приняты обществом и в конечном итоге породят функциональные альтернативы. Другими словами, в рамках общественной системы сформируются функциональные эквиваленты, замещающие нерабочие государственно-правовые институты, которые реально и будут нормировать общественное взаимодействие[1].

Четвертым элементом консервативной правовой идеологии является «концептуальный скептицизм». Последний относится к отвлеченным теоретико-концептуальным построениям, которые воспринимаются консерваторами достаточно критически. В консерватизме основной приоритет отдается имеющемуся в конкретном обществе государственно-правовому опыту.

Иначе говоря, в консервативной правовой идеологии абстрактные теории, концепции и идеологии, не укорененные в национальной культуре и не апробированные в практике общественных отношений, категорически отвергаются. Консерватор предпочитает прагматический подход к эволюции государственно-правовых институтов и опору на практический опыт. Вместо

[1] В рамках своих работ исследователь, придерживающийся консервативно-правовой идеологии – Л. Фридмэн, обосновывал, что ни одна общественная система не терпит пустоты, как и в природе в социальном нормировании общественных отношений не может существовать вакуум. Если последний и возникает, то существуют два основных сценария развития социально-правовой ситуации: *во-первых*, это позитивный сценарий, когда возникновение вакуума и появления неформальных правил (нормативных альтернатив) регулирования общественных отношений «закрывается» в рамках правотворческой деятельности и создания новых государственно-правовых институций; *во-вторых*, это негативный сценарий – образование нормативного вакуума, его игнорирование со стороны государства или неадекватное решение последнего государственно-правовыми инструментами обусловливает процесс формирования в рамках общественных отношений институциональных альтернатив или/и механизмов «обхода» действующих официальных регуляторов. С точки зрения Л. Фридмэна, является социальным ответом на проблему государственно-правовой реальности, не получившую адекватного разрешения через официальную систему. Так, он отмечает, что «народное правосудие, вышедшее из-под контроля официальных структур, может приобретать разнообразные формы, доходя до слепой, безжалостной практики судов Линча, французских народных трибуналов и т.п.» (Фридмэн Л. Введение в американское право. М., 1993. С. 27–28.)

обоснования универсальности правовых принципов и юридических институтов в консервативных учениях доминирует доктринально-программная часть, которая сосредотачивается на решении конкретных социально-правовых проблем.

Питер Вирек, известный историк и консерватор, отмечал, что консервативная идеология имеет явный «антитеоретический характер» и «прагматическую направленность мышления». Этим консерватизм отличается от либеральной идеологии, которая целенаправленно конструирует абстрактные теории и универсальные схемы реформирования государства, правовой системы общества, пытается навязать типизированные принципы социально-экономической эволюции[1]. Последнее не означает, по утверждению современных консерваторов, что сам консерватизм – это «прикладной политический инструмент». Напротив, консерватизм – это целый комплекс идей, ценностей, принципов и теоретических схем, формирующих национально-культурную мировозренческую систему и соответствующие доктринально-программные разработки.

Здесь «концептуальной скептицизм» прежде всего относится к критике антинациональных и антитрадиционных абстрактных доктрин и учений, которые преподносятся обществу в качестве вневременных и универсальных, не учитывающих реальный государственно-правовой опыт развития конкретного государства и права, устойчивые духовно-нравственные доминанты развития общественных отношений[2].

Абсолютизация абстрактных схем реформирования и универсалистских принципов разрушает целостность и устойчивость государственно-правового развития общества. С позиции Л. Аллисона, как и многих современных консерваторов, «концептуальный скептицизм» стоит на земле, а не парит в мире эйдосов, не ставит акцент на открытии вечных и фундаментальных

[1] Viereck P. Conservative Thinkers: From John Adams to Winston Churchill. N.Y.: Routledge, 2005. 196 p.

[2] Viereck P. Unadjusted Man in the Age of Overadjustment. N.Y.: Routledge, 2003. 386 p.

принципов строения и развития государственно-правовой организации общества, а подбирает ключи к решению реальных социально-экономических и политико-правовых проблем на основе практического опыта и традиций общества[1].

Следует подчеркнуть, что начиная с середины XX века западноевропейские консерваторы, не оспаривая ключевой элемент консервативной идеологии («концептуальный скептицизм»), для противостояния универсалистской либерально-демократической идеологии основное внимание начали уделять и проблематике идейно-смысловых, ценностно-нормативных и идеологических оснований государственно-правовой организации.

Достаточно масштабно (в идейно-теоретическом плане) происходит выступление «против либерального этатизма и его моральных и интеллектуальных предпосылок. Он (консерватизм. – *Е.К.*) бросал вызов гедонистической массовой культуре и светской религии прогресса. Чтобы эффективно противостоять им, требовались усилия по пробуждению в западном человеке чувства высшего смысла жизни путем обращения к морально-духовным и культурным источникам цивилизации»[2].

Пятый блок консервативной правовой идеологии связан с гармонизацией индивидуализма и коллективизма. Данные теоретико-практические разработки получили свое фундаментальное (концептуально-теоретическое и идейно-ценностное) и практическое (в виде доктринально-программных предложений по совершенствованию современного государственно-правового устройства) воплощение в солидаристских консервативных учениях[3].

---

[1] Осипов И.Д. Ю.Н. Солонин о социально-политической философии консерватизма // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 4. С. 525–533.

[2] Ryn C.G. Peter Viereck: Traditionalist Libertarian? // Law & Liberty. 2012. № 23 (June). URL: https://lawliberty.org/peter-viereck-traditionalist-libertarian (дата обращения: 14.02.2026).

[3] Данные учения и доктрины будут более подробно и содержательно рассмотрены ниже, в соответствующей части исследования.

Например, Л. Аллисон отмечает, что именно в консервативной идеологии происходит гармоничное сочетание как элементов индивидуализма (уважение к частной собственности и личным свободам) с базовыми положениями коллективизма (признание важности общественного порядка и авторитета государства)[1]. В консервативных учениях и доктринах «каждый человек представляет собой часть общества, и он наделен определенными правами не просто как человек сам по себе, а как член общества. Органическое общество может расти, изменяться и слегка реформироваться, оставаясь в то же время самим собой»[2].

В целом следует отметить, что идеи государственно-правового единства и национально-культурной целостности, посредством которых и обосновывается синтез индивидуалистических и коллективистских начал, а также размежевание с либералистскими и социалистическими учениями, являются основополагающими в современной консервативной правовой идеологии. Например, К. Шмитт полагал, что народ как политико-правовое понятие может существовать только в качестве государственно-правового единства, когда одно без другого в реальности немыслимо.

Так, он отмечал, что «народ, существующий в качестве *политического единства*, обладает высшим и возвышенным, более интенсивным видом бытия в отличие от естественного сосуществования какой-либо совместно проживающей группы людей»[3]. Следовательно, государственно-правовое единство, по К. Шмитту, не только определяет «статус народа», но и делает возможным его бытие как определенной социокультурной целостности.

При этом сама целостность интерпретируется как «качественное состояние жизни народа в его *пространственно-временном* (т.е. целостность эволюции

[1] Allison L. Right principles: Conservative philosophy of politics. Oxford; New York: B. Blackwell, 1984. URL: https://archive.org/details/rightprinciplesc0000alli (дата обращения: 24.07.2025).

[2] Консерватизм: современные интерпретации. Научно-аналитический обзор. М.: Академия наук СССР ИНИОН, 1990. С. 10.

[3] Шмитт К. Государство и политическая форма. М., 2010. С. 49.

политического и социокультурного бытия народа, несмотря на различные катаклизмы, «сбои», радикальные трансформации, случающиеся в ходе развития), *духовно-нравственном* (цельная система национальных верований, идей, символов, образов, установок, стереотипов и проч.), *географо-климатическом* (пространственная, экологическая и климатическая специфика развертывания общественных процессов и социально-властного взаимодействия, во многом определяющих властно-правовые формы организации и режимы взаимодействия между частями, элементами) единстве»[1].

Именно поэтому в рамках консервативной правовой идеологии традиционная государственно-правовая организация рассматривается не столько как конкретно-историческое состояние, сколько в контексте единства эволюционного развития общественной системы.

Так, в рамках традиционной государственно-правовой организации можно отметить, что для консерватора не существует значимых практик вне правовой и политической целостности. Принципы целостности и государственно-правовой режим совместной деятельности выступают легитимирующими факторами любой государственно-правовой активности.

Например, консервативный историк Б. Як в своем относительно недавнем фундаментальном труде обосновывает, что в предшествующие времена и в настоящих исследованиях допускалась и допускается серьезная методологическая ошибка. Она связана с тем, что целостность и единство являются изначальными, родовыми основаниями политической мыследеятельности, а не производными. Так, он отмечает, что целостность сообщества – это «родовой компонент человеческой ассоциации», а не производный, «особый продукт традиционного общества», которому будто бы нет места в современной действительности, «сообщества *связывают нас не с*

[1] Мамычев А.Ю. Государственная власть в социокультурной организации современного общества: теоретико-методологические аспекты политико-правовой трансформации: монография. М.: Общество с ограниченной ответственностью Издательский Центр РИОР, 2024. С. 103.

помощью нашего подчинения группе или же *слияния с ней*, а посредством того, что мы *расположены проявлять особое попечение и лояльность к людям*, *с которыми одинаково разделяем нечто общее* (курсив мой. – *Е.К.*)»[1].

Следовательно, консервативно-правовой вектор трансформации государственно-правовой жизни общества направлен на формирование адекватных и органичных культуре институтов власти, государства, права, конкретно-исторических политико-правовых форм организации отношений, отвечающих интересам и ценностям общества, в том числе ориентирован на гармонизацию традиционных и инновационных социально-нормативных регуляторов, общественных моделей взаимодействия и т.п.

Оригинальность и значимость данного вектора социально-правовой мыследеятельности заключается в ориентации на обеспечение ключевых качественных характеристик правокультурной целостности – темпорального и цивилизационно-пространственного единства, институциональной стабильности основополагающих социальных институтов и нормативных комплексов (права, религии, морали, правовых обычаев и этнонациональных традиций), а также гармоничной адаптации и со-развития традиций и инноваций.

Последнее связано с многоуровневым механизмом «укоренения» нового институционально-правового опыта, и формирование инновационных нормативных комплексов происходит посредством доминирующей в обществе ценностно-нормативной матрицы, через «национальную призму» преемственно-воспроизводимых когнитивных установок и эмоционально-психологических готовностей. Именно последние позволяют с наименьшими социальными и управленческими «издержками» адаптировать институциональные, инструментальные или технологические новации к сложившейся политико-правовой действительности и ценностно-нормативному укладу конкретного общества.

---

[1] Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. С. 19.

Выводы. Консервативные основания традиционной государственно-правовой организации, как отмечалось выше, структурно выражены в пяти взаимосвязанных и взаимообусловливающих элементах:

- естественный порядок вещей, властно-иерархическая и ценностно-нормативная организация сообщества. Здесь традиционное государство базируется на властно-иерархической структуре и ценностно-нормативной архитектонике общественной организации, в которой каждый гражданин занимает строго отведенное ему место и реализует определенные, с учетом его социальной позиций, функции;
- взаимосвязь социально-экономической организации и правовой политики государства, ориентированной на обеспечение социальной справедливости, поддержку традиционных институтов и проч.;
- идея целостности, принципы общественного и институционального единства, где все элементы тесно взаимосвязаны и взаимообусловливают друг друга, а любые попытки кардинально изменить действующие социальные институты и порядки влекут разрушение всей общественной целостности, упадок и разложение единого организма;
- концептуальный скептицизм по отношению к отвлеченным теоретико-концептуальным построениям, которые воспринимаются консерваторами достаточно критически. В консерватизме основной приоритет отдается имеющемуся в конкретном обществе государственно-правовому опыту;
- гармонизация индивидуализма и коллективизма, выраженная в теоретических (концептуально-теоретическое и идейно-ценностное) и практических (в виде доктринально-программных предложений по совершенствованию современного государственно-правового устройства) солидаристских положениях.

Глава 2. Правопонимание и традиционные ценности в концепциях западного государственно-правового консерватизма

§ 2.1. Консервативные направления современного правового мышления на Западе

Осмысление феномена права в русле консервативной ценностной ориентации возникло уже на первых этапах популярности идей де Местра, Бёрка, Савиньи и др. Вопрос о сущности права в рамках современного западного консерватизма не имеет единого ответа. Он распадается на несколько конкурирующих, но взаимосвязанных традиций, которые объединяет общая критическая позиция по отношению к юридическому позитивизму, утилитаризму и либеральному индивидуализму.

В целом исследования, которые себя позиционировали как консервативные, начинают активно появляться в XVIII веке, а уже в конце данного века оформляются в качестве самостоятельного идеологического учения, в котором определяется более или имение целостное и специфическое (уникальное) представление о сущности власти, государства, права, общества и человека.

Хотя справедливости ради следует отметить, что отдельные учения об охранительных функциях права и государства, их тесной взаимосвязи с установленным порядком вещей, духовно-нравственной организации и т.п. имели место еще в древнегреческой, древневосточной, древнерусской правовой и политической мысли.

Однако «возникновение консерватизма как идеологического течения относится к концу XVIII – начала XIX в. – эпохе Просвещения и Великой Французской революции, прошедшей под лозунгом либеральных идеалов, направленных на разрушение традиционных ценностей европейского средневековья – католической веры, абсолютизма, сословно-корпоративных уз. По существу, отсчет в истории консерватизма ведут с эпохи радикальной

ломки ценностей христианского средневековья и воплощения в революционной практике либеральных проектов. Сам консерватизм в таком случае воспринимается как реакция традиционного общества на либерализм. Поэтому возникновение и эволюция охранительства прослеживается сквозь призму развития либеральной идеологии»[1]. Иными словами, через критику либерализма консерватизм набирал силу как идеологическое учение.

Последнее следует трактовать (т.е. противопоставление либерализму) как источник мобилизации и формирования консерватизма как целостной и самостоятельной правовой идеологии. Весьма преждевременно и недальновидно редуцировать консерватизм к отрицательной реакции на либеральные буржуазные революции: консерватизм проявил себя в борьбе с либеральной идеологией, но имеет свои предпосылки в религиозном мышлении.

Такой подход к трактовке консервативной правовой идеологии и консерватизма в целом свойственен именно западноевропейской мысли и принципиально отличается от подхода к консервативной идеологии в отечественной, азиатской, африканской, восточной и другой, не западной, правовой мысли[2]. Думается, связано это с победой либерализма, поддержанного буржуазной элитой, заинтересованной в установлении комфортного для нее политического режима.

Консерватизм более сложен и динамичен по сравнению с либерализмом, который по большому счету менее подвержен изменениям, имеет универсальный, а не адаптивный (пространственно-временной, национально-культурный и т.д.) характер. Консервативно-правовое мышление имеет, безусловно, свои гносеологические, онтологические и аксиологические

[1] Консервативная правовая идеология в Западной Европе и России в XVIII–XX вв.: сравнительный анализ: монография / под ред. А.А. Васильева. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 11.

[2] Например, А. Тойнби писал, что консервативная мысль является историческим ответом на либерализм, как способ концептуализации опасностей и рисков кардинальных преобразований, вызванных либеральной идеологией, а также доктринально-программной формой практического противодействия либеральным государственно-правовым реформам.

основания, а консервативная правовая идеология – свои четко выраженные элементы (консервативно-правовые идеи, принципы, концепции, учения, ценности, установки и т.д.)[1].

Среди ключевых общих характеристик консервативной правовой идеологии можно выделить следующие:

во-первых, консерватизм связан (исторически и социально) с ломкой традиционной ценностно-нормативной системы и изменяет свое содержание, а не форму, в соответствии с этими кардинальными трансформациями;

во-вторых, консерватизм – всегда динамичный феномен, и его адаптивная правовая идеология ориентирована на гармонизацию прошлого правового опыта развития общества, существующего, т.е. действующего правового уклада и будущих социально-правовых состояний (правовое моделирование которых осуществляется практически во всех доктринально-программных положениях консервативных учений);

в-третьих, развитие западноевропейской консервативной правовой идеологии всегда обусловливалось конкретно-исторической спецификой критического диалога с либерализмом (либерализм – консерватизм, неолиберализм и неоконсерватизм, постлиберальные учения, технократическая и биополитическая идеологии);

в-четвертых, консервативная правовая идеология также генетически связана с национально-культурной спецификой и ценностно-нормативной системой конкретного общества, устойчивыми духовно-нравственными стандартами и «предправовыми кодексами поведения», выработанными в рамках социально-правовой эволюции общественной системы.

В свою очередь, современную консервативно-правовую мыследеятельность следует рассматривать в качестве сложного и многоуровневого феномена. В этом аспекте выделим три основных

[1] Васильев А.А. Консервативная правовая идеология России: теологические и духовные аспекты. М.: Проспект. 2023. С. 13.

направления/уровня, в контексте которых следует рассматривать и содержательно описывать данный феномен.

Во-первых, это ценностно-иерархический срез, отражающий совокупность консервативных идей, ценностей, образов, символов, традиций, когнитивных установок и т.д.

Во-вторых, это нормативный срез, фиксирующий типоформирующие правила, нормы и стандарты определенной мыследеятельности людей (например, консервативно-правовой подход в эволюции национальной правовой системы или совершенствования правотворческой деятельности, создание ориентиров опережающей правотворческой деятельности/правового моделирования будущего).

В-третьих, это праксиологический срез, отражающий основные стили публичного поведения и модели взаимоотношений в системе «личность – общество – государство» (например, консервативная модель публично-властных отношений между государством и обществом), а также устойчивые модели частноправового взаимодействия (например, деловые обыкновения, обычаи морских портов, локальные этноправовые модели обмена и проч.).

Далее сделаем важное замечание: консервативно-правовая мыследеятельность принципиально отличается как от фундаментализма, так и традиционализма, которые ориентированы на регрессивную трансформацию социально-правовой жизни общества, т.е. восстановление изначальной универсальной правовой традиции, утраченных когда-то в прошлом (в зависимости от общественной системы в каждой есть такой золотой век/стандарт идеального социально-правового развития) форм и моделей правового устройства, характера и направленности общественных отношений.

Считаем, что последние две ориентации в восприятии социально-правовой трансформации общества являются неадекватными для современной нестабильной и рискогенной эпохи общественного развития, ведут к радикализации политико-правовой и социально-экономической организации общества, формируют крайне негативное отношение к принимаемым

реформам или проектам совершенствования правового регулирования с учетом цивилизационных и геополитических вызовов.

Сегодня можно выделить ряд направлений, в рамках которых консервативные мыслители осмысляют природу и сущность права.

1. Это обоснование так называемой «*новой теории естественного права*» (New Natural Law Theory), которая опирается на неотомистскую традицию, развивающую учение о законах Фомы Аквинского[1]. Сегодня неотомистская традиция представленная французской (Ж. Маритен, Э. Жильсон, Ж.-Э. Никола и др.), немецкой (Ф. Веттер, М. Грабман, Д. Бергер, К. Райнер, И. Лотц, И. де Фриз и др.), бельгийской (Д. Мерсье, Ж. Марешаль, М. де Вульф и др.) и другими школами, является одной из ведущих в развитии новых естественно-правовых учений о природе и сущности права.

В рамках новой теории естественного права разрабатывается «обновленное учение» и доктринально-программные положения современного консерватизма. Начало данному направлению положил цикл научных исследовательских проектов, рожденных во второй половине XX века, а систематическое оформление он получил благодаря ставшим классическими трудам Джона Финниса «Естественное право и естественный закон» (Natural Law and Natural Rights[2]), Патрика Ли «Новая естественная теория права» (The New Natural Law Theory[3]), Роберта П. Джорджа[4] и других исследователей.

Джон Финнис разрабатывал «Новое естественное право» как практическое руководство для консерваторов в разочарованном мире

---

[1] Фоминская М.Д. Идея достоинства личности и права человека в христианской правовой мысли: дис… докт. юрид. наук: специальность 12.00.01. Ростов н/Д.: ЮФУ, 2021. 480 с.

[2] Finnis J. Natural Law and Natural Rights. Oxford; New York: Oxford University Press, 2011. 494 p.

[3] The New Natural Law Theory // The Cambridge Companion to Natural Law Ethics. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. DOI: 10.1017/9781108525077.005.

[4] George R.P. Natural Law, Liberalism, and Morality: Contemporary Essays. Oxford: Oxford University Press, 2001; George R.P. Seeking Truth and Speaking Truth: Law and Morality in Our Cultural Moment. Ecounter Books, 2025. 312 p.

холодной войны 1960–1970-х годов. Он радикально переосмыслил томистскую теорию естественного права, призывая воспринимать социальный мир как исторически и культурно обусловленный и, что главное, изменчивый. Его практическое руководство было ориентировано на то, чтобы показать, как в этой культурной обусловленности и исторической изменчивости можно познавать вневременную истину практической разумности и базовых социальных благ[1].

Для Дж. Финниса сущность права неотделима от практического разума и общего блага. Право – это не просто система принудительных норм государства (как в юридическом позитивизме), а система социально-нормативных правил и ценностно-нормативных оснований, направленных на координацию общественной жизни ради «базовых человеческих благ»[2].

К этим «базовым благам» с позиции практически всех представителей «новой теории естественного права» относятся: *человеческая жизнь* и *здоровье* (физическое и психическое здоровье, а также целостность организма, что предполагает недопустимость биотехнологических, робототехнологических и других вмешательств в естественную телесность); з*нание* (эпистемические блага, в том числе пропозициональное знание, знание через знакомство, ноу-хау, понимание и мудрость); *работа и игра* (профессиональные усилия и мастерство в работе или игре, личные и коллективные достижения); *восприятие прекрасного* (эстетические переживания, вызванные искусством, природой, людьми, значимыми

[1] Coel K. Abysmal Jurisprudence: On the Genesis of John Finnis's Practical Guide to Statesmen // Forthcoming in the University of Toronto Law Journal. 2023. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4509486 (дата обращения: 28.03.2026).

[2] Основные блага для человека – это объективные, разумные, перфекционистские блага: их ценность не зависит от человеческого мнения, не определяется субъективными психическими состояниями, такими как удовольствие и желание; они хороши для отдельных людей, а не с точки зрения морали или просто как благо; они хороши, потому что совершенствуют человеческую природу, раскрывая человеческие способности и реализуя естественные цели человека (Murphy M.C. Natural Law and Practical Rationality. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 284 p. URL: https://books.google.ru/books/about/Natural_Law_and_Practical_Rationality.html?id=ZCRbCZIwCSYC&redir_esc=y (дата обращения: 28.03.2026)).

событиями или другими источниками красоты); *дружба* (различные формы социального доверия, устойчивости общественных отношений, сплоченности и общности, от близких личных отношений до жизни в гармонии с другими); *религия* (рефлексивная забота о трансцендентной, высшей реальности и стремление к гармонии с ней, которая является источником космического порядка, смысла и ценности и может принимать различные формы в разных религиозных традициях)[1].

В свою очередь, закон получает свою обязывающую силу не из голого факта установления властью, а из его рациональной направленности на содействие человеческому процветанию. «Несправедливый закон» в томистской традиции – «не закон» в полном смысле этого слова, хотя Финнис уточняет это положение, признавая за несправедливыми законами определенную юридическую силу.

Ключевые элементы этой позиции заключаются в следующем:

во-первых, это неразрывная связь права и морали: право онтологически зависит от моральных принципов и нравственных стандартов, доступных естественному разуму, а не только от воли законодателя;

во-вторых, это принцип «конкретизации», т.е. позитивное право есть разумная «конкретизация» общих принципов естественного права, необходимая в силу неопределенности самих этих принципов для конкретных обстоятельств и фактов социальной жизнедеятельности;

в-третьих, это практическая разумность как отправная точка: базовые блага познаются не путем дедукции из «человеческой природы» (то есть не из спекулятивного разума), а через самоочевидные предписания практического разума (это главное отличие новой теории естественного права от классического томизма).

[1] См. об этом: Shea M. Value Comparability in Natural Law Ethics: A Defense // The Journal of Value Inquiry. 2022. DOI: 10.1007/s10790-022-09895-5. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9662135 (дата обращения: 28.03.2026).

К продолжателям этой линии относятся также Роберт П. Джордж, Джерард Брэдли, Патрик Ли и Кристофер Толлефсен. Роберт Джордж, в частности, активно применяет эту теорию к дебатам о конституционном праве, биоэтике и религиозной свободе[1].

2. Схожее в теоретико-методологическом плане с вышерассмотренным является другое консервативное направление – «*конституционализм общего блага*» (Common Good Constitutionalism). Это направление связано, прежде всего, с именем профессора Гарвардской школы права Адрианом Вермюлем[2].

Вермюль ставит перед собой также достаточно амбициозную задачу: полный пересмотр правовой мысли современного американского консерватизма. Он призывает отказаться от оригинализма (традиционного метода толкования конституции в американском консерватизме) и вернуться к тому, что он называет «классической правовой традицией», – традиции, восходящей к Аристотелю, Фоме Аквинскому и испанской схоластике.

С его позиции консерваторы должны подходить к толкованию конституции с точки зрения морали и быть готовыми использовать государственную власть для продвижения общего блага[3].

Сущность и природу права Вермюль связывает с тем, что право носит телеологический характер. Трактовать право как принудительную силу и формальную процедуру неверно. Сущность права в его инструментальном характере, т.е. это инструмент достижения общего блага, а принимаемый государством закон не может быть «свободен от ценностей» [4].

---

[1] Natural rights and natural law: the legacy of George Mason. Fairfax, VA: George Mason University Press; Lanham, MD: Distributed by arrangement with University Pub. Associates, 1986. 264 p.

[2] Vermeule A. The System of the Constitution. Oxford: Oxford University Press, 2011. 224 p.; Vermeule A. Common Good Constitutionalism. John Wiley & Sons, 2022. 270 p.

[3] Conor C. “Common Good Constitutionalism” and the New Debate over Constitutional Interpretation in the United States // Public Law. 2021. № 4. P. 765–787. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3725068 (дата обращения: 28.03.2026).

[4] Conor C. Continuity and Evolution in Vermeule on Legal Interpretation // The American Journal of Jurisprudence. 2024. Vol. 69. Iss. 1. P. 29–43. DOI: 10.1093/ajj/auae006.

Ключевыми элементами консервативной правовой идеологии Вермюля являются следующие:

во-первых, право обусловлено и подчинено естественному порядку и божественному закону, а позитивное право легитимно лишь постольку, как оно соответствует и конкретизирует естественный порядок и воплощает божественный закон;

во-вторых, сущность и одновременно авторитет государственной власти обусловлен естественным благом общества. В этом аспекте политическая власть не есть необходимое зло или необходимый общественный компромисс (как в доминирующей теории договорной сущности государства), а представляет собой позитивный и атрибутивный элемент человеческого общества. При этом мощь государства следует рассматривать не в его принудительной силе, а в возможности направлять человечество к общему благу, гарантировать устройство в соответствии с естественным порядком;

в-третьих, классический англасаксонский оригинализм, по мнению Вермюля, – «ложный союзник консерваторов», поскольку он разделяет с позитивизмом установку на разрыв между правом и моралью. Классическая традиция, напротив, всегда понимала право как ordinatio rationis ad bonum commune – предписание разума для общего блага[1].

Следует отметить, что данное направление перекликается с более широким движением интегрализма – католической политической теологии, утверждающей, что светская власть должна быть подчинена духовным целям, а закон – конкретизации естественно-правовых принципов и положений[2].

[1] Bruce F.P. Common Good Constitutionalism and the Problem of Administrative Absolutism // SSRN. 2022. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4083882 (дата обращения: 28.03.2026).

[2] Ekins R. Between Authority and Usurpation? Common Good and Constitutional Government // The American Journal of Jurisprudence. 2024. Vol. 69. Iss. 1. P. 45–60. DOI: 10.1093/ajj/auae008.

3. Следующее направление консервативного толкования природы и сущности права связывается с английским «величайшим современным консервативным мыслителем», как отмечают многие исследователи этого направления, Роджером Скрутоном[1]. Данное направление часто еще маркируют как «*скрутоновский консерватизм*». Он развивал понимание права, укорененное в философии привязанности, лояльности и социальной сплоченности.

С позиции Скрутона право немыслимо и неотделимо от конкретного сообщества. Оно не может быть выведено из абстрактных универсальных принципов, а вырастает из привязанности к определенному месту, культуре и образу жизни[2]. Верховенство права (rule of law) – это не формальная процедура, а выражение общей лояльности: закон работает не потому, что подкреплен принуждением, а потому, что люди ощущают солидарность с правовым порядком своего сообщества[3].

При этом рациональное обоснование разрушает легитимность закона. Скрутон утверждал, что «наши самые необходимые убеждения могут быть одновременно необоснованными и не обосновываемыми с нашей собственной точки зрения, и попытка их обосновать лишь ведет к их утрате»[4]. Это означает, что право коренится не в рациональной аргументации (как у Финниса), а в дорефлексивных установках – привычках, традициях, ощущении принадлежности. Скрутон, таким образом, ближе к концепции английского философа Майкла Оукшотта, который видел в праве часть «гражданской ассоциации» (civil association) – совместной жизни, определяемой не общей целью, а общими правилами, традициями, укладом[5].

---

[1] Cullen D. Roger Scruton, 1944–2020: Conservatism Unmodified // American Political Thought. 2020. Vol. 9. Iss. 2. DOI: 10.1086/708366.

[2] Scruton R. Confessions of a heretic: selected essays. Devon: Notting Hill, 2016. 208 p.

[3] Scruton R. Gentle regrets: thoughts from a life. London: Continuum, 2005. 256 p.

[4] Scruton R. How to be conservative. London: Continuum, 2014. P. 8.

[5] Michael Oakeshott // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: https://plato.stanford.edu/entries/oakeshott (дата обращения: 28.03.2026).

4. Следующее направление – это «*традиционный оригинализм*», представляющее одно из авторитетнейших и распространенных направлений консервативной правовой идеологии.

Здесь право – это первоначальный замысел базового юридического текста. Здесь следует пояснить. Хотя оригинализм, прежде всего, метод конституционной интерпретации (а не полноценная теория сущности права), он долгое время оставался доминирующей правовой доктриной американского консерватизма, связанной с именами Антонина Скалии, Роберта Борка и Эми Кони Барретт[1].

Оригинализм опирается на ряд исходных правовых положений[2]:

во-первых, право – это текст, имеющий фиксированное значение, определяемое первоначальным пониманием (original public meaning) или намерением авторов;

во-вторых, судья не создает право, а обнаруживает его. В процессе конституционной интерпретации главная задача – это верность исходному смыслу текста, а не актуализация моральных принципов для современного социально-правового развития общества;

в-третьих, изменения в праве должны осуществляться через законодательный процесс, а не через судебную деятельность. В свою очередь, данное развитие не должно отходить от изначального смысла текста и его правовых рамок.

Данное направление диалектически сочетает консервативно-правовую идеологию с теоретико-методологическими установками позитивизма, что послужило причиной острой полемики между оригинализмом и другими направлениями западноевропейского консерватизма, особенно в интерпретации ценностно-нормативных установок, правовой эволюции

[1] Берлявский Л.Г. Оригиналистская и нонориginалистская концепции конституционной интерпретации в США // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 101–108.

[2] Against Constitutional Originalism. A historical critique. Yale: University Press, 2024. 343 p.; Huscroft G., Miller B.W. The Challenge of Originalism: Theories of Constitutional Interpretation. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 320 p.

общества и базовых общественных благ[1]. Об этом еще речь пойдет ниже в соответствующих частях диссертационного исследования.

5. Следующее направление консервативной правовой идеологии связано с критикой прав человека. Представителей данного направления обозначают «новые правые». Центральной фигурой «новых правых» является Ален де Бенуа, который с конца 1960-х годов разрабатывает альтернативную правовую и политическую философию. В своей книге «За пределами прав человека» он обосновывает, что права человека в качестве современной идеологической программы подавляют культурное разнообразие и свободу[2].

Природа права и его социальная роль конкретизируются в каждой культуре. В целом для консерваторов право как феномен всегда содержательно конкретизируется в определенной культуре, оно создается и эволюционирует в обществе и служит этому обществу. Например, Дж. Грей обосновывает, что такое понимание права «позволяет приверженцам различных культурных традиций обеспечить отражение этих традиций в правовых порядках, которым они должны подчиняться, не прибегая к сепаратистским действиям, неизбежным там, где единое государственное образование или поселение, охватывающее множество народов, устанавливает абстрактный, унифицированный правопорядок, коему все должны подчиняться»[3].

Как уже отмечалось, Ален де Бенуа также обосновывает, что доктрина естественных прав, лежащая в основании теории современных прав человека, присуща исключительно европейской цивилизации, а навязывание их другим народам ведет к разрушению традиционных культур и цивилизаций[4].

---

[1] Bennett R.W., Solum L.B. Constitutional Originalism: A Debate. New York: Cornell University Press, 2011. 224 p.

[2] Benoist A. de. Beyond Human Rights: Defending Freedoms. Arktos, 2011. URL: https://books.google.ru/books?id=SSrSQ5F6P4EC&pg=PA3&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=1#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 28.03.2026).

[3] Грей Дж. Поминки по просвещению: политика и культура на закате современности. М., 2003. С. 264.

[4] Бенуа А. де. По ту сторону прав человека. В защиту свобод. М.: Изд-во Института общегуманитарных исследований, 2015. 144 с.

Например, в других правокультурных пространствах ключевой акцент делают не на правах, а на юридических обязанностях, в иных цивилизациях права не отделимы и не мыслимы без ответственности. Можно привести в этой связи теоретико-правовые разработки дореволюционных отечественных юристов, которые использовали единый концепт «правообязанность» (Н.Н. Алексеев).

Поэтому, с точки зрения де Бенуа, универсализм прав человека и их навязывание без культурной адаптации ведет к парадоксальным результатам – к уничтожению самих этих прав (прежде всего, к разрушению «права на свободу», «права на различие» и т.д.).

В то же время, несмотря на разнообразие позиций, причем иногда несовместимых, современные западные консерваторы разделяют несколько фундаментальных оснований относительно сущности права:

1. Право не сводится исключительно к воле законодателя и системе установленных государством общеобязательных правил поведения. Все консервативные направления считают неприемлемым чистый юридический позитивизм и настаивают на том, что у права есть субстанциальное содержание, будь то естественный закон, традиция, религия или культурная специфика.

2. Право укоренено в дополитическом порядке. Для одних – это порядок базовых благ, познаваемых разумом; для других – спонтанный порядок общества; для третьих – культурная уникальность или социально-эмоциональная привязанность к «своему».

3. Скепсис по отношению к правовому конструктивизму. Право нельзя «придумать заново» на основании абстрактных принципов – оно либо открывается разумом, либо вырастает из практики, либо переживается как нечто свое, либо исторически и культурно «вырабатывается».

Основное внутреннее противоречие пролегает между универсалистами (Финнис, Вермюль), для которых сущность права одинакова везде – это требования практического разума и общего блага, и партикуляристами (Скрутон, бёркианская традиция), для которых право всегда конкретно,

исторически обусловлено и связано с определенным народом и его образом жизни. Эта напряженность между универсальным естественным правом и исторически сложившейся традицией представляет собой, пожалуй, центральную проблему консервативной правовой идеологии на современном Западе.

Кроме того, раскол между оригинализмом и конституционализмом общего блага, обозначившийся после решения Dobbs v. Jackson (2022), вывел на поверхность более глубокий вопрос: должны ли консерваторы оставаться на позитивистских позициях (текст закона значит то, что значит) или обратиться к субстанциальной морали, религии, культуре как основанию правопорядка.

Важными элементами динамики современной консервативной правовой идеологии являются адаптация и гармонизация традиционных элементов социально-нормативной системы с социально-технологическими новациями. Здесь, обобщая, следует выделить две базовые модели – вертикальную и горизонтальную.

1. *Первый вектор* представляет собой многоуровневую модель, где архитектонически выстроены социокультурные и религиозные доминанты, ценностно-нормативные и институциональные основания общественной системы, а также интегративный уровень – правокультурной целостности. Выделение данных уровней выступает аналитическим инструментом, позволяющим рассмотреть, *с одной стороны*, взаимодействие различных социально-нормативных элементов (традиционных и инновационных), *с другой* – рассмотреть правокультурную целостность общества в ее динамике и статике, *с третьей* – разработать адекватные механизмы обеспечения стабильного и устойчивого развития правовой организации общества в эпоху цифровых трансформаций и геополитических вызовов.

Аналитическая модель многоуровневой структуры включает в себя: 1) базовый, скрытый уровень правовой культуры общества, содержащей социокультурный и религиозный фундамент, действующей социально-

нормативной системы (культур-цивилизационные образы и символы, предправовые нравственные и религиозные ценности и установки, «первонормы», содержащиеся в национальных и религиозных притчах, культурных мифах и других элементах исторической памяти); 2) уровень обыденно-традиционного и религиозного восприятия правовой действительности, который включает доминирующие и значимые правовые обычаи и традиции, нравственно-духовные доминанты и стандарты взаимодействия, эмоционально-психологические стереотипы, универсальные модели, а также специфические стили этнонационального мышления; 3) уровень институциональной организации правовой системы, который анализируется в двух направлениях, первое – это доктринально-правовая и ценностно-нормативная организация, действующее законодательство и юридическая практика, второе – это система юридических учреждений и правового оформления, функционирующих социальных институций; 4) уровень правокультурной целостности и духовно-нравственной преемственности.

2. *Второй вектор* представляет собой действующую систему социально-нормативного регулирования на данном этапе развития и функционирования общественной системы. При этом стабильность социального и правового порядка, воспроизводство правокультурной целостности, устойчивость развития общественной системы и обеспечения национальной безопасности главным образом зависят от гармонизации всех ценностных и нормативных элементов, традиционного и инновационного характеров.

Кроме того, понять специфику функционирования современного права и государственно-правовой организации, а тем более осуществить моделирование образа социально-правового будущего общества, в том числе внедрить и гармонизировать инновационные элементы в функционирование правовых институтов и учреждений, невозможно без учета как собственно юридических, так и метаюридических (религиозных оснований правового

мышления, теонормативных моделей справедливости и праведности, национальных правовых традиций и обычаев, этнокультурных доминант и предправовых кодексов поведения и т.д.) основ государственно-правовой организации конкретного общества. Последнее особенно важно в эпоху цифровой трансформации властно-управленческой деятельности, юридической практики, качественного изменения общеправовых и отраслевых правовых принципов, нормативных моделей поведения и приоритетов правового развития.

Консервативно-правовое мышление в этом аспекте не отрицает объективность, значимость и ценность внедрения и использования цифровых технологий и иных новаций Индустрии 4.0, тем не менее отстаивает позицию гармоничного согласования религиозных и правовых традиций с технологическими и другими инновациями, их последующей конвергенции («втягивания инноваций» в правокультурную традицию общества). Именно последнее обеспечивает преемственное и устойчивое правовое развитие общества, поэтапное качественное обновление национальной правовой системы, сохранение ее суверенных, национально-культурных и теонормативных характеристик.

Причем теонормативные основания консервативно-правового типа правопонимания обеспечивает гармоничное сочетание как традиционной (религиозной, цивилизационной и этнокультурной) основы общественной системы, так необходимых новаций, связанных с формированием новых социальных потребностей и интересов. Такое тесное взаимодействие традиционной ценностно-нормативной иерархии и социально-нормативных регуляторов порождает национальные механизмы адаптации к новациям, которые обеспечивают сохранность культурной уникальности, целостности стабильности российского общества в цифровую эпоху, в период острых биотехнологических вызовов и вирусных угроз.

Последнее ориентировано на духовно-нравственное кодирование правовых институтов и юридической деятельности, публичных институтов

власти, функционирования важнейших корпоративных структур и техногигантов, что обеспечивает необходимую связь данных социальных институций не только с изменчивыми общественными интересами и потребностями, но и с ответственностью, с одной стороны, с национальными традициями, а с другой – выступает за сохранение последних в ходе объективных процессов обновления в институционально-нормативной организации. Консервативная позиция значима в политико-правовой динамике, поскольку опирается на ментально-культурные основания общества, которые выражаются в культурных первообразах и устойчивых представлениях, а также нормативно-ценностных ориентациях, задающих образцы общественно-политической жизнедеятельности людей и модели публично-властного взаимодействия.

Каждая современная правовая система выступает нетипичным феноменом, сочетающим все эти векторы правовой эволюции, где доминирующим выступает какой-либо из векторов развития, как правило фиксируемый на конституционном (в основных законах страны или конституционно-правовых обычаях) и доктринально-правовом уровнях. В этом плане консервативный тип правовой мыследеятельности учитывает как достаточно устойчивые элементы (аксиологические и нормативные), так и динамические (практики взаимодействия), выступая сложным и многоуровневым социальным феноменом.

В этом плане еще раз подчеркнем, что наиболее адекватным современным цивилизационным вызовам и угрозам, цифровым, биологическим и технологическим вызовам выступает консервативный тип правопонимания, формирующий смешанный (нетипичный), интегративный тип правовой мыследеятельности человека и общества. Здесь данный нетипичный, смешанный тип правопонимания сочетает:

1) аксиологический вектор в понимании права, где в зависимости от цивилизационной специфики доминируют или универсальные правовые ценности (например, естественно-правовой подход к пониманию правовых

феноменов), или национально-этнонациональные ценности (цивилизационных подход к праву, феноменологический и др.), или религиозные ценности и догматы (теологический подход);

2) позитивистский вектор понимания права, выражающийся в различных форматах правовой структурации и государственно-нормативного кодирования развития общественных отношений – формально-юридический, юридический социологизм и проч.;

3) правокультурный вектор понимания права как целостной и сложноорганизованной социально-нормативной системы регулирования общественных отношений (антропологический, социологический, герменевтический подходы к пониманию права).

Консервативно-правовой вектор трансформации публично-правовой жизни общества направлен на формирование адекватных и органичных культуре институтов власти, государства, права, конкретно-исторических политико-правовых форм организации отношений, отвечающих интересам и ценностям общества. Он, в том числе, ориентирован на гармонизацию традиционных и инновационных социально-нормативных регуляторов, общественных моделей взаимодействия и т.п.

Выводы. Таким образом, в целом, для консерваторов право как феномен всегда содержательно конкретизируется в определенной национальной культуре, оно создается и эволюционирует в обществе и служит этому обществу. Несмотря на разнообразие позиций, консерваторы разделяют следующие идеи о сущности права: право не сводится исключительно к воле законодателя и системе установленных государством общеобязательных правил поведения, то есть у права есть субстанциальное содержание, будь то естественный закон, традиция, религия или культурная специфика; право укоренено в дополитическом порядке: порядок базовых благ, познаваемых разумом, либо спонтанный порядок общества, либо культурная уникальность или социально-эмоциональная привязанность к «своему»; отрицание или скепсис по отношению к правовому конструктивизму: право нельзя

«придумать заново» на основании абстрактных принципов: оно либо открывается разумом, либо вырастает из практики, либо переживается как нечто свое, либо исторически и культурно «вырабатывается».

При этом основное внутреннее противоречие пролегает между универсалистами, для которых сущность права одинакова везде – это требования практического разума и общего блага, и партикуляристами, для которых право всегда конкретно, исторически обусловлено и связано с определенным народом и его образом жизни. Эта напряженность между универсальным естественным правом и исторически сложившейся традицией представляет собой, пожалуй, центральную проблему консервативной правовой идеологии на современном Западе.

§ 2.2. Учение о ценностях права в концепциях консервативных мыслителей и правоведов

Консервативная правовая мысль сформировалась к концу XVIII – началу XIX века, как уже отмечалось выше, в качестве теоретико-практического ответа на революционные идеи Французской революции и либеральной социально-философской мысли Просвещения[1]. С консервативно-правовой платформы реализовывалась критика революционного рационализма, теории общественного договора, концепции абстрактных естественных прав человека, невмешательство государства в социально-экономическую жизнедеятельность общества. Многие исследователи отмечают, что именно

[1] См.: De Bonald L. Observations sur l'ouvrage de Madame la Baronne de Staël, ayant pour titre: Considérations sur les principaux événements de la révolution française. Paris: Imprimeur N.S.P. le Pape et de l' Archevêché de Paris, 1818. 139 p.; De Maistre J. Considérations sur la France: principe générateur des constitutions politiques, etc. délais de la justice divine. Du pape. De l'église Gallicane. Paris: Imprimerie Catholique de Migne, 1841. 643 p.; The works of the Right Honourable Edmund Burke. V. II (of 12). 1887 yr. / Project Gutenberg. URL: www.gutenberg.org/files/15198/15198-h/15198-h.htm#GUILDHALL_IN_BRISTOL и др.

эта критика стала отправной точкой для выработки принципиально иного понимания сущности, источников, ценности и социального назначения права[1].

Так, например, в отличие от западноевропейской либерально-правовой традиции, которая рассматривала феномен «права» в качестве механизма репрезентации и инструмента защиты индивидуальных свобод от государственного вмешательства, консервативно-правовая идеология концептуализировала данный феномен как органический продукт исторического развития народа, неразрывно связанного с традицией, верованиями, религией и моралью[2].

В рамках классической консервативной правовой идеологии вопрос о ценностях права, базовых (общеправовых) и конкретных (отраслевых) принципах права в основном обсуждался в рамках позиционной дискуссии с представителями правовой идеологии Просвещения. Именно внутри этой острой полемики формулировались, концептуализировались основные положения западноевропейской правовой и политической мысли, которые развивались во французской, немецкой, английской и других школах консервативно-правового толка.

Более того, эти положения можно считать и определенным ядром консервативно-правовой мысли, ее базовым основанием в рассмотрении и содержательном обосновании ценностей и принципов права. Последние следует закладывать и в качестве критериев идентификации современной консервативной правовой идеологии, поскольку в современной правовой мысли и юридической практике многие идеологические и доктринально-программные положения, маркирующие себя в качестве неоконсервативных или постконсервативных, связаны с консерватизмом лишь своим названием

[1] Ergang R. Möser and the Rise of National Thought in Germany // The Journal of Modern History: The University of Chicago Press. 1993. Vol. 5. № 2. P. 172–196; Menczer B. Catholic Political Thought 1789–1848. South Bend: University of Notre Dame Press, 1962. 205 p.

[2] Берман Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М.: Ad Marginem, 1999. 431 с.; Немецкая историческая школа права. Челябинск: Социум, 2010. 528 с.

или представляют собой эклектическое сочетание консервативных, либеральных, традиционалистских, социалистических и других элементов.

Цель общественного развития и правового порядка состоит не в придумывании абстрактных и универсальных ценностей и принципов права, которые привели бы разнообразные общественные системы к всеобщей справедливости, свободе, благоденствию и глобальному порядку, а в «сохранении и защите существующих свобод, основывающихся на традиции, и их передачи будущим поколениям… естественным и законным считалось лишь общество, основанное на иерархической структуре, отдельные части которой обеспечивают жизнеспособность и целостность общественного организма»[1].

Здесь можно выделить несколько важных аспектов в толковании ценности права в концепциях консервативных мыслителей и правоведов.

Во-первых, ценность самого права заключается в том, что оно связано с обычаями и традициями народа, тем самым придает стабильность и устойчивость развитию общественных отношений даже в нестабильные и переходные периоды социальной жизнедеятельности. Например, Густав Гуго утверждал, что исторически сложившиеся правовые обычаи являются подлинным источником права[2]. Право имеет конкретно-исторические, социокультурные и пространственные характеристики, складывается естественным путем в процессе развития определенной общественной системы, разрешения конкретных споров и конфликтов, защиты базовых ценностей общества, реализации социальных потребностей, целей и интересов. Это постепенное, эволюционное формирование правовых норм

[1] Консерватизм: современные интерпретации. Научно-аналитический обзор. М.: Академия наук СССР ИНИОН, 1990. С. 8.

[2] Действительно, все правовые системы формировались на основе обычно-правовых регуляторов (Марченко М.Н. Источники права: учебное пособие. М.: Норма, 2018. 672 с.), а первые правовые памятники представляли собой систематизацию обычно-правовых регуляторов (Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Международные отношения, 2021. 456 с.).

обеспечивает их соответствие реальной жизнедеятельности конкретного общества, соответствует его прошлому, настоящему и будущему.

Именно поэтому одной из центральных характеристик консервативного правопонимания является убежденность в первичности и значимости обычного права над писаным законодательством. Консерваторы полагали, что обычай органически вырастает из жизни народа, отражает его подлинные потребности и ценности, а сложившийся обычно-правовой порядок прошел проверку временем и потому заслуживает большего доверия, чем абстрактные ценности и основанные на них нормативно-правовые акты.

Эдмунд Бёрк утверждал, что права людей не могут быть определены априорно и абстрактно, поскольку такие преимущества всегда зависят от конкретных условий разных стран и народов, от исторически сложившихся традиций. К тому же реально существующие права людей включают как свободу, так и ее ограничения для обеспечения прав других людей. Мысль Бёрка сводилась к тому, что и права человека, и государственный строй складываются исторически, в течение долгого времени, проверяются и подтверждаются опытом, практикой, получают опору в традициях.

Неслучайно Ф.К. фон Савиньи резко критиковал идею кодификации германского гражданского права, выдвинутую профессором А.Ф.Ю. Тибо. Данный спор стал отправной точкой формирования исторической школы права. Савиньи полагал, что право образуется на протяжении длительного исторического периода путем передачи от поколения к поколению, а искусственное создание кодекса разрушает органическую связь права с национальной культурой[1]. Луи де Бональд утверждал, что все необходимые институты и нормы сложились исторически, а источником формирования и развития права является природа вещей и органический порядок в обществе, а

[1] Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права: В 8 т. Т. I / под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2011. 450 с.; Шрамм Х.-Й. Факты и право: Фридрих Карл фон Савиньи и учение о юридических фактах. URL: www.ostinstitut.de/files/ru/2015/Шрамм_Факты_и_право_Фридрих_Карл_фон_Савиньи_и_учение_о_юридических_фактах.pdf (дата обращения: 30.04. 2025).

не узкая воля властных лиц или законодательной группы. Он отстаивал крайнюю форму консервативного скептицизма по отношению к профессиональному законотворческому процессу[1].

Тем не менее консерваторы не отрицали полностью возможность писаного законодательства. Они признавали, что в определенных обстоятельствах кодификация может быть необходима, но настаивали на том, что законы должны отражать уже сложившиеся обычаи и традиции, а не навязывать обществу абстрактные рационалистические конструкции.

Во-вторых, ценность права обусловлена его способностью формировать и поддерживать порядок общественных отношений посредством гармоничного сочетания различных социально-нормативных систем, т.е. когда различные нормативные системы (обычаи, религия, традиции, этика и т.д.) содействуют и усиливают свое регулятивное воздействие на общественные отношения[2]. В консервативно-правовой идеологии право всегда вплетено, является органической частью божественного или космического порядков, или естественного порядка вещей. Правовое устройство традиционно противопоставлялось теории общественного договора или теориям субъективного, рационального установления нормативных моделей.

Эдмунд Бёрк утверждал, что существует лишь один закон для всех – закон Бога, который и есть подлинный естественный закон. Свобода неотделима от мудрости и доблести, накладывает моральные ограничения. Человеческие законы должны соответствовать этому божественному закону, иначе они теряют свою легитимность. Фридрих Юлиус Шталь развивал наиболее систематическую теократическую концепцию права. Он исходил из

[1] Консерватизм: современные интерпретации. Научно-аналитический обзор. М.: Академия наук СССР ИНИОН, 1990. С. 12.

[2] См. подробнее об этом: Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, ИНФРА-М, 2011. 799 с.

«личности Бога, как принципа мира», и выводил из нее всю сферу права и политики.

В целом такое понимание ценности права обусловливает то, что последнее имеет не абстрактный, а конкретный характер, интерпретируется не в инструментальном, а в ценностно-нормативном аспекте. Право связано, в консервативной идеологии, с высшим порядком сущего, т.е. его сакрализация и легитимация реализуются через высшие социальные идеалы и ценности, священные тексты и религиозные догматы, традиционный духовно-нравственный уклад общества и т.д. При этом апелляция к высшему порядку «страхует» эволюцию права[1] от произвольных субъективных изменений, экономической или политической конъюнктуры. Здесь правовая аксиология неразрывна связана с религией, нравственностью, народными обычаями, моралью. Все это принципиально противопоставляло консервативное правопонимание секулярному, постоянно изменяющемуся либеральному подходу.

В-третьих, консервативное правопонимание глубоко укоренено в принципе историзма. Здесь право является продуктом длительного исторического развития, а его легитимность определяется социально-правовой преемственностью, ориентацией на сохранение и воспроизводство правокультурной целостности. В этом аспекте ценность права связана с «социально-нормативным гарантированием» стабильности и преемственности в историческом развитии общества. Право выступает одним из самых консервативных нормативных регуляторов, обеспечивая эволюционное развитие общественных отношений, адаптируя инновации к

[1] Еще раз подчеркнем, что консервативной правовой идеологии не чужды актуальная повестка дня, а также процессы социогенеза. Консерваторы обосновывают, что социально-правовая эволюция общества должна реализовываться в рамках существующей традиции, а развитие опираться на устойчивые ценности и верования, духовно-нравственные стандарты и моральные нормы. Другими словами, традиции, ценности, нормы, стандарты формируют рамки, в которых развиваются сложно прогнозируемые социальные процессы. В свою очередь выход или слом данных рамок ведет к необратимым для общественной системы негативным последствиям, к разрушению правокультурной целостности, народного единства и проч.

традиционному укладу общества[1]. При этом само право рассматривается в качестве саморазвивающегося элемента национальной культуры, существующего на протяжении всего развития народа, подобно языку и обычаям[2].

Например, Г.Ф. Пухта подчеркивал, что стадии и ритмы развития права совпадают с ходом эволюции общественной жизнедеятельности, а национальное правосознание является основой как действующего законодательства и юридической деятельности, так и государства. В свою очередь, когда «дух права» и народное правосознание подвергаются эрозии, тут же кризис охватывает и само государство, действующее законодательство и юридическую практику[3].

Жозеф де Местр настаивал, что для каждой правовой и национальной культуры свойственен индивидуально неповторимый правовой идеал, который не может быть реализован в других культурах. Это положение представляет собой выраженный «правовой партикуляризм», отрицающий универсальные правовые принципы[4]. Принцип историзма в консервативной правовой мысли выполнял важную аксиологическую функцию. Он обосновывал существующий правопорядок как продукт естественного развития, а не произвольного субъективного человеческого установления, что придавало правовой системе устойчивость и «защищенность» от радикальных проектов реформирования. Апелляция к истории и механизму преемственности придавала праву авторитет, основанный не на рациональном обосновании, а на проверенности временем.

---

[1] Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л.: Наука, 1986. 304 с.

[2] Сурков О.С. Преемственность дискурса националистической интеллигенции Российской империи начала XX века консервативной европейской традиции на примере исторической школы права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 6 (149). С. 44–52.

[3] Пухта Г.Ф. Энциклопедия права. Пер. с 6 изд. под ред. П. Карасевича студентом Демидов. юрид. лицея Линденбратеном. Ярославль: Тип. Г. Фальк, 1872. 99 с.

[4] Бёрк Э., Местр Ж. де. Консерваторы. Без либералов и революций. М.: Алгоритм, 2017. 240 с.

В-четвертых, ценность права связана с поддержанием социального порядка, общественно-политической и социально-экономической стабильности. Данная аксиологическая характеристика и ее содержательное обоснование опираются на предшествующие пункты, без учета которых глубину и важность данной характеристики невозможно представить. Здесь можно указать на принципиальное различие в аксиологическом обосновании сущности социального назначения права у либералов и консерваторов. Если для первых ценность права выражается в репрезентации естественных права и свобод, а также защите индивида от государственного вмешательства; то для вторых ценность права заключена в его инструментальном характере, а именно в поддержании общественного порядка и стабильности.

Здесь право выражается в прочной и стабильной системе (соответствие традиции, народным верованиям, социальному укладу) юридических норм, которые поддерживают общественный порядок. Важнейшая социальная направленность права здесь не в выражении и защите индивидуальных прав и свобод, а в обеспечении стабильности сложившейся социальной структуры, предотвращении хаоса и радикальных трансформаций, которые ведут к ослаблению правовых институтов и разрушению юридического порядка. Правовой порядок противостоит хаосу, и лишь при наличии последнего возможны защита и гарантирование прав, свобод и законных интересов индивида. Здесь подчеркивается, что государство призвано стоять на страже частной собственности, прав и свобод человека, но при этом эти права и свободы должны быть органичны социокультурному укладу, нравственным стандартам и моральным нормам.

Консерваторы рассматривают порядок как гарант стабильности социального порядка: «консерватизм в праве проявляется в характерной особенности юридического мышления – его наклонности сохранять по

возможности долго, не стесняясь практическими требованиями гражданского оборота, раз установившиеся ассоциации юридических представлений»[1].

Базовыми, традиционными институтами, которые выступают гарантами стабильности порядка, являются в консерватизме семья, профессия, право и государство. Отсюда складывается и охранительная правовая идеология, характерная для консерватизма, ключевым элементом которой является то, что сущность государства и права заключается в сохранении стабильности, охране правопорядка, обеспечении преемственности в политико-правовом развитии. В охранительной правовой доктрине преобладает идея эволюционного органичного развития государства и права[2].

В-пятых, в консервативно-правовой идеологии важнейшим аксиологическим компонентом выступает также стабильность иерархической структуры общества и высокий авторитет публичной власти. Традиционно консерваторы критически оценивают эгалитаристские идеи либералов и социалистов, утверждая, что неравенство является естественным и необходимым условием функционирования общества. Конечно, в консервативной правовой идеологии есть крайняя и более умеренная позиции. Так, согласно консервативному антиэгалитаризму, социальное неравенство является следствием неравенства природного или неравенства, установленного свыше.

Соответственно, право закрепляет это неравенство и охраняет его посредством соответствующих политико-правовых институтов и юридических режимов. Согласно умеренной позиции, право хотя и обеспечивает общие равные правовые статусы, но в реальной социально-правовой жизни неравенство проявляется в качестве атрибутивной характеристики общественного порядка. Реальное публично-правовое и частноправовое взаимодействие субъектов лишь подтверждают эту аксиому.

---

[1] Нечаев В. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVI. 1895. С. 39–40.

[2] Консервативная правовая идеология в Западной Европе и России в XVIII–XX вв.: сравнительный анализ. М.: Юрлитинформ, 2016. 280 с.

Например, право гарантирует, что лишь достойные, обладающие соответствующими профессиональными навыками и нравственными характеристиками могут замещать определенные должности, реализовывать социально значимые виды деятельности.

Авторитет публичной власти и, прежде всего, высших органов государственной власти в консервативно-правовой идеологии связывается, как правило, с тремя векторами обоснования:

1) обеспечивает единство прошлого, настоящего и будущего нации, поскольку для консерваторов общественные отношения, как отмечал Э. Бёрк, это диалог между предшествующим поколением, ныне живущим поколением и еще не родившимся. Именно в рамках этого диалога формируются цели общественного блага, которые «могут быть достигнуты только за много поколений», следовательно должно возникнуть социальное партнерство между живущими и будущими поколениями[1];

2) гарантирует всеобщую духовно-нравственную основу в меняющейся реальности, в постоянно конфликтных условиях, в пространстве постоянно противоречащих индивидуальных и коллективных интересов и потребностей, обеспечивая порядок и стабильность, предотвращая хаос и анархию;

3) организационно воплощает естественное неравенство людей по способностям и воздает по заслугам перед обществом.

Государственный авторитет рассматривается консерваторами как сила, способная противостоять разрушительному влиянию групповых интересов и проводящая единую политическую линию. Порядок обеспечивается такими общественными институтами, как семья, профессия, право и государство, но государство играет решающую роль в поддержании этого порядка.

Консерваторы подчеркивают необходимость сильного государства, способного обеспечивать правопорядок и стабильность. Хотя они вынуждены

[1] См.: Чудинов А.В. Размышления англичан о Французской революции: Э. Бёрк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М.: Памятники исторической мысли, 1996. С. 219.

считаться с выборными органами власти и парламентом в современных условиях, они сохраняют недоверие к демократическим институтам и предпочитают модель «демократического элитизма», при котором власть элиты базируется на ее авторитете.

Консервативное правопонимание характеризуется приоритетом общего блага над индивидуальными правами. Консерватизм – это идеология общего дела на общее благо, идеология солидарности, то есть единства народа, его интересов, целей и задач. Консерватизм выступает против либерально-эгалитарного понимания прогресса. Равенство неестественно в любой социальной системе, а его искусственное насаждение в обществе может привести лишь к тирании и тоталитаризму. Свобода же тесно коррелирует с понятием ответственности, закрепленным скорее в сфере духовной, нежели юридической.

В-шестых, ценность права выражается не только в определении меры свободы личности, но и в гармонизации действующих ценностно-нормативных основ конкретного общества с правами и свободами человека.

Консерваторы полагали, что права человека имеют исторический характер и неразрывно связаны с особенностями национального развития. При этом обосновывался правокультурный плюрализм, т.е. то, что признается правом в одной культуре, может не признаваться в другой. Универсалистские претензии либеральной доктрины прав человека игнорируют эти культурные различия и потому обречены на неудачу, а в худших сценариях разрушают культуры и общество.

Конечно, здесь можно выделить две позиции – радикальную и умеренную. В рамках первой позиции, как отмечалось выше, современные права и свободы человека изначально маркируются негативно, а их абстрактный и универсальный характер трактуется так фактор уничтожения цивилизационной уникальности и культурного многообразия. Умеренная позиция, напротив, не оспаривает и признает ценность и справедливость прав человека, но внедрение и правовое гарантирование требует постепенности, осторожности и учета национальных

традиций. В этом плане права человека должны не просто позволять индивиду существовать автономно и реализовать свои личные потребности, но также работать на общее благо, способствовать процветанию всего общества. Индивидуальные права не могут противоречить коллективным интересам, но должны дополнять и обеспечивать баланс между индивидом и обществом.

В-седьмых, ценность права связана также с тем, что оно имеет солидаристский характер по своей природе. Связь права с категориями нравственной необходимости (долженствования), ответственности, справедливости и общего блага является центральной в толковании ценности права и его социального назначения. Человек здесь не изолированный и автономный индивид, а член органического сообщества, связанный с другими людьми узами взаимных прав и обязанностей. Например, Луи де Бональд переворачивал либеральную дихотомию «индивид – общество». У него не индивиды своим волеизъявлением образовали общество, а общество дало им право в нем находиться, действовать, реализовывать свои интересы и потребности.

Консерваторы подчеркивают, что в основе национального правосознания и правовой культуры лежат ценностные категории в виде императивов правды, справедливости, долженствования, единения, приоритета общего блага над личной пользой. Корреляция процесса признания правовых норм с уровнем авторитета правящей элиты, ее нравственного долга (служения), также является характерной чертой консервативной правовой идеологии.

Критика индивидуалистической концепции прав человека и акцент на общем благе и коллективных интересах находят отклик в современных коммунитаристских и республиканских теориях. Эти теории подчеркивают важность общественных связей, гражданской добродетели и общего блага, критикуя либеральный индивидуализм за его атомизацию общества.

В то же время следует подчеркнуть, что современная западноевропейская консервативно-правовая мысль рассматривает право не

просто как инструмент социального регулирования или выражение суверенной воли, а как фундаментальную основу цивилизованного общественного порядка, укорененную в объективных моральных истинах и исторической традиции[1].

В период, когда европейский конституционный консенсус претерпевает значительные изменения, а дискурс о правах человека всё больше обесценивается, – консервативная правовая идеология предлагает альтернативное видение правопорядка, основанного на достоинстве личности, естественном праве, религии, духовно-нравственных стандартах и органической связи между правом, культурой и общественной традицией[2].

Например, французский консерватор Пьер Манан в своей работе «Естественное право и права человека: к восстановлению практического разума» обосновывает, что современная доктрина прав человека, возникшая из модернистского проекта Макиавелли и Гоббса, порвала с классической традицией естественного права, заменив понятие общего блага абстрактными индивидуальными правами, лишенными объективного телеологического и культурного обоснования[3]. При этом Манан не отвергает сами права человека, но призывает укоренить доктрину прав человека не в абстрактных теоретических построениях, а в «грамматике действия», т.е. нравственно и морально обусловленной человеческой деятельности, ориентированной на общественное благо. Последнее должно конкретизировать право и направлять развитие правовых институтов. Именно такой вектор правового развития представляется ему естественным и гармоничным. В свою очередь,

[1] Cohen M.I. Radicalised Conservatism in the Hungarian Constitution: An Analysis of Justifications for Rule of Law Backsliding // European Constitutional Law Review. 2024. Vol. 20. Iss. 3. P. 424–450. DOI: 10.1017/S1574019624000282.

[2] Hancock R.C. Thinking, Acting, Flourishing: The Audacious Modesty of Pierre Manent's Practical Natural Law // Perspectives on Political Science. 2020. Vol. 49. Iss. 4. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10457097.2020.1807842 (дата обращения: 30.04. 2025).

[3] Manent P. Natural Law and Human Rights: Toward a Recovery of Practical Reason. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 2020. P. 137.

современное развитие права выбрало иной вектор, а именно бесконечное расширение каталога субъективных прав, что является бесперспективным.

Ключевой и устойчивой тенденцией в современной консервативной западноевропейской правовой мысли является возрождение естественно-правовой традиции (новой теории естественного права) как противовеса юридическому позитивизму и либеральному конституционализму. Этот поворот, как отмечалось выше, не представляет собой простую реставрацию средневекового томизма, но конституирует попытку переосмыслить классическое естественное право применительно к условиям постсовременного плюралистического общества[1].

В англо-американской коммунитаристской традиции представлены схожие аксиологические установки на современное развитие права. Майкл Оукшотт, Аласдер Макинтайр, Чарльз Тейлор и другие достаточно критично оценивают ориентацию на индивидуальных правах в трактовке сущности права, указывая на ее несовместимость с более глубоким пониманием человеческой личности как встроенной в социальные практики и культурные традиции. Обосновывают, что сегодня либерально-правовой проект универсальной рациональной этики, независимой от традиции, потерпел крах[2]. Современный дискурс прав человека, согласно Макинтайру, представляет собой набор «моральных симулякров» – понятий, лишенных объективного обоснования в традиции, добродетели, справедливости. Вместо того чтобы спорить о правах абстрактных индивидов, следует сосредоточиться на практиках и правилах, встроенных в сообщества, которые культивируют добродетель и справедливость, ориентируют участников общественных отношений на внутренние блага[3]. Чарльз Тейлор также

[1] Colen J.A. What is Wrong with Human Rights? // Interpretation: A Journal of Political Philosophy. 2018. Vol. 44. Iss. 3. P. 451–469.

[2] Basilaia T. Liberalism and Aristotelianism: Reflecting on Alasdair MacIntyre's After Virtue // Conatus – Journal of Philosophy. 2025. Vol. 10. Iss. 1. P. 57–71. DOI: 10.12681/cjp.38547.

[3] Golob S. MacIntyre and The Ethics of Catastrophe // International Journal of Philosophical Studies. 2021. Vol. 29. Iss. 2. P. 204–220. DOI: 10.1080/09672559.2021.1918747.

обосновал, что право не может быть понято и содержательно раскрыто независимо от социального контекста, реальных практик взаимного признания, правил обеспечения справедливости и социальных благ.

Наиболее влиятельное консервативное толкование права последних двух десятилетий представлено в речи Папы Бенедикта XVI перед Бундестагом в 2011 году. В этом выступлении понтифик осуществил фундаментальную критику юридического позитивизма, противопоставив ему концепцию европейского правового наследия, основанного на синтезе иудейской теологии, греческой философии и римского права – символической триаде Иерусалим – Афины – Рим[1].

Бенедикт XVI утверждает, что правовой позитивизм, низводящий право до простого инструмента властной воли, недостаточен для понимания справедливости и неспособен обеспечить прочную основу для конституционной демократии. Он призвал законодателей и граждан обратиться к европейскому культурному наследию, в котором право укоренено в представлении о человеческом достоинстве как объективной ценности, существующей независимо от позитивного законодательства. Это достоинство, согласно папе, проистекает из естественного закона, который открывается через разум и совесть, а не через научный анализ или волеизъявление большинства. Речь Бенедикта вызвала широкий резонанс в академических и политических кругах, став манифестом консервативного конституционализма, настаивающего на необходимости моральных оснований правопорядка, выходящих за пределы процедурных норм либеральной демократии[2].

[1] Beheiri E.N. Benedicto XVI y Álvaro d'Ors sobre el Derecho natural // Persona Y Derecho. 2017. № 74. P. 253–272. DOI: 10.15581/011.74.253-272; Regoli R. Religion, Culture, and Peace: The Social Doctrine of Benedict XVI // Religions. 2025. Vol. 16. Iss. 2. URL: https://www.mdpi.com/2077-1444/16/2/126 (дата обращения: 30.04. 2025).

[2] Jose J. Rhetoric of natural law in the public discourse of Benedict XVI // Church, Communication and Culture. 2024. Vol. 9. Iss. 1. P. 37–58.

В целом следует отметить, что «новая теория естественного права» стала одной из доминирующих в консервативной правовой идеологии не только в Западной Европе, но и в англосаксонских странах (США, Канада, Великобритания и др.)[1]. Распространение последней получило значительное влияние среди католических правоведов, европейских интеллектуалов, оказало воздействие на конституционную теорию в США. Акцент на объективных моральных истинах и учете культурного своеобразия предоставил консервативным мыслителям теоретический аппарат и практический инструмент для критики морального релятивизма и защиты традиционных ценностей в публичном праве[2].

Как отмечалось выше, одной из традиционных аксиологических характеристик права является то, что оно по своей природе имеет солидаристскую направленность. «Новая теория естественного права», в отличие от классической томистской традиции, делает основной акцент на солидаристской сущности права, где последняя является не дополнением к справедливости, но ее проявлением. Согласно этой концепции, современный индивидуалистический юснатурализм, лежащий в основе философии прав человека, перевернул классическое понятие справедливости, оторвав его от общего блага и полностью забыв понятие общей справедливости. Справедливость была редуцирована, в лучшем случае, до защиты собственной свободы, тогда как в классическом юснатурализме солидарность является связью между людьми, основанной на принципе участия в общем благе[3]. Акцент на солидаристской сущности права направлен против фундаментальной ошибки современного юснатурализма – понимание

[1] Shea M. Value Comparability in Natural Law Ethics: A Defense // The Journal of Value Inquiry. 2022. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9662135/pdf/10790_2022_Article_9895.pdf (дата обращения: 30.04. 2025).

[2] Lee P. The New Natural Law Theory from Part II – The Revival of Natural Law Ethics // The Cambridge Companion to Natural Law Ethics. Cambridge University Press, 2019. P. 73–91. DOI: 10.1017/9781108525077.005.

[3] Тимошина Е.Н. Общее благо» классической правовой традиции: актуальный дискурс и судьба понятия в картинах мира (Античность и Средневековье) // Вопросы философии. 2025. № С. 5–16. DOI: 10.21146/0042-8744-2025-4-5-16.

человеческой личности как изолированного индивида, обладающего правами, а не как члена сообщества, ориентированного на общее благо. Социально-правовое бытие индивида, по сути, есть жизнь в солидарности[1].

Еще одной важнейшей аксиологической характеристикой права в современной консервативной идеологии является человеческое достоинство. Так, Бёкенфёрде утверждал, что человеческое достоинство является фундаментальной, учредительной ценностью конституционного порядка, которая не может быть выведена из позитивного права, но предшествует ему как объективная моральная истина[2]. При этом Бёкенфёрде подчеркивал теснейшую связь достоинства личности и культурных традиций. Культурная традиция служит проверкой того, как интерпретируется естественное право и содержательно трактуется, и реализуется в правовом порядке «достоинство личности». И первое, и второе не есть абстрактный набор вечных принципов, познаваемых чистым разумом, но живая традиция практической рефлексии, встроенная в историческое сообщество и культурную традицию. Такое понимание позволяет, по его мнению, рассматривать право одновременно как укорененное в объективных моральных истинах и исторической конкретности[3].

Выводы. Таким образом, при всем разнообразии западноевропейской консервативной правовой идеологии, существующих школах и концепциях, общим является то, что все право везде трактуется как фундаментальный социально-нормативный регулятор и базовая ценность цивилизации. Природа права связывается не только с устойчивыми естественными моральными

[1] Poole D. Justice and Solidarity // Forum Prawnicze. 2025. № 4(88). P. 49–61. DOI: 10.32082/fp.4(88).2025.1333.

[2] Hörcher F. Natural law, human dignity and tradition // Pro Publico Bono. Public Administration. 2019. Vol. 9. № 2. URL: https://folyoirat.ludovika.hu/index.php/ppbmk/article/view/5593 (дата обращения: 30.04. 2025).

[3] Künkler M., Stein T. State, Law and Constitution. Ernst-Wolfgang Böckenförde's Political and Legal Thought in Context', in Constitutional and Political Theory. Selected Writings by Ernst-Wolfgang Böckenförde, ed. by Mirjam Künkler and Tine Stein. Oxford: Oxford University Press, 2017; Hahn J. Ernst-Wolfgang Böckenförde's Approach to Natural Law as Normative Legal Ethics // Oxford Journal of Law and Religion. 2018. Vol. 7. Iss. 1. P. 28–50.

принципами и духовными стандартами, но и конкретно-историческими и социокультурными характеристиками. Выделим сквозные положения, свойственные практически всем направлениям консервативной правой идеологии:

– ценность права связывается со сложившимися в обществе обычаями, обеспечивая стабильность и развитие общественных отношений, сохраняя и воспроизводя социальную целостность;

– тесная связь права с религией, моралью и другими социально-нормативными регуляторами обеспечивает гармоничное и эффективное нормирование социального развития;

– аксиологические характеристики права обусловлены исторической эволюцией данного нормативного и культурного феномена, а его легитимация определяется социально-правовой преемственностью;

– ценность права обуславливается поддержанием социального порядка, общественно-политической и социально-экономической стабильности;

– важнейшим аксиологическим компонентом права выступает нормативное гарантирование иерархической структуры общества и высокого авторитета публичной власти;

– ценность права выражается не только в определении меры свободы личности, но и в гармонизации действующих ценностно-нормативных основ конкретного общества с правами и свободами человека;

– право по своей природе имеет солидаристский характер, социально-правовое действие субъекта не изолированно и не автономно, правовые отношения связывают субъектов не только взаимными правами и обязанностями, но и нравственным долженствованием и солидаристскими узами. (Юридически значимые деятельности ориентированы не только на частный интерес и индивидуальные потребности, но и на общее благо.) Социально-правовое бытие индивида, по сути, есть жизнь в солидарности;

– ценность права выражается не только в том, что оно является инструментом государственно-властного регулирования: но и главным образом в том, что право охраняет фундаментальные основы цивилизованного

общественного порядка, укорененного в объективных моральных истинах и исторической традиции.

§ 2.3. Роль традиционных правовых ценностей в правовой системе: консервативный взгляд

Проблематика сущности, содержания и роли традиционных ценностей в правовой системе общества является одной из самых дискуссионных и неоднозначных в западноевропейской правовой науке и юридической практике. Выше отмечалось, что долгий период морального плюрализма, мультикультурализма, секуляризации и универсализма, практически выражение которого оформилось в конце XX века в агрессивной идеологии глобализма, привел к существенному снижению роли традиционных ценностей в западноевропейской юриспруденции.

Сегодня в научно-популярном и академическом дискурсах имеют место весьма противоречивые подходы и учения к пониманию места традиционной семьи, морали, религиозных ценностей, культурных традиций и т.д. в социально-правовом развитии общества, влияние последних (например, в качестве источников права) на динамику системы права, законодательства и юридической деятельности.

Роль традиционных ценностей в развитии западноевропейских правовых систем представляет собой сложную проблему, находящуюся на стыке истории права, политической философии и современных институциональных дискуссий. Западноевропейское право формировалось под воздействием нескольких ключевых традиций – римского права, канонического права и естественно-правовой философии, – которые в совокупности создали специфическую ценностную матрицу, определяющую правовое развитие региона до настоящего времени.

Концепция **человеческого достоинства** представляет собой, возможно, наиболее значимый пример трансформации традиционной ценности в

современную правовую норму. Исследования концептуальной истории достоинства демонстрируют его эволюцию через несколько этапов: античная греко-римская философия, средневековая христианская теология, естественно-правовая теория Нового времени, кантианская философия и современный экзистенциализм.

Католическое социальное учение выделяет четыре основополагающих принципа, имеющих значение для правовой и политической практики: **человеческое достоинство, субсидиарность, солидарность и общее благо**. Эти принципы образуют взаимосвязанную систему, которая может рассматриваться в качестве альтернативы как чистому индивидуализму либеральной традиции, так и коллективистским моделям[1].

Традиционные правовые ценности для многих западноевропейских теоретиков права начинают выступать реальной альтернативой абстрактным аксиологическим основаниям правовой системы общества. Даже в ряде современных естественно-правовых учений происходит «включение» в исследовательский горизонт традиционных ценностей как фундамента социально-правовой динамики общества. Так, австралийский философ права Джон Финнис разработал одну из наиболее влиятельных современных «обновленных версий естественно-правовой теории»[2], в которой традиционные ценности приобретают базовое значение[3].

Ключевым концептом в обосновании естественного права выступают «базовые блага» (basic goods), т.е. те фундаментальные традиционные ценности, которые являются основанием всяких общественных отношений. Данные блага являются самоочевидными, несоизмеримыми и не

[1] Wright K.S. The principles of Catholic social teaching: A guide for decision making from daily clinical encounters to national policymaking // The Linacre Quarterly. 2017. Vol. 84. Iss. 1. P. 10–22. DOI: 10.1080/00243639.2016.1274629.

[2] Finnis J. Natural Law and Natural Rights. New York: Oxford, 2011. 500 p.

[3] Campelo C.M.V., Matos N.J. C. Which power decides on the basic human goods of John Finnis' natural law theory in Brazilian democracy? // Revista Foco. 2024. Vol. 17. № 2. DOI: 10.54751/revistafoco.v17n2-048; Huang L. The Basic Good of John Finnis's New Natural Law Theory // International Journal of Frontiers in Sociology. 2025. Vol. 7. Iss. 7. P. 14–17. DOI: 10.25236/IJFS.2025.070703.

выстраиваются в какую-либо иерархию, поскольку ценны сами по себе. Кроме того, эти фундаментальные ценности, лежащие в основании любых общественных отношений, невозможно рассматривать в качестве средств или инструментов для достижения каких-либо других благ и целей. Они, по выражению Дж. Финниса, формируют «*доморальную сферу человеческого поведения*»[1]. При этом их понимание и трактовка создают в конкретном обществе, как отмечал А.Ю. Мордовцев, «*предправовые кодексы социального взаимодействия*»[2].

Все остальные ценности, социальные блага и потребности, с позиции австралийского философа права, являются лишь «способами или комбинациями способов» реализации основных фундаментальных ценностей. К таковым базовым, традиционным ценностям он относит следующие семь: жизнь, знание, игра, эстетические переживания, социальное общение (или дружба, доверие), практический разум, религия. Все эти базовые ценности существуют в любой социальной системе и могут быть реализованы только в рамках общественных отношений. Например, практический разум является базовым благом и одновременно методологическим ориентиром насколько то или иное решение или отношение соответствует базовым благам[3]. Право в свою очередь определяет взаимосвязанную совокупность образцов и правил поведения, а также институтов, направленных на разумное разрешение «координационных проблем», возникающих конфликтов и проч., «во имя общего блага конкретного сообщества»[4].

Философ стремится снять извечную дихотомию в западноевропейской правовой мысли между фактом и ценностью, предлагая обоснование нормативных, властно-управленческих и других функций права через базовые

[1] Finnis J. Philosophy of Law. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1850674.

[2] Мордовцев А.Ю., Попов В.В. Российский правовой менталитет. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2007. 448 с.

[3] Finnis J. Moral Absolutes. New York: CUA, 1991. 128 p.

[4] Finnis J. Religion and Public Reasons. New York: Oxford, 2011. 455 p.

(естественные) аксиологические установки и общее благо, присущее конкретному сообществу. Как и во многих современных правовых учениях Запада одной из ключевых проблематик является достоинство личности. В рамках своей «обновленной теории естественного права» Финнис выводит из базовых ценностей основу человеческого достоинства и основанного на нем естественного равенства людей[1]. Вопрос роли религии в формировании достоинства личности, а также содержательного оформления права и конкретных юридических институтов, в его теории остается открытым.

Ярким примером классических западноевропейских дебатов о роли и значении традиционных ценностей, морали, нравственных основ в правовом развитии стала полемика между британским философом права Г.Л.А. Хартом и судьей лордом Патриком Девлином в 1950–1960-е годы. Дискуссия была спровоцирована Докладом Вольфендена 1957 года, который пришел к выводу, что «должна оставаться сфера частной морали, которая, говоря кратко и грубо, не дело закона»[2].

Лорд Девлин в своей работе «Принуждение к морали» («The Enforcement of Morals») утверждал, что закон и мораль неотделимы и зависят друг от друга, а эволюцию права невозможно помыслить без духовно-нравственного развития общества. При этом он утверждал, что в основании базовых правовых аксиом лежат традиционные ценностные установки общества. Он выдвинул «тезис о дезинтеграции», согласно которому общество не может существовать без общих ценностей и моральных стандартов, а отказ от традиционных ценностно-нормативных оснований социальной системы ведет

[1] O'Connor J.D. What Makes an Ethical Account a Natural Law Ethical Account? Contemporary Ethics, Metaethics and Normative Ethics // Studies in Christian Ethics. 2024. Vol. 37. No. 2. P. 303–326; Conor C. «Common Good Constitutionalism» and the New Debate over Constitutional Interpretation in the United States // PUB. 2021. P. 765–787. DOI: 10.2139/ssrn.3725068.

[2] Hurwood J. Application of the Hart-Devlin debate to the ideas and arguments raised in «Legalising assisted dying would be a failure of collective human memory and imagination» // Student Journal of Professional Practice and Academic Research. 2019. Vol. 1 Iss. 2. DOI: 10.19164/sjppar.v1i2.872.

к распаду сплоченности и разращению последней[1]. Девлин отстаивал консервативную позицию, настаивая, что действующий закон должен обеспечивать сохранение традиционных ценностей и принуждать к соблюдению моральных стандартов[2].

В свою очередь, Г.Л.А. Харт, как известно, напротив, выдвинул альтернативный тезис – «тезис разделения», согласно которому ценности, мораль, духовные стандарты не являются значимыми и необходимыми для эффективного функционирования правовых систем[3]. Опираясь на либеральную традицию Джона Стюарта Милля, Харт пересмотрел принцип невмешательства государства (no-harm principle), обосновывая, что действующее законодательство не должно закреплять общественные ценности и мораль даже при наличии согласия в обществе по данному вопросу[4].

Примечательно, что в середине 1960-х годов дебаты Харта – Девлина рассматривались как однозначная победа Харта. Однако в специальном выпуске журнала «Criminal Law and Philosophy» 2013 года, посвященном 50-летию публикации работы Харта «Закон, свобода и мораль», более половины авторов признали, что Девлин имел преимущество в ключевых аспектах аргументации. Это свидетельствует о переоценке роли традиционных ценностей в праве и возврате к более консервативным позициям в западной юриспруденции[5].

Данная дискуссия оказала существенное влияние на дальнейшее развитие западноевропейской правовой мысли. Так, например, под

---

[1] Devlin P. The Enforcement of Morals. Oxford: Oxford University Press, 1965. 139 p.

[2] Dworkin R. Lord Devlin and the Enforcement of Morals // The Yale Law Journal. 1966. No. 75. Iss. 6. P. 986–1005.

[3] Hart H.L.A. The Concept of Law. Oxford: Oxford University Press, 2012; Hart H.L.A. Law, Liberty and Morality. Stanford: Stanford University Press, 1963; Hart H.L.A. Social Solidarity and the Enforcement of Morality // University of Chicago Law Review. 1967. Vol. 35. Iss. 1. P. 1–13.

[4] Cuypers S.E. H.L.A. Hart on Legal Moralism and Social Morality // Roczniki Filozoficzne. 2024. Vol. 72. Iss. 3. P. 239–257. DOI: 10.18290/rf24723.11.

[5] Lacey N.P. Devlin's The Enforcement of Morals Revisited: Absolutism and Ambivalence // Legal Studies Working Paper. 2022. № 2. URL: https://ssrn.com/abstract=4062258 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4062258.

воздействием аргументации Девлина и Харта американский философ права Рональд Дворкин предложил интегративный подход. В рамках которого он обосновывал, что закон содержит не только нормативные правила и образцы коммуникативного взаимодействия, но и принципы морали и справедливости, а также базовые ценностные ориентиры. В своей влиятельной работе «Империя права» («Law's Empire») Дворкин разработал концепцию единого механизма взаимодействия закона и морали[1].

Согласно Дворкину, право, как интегрированная система (law as integrity), требует от судей толковать правовые нормы в свете общественных ценностных установок и моральных принципов, а также обеспечивать согласованность действующих в обществе социально-нормативных регуляторов в развитии правовой системы[2]. Он также обосновывал, что социально-правовое взаимодействие, конкретные правовые отношения и юридические факты в реальной жизни могут быть трудно отделимы от ценностных установок и моральных принципов. Все это нашло отражение в трех осевых элементах его правового учения – это концепция права, учение о справедливости и теория ценности[3].

Американский правовед Адриан Вермюль в своих поздних работах разработал консервативно-правовую концепцию «конституционного общего блага» (common good constitutionalism)[4] как радикальную альтернативу доминирующему в США оригинализму[5]. Он призывал радикальных

[1] Дворкин Р. Империя права. М.: Изд-во Института Гайдая, 2021. 592 с.

[2] Mahlmann M. Truth, Ethics and Legal Thought – Some Lessons from Dworkin's Justice for Hedgehogs and Its Critique // Laws. 2023. DOI: 10.3390/laws12030042; Ibric S. Ronald Dworkin: Seeking Truth and Justice through Responsibility // Laws. 2023. DOI: 10.3390/laws12030041.

[3] Conor Crummey C. One-system integrity and the legal domain of morality // Legal Theory. 2022. № 28. P. 269–297. DOI: 10.1017/S1352325222000155.

[4] Vermeule A. Common Good Constitutionalism. Cambridge: Polity, 2022. 270 p.

[5] Современная правовая теория, получившая масштабное распространение в 80-х годах XX века и оказавшая достаточно сильное влияние на американскую правовую культуру. Данная теория ориентируется на конституционное, судебное и законодательное толкование текста американской конституции в ее первоначальной версии (на момент принятия Основного закона). В этом плане критически оцениваются любые подходы, обосновывающие то, что Конституция – это «живой документ» и он должен развиваться вместе с эволюцией общественной системы и социального мировоззрения, духовно-

конституционных консерваторов (следующих, прежде всего, букве и догме первоначального конституционного текста) перейти к так называемому «открытому аксиологическому подходу», согласно которому властно-управленческая деятельность государства должна концентрироваться на реализации базовых (традиционных) ценностных установок общества, обеспечении общего блага и правокультурной целостности. В свою очередь, классическая американская правовая традиция, по его мнению, ориентирована на неизменные догмы и стандарты, которые публичная власть должна реализовывать в своей властно-управленческой деятельности. В этом подходе нет места правовому моделированию более лучших и адекватных состояний общественных отношений, а также проектированию общественного блага в данных условиях и контекстах. «Такие деятели, как Росс Даузет, Адриан Вермюль, Патрик Денин и Дэвид Брукс, в той или иной мере разделяют мнение, что аксиомы либеральной мысли (упор на права и прерогативы личности, склонность понимать под свободой только негативную свободу и сопутствующая вера в рыночные механизмы, призванные служить интересам частной сферы и регулировать эти интересы) подорвали ценности традиционных сообществ и, следовательно, спровоцировали коррозию гражданских добродетелей, которые, по идее, должны быть мотором либерализма; иными словами, либерализм несет в себе зародыш собственной гибели», – отмечают критики консерватизма в американской еврейской прессе[1].

Более того, по мнению американского правоведа, либерально-демократический дискурс развития стал максимально догматичным и сакральным, изначальные либерально-правовые тексты считаются священными и начинают подменять собой традиционные национальные

нравственного совершенства человека и общества (Берлявский Л.Г. Оригиналистская и неоригиналистская концепции конституционной интерпретации в США // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 101–108).

[1] Гедеон Л.К. The New Yorker: Хасидский анклав в штате Нью-Йорк: исследование феномена URL: https://lechaim.ru/events/hasidskiy-anklav-v-shtate-nyyu-york-issledovanie-fenomena (дата обращения: 13.03.2026).

ценности и социокультурные детерминанты развития: «Либерализм также широко распространен и, как мне кажется, по своей сути сакрален. Он имеет критическое измерение политической теологии, и поведение либералов часто невозможно адекватно понять без этого контекста. Либерализм, с этой точки зрения, лучше всего понимать как несовершенно секуляризованное ответвление христианства, основными чертами которого являются не только пресловутая “имманентистская ипостась эсхатона”, но и странная и характерная смесь пелагианства и гностицизма – смесь, которая, возможно, не совсем случайно, занимает умы Папы Франциска и Конгрегации доктрины веры в недавнем ватиканском документе “PLacuit Deo”, который предлагает уничтожающую критику как ересей, так и других религий, их влияние на современную экономическую, социальную и политическую жизнь. Таким образом, сакраментальный либерализм выходит далеко за рамки политики в узком смысле борьбы за контроль над государственными институтами. Он формирует особую культуру и сам формируется под ее влиянием. У него даже есть свои особенности в одежде, украшениях и речи, так что приверженца сакраментального либерализма часто можно узнать с первого взгляда или после нескольких секунд разговора»[1].

Подход Вермюля находится в русле «постлиберализма», подвергающего серьезной критике либеральный индивидуализм и утверждающего необходимость подчинения индивидуальной автономии традиционным социальным ценностям. Такая позиция исследователя вызвала острую полемику, в том числе с такими представителями консервативной юриспруденции, как Роберт Джордж, который защищает оригинализм против постлиберального подхода[2].

[1] Vermeule A. All Human Conflict is Ultimately Theological Conflict. Church Life Journal. University of Notre Dame. July 26. URL: https://churchlifejournal.nd.edu/articles/all-human-conflict-is-ultimately-theological (дата обращения: 13.03.2026).

[2] Bermingham K. Competing Paternalisms: Robert George v. Adrian Vermeule and the Post-Dobbs Battle for Guiding Anti-Abortion Jurisprudence // Journal of Women, Politics & Policy. 2024. Vol. 45. Iss. 1. P. 108–126. DOI: 10.1080/1554477X.2024.2300521.

В рамках западной философско-правовой мысли также набирает устойчивую тенденцию критика либерального универсализма и абстрактных оснований социального порядка. Например, американский философ Майкл Сэндел в своей работе «Либерализм и пределы справедливости», критикуя либеральную политико-правовую повестку, обосновывает, что как принципы социальной справедливости, так и механизмы обеспечения последней не могут выводиться из общего принципа (теория справедливости Дж. Ролза)[1]. И первое, и последнее, по Сэнделу, обусловлено системой ценностей и убеждений общества. Именно сохранение и воспроизводство устойчивых ценностно-нормативных оснований общественной системы может выступить реальным фундаментом порядка и социальной справедливости. В свою очередь, данные основания конкретизируют общественное благо и выступают базовым ориентиром для деятельности публичной власти[2].

В более поздней работе – «Что нельзя купить за деньги» («What Money Can't Buy»), Сэндел критикует рыночное общество за утрату коллективного морального компаса[3]. Обосновывает, что рыночные потребности подменяют и разрушают ценностные основания функционирования всех социальных систем (правовой, политической, культурной и т.д.), что приводит к их дестабилизации и неустойчивому функционированию, а «конкуренция рыночных и моральных ценностей» в публично-правовой сфере – к масштабной коррумпированности[4].

Британский философ сэр Роджер Скрутон разработал комплексную консервативную философию, охватывающую право, эстетику, политику и культуру. Скрутон опирался на классическую философскую традицию,

[1] Sandel M.J. Liberalism and the Limits of Justice. Cambridge University Press. 1998. DOI: 10.1017/CBO9780511810152.

[2] Hamudy N.A. Justice for Community: Political Perspective of Michael Sandelâ Communitarianism // Jurnal Bina Praja. 2020. Vol. 12. Iss. 1. P. 43–52. DOI: 10.21787/jbp.12.2020.43-52.

[3] Sandel M.J. What Money Can't Buy: the moral limits of markets. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2012. 244 p.

[4] Sandel M.J. Public Philosophy: Essays on Morality in Politics. Harvard University Press, 2005. 300 p.

синтезируя платоновскую и аристотелевскую парадигмы[1]. Для него традиционные ценности формируют пространство намерений в поведении и эволюции общественных отношений.

Данное пространство не имеет индивидуалистического измерения, оно формируется и поддерживается коллективным взаимодействием, образуя общий фон ожиданий общества. При этом сами традиции и ценности множественны, и каждая культура предлагает собственное, уникальное пространство, которое прошло испытание временем и служит моделью, а также источником для тех, кто живет в настоящем[2].

В своей философской системе Скрутон предлагает и практическую стратегию – «ойкофилии» (любви к дому) как консервативной альтернативы левой экологической идеологии. «Гомеровский *oikos*… – пишет он, – обозначал не только социальную единицу, но и домохозяйство, обладающее собственностью и правами владения, а также обязанностями гостеприимства»[3]. Британский философ противопоставляет «ойкос» как более глубинное партнерство поколений, основанное на общих ценностях, сохраняющееся и воспроизводящееся как «глубокий пласт человеческой психики», «чувство сопричастности и общности, унаследованное от предков»[4].

Именно последнее выступает базовым источником права, обеспечивающим не только эволюцию, но и преемственность в развитии национальной правовой системы, а также является социо-психическим

[1] Hörcher F. Platonist, Aristotelian or simply Classical? Roger Scruton's Political Philosophy and the Great Tradition // Rivista di Studi Politici. 2021. № 16. URL: https://journals.openedition.org/politics/4871 (дата обращения: 13.03.2026).

[2] Scruton R. Green Philosophy. How to think seriously about the planet. London: Atlantic Books, 2013; Scruton R. The Soul of the World. Princeton: Princeton University Press, 2014; Scruton R., Dooley M. Conversations with Roger Scruton. London: Bloomsbury, Continuum, 2016.

[3] Scruton R. The Meaning of Conservatism. Second edition. Houndmills and London: MacMillan, 1990. P. 101.

[4] Scruton R. How to think seriously about the planet. The Case for an Environmental Conservatism. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 171.

фундаментом политической стабильности и легитимности публичной власти. Причем «ойкофилия» – более глубинное и масштабное понятие, связывающее сплоченность именно с ценностно-нормативными основаниями и традиционными установками, которые выработаны различными поколениями (ценностная связь прошлого, настоящего и будущего). В свою очередь, такие политико-правовые категории, как «нация» или «страна», являются уже внешними выражениями и институциональным оформлением последнего: «дом – это место, где мы находимся и которое мы делим с другими, место, которое определяет нас, которое мы передаем в доверительное управление нашим потомкам и которое мы не хотим портить»[1].

Кроме того, параллельно с дебатами о роли традиционных ценностей в развитии правовых систем в современных правовых и политических учениях развивается теория правового плюрализма, которая признает сосуществование множественных ценностно-нормативных оснований в одном обществе. Обсуждаются проекты гармонизации действующего государственного права, обычно-правовых регуляторов, религиозных и моральных ценностей[2].

Отметим, что в современных исследованиях данное направление выступает альтернативой социально-правовому мультикультурализму и либерально-правовому универсализму. Плюрализация права возникла вследствие ситуаций, при которых «в одном обществе сосуществуют несколько правовых систем, в том числе государственное право, обычное право и религиозное право. Эта концепция возникла на фоне колониализма и

[1] Ibid. P. 25.

[2] Anthropological Roots of Global Legal Pluralism. 2020. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780197516744.013.18; Benda-Beckmann K.V., Turner B. Legal pluralism, social theory, and the state // The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. 2018. Vol. 50. Iss. 3. P. 255–274. DOI: 10.1080/07329113.2018.1532674; Ezzy D., Bouma G., Barton G., Halafoff A., Banham R., Jackson R., Beaman, L. Religious diversity in Australia: Rethinking social cohesion // Religions. 2020. Vol. 11. Iss. 2. P. 92. DOI: 10.3390/rel11020092; Fitzpatrick S., Osborn D., Mitchell C. Legal Pluralism: A Framework for Understanding and Addressing Conflicts between Legal Systems // Law and Social Inquiry. 2020. Vol. 45. Iss. 3. P. 731–760. DOI: 10.1017/lsi.2020.17; McKerracher K. Relational legal pluralism and Indigenous legal orders in Canada // Global Constitutionalism. 2023. Vol. 12. Iss. 1. P. 133–153. DOI: 10.1017/S2045381722000193.

культурного разнообразия, которые сформировали особую правовую практику»[1]. Здесь выделяются главным образом две исследовательские направленности: *во-первых*, это юридический плюрализм права (например, «формальное признание государством обычного права»); *во-вторых*, правовая политика или «эмпирический плюрализм права» (например, когда «индивид сталкивается с различными правовыми системами»)[2].

Интересно, что в современной западной юриспруденции наблюдается определенная конвергенция подходов. Даже критики традиционных ценностей признают необходимость некоторой общей моральной основы для функционирования правового порядка. Концепция «конституционного патриотизма» Хабермаса, например, пытается найти светскую основу для общих ценностей через приверженность конституционным принципам.

С другой стороны, сторонники традиционных ценностей признают необходимость адаптации к современным условиям плюрализма и не выступают за простое возвращение к прошлому. Бёкенфёрде, например, подчеркивает важность религиозной свободы и различия между моралью и правом, даже защищая роль религии в публичной сфере.

Современное европейское право характеризуется напряжением между традиционными ценностями и тем, что можно назвать «либерально-прогрессивной» ценностной повесткой. Это напряжение проявляется в нескольких измерениях. Конфликт с государствами-членами: отношения между Европейским союзом и такими государствами, как Польша и Венгрия, демонстрируют столкновение различных интерпретаций демократии, верховенства права и национального суверенитета. ЕС настаивает на соблюдении своих правовых и демократических стандартов, тогда как указанные государства апеллируют к защите традиционных национальных

[1] Hariri A., Babussalam B. Legal Pluralism: Concept, Theoretical Dialectics and Its Existence in Indonesia // Walisongo Law Review (Walrev). 2024. Vol. 6. Iss. 2. P. 147. DOI: 10.21580/walrev.2024.6.2.25566.

[2] Hariri A., Babussalam B. Legal Pluralism: Concept, Theoretical Dialectics and Its Existence in Indonesia // Walisongo Law Review (Walrev). 2024. Vol. 6. Iss. 2. P. 148.

ценностей. Эти разногласия касаются таких вопросов, как независимость судебной системы, защита прав сексуальных меньшинств и миграционная политика[1]. В то же время исследования показывают, что в инициативах по продвижению европейского наследия и истории присутствует избирательное отношение к роли христианства, которое признается как культурное наследие, но не как источник нормативных принципов[2].

Западноевропейские правовые системы, таким образом, представляют собой сложный продукт взаимодействия традиционных ценностей (римское право, каноническое право, естественно-правовая философия, христианская антропология) с процессами модернизации, секуляризации и европейской интеграции. Традиционные ценности продолжают оказывать влияние на современное право – как через институционализированные правовые принципы (например, человеческое достоинство), так и через продолжающиеся дискуссии о соотношении универсальных стандартов прав человека с национальными и культурными особенностями[3].

Кроме того, сегодняшний тренд развития западноевропейской мыследеятельности, во многом обусловленный процессами цифровизации, следует той же логике. Абстрактные, рационально смоделированные «виртуализированные правовые состояния» стали реализовываться сначала в концепциях «сетевой организации общества»[4], а затем в альтернативных

---

[1] Фадеева И.А. Обострение отношений Польши и ЕС: возможные варианты развития и решения дезинтеграционных процессов // Теория и практика общественного развития. 2024. № 5. С. 136–141. DOI: 10.24158/tipor.2024.5.17; Dupré C. Hungary's attacks on human dignity: Article 2 TEU and the foundations of democracy in the European Union // European Law Journal. 2024. Vol. 30. Iss. 3. P. 255-463. https://doi.org/10.1111%2Feulj.12526.

[2] Peker E. Finding Religion: Immigration and the Populist (Re)Discovery of Christian Heritage in Western and Northern Europe // Religions. 2022. Vol. 13. Iss. 2. P. 158. DOI: 10.3390/rel13020158.

[3] Rodríguez A.R., Bulcock J.A. Legislating Morality: Moral Theory and Turpitudinous // Crimes in Immigration Jurisprudence. 2019. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5073035. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=5073035.

[4] В этом плане следует критически оценивать исследовательские проекты, обосновывающие новый вид публично-правовой организации общества – «сетевое государство». Сетевые формы, мягко говоря, противоречат принципам организации и функционирования государственной власти, принципам правовой организации общества и иерархического строения системы законодательства, властно-правовой иерархичности,

метавселенных, представляющих свои формы цифровой идентификации и цифрового права (инжиниринговые нормативные системы). Так, интенсивное развитие цифровых пространств свидетельствует, что последние формируют альтернативную политико-правовым формам организацию жизнедеятельности человека, формируют собственные формы и способы идентификации, социально-технологические нормы и стандарты взаимодействия[1].

Известные современные проекты конструирования метавселенных, ориентированы на формирование «инновационной нормативной технологии регулирования», своеобразного поведенческого инжиниринга, где разрабатываются собственные социально-технологические, этические и другие нормы и стандарты взаимодействия, а их действие обеспечивается автоматизированными алгоритмическими системами, внедренными в те или иные цифровые платформы.

Следует констатировать, что вытеснение национально-культурных основ общества и традиционных институтов, обеспечивающих стабильность и воспроизводство общественной системы, порождает социальную нестабильность. Неслучайно, доминирующим теоретико-методологическим вектором и доктринально-правовым основанием государственно-правового развития в последние десятилетия стали аксиоматические положения о нестабильности, рискогенности, ситуативности в социально-правовой и

специфике юридической деятельности и т.д. Считаем, что, сетевые формы социальной активности выражают лишь специфические закономерности, локальные тренды развития отдельных сообществ, групп, некоторые аспекты функционирования публично-правового взаимодействия в общества. И поэтому внешние явления и специфические закономерности не совпадают и не могут в полном объеме выражать сущность государства или публично-правовой организации. Следовательно, «сетевое государство», «сетевая организация», «сетевые формы публично-правового взаимодействия» – это достаточно спорные понятия, представляют собой научные метафоры, спроектированные для нивелирования традиционных политических и юридических институтов.

[1] Кочетков А.П., Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю. «Цифровой транзит» публично-властных отношений: общие и элитарные характеристики – Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24. № 1. С. 109–134.

политико-экономической динамике[1]. При этом в государственно-правовом управлении начали преобладать правовые формы и управленческие технологии, базирующиеся на конвенциональном и иррациональном выборе[2].

Адекватным ответом на данные процессы выступает, с нашей точки зрения, необходимость воспроизводства теонормативных оснований фундаментальных правовых аксиом, сохранение религиозной доктрины свободы и достоинства личности, восстановление значимости нравственных и этических стандартов в государственно-правовой практике. Другими словами, альтернативой дискурсу нестабильности и рискогенности в проектировании социально-правового будущего общественной системы предлагается доктрина цивилизационной гармонизации национально-культурных, теонормативных и социально-технологических доминант правового развития современного общества.

При этом ключевым, с точки зрения современной консервативно-правовой доктрины является процесс гармонизации традиционных элементов социально-нормативной системы (правовые традиции и обычаи, теонормативные концепты и модели, нравственные стандарты и ценности, моральные и этические нормы[3]) с социально-технологическими новациями (потребности технологического развития), новыми стандартами поведенческого инжиниринга (норма и модели цифрового взаимодействия) и алгоритмическими системами (предикативной юстиции, автономного социального мониторинга и проч., основанными на системах ориентированного машинного обучения), порожденными цифровой эпохой.

---

[1] Кравченко С.А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме: монография / Московский гос. ин-т международных отношений (МГИМО (У) МИД РФ). М.: Анкил, 2009. 220 с.

[2] Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография / Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербургский юридический ин-т (фил.) Акад. генеральной прокуратуры Российской Федерации. СПб.: АЛЕФ-Пресс, 2012. 649 с.

[3] Обычное право России: теоретико-правовой и историко-правовой аспекты: монография / Р.Л. Хачатуров, Р.О. Авакян, Т.М. Айтберов и др.; под ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2019. 468 с.

Значимость консервативных теоретико-правовых разработок и ориентации в правовой политике государства на моделирование гармоничного социально-правового развития общества обусловлена необходимостью снижения эффектов нестабильности и доминирования негативного образа будущего в развитии общественных систем, а также формированием необходимых теоретико-практических инструментов, обеспечивающих гармонизацию инновационных элементов с традиционной ценностно-нормативной системой, для обеспечения прогнозируемого, устойчивого и стабильного процесса трансформации государственно-правовой организации общества в цифровую эпоху.

При этом данные разработки должны, по нашему убеждению, выступить необходимой теоретико-методологической основой для формулирования предложений по совершенствованию юридической техники (юридической фиксации новых видов общественных отношений, специфического взаимодействия, опосредованного цифровыми агрегаторами и т.п.) и опережающего правового моделирования (создание доктринально-правовых рамок, приоритетов и направлений государственно-правовой эволюции, особых правовых режимов развития общественных отношений в различные рискогенные периоды – долговременных вирусных эпидемий, геополитической напряженности, санкционной политики, цифрового-технологического противоборства и т.п.).

Почему мы видим в консервативно-правовом дискурсе потенциал по разрешению современных противоречий общественного развития и восстановлению стабильности государственно-правового развития? Ответ достаточно прост, постольку последний формирует такую мировозренческую установку, согласно которой любое развитие должно опираться на воспроизводящиеся из поколения в поколение устойчивые социокультурные доминанты и традиционные институты. Более того, консервативно-правовой стиль мышления ориентирует на гармонизацию различных нормативных элементов в обществе с целью формирования позитивного образа

правопорядка[1] и сохранения национально-культурных характеристик последнего[2], что, несомненно, является необходимым защитным механизмом от доминирования рационально сконструированных и симулятивных правовых состояний общественных систем.

Консерватизм ориентирован на сохранение традиционной ценностно-нормативной системы и ее различных элементов, которые не «тормозят» развитие, а включают инновации в приемлемые рамки, обеспечивающие устойчивость и целостность трансформации общественной системы под воздействием глобальных, технологических, биологических и иных вызовов и угроз. Именно консерватизм ориентирован на сглаживание кардинальных трансформаций, поскольку здесь традиционные ценности и интересы общественного единства сочетаются или гармонизируются с новыми потребностями общества, вновь возникающими ценностями, что обеспечивает динамический характер последнего. В специализированной литературе уже достаточно давно аргументирован этот динамический характер консерватизма[3], что его развитие обеспечивается этим процессом гармонизации и согласования, «развития на основе традиции»[4], постоянного обновления консерватизма в зависимости от требований и вызовов эпохи[5].

Кроме того, консерватизм всегда заинтересован в традиционном институте государства, который не только обеспечивает фундаментальные социальные, политические, гражданские и иные права, свободы и законные интересы граждан и человека, но и обеспечивает защиту привилегированных и элитарных слов общества. В принципе, как показала пандемия коронавируса

---

[1] Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма; Инфра-М, 2011. 799 с.

[2] Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Кравченко А.Г. Основы теории национальной безопасности. М.: РИОР, 2011. 252 с.

[3] Аверьянов В.В. Традиция и динамический консерватизм. М.: Центральный изд. дом: ИДК, 2012. 695 с.

[4] Тихомиров Л.А. Монархическое начало власти. М.: Изд-во М. Б. Смолина (ФИВ), 2018. 439 с.

[5] Консерватизм и развитие. Основы общественного согласия / под ред. Б.И. Макаренко. М.: Центр политических технологий, 2015. URL: https://mir-knig.com/read_418159-1 (дата обращения: 12.04.2026).

COVID-19, это единственный институт, который обеспечил защиту и поддержку различным социальным стратам, сохранив стабильность и относительную устойчивость различных процессов (экономических, политических, экологических и проч.). Справедливо отмечается в современных исследованиях, что: с одной стороны, консерватизм – это государственно-правовая доктрина и программа, обеспечивающая защиту общественных интересов и национального единства посредством охраны традиционных институтов (семьи, взаимопомощи, справедливости и проч.); а с другой «это идеология и политическая программа имущих и образованных слоев общества. Им есть что терять как в плане собственности, так и социального статуса. Они заинтересованы в сильном государстве и дееспособных институтах (собственность, суд, вооруженные силы, защита правопорядка), которые способны сохранить этот статус и дать гарантии на будущее»[1].

Выводы. Таким образом, если обобщить рассмотренные выше консервативные концепции и учения о роли традиционных ценностей в современной правовой системе общества, то можно выделить ряд доминирующих направлений:

во-первых, это естественно-правовое направление, обосновывающее существование объективных, универсальных моральных истин, познаваемых разумом, которые должны служить основой для позитивного права и быть ориентирами для юридической деятельности. Базовые блага человеческого процветания предоставляют нормативную основу для оценки развития различных элементов правовой системы;

во-вторых, коммунитарное направление, критикующее либеральный индивидуализм и подчеркивающее роль сообщества, традиций и общих ценностей в формировании моральной и правокультурной идентичности, полагающее, что базовые нормативные правила и требования формируются в

[1] Там же. С. 34.

практической деятельности людей и содержатся в социокультурном опыте общества. При этом правовой порядок и справедливость не могут быть выведены из абстрактных принципов или универсальных аксиом, но должны основываться на конкретных ценностях и практиках сообщества;

в-третьих, интегративное направление, которое пытается преодолеть дихотомию между позитивизмом и естественным правом, утверждая, что право включает как правила, так и моральные принципы. Судьи должны интерпретировать закон в свете моральных ценностей для обеспечения целостности правовой системы. Именно эти два базовых фактора придают динамизм и обусловливают уникальность правовых систем;

в-четвертых, плюралистическое направление (концепция правового плюрализма), признающее множественность правовых порядков и культурных традиций, отвергающее монистическое понимание права. Конституционный плюрализм допускает сосуществование различных правовых систем без единого иерархического порядка. В основании каждого такого порядка лежат уникальные ценности сообщества, фиксируемые на конституционном уровне и формирующие ценностно-нормативную основу для развития правовой системы.

В свою очередь ключевыми аргументами за интеграцию традиционных ценностей в правовую жизнь общества являются следующие:

– существуют объективные моральные истины и базовые ценности, основанные на человеческой природе, которые закон должен отражать, а юридическая практика воплощать;

– традиционные ценности общества необходимы для социальной интеграции и предотвращения дезинтеграции общества, они обеспечивают сохранение и воспроизводство правокультурной целостности;

– традиционные ценности защищают фундаментальное достоинство человеческой личности;

– светское государство не может самостоятельно генерировать духовно-нравственные стандарты, моральные условия и культурные рамки для

собственного существования и нуждается в религиозных и традиционных источниках;

– индивидуальная идентичность и кодекс поведения формируются в контексте традиций и сообществ, которые закон должен признавать и поддерживать.

§ 2.4. Традиционные духовно-нравственные ценности в теории и практике правового консерватизма

В настоящее время дискуссия относительно традиционных духовно-нравственных ценностей стала самым обсуждаемым в юридической литературе этапом развития отечественного правоведения[1]. По справедливому замечанию А.И. Овчинникова, «принятие Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 “Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей” является важным этапом развития российской государственности и правовой системы с учетом ее социокультурной, цивилизационной самобытности»[2]. В связи с этим может возникнуть вопрос о совместимости идеи правового государства и социокультурной модели развития отечественного государства и права. Ответить на данный вопрос можно следующим образом: традиционные духовно-нравственные ценности важны и значимы не только в России. Более того, западная история права имеет уже трехвековой опыт борьбы за защиту этих ценностей. Как уже говорилось, западная традиция права предполагает и иные модели, например, модель консервативного правопонимания. О ней редко упоминается в

[1] Овчинников А.И., Багдасаров В.Ю., Чухутова Н.А. Правотворческая и правоприменительная политика в сфере традиционных духовно-нравственных ценностей // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2024. Т. 11, № 2. С. 17.

[2] Овчинников А.И. Традиционные духовно-нравственные ценности как основа категории «публичной порядок» в современном правовом регулировании // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9, № 4. С. 45–55.

литературе, в то время как границы универсальности западной традиции права не означают невозможность ее рецепции в нашей стране.

В последнее время растет количество сторонников сдержанности и умеренности при проведении реформ, рецепции правовых институтов. По сути, юридическая наука признает, что право на самобытность каждого народа следует считать естественным законом. Иными словами, каждый народ имеет право на сохранение традиций. Особенно ярко это положение было обосновано в сочинениях одного из ярчайших представителей английского консерватизма уже упоминавшегося неоднократно Эдмунда Бёрка[1].

Семья. Прежде всего, защите подлежит такая важнейшая традиционная духовно-нравственная ценность как семья – это признают не только консерваторы. Защита традиционной семьи (понимаемой как союз мужчины и женщины, ориентированный на рождение и воспитание детей) является краеугольным камнем консервативной повестки. Это основано не только на религиозных догматах, но и на социально-экономическом и антропологическом, социологическом и демографическом измерении современных стран. По мнению политика-консерватора, государственного деятеля Германии Тило Саррацина, Европу погубят не внешние угрозы и даже не экономические неурядицы, но социальный патернализм, политкорректность, толерантность[2]. «Родившиеся на базе выдвинутых Просвещением идеалов свободы, политкорректность и толерантность, подобно раковой опухоли, опутали все стороны современной европейской жизни. Подлинный либерализм, со времен Ренессанса провозглашавший торжество сильной творческой личности, вопреки общественным ограничениям и суевериям стремившейся к саморазвитию и прогрессивным переменам в окружающей действительности, выдвигавший своим главным лозунгом “laisser faire, laisser passer”[1], сменился терпимостью именно к тем

[1] Бёрк Э. Размышления о революции во Франции. URL: http://www.politnauka.org/library/classic/berk.php (дата обращения: 12.04.2026).

[2] Саррацин Тило. Германия: самоликвидация. М.: АСТ, 2016. 558 с.

факторам, которые уничтожают деятельную, самостоятельную, творческую личность, а идея прогресса трансформировалась в оголтелую пропаганду отвратительных пороков духовного мейнстрима»[1].

Главный урон общественному развитию со стороны либеральной идеологии нанесен атомизацией общества. Атомарность либерализма давно подвергается критике со стороны консервативных идеологов. Французский политолог Пьер Манан утверждает, что современный либерализм, абстрагирующий индивида от всех «случайных» связей и сообществ (семьи, нации, религии), ведет к атомизации общества. Семья, по его мнению, является первичной и незаменимой школой человечности, солидарности и преемственности поколений. «Семья является… первичной формой принадлежности, из которой мы выходим и к которой мы можем вернуться… Это институт, который сопротивляется тотальной мобилизации индивида обществом или государством»[2].

Соответственно, правовой защите должны подлежать родители и их право на воспитание детей, так как от вмешательства государства в дела семьи страдают, в первую очередь, именно взаимоотношения «отцов и детей». Важно осуществлять защиту прав человека на воспитание детей в соответствии со своими убеждениями и продвижением семейной политики, направленной на поддержку многодетности.

Консервативно мыслящие судьи Федерального конституционного Суда в Германии часто выступают в судах в защиту семьи. Например, немецкий правовед Пауль Кирхгофф в своих решениях в Конституционном суде и публичных выступлениях последовательно отстаивал особую защиту семьи, брака и детей, предусмотренную Статьей 6 Основного закона, рассматривая

[1] Сытин А. Самоликвидация Европы: последнее предупреждение // Свободная мысль. 2012. № 7-8. С. 204.

[2] Manent P. La loi naturelle et les droits de l'homme. Paris: Presses Universitaires de France, 2018. P. 78.

семью как первичную ячейку общества, которую государство обязано поддерживать и защищать от вмешательства[1].

Публичность религиозных прав. В условиях постсекуляризма, под которым принято понимать признание равноправия государства и конфессий в отношениях друг с другом, консерваторы защищают права церквей на активную политическую и иную публичную деятельность. Для консерваторов религиозная свобода – это не только частное право, но и право действовать в соответствии со своими убеждениями в публичном пространстве и участвовать в формировании закона на основе религиозной морали. «Светскость государства не означает его безрелигиозности», – так говорят современные консерваторы. Это прямое отрицание идеи «строгого нейтралитета» государства, которое часто трактуется как необходимость исключения религиозных аргументов из публичной сферы. Немецкий юрист и судья Эрнст-Вольфганг Бёкенфёрде сформулировал знаменитую дилемму: «Свободное, секулярное государство живет за счет предпосылок, которые оно само не может гарантировать». То есть современное светское государство «обязано», в некотором роде, своим происхождением именно религии, христианству[2]. Ведь именно благодаря религии немцы, французы, чехи и иные народы сплотились и сложились как нации на основе духовно-нравственных ценностей – солидарности, честности, чувства долга. Выдавливание религии из публичного пространства на периферию развития общества подрывает сами основы, на которых стоит правовое государство.

Немецкая правовая и политическая мысль имеет глубокую традицию осмысления связи между религией, моралью и государством. Следует отметить, что в современной Германии прямой призыв к «тесным связям» между

[1] Kirchhof P. Deutschland im Prozess europäischer Integration / Hrsg. von Klaus G. Meyer-Teschendorf. Berlin: Springer, 2017. 235 S.

[2] Böckenförde E.-W. Staat, Gesellschaft, Freiheit. Studien zur Staatstheorie und zum Verfassungsrecht. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1976. S. 60. В русском переводе: Бёкенфёрде Э.-В. Государство, общество, свобода. Исследования по теории государства и конституционного права / пер. с нем. М.: Издательство «Территория будущего», 2009.

конкретной религией и государством является маргинальным из-за конституционного принципа светскости (weltanschaulich-religiöse Neutralität). Этот принцип препятствует учету религиозного и морального контекста для существования свободного государства. Поэтому современный консерватизм критикует радикальный секуляризм и отказ от традиций. Эрнст-Вольфганг Бёкенфёрде (1930–2019) – один из самых влиятельных и консервативно настроенных современных немецких правоведов, философов права и судей Федерального конституционного суда ФРГ послевоенной эпохи. В его творчестве успешно сочетаются современные концепции философии права, истории и теории политических учений, богословия и теологии. Являясь католиком, Бёкенфёрде так определил коллизию либерализма, о которой говорится выше[1]. Данная дилемма сигнализирует, что современное правовое государство зависит от определенных моральных, культурных и религиозных ресурсов – таких как солидарность, готовность к компромиссу, чувство гражданского долга, – которые оно не может создать принудительно с помощью законов, не отказавшись от своей либеральной сути. Эти предпосылки возникают и воспроизводятся спонтанно в гражданском обществе, часто питаясь из традиционных, в том числе религиозных, источников. Государство может лишь охранять пространство для их свободного развития.

Надо отметить, что ученый был последовательным защитником свободы совести и религиозной свободы, механизм защиты которых он описал в концепции религиозно-мировоззренческого нейтралитета государства, особенностью последней является то, что, с одной стороны, государство не должно отдавать предпочтение какой-либо одной религии или мировоззрению, с другой стороны, оно не может быть ценностно-нейтральным. При этом религиозный нейтралитет государства определяется тем, чтобы быть открытым для всех религий, не связывая себя с какой-то определенной конфессией и предоставляя возможность разным конфессиям

[1] Ibid. S. 112.

исповедовать свою веру: государство, таким образом, становится не врагом религии, а «хранителем и попечителем» пространства для ее свободного исповедания. «Государство… должно оставаться открытым по отношению к различным религиозным и мировоззренческим убеждениям, которые существуют в обществе, и предоставлять им пространство для свободного развития и действенности, не отождествляя себя с одной из них»[1].

В защиту права религиозных организаций на доступ к публичному пространству защищает и еще один немецкий ученый – Роберт Шпеман (Robert Spaemann) (1927–2018). Это видный немецкий философ, представляюший католическое богословие в современной интеллектуальной дискуссии. Его труды оказали огромное влияние на правовую и политическую этику. Важными для нас следует признать труды, в которых он защищал концепцию естественного права и критиковал утилитаризм и релятивизм. Шпеман указывал, что человек принадлежит к человеческому роду, что определяет базовые ценности его существования. «Отсюда вытекает отношение Шпемана к ценности самой жизни как таковой и отрицательное отношение к самоубийству и эвтаназии как способам сознательного ухода из жизни. В последние годы он занимался философским анализом и критикой новой системы европейских ценностей, которая оторвалась от ценностей национальных, прежде всего религиозных»[2]. Его ключевые сочинения: «Личность: О различии между “чем-то” и “кем-то”» (Personen. Versuche über den Unterschied zwischen ‚etwas‘ und ‚jemand‘, 1996) – философское обоснование достоинства человека; «Критика политической утопии» (Kritik der politischen Utopie, 1977) – критика тоталитарных тенденций, основанных на утопическом мышлении; «Моральные основные понятия и проблемы

[1] Бёкенфёрде Э.-В. Основные права как учредительные принципы. Учение об основных правах в государственном праве ФРГ // Правовое государство, народное правление и социальные права. М.: ИД «ГУ-ВШЭ», 2008. С. 87.

[2] Миронов В., Миронова Д. Философ и общественная позиция. Роберт Шпеман (1927–2018) // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 1. С. 282.

этики» (Moralische Grundbegriffe, 1982) – доступное введение в его философию.

Близкие взгляды защищал и Мартин Криеле (1931–2020) – известный немецкий правовед и государствовед. Ученый старался найти синтез лучших сторон консерватизма и либерализма, подчеркивая, что стабильность современного государства зависит от морального консенсуса в обществе, который часто имеет религиозные корни[1].

Другой правовед, Пауль Кирхгофф (род. 1943), который когда-то был судьей Федерального конституционного суда Германии (Bundesverfassungsgericht), считается одним из самых авторитетных немецких юристов в области государственного и финансового права. Этот ученый еще известен и как глубоко верующий католик, чьи правовые взгляды основаны на христианско-гуманистическом образе человека. Ученый крайне критически относится к евроинтеграции[2]. Его консервативное мышление отличают радикальный этатизм и убеждение в защиту национального суверенитета[3]. Государство ученый считает главным организатором и гарантом свободы, что является стержнем его государственно-консервативного мировоззрения.

В Англии Роджер Скрутон (1944–2020), английский консервативный мыслитель, разрабатывал политическую теорию, эстетику, моральную философию в контексте защиты христианской цивилизации. Ученый полагал, что именно христианство является фундаментальным источником западных ценностей, права и культуры. В его трудах «The Meaning of Conservatism» (1980, 2001) и «The West and the Rest: Globalization and the Terrorist Threat» (2002) изложена концепция философского консерватизма, защищающего

[1] Kriele M. Kriterien der Gerechtigkeit. Zum Problem des rechtsphilosophischen und politischen Relativismus. Duncker & Humblot, Berlin 1963 (zugleich: Diss. iur. Münster 1962); Theorie der Rechtsgewinnung, entwickelt am Problem der Verfassungsinterpretation. Duncker & Humblot, Berlin 1967; 2. erg. Auflage ebd. 1976, ISBN 3-428-03735-9 (zugleich: Habilitationsschrift); Grundprobleme der Rechtsphilosophie. LIT, Münster 2003.

[2] Kirchhof P. Deutschland im Prozess europäischer Integration / Hrsg. von Klaus G. Meyer-Teschendorf. Berlin: Springer, 2017. 235 S.

[3] Kirchhof P. Der Staat als Organisationsform der Freiheit // JuristenZeitung (JZ). 2006. Nr. 14. S. 677–685.

традиционные институты, иерархию и роль церкви. Автор показывает, как западные ценности (верховенство права, свобода совести) укоренены в христианском наследии[1].

Право, права человека и законность. Следует отметить и позицию консерваторов по отношению к сугубо юридическим консервативным ценностям, таким как право, права человека, законность, правотворчество. Ранее упомянутый Кирхгофф, например, выступает за государство, которое обладает достаточной силой и авторитетом для выполнения своих основных задач: поддержания правопорядка, обеспечения безопасности и социальной справедливости, для чего обеспечивается фискальный суверенитет. Это одна из самых известных его позиций. Кирхгофф считает, что государство не имеет права изымать у граждан более 50 % их доходов через налоги и сборы. Половина дохода должна оставаться в распоряжении индивида как проявление его экономической свободы и права собственности, гарантированных Конституцией. Эта идея лежала в основе его критики действующей налоговой системы Германии, которую он считал слишком сложной и конфискационной. Он ратовал за простую, прозрачную и справедливую налоговую систему, за примат национальной конституции и критическое отношение к европейской интеграции. Ученый считает, что передача суверенных прав от национальных государств (особенно Германии) европейским институтам зашла слишком далеко, и это подрывает демократический суверенитет немецкого народа, выраженный в Основном законе. Он последовательно выступал против введения евро (предупреждая о рисках долгового кризиса), расширения полномочий ЕС.

Юридический позитивизм порицается современными правоведами консервативного толка. Например, Бёкенфёрде негативно к нему относился, полагая ошибочной и вредной идею будто право является исключительно продуктом воли законодателя. По его мнению, правовое государство

[1] Scruton R. The Meaning of Conservatism. 3rd ed. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2001. 206 p.; Scruton R. How to Be a Conservative. London: Bloomsbury Continuum, 2014. 198 p.

нуждается в нравственных основаниях, потому что закон, лишенный связи с моралью и справедливостью, рискует выродиться в инструмент произвола.

При этом нельзя не отметить более терпимую позицию современных правоведов-консерваторов по отношению к демократии, чем у Бёрка или де Местра. Бёкенфёрде считает демократическим процессом не банальную процедуру принятия решений большинством голосов, а процесс формирования общественной воли, основанный на дискуссии, взаимном уважении и поиске общего блага. Демократия, по Бёкенфёрде, требует от граждан определенных добродетелей, которые не предписаны законом, но без которых она нежизнеспособна. Основной закон он понимал не как набор статических норм, а как живой, развивающийся правовой порядок, но отрицательно относился к «судебному активизму», когда судьи Конституционного суда подменяют собой законодателя, так как последний должен быть «хранителем конституции», а не ее творцом. «Конституция – это не просто “лист бумаги”, она живет в сознании и убеждениях людей, а также в реальности государственной и общественной жизни, которая должна ей соответствовать»[1].

Естественное право также защищают консерваторы с позиции христианства. Пьер Манан (Pierre Manent) (род. 1949) – один из самых крупных и видных философов права, ученик Раймона Арона, осуществляет анализ кризиса современного либерального общества. Его труды направлены против глобализма на сохранение нации-государства и роли христианства в формировании европейской цивилизации[2]. Манан развивает свою критику глобализма через призму идеи прав человека, полагая, что человек строит не «царство свободы», а новое феодальное государство[3]. Автор последовательно

[1] Böckenförde E.-W. Staat, Verfassung, Demokratie. Studien zur Verfassungstheorie und zum Verfassungsrecht. 1. Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1991. S. 95.

[2] Манент П. Интеллектуальная история либерализма / пер. с фр.: А. Глухов, М. Федорова. М.: ИД «Территория будущего», 2022. 192 с.; Манент П. Современная либеральная мысль / пер. с фр. М. Федоровой, А. Штырбу. М.: ИД «Территория будущего», 2003. 240 с.

[3] Манент П. Бремя общего мира: Благословения и проклятия политического / пер. с фр. А. Глухова. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 200 с.

критикует и миграционную политику Евросоюза, и утрату национальной безопасности и идентичности[1]. В целом, его позицию можно охарактеризовать как синтез идей либерализма и консерватизма.

Ученый критикует теорию прав человека за верховенство последних по отношению к правам нации и государства. В книге «Естественный закон и права человека» (La loi naturelle et les droits de l'homme, 2018) Манан критикует современную концепцию прав человека, оторванную от понятия естественного закона и человеческой природы, полагая, что это ведет к произволу и дезинтеграции общества. Он против того, чтобы индивид с «неотчуждаемыми правами» противопоставлялся гражданину, связанному общими законами и обязанностями. Также ученый последовательно защищает идею национального государства в противовес глобализму и технократии. В национальном государстве только и возможно достижение подлинной свободы и политической жизни: только на уровне нации возможна подлинная демократия, где народ может быть сувереном.

Бёкенфёрде также защищал идею социального государства, закрепленную в Основном законе ФРГ. При этом, в отличие от неолибералов, социальные права он понимал не как простые «призывы» к законодателю, а как конституционные обязательства государства по обеспечению справедливости и человеческого достоинства. По его мнению, подлинная свобода недостижима без определенного уровня материальной обеспеченности и социальной защищенности, а социальное государство является логическим продолжением правового, так как призвано обеспечивать реальную, а не только формальную возможность реализации прав и свобод для всех граждан[2].

---

[1] Манент П. Ситуация Франции / пер. с фр. Д. Баюка. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. 144 с.

[2] Бёкенфёрде Э.-В. Основные права как учредительные принципы. Учение об основных правах в Государственном праве ФРГ // Правовое государство, народное правление и социальные права: сборник статей / пер. с нем. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2008. С. 67–105.

Нация, суверенитет и культурная преемственность. Современные консерваторы, как и их предшественники, защищают идею национального государства как основной формы политической организации, обеспечивающей демократический суверенитет, правопорядок и культурную идентичность. Традиционные духовно-нравственные ценности здесь понимаются не абстрактно, как в рационалистической парадигме либерализма, а конкретно – как конкретные исторические практики и нормы конкретного народа, а не как абстрактные универсальные принципы. Так, британский философ Роджер Скрутон утверждает, что нация – это «мы»-сообщество, скрепленное общим языком, историей и лояльностью, которое является предпосылкой для возникновения чувства обязанности и законности. «Закон существует не для того, чтобы освобождать нас от морали, а для того, чтобы закреплять ее в публичной форме… Он коренится в обычае и предрассудке, и его авторитет происходит из прошлого»[1].

Именно национальное правосознание является источником права – об этом говорили и представители немецкой исторической школы права. Защита национального суверенитета и границ является для консерваторов и правовой необходимостью, так как только в рамках национального государства возможна эффективная демократия и верховенство права, основанное на разделяемой культурной традиции.

В работах Мишеля Вилле (1914–1988), известного французского философа права, автора трудов по римскому праву и правовой мысли Античности и Средневековья, содержится полновесная критика современного правового позитивизма и идеи прав человека, а также идеи комплекса субъективных прав. Автор понимает право как объективный порядок, основанный на справедливости («каждому свое» – suum cuique tribuere). Основной предпосылкой его метода является неотомизм, который прямо ведет к защите естественного права и, следовательно, традиционных ценностей. Его

[1] Scruton R. The Meaning of Conservatism. 3rd ed. Basingstoke: Palgrave, 2001. P. 35.

ключевые сочинения: «Формирование юридической мысли» (La formation de la pensée juridique moderne, 1975), в котором прослеживается история упадка классической идеи права, и «Философия права» (Philosophie du droit, 1978–1984), где Вилле излагает свою теорию права. По его мнению, в истории права произошла утрата правильного, объективного понимания правопорядка, замененного изменчивой идеей субъективного права[1]. Он полагает, что концепция «прав человека» является современным философским изобретением, чуждым античной и средневековой правовой традиции, и что она ведет к индивидуализму и разрушению объективного правового порядка.

Близкие позиции содержат и труды Шанталь Дельсоль (Chantal Delsol) (род. 1947) – философа права, политолога, основательницы Института Ханны Арендт, которая отличается идеями против унификации мира, идеями христианского понимания естественного права. В ее работах, таких как «Неотрадиционализм: манифест для современности» 1996 года, и более поздних работах обосновывается защита традиций как источника мудрости и идентичности. В книге «Что такое человек? Курс лекций по философской антропологии» сформулирована концепция постоянной человеческой природы против конструктивистских идей. А в книге «Ненависть к миру: Введение в декаданс» содержится критика утопизма и нигилизма современной эпохи[2].

Консервативная правовая политика. Следует отметить, что в повестке деятельности ООН вопросы защиты традиционных ценностей постоянно обсуждались. Можно утверждать, что процессы усиления механизмов защиты прав сексуальных меньшинств протекали наряду с

[1] Villey M. La formation de la pensée juridique moderne. Paris: Montchrestien, 1975. 668 p.; Villey M. Le droit et les droits de l'homme. Paris: Presses Universitaires de France (PUF), 1983. 172 p.; Villey M. Seize essais de philosophie du droit: dont un sur la crise universitaire. Paris: Dalloz, 1969. 337 p.

[2] Delsol C. Le principe de la subsidiarité. Paris: Presses Universitaires de France (PUF), 1993. 255 p.; Delsol C. Icar tombé du ciel: Éléments pour une critique de la philosophie politique contemporaine. Paris: Éditions du Cerf, 2003. 250 p.; Delsol C. Les pierres d'angle: À quoi tenons-nous? Paris: Éditions du Cerf, 2014. 200 p.

институционализацией защиты интересов традиционной семьи. Когда в 2011 году Совет ООН решил организовать панельную дискуссию по правам ЛГБТ[1], многие представители разных стран, прежде всего, мусульманских государств, отказались принимать в ней участие. Более того, 16 сентября 2014 года Совет ООН по правам человека провел заседание по традиционным семейным ценностям. Большое количество государств (65 стран по всему миру (и 41 в Содружестве) в своем национальном законодательстве имеют правовые нормы, предусматривающие ответственность представителей сексуальных меншинств, ограничивая их в правах и свободах[2]. Именно представители этих государств выступили за подписание Резолюции о «традиционных семейных ценностях». Примечательно, что представители либеральной журналистики поспешили обвинить Совет по правам человека ООН в злоупотреблении своими полномочиями: якобы его механизм используется «гомофобами» разных государств для недопущения универсализации прав человека[3].

Надо сказать, что защита традиционных духовно-нравственных ценностей в политике европейских государств развивается в условиях глубокого раскола и поляризации, двигаясь в нескольких, зачастую противоположных, направлениях. Это не единый тренд, а сфера и площадка ожесточенной идеологической и юридической дискуссии.

Лидером в защите консервативных правовых ценностей выступают страны бывшего Варшавского договора, социалистического блока. В их повестке можно заметить усиление и институционализацию защиты традиционных идеалов и норм (в основном в странах Вышеградской группы и Восточной Европы). Эти государства осуществляют активную

[1] Международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в РФ.

[2] List of 66 countries where homosexuality is illegal. URL: https://76crimes.com/76-countries-where-homosexuality-is-illegal (дата обращения: 15.06.2026).

[3] United Nations under pressure to protect ‘traditional families’ over individual rights. URL: https://theconversation.com/united-nations-under-pressure-to-protect-traditional-families-over-individual-rights-31757 (дата обращения: 15.06.2026).

государственную политику, направленную на законодательное закрепление консервативного понимания религиозных идей, семьи, национальной идентичности и культуры. Например, в Венгрии Конституция 2011 года (Основной закон) прямо определяет брак как союз мужчины и женщины, а также защищает жизнь с момента зачатия. Правительство Виктора Орбана проводит последовательную политику поддержки семей (льготы для многодетных, налоговые послабления), мотивируя это защитой «христианских и национальных ценностей», защитой традиционной семьи. В Польше принятие поправок к законам о практически полном запрете абортов, а также риторика правящей партии «Право и справедливость» (PiS) делают акцент на католической идентичности как основе польской государственности и национальной культуры. В Хорватии в 2013 году на референдуме была конституционно закреплена защита брака как союза мужчины и женщины. Надо сказать, что все эти решения приняты с большим трудом при жестком противостоянии с Брюсселем и Евросоюзом. Данные государства стали лидерами в деле сохранения традиционных ценностей, национального суверенитета и либеральной идеологии ЕС.

Очевидный раскол между более атеистичным и секулярным Западом и более религиозным Востоком Европы влияет и на отношение к традиционным ценностям. Отношение к религии становится определяющим фактором.

В государствах Западной Европы, например, Франции, Германии, Испании и других, политические режимы полностью лояльны либеральным и неолиберальным глобализированным элитам, использующим либерализм в качестве инструмента построения управляемого миропорядка. Но в этих странах тоже весьма популярны консервативные гражданские движения и политические партии. Эти структуры используют механизмы правового государства для защиты традиционных ценностей: они оспаривают в судах законы о однополых браках, эвтаназии, новом определении гендера.

Активно защищают свои права консерваторы и через массовые акции протеста, правда в последние годы они не приносят успеха. В качестве

примера можно привести миллионную демонстрацию во Франции («La Manif pour Tous») против легализации однополых браков и суррогатного материнства, которая не помешала принятию соответствующих нормативных актов. Старение коренного населения и приток мигрантов из иных культурных ареалов, пытающихся защитить свои права и интересы, еще более политизируют ситуацию и обостряют дискуссии о национальной идентичности и традиционных ценностях европейской культуры.

Пытаются консерваторы защищать свои интересы и на уровне европейских институтов (Европейский парламент, Совет Европы), пытаясь влиять на директивы и резолюции. Но при всех их манифестациях позиция их остается оборонительной: они не столько продвигают новую повестку, сколько сопротивляются дальнейшей либерализации в области биоэтики, семейного и образовательного права.

Следует отметить, что консерваторов часто обвиняют в нарушении законов о недискриминации. Это и такой идеологический прием, используемый для переопределения ценностей, и такое прогрессистское направление, которое стремится переопределить саму суть «традиционных ценностей», вписав в них либеральные понятия и представления. Например, власти Европейского союза все чаще используют в своей полемике ссылки на «ценности ЕС», закрепленные в статье 2 Договора о ЕС: «Союз основан на ценностях уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, правового государства и соблюдения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности являются общими для государств-членов в рамках общества, характеризующегося плюрализмом, недискриминацией, терпимостью, справедливостью, солидарностью и равенством женщин и мужчин»[1].

В данной статье используются термины «недискриминация», «плюрализм», «терпимость». Именно они используются в дискурсе,

[1] URL: https://base.garant.ru/2566557/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/?ysclid=mqek4hnbb3572933466 (дата обращения: 15.06.2026).

направленном против национальных консервативных политиков и идеологов. Дело в том, что защита традиционных ценностей на национальном уровне неизбежно предполагает определенную «нетерпимость» к тому, что нарушает традиции семьи, нации, церкви, и может трактоваться как нарушение принципов недискриминации (например, в отношении ЛГБТ+[1] или мигрантов, однополых союзов или атеистов). Для исправления ситуации правительство ЕС использует механизмы условного финансирования (например, правило права в рамках бюджета ЕС) для давления на страны, где внутренняя политика, по мнению Брюсселя, нарушает «ценности ЕС». Следует отметить и проблему диктата и подавления суверенитета со стороны общеевропейских структур власти и управления: потребность в сохранении традиционных ценностей все чаще используется в качестве идеологического прикрытия для отстаивания национального суверенитета против наднационального регулирования. Политики и общественные деятели активно используют тему традиционных ценностей для мобилизации избирателей, протестующих против глобализации и либерального истеблишмента.

Постановления Европейского Суда под давлением властей также расширительно толкуют антидискриминационное законодательство, ограничивая возможности национальных правительств по защите консервативных подходов (например, в вопросах признания однополых браков, заключенных в других странах ЕС). Таким образом, защита традиционных ценностей в Европе не ослабевает, а трансформируется и политизируется. Она движется в двух главных направлениях: если в государствах Восточной Европы она становится частью официальной государственной идеологии и инструментом противостояния с Брюсселем, то в странах Западной Европы она сохраняется как мощное общественное движение, находящееся в оппозиции к правящим либеральным элитам.

[1] Международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в РФ.

Таким образом, общеевропейского консенсуса по этому вопросу нет. Борьба между этими подходами будет определять политический ландшафт Европы на долгие годы вперед, создавая постоянное напряжение между наднациональными институтами ЕС и суверенными государствами-членами.

Выводы. Современный правовой консерватизм защищает традиционные духовно-нравственные ценности, такие как институты семья, религия, нация, так как именно они являются эволюционно и исторически проверенными механизмами формирования не только ответственной личности и социальной солидарности, но и эффективного государства, и лежат в основе современных государств. Поэтому они выступают против релятивизации права, утверждая, что оно должно быть укоренено в моральном порядке, а не служить инструментом для продвижения идеологий. Эта точка зрения базируется на отрицании либерально-индивидуалистического и технократического проекта модерна, предлагая альтернативный путь, основанный на преемственности, ответственности и уважении к наследию прошлого.

§ 2.5. Консервативное обновление классических концепций и типов правопонимания

Консерватизм существенно изменил позитивистский дискурс правопонимания, в котором традиционно государство занимало особое место. В рамках данного типа понимания права и государства можно выделить и соответствующие последнему направления консервативной правовой идеологии: государственно-правовой позитивизм, социологический, психологический и антропологический юридический позитивизм.

Представители государственно-правового позитивизма отвергают базовые представления естественно-правовых учений об исходном разумном или божественном начале. В качестве консервативно-правового ядра они

видят конституционные основания общества, которые фиксируют общие параметры и цели развития общества[1].

При этом государственно-властный характер реализуется через установление общеобязательных правил поведения и нормативно-правовое регулирование общественных отношений, что в свою очередь развивает и конкретизирует конституционные основания посредством действующего позитивного права. Этот конституционно-правовой порядок, выступая общей консервативной силой, гармонизирует социально-правовые традиции и государственно-правовой опыт нации с разнообразными инновациями и изменениями в общественных отношениях[2].

Следовательно, сущность государства и социальное назначение интерпретируется здесь через реализацию «конституционно-правового плана» развития общества, консервативно-правовую охрану и гарантирование государственно-правового порядка общества. Последнее выступает для позитивистской консервативной правовой идеологии фундаментальным основанием преемственности и устойчивости в слабо предсказуемом социально-правовом развитии общества. Другими словами, здесь консервативное основание порядка и государственно-правовая воля являются центральными для данной правовой идеологии, реально обеспечивают воплощение идеи права и разумные начала общественной организации в конкретный правовой порядок, обеспечивают и гарантируют конституционно-правовое (стабильное) развитие общества, практически воплощают различные правовые формы и режимы развития общественных отношений.

В контексте *юридического социологизма*, отцами-основателями которого выступили Е. Эрлих, Р. Паун, О. Хомс, Д. Фрэнк и другие, обосновывается: государственно-правовой позитивизм не учитывает тот факт,

[1] Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 750 с.

[2] Казачанская Е.А. Сущность государства и основные направления консервативной правовой идеологии // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2025. Т. 12, № 3. С. 23–30.

что социальная реальность и конкретный вид общественных отношений изменяются быстрее и непредсказуемее, а сформированные конституционно-правовые рамки и законодательное нормирование существенно отстают от этих изменений и не в состоянии мобильно и адекватно адаптировать эти изменения к массивному и слабо подвижному государственно-правовому порядку. Поэтому в ходе процесса исторического развития между юридической нормой и динамичными общественными отношениями возникает разрыв, который с течением времени может привести к непреодолимой пропасти.

В этом плане действующее законодательство систематически нуждается в содержательном обновлении, а юридическая практика должна соответствовать динамике общественных отношений[1]. В то же время «консервативное крыло» юридического социологизма аргументировало необходимость определенных оснований, обеспечивающих как сохранение правового порядка общества и правокультурные традиции в обществе, так и учет динамического характера общественных отношений[2]. Для решения этой проблемы предлагалось расширение правотворческих полномочий за правоприменительными органами, прежде всего судебными инстанциями.

Консерватизм в юридическом социологизме представляет собой особый подход к праву, который подчеркивает сохранение традиционных ценностей и институтов[3]. В контексте юридического социологизма консервативные идеи часто фокусируются на взаимодействии права с обществом, государством и культурными нормами. Можно выделить следующие консервативные элементы правовой идеологии в юридическом консерватизме.

---

[1] Васильев А.А. Консерватизм и модернизм в праве // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2011. № 7. С. 58–62.

[2] Казачанская Е.А. Консервативно-правовой тип мыследеятельности: аксиологические, теонормативные и праксиологические характеристики // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9, № 2. С. 29–36.

[3] Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Манастырный А.В., Тюрин М.Е. Юридические архетипы в правовой политике России. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2009. 320 с.

Во-первых, устойчивость в динамике общественных отношений обеспечивает сохранение традиций и обычаев. Консервативное мышление в праве склоняется к сохранению устоявшихся норм и институтов, а не к их радикальному изменению или замене[1].

Во-вторых, это взаимодействие с обществом, т.е. консерваторы рассматривают право как часть более широкой социальной ткани, где оно должно соответствовать общепринятым ценностям и моральным принципам[2].

В-третьих, критика либеральных концепций права, которые консерваторы считают чрезмерно индивидуалистическими или деструктивными для традиционных ценностей[3].

В-четвертых, преобладание социально-функционального обоснования права, т.е. для консерваторов важным прежде всего является то, как право влияет на общество и государство, стремясь поддерживать стабильность и порядок[4].

В-пятых, правовая система рассматривается преимущественно в инструментально-управленческом аспекте, т.е. в консервативной правовой идеологии право понимается как средство поддержания существующего государственного и политического режима, а также в качестве властно-правового инструмента, необходимого для управления общественными отношениями[5].

Таким образом, *консерватизм в юридическом социологизме выступает за сбалансированный подход между необходимостью стабильности и*

---

[1] Карбонье Ж. Юридическая социология. Благовещенск: Благовещ. гуманитар. колледж им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. 351 с.

[2] Бурдьё П. Власть права. Основы социологии юридического поля. URL: https://gtmarket.ru/library/articles/3040#contents (дата обращения: 15.04.2026).

[3] Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1998. 624 с.

[4] См.: Палазян А.С. Функциональная характеристика права: дис. … докт. юрид. наук: специальность 12.00.01. М.: Московский университет МВД России, 2010. 461 с.

[5] Шундиков К.В. Инструментальный подход и инструментальная теория в современном правоведении: методологический аспект // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3. С. 167–175.

возможностью постепенных изменений для адаптации к новым условиям без разрушения основополагающих правовых традиций и ценностей общества.

Достаточно авторитетным консервативным направлением, близким предшествующему типу понимания государства, является солидаристская концепция общества, государства, права, власти[1]. В современной консервативной правовой идеологии сущность государства анализируется с акцентом на социальную сплоченность.

При этом данная сплоченность трактуется не только в контексте юридического позитивизма, т.е. система права, действующее законодательство и юридические учреждения обеспечивают единое социально-правовое пространство и общественную сплоченность, формируют соответствующие правовые формы защиты социальных интересов, прав и свобод человека и различных социальных коллективов. Феномен «сплоченность» в солидаризме, кроме позитивистских трактовок, имеет также и метаюридическое обоснование, поскольку эту сплоченность обеспечивает вся традиционная система социально-нормативных регуляторов[2].

В доктринально-программных правовых положениях консерваторы, придерживающиеся солидаристской идеологии, основной акцент делают на том, что механизм государства в рамках реализации своих функций должен быть ориентирован на обеспечение социального равенства и единства различных слоев и страт общества, а также достижение общего блага. Причем последнее должно достигаться эволюционно, а не радикальными методами и революционными преобразованиями[3].

---

[1] Более подробно о роли и значении солидаристских идей, концептов и методологических положений в развитии современной консервативной правовой идеологии будет сказано ниже, в соответствующем параграфе диссертационного исследования.

[2] См. об этом более подробно: Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2011. 799 с.

[3] Коньков А.Е. Солидарность в политике современного государства // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 81. С. 182–195.

Кроме того, ключевым направлением государства в обеспечении развития социально-правового пространства выступает совершенствование институтов и учреждений, обеспечивающих реализацию и защиту не столько индивидуальных прав и свобод, а коллективных интересов, прав сообществ и коллективов. Как в солидаристской доктрине, так и в целом консервативной мысли наблюдается скептический подход к абсолютным субъективным правам личности в пользу общих интересов сообщества.

В этом плане сущность государства в рамках солидаристских консервативных учений, разрабатываемых доктринально-программных положений связана с тем, что оно играет ключевую роль организатора социальной жизни, политико-правового гаранта общественной солидарности и социальной справедливости. При этом утверждается, что ни процессы цифровой трансформации общественных систем, ни развитие глобальных пространств коммуникации (цифровые платформы и глобальные сервисы) не снижают эту социальную роль государства. Напротив, социальная роль и функции государства, обусловленные солидаристскими принципами (солидарности, справедливости, равенства и проч.), в технологически изменяемом мире не исчезнут, не отойдут новым корпоративным структурам (IT-корпорациям), а будут только усиливаться, произойдет повышение значимости социальных функций государства, повысится роль механизма государства в обеспечении общего блага и социальной справедливости.

В рамках психологического типа правопонимания, трактовка его сущности и назначение осуществляется посредством психологических и социально-культурных факторов и доминант. Согласно классику, дореволюционному юристу Л.И. Петражицкому, право, государство, власть – это все переходящие «*психосоциокультурные явления*». *Их психологический, социокультурный и переходящий характер связан с рядом обстоятельств:* «*Право есть психический фактор общественной жизни, и оно действует психически. Его действие состоит, во-первых, в возбуждении или подавлении мотивов к разным действиям и воздержаниям*

(*мотивационное или импульсивное действие права*), *во-вторых, в укреплении и развитии одних склонностей и черт человеческого характера, в ослаблении и искоренении других, вообще в воспитании народной психики*»[1], *в-третьих, в направление этического и нравственного прогресса согласно культурной, религиозной и психической специфики конкретного общества, формируют культурно-нравственное и психологическое состояние нации*[2].

В свой берлинский период творчества, который оказал существенное влияние на развитие не только российской, но и западноевропейской психологической правовой мысли, Л.И. Петражицкий обосновывает, что сущность государства содержательно выражается в служебном характере всего государственно-правового механизма, где власть государственная «не есть “воля”, могущая делать что угодно, опираясь на силу, как ошибочно полагает современное государствоведение, а представляет собой приписываемое известным лицам правовой психикой этих лиц и других общее право повелений и иных воздействий на подвластных для исполнения долга заботы об общем благе»[3].

Причем социально-психический материал всегда имеет социокультурную привязку, он накапливается веками и является не только основой государственного властвования, но и консервативной, стабилизирующей силой в развитии и прогрессе общества[4]. Вследствие чего невозможно «отмежеваться силой только разума от сложившихся вековых народных переживаний, сформировавших психические установки и образ власти». В свою очередь сама политика права как наука и государственно-правовая практика «призвана совершенствовать человеческую психику, очищая ее от асоциальных наклонностей, и направлять индивидуальное и

[1] Петражицкий Л.И. К вопросу о социальном идеале и возрождение естественного права // Юридический вестник. 1913. Кн. 2. С. 12–13.

[2] Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1910. Т. 1. С. 215.

[3] Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1910. Т. 1. С. 217.

[4] Там же. С. 35.

массовое поведение посредством соответствующей правовой мотивации в сторону достижения общественного идеала»[1].

Немецкий профессор философии права и государственного права Эрланген-Нюрнбергского университета Р. Циппелиус в схожем идейно-смысловом контексте обосновывает, что эмоционально-психологическое основание нации существенным образом влияет не только на уровень обыденно-правового взаимодействия индивидов, но и на государственно-правовую практику. Причем «эмоционально-психологический фон нации» выступает основой стратегического действования, правотворческого проектирования, обеспечивает связь традиций и новаций в государственно-правовом развитии[2]. Так, например, «в области выбора цели иррациональный фактор вмешивается уже благодаря тому, что оценка различных целей и предпочтений не может быть осуществлена рационально: с одной стороны, за разными целеполаганиями стоят различные социальные силы и субъекты, с другой – даже те предпочтения, которые пользуются одобрением определенного большинства, так или иначе изменяются в зависимости от ситуаций и времени. Это означает, что необходимо угадывать, предчувствовать будущие преференции, что само по себе выходит за рамки рациональной калькуляции»[3].

В целом в западноевропейской традиции психологический подход к интерпретации государственно-правовых феноменов является одним из авторитетных, представляя достаточно фундаментальные разработки. Консервативная направленность последних в свою очередь связана с психо-культурными характеристиками нации, которые обеспечивают социально-правовую целостность, сохраняют единый вектор государственного развития.

---

[1] Тимошина Е.В. Теория и политика права профессора Л.И. Петражицкого // Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды. СПб.: Изд-во «Университетский издательский консорциум “Юридическая книга”», 2010. С. XVII.

[2] Zippelius R. Deutsches Staatsrecht. Muenchen: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1998. 497 S.

[3] Zippelius R. Gesellschaft und Recht: Grundbegriffe der Rechts- und Staatssoziologie. München: Beck, 1980. S. 64.

Так, в рамках психологического типа понимания сущности государства (Л. Гумплович, Э. Дюркгейм, Г. Лебон, Г. Тард, Э. Фромм и др.) обсуждаются и содержательно раскрываются эмоционально-психологические склонности и установки, властно-правовые эмоции и влечения, психо-культурные предрасположенности и т.д. Все они становятся метаюридическими основами публично-правового и частноправового развития общества, являются глубинными источниками или первоэлементами правовых, политически и других общественных отношений. Данные первоэлементы затем уже опосредуются во вторичных элементах (институциональных формах и практиках).

Например, один из влиятельных исследователей Г. Тард обосновывает, что сущность общественных институций (государства, права, политики и т.п.) невозможно понять и тем более предсказать траектории их развития в конкретном обществе без обращения к этим первоэлементам. Основание социально-функциональных характеристик всех общественных институций следует свести «к первичным психологическим элементам, возникающим под влиянием примера и в результате подражания»[1]. Для Э. Фромма реальная специфика и характер государственного властвования также раскрывается через психологические факторы, которые действуют «в качестве активных сил процесса общественного развития»[2].

Напомним, что и один из основателей психологического типа понимания права и государства Л.И. Петражицкий выделял в качестве фундамента – интуитивное право, которое затем выражается в позитивное право. И первое, и второе взаимосвязаны и взаимообусловливают друг друга, но имеют разные источники: интуитивное право основывается на психокультурном базисе нации, а второе – на правотворческой деятельности государства.

[1] Тард Г. Законы подражания. СПб., 1982. С. 38.
[2] Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1995. С. 14.

Не лишним будет сослаться и на авторитетных российских исследователей Л.Я. Гозмана и Е.Б. Шестопала, которые в своих фундаментальных исследованиях государственной власти и ее представителей обосновывают, что «психологические закономерности могут быть обнаружены и в большой политике, и во взаимоотношениях рядовых граждан… восприятие институтов власти, установки по отношению к властным фигурам, адекватность осознания степени зависимости от носителей власти и т.п.»[1].

В современных консервативных правовых учениях данного направления акцент делается преимущественно на исследовании устойчивых социально-психологических характеристик в восприятии населением базовых социально-правовых феноменов (права, государства, власти), психокультурной оценке государственного-правовых событий и процессов, эмоционально-психологических константах коллективного правосознания и т.д.[2]

При этом подчеркивается, что государство должно быть не инструментом регулирования общественных процессов и обеспечения правового порядка в различных сферах жизнедеятельности общества (экономике, политике, энергетике и проч.), но и выражать ментальные и психокультурные основания общества и его единства, а также доминирующие мировоззренческие представления, ценности и установки, которые определяют отношение человека к государству, предъявляют последнему определенные общественно-политические и социально-правовые запросы, связывают последнее со сложившимся и воспроизводящимся (традиционным) порядком.

[1] Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. Политическая психология. Ростов н/Д., 1996. С. 62–64.

[2] Baylis J., Roper J. The United States and Europe: Beyond the Neo-Conservative Divide? London; New York: Routledge, 2007. 231 p.; Csillag T., Szelenyi I. Drifting from Liberal Democracy: Traditionalist/Neo-conservative Ideology of Managed Illiberal Democratic Capitalism in Post-communist Europe // Intersections. East European Journal of Society and Politics. February 2015. № 1. P. 1–31.

Данный тип консервативно-правового мышления связывает сущность и назначение современного государства со стремлением сохранить традиционные эмоционально-психологические и национально-культурные структуры, минимизировать радикальные изменения в человеке и обществе (вызванные социально-технологическими, цифровыми биологическими и другими изменениями), поддерживать стабильность через институциональные (правовые, политические, экономические, культурные и др.) и духовно-нравственные механизмы. Отсюда такое внимание при трактовке сущности государства к важности духовно-нравственных стандартов, моральных норм, преемственности поколений и минимизации радикальных изменений для сохранения гармонии в обществе[1].

В целом такой ракурс трактовки сущности государства и права продолжает устойчивую социально-психологическую традицию, в рамках которой консерватизм, как правило, рассматривается в качестве реакции на любую социальную неопределенность или угрозу существующему порядку, где люди с консервативными взглядами склонны избегать рисков и предпочитают стабильные структуры власти[2].

Выводы. Консерватизм существенно повлиял на различные подходы к сущности права, изменил даже позитивистский дискурс правопонимания, в котором традиционно государство занимало особое место. В рамках позитивистского понимания государства и права можно выделить и соответствующие последнему направления консервативной правовой идеологии: государственно-правовой позитивизм, социологический, психологический и антропологический юридический позитивизм. При этом представители государственно-правового позитивизма, отвергая базовые

[1] Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности). Выпуск 1. Сборник статей / под ред. Ю.Н. Солонина. СПб.: Издательство СПбГУ, 2004. 321 с.

[2] Жирнов Н. Идеи консерватизма в работах Э. Бёрка, Э. Фёгелина, и К. Шмитта // Вестник ПАГС. 2014. № 3. С. 123–127; Макаренко В. Главные идеологии современности. Ростов н/Д.: Феникс, 2000. 480 с.

представления естественно-правовых учений об исходном разумном или божественном начале, в качестве консервативно-правового ядра видят конституционные основания общества, которые фиксируют общие параметры и цели развития общества, закрепляют культурно-исторически сложившийся порядок вещей, призваны отражать насколько это возможно «живую конституцию» народа. Консерватизм в юридическом социологизме представляет собой особый подход к праву, который подчеркивает сохранение традиционных ценностей и институтов, обычаев и национального правосознания, их учет в правоприменении. Психологический и антропологический подходы к интерпретации государственно-правовых феноменов опираются на понятие «архетипы», обычаи, менталитет, связаны с психо-культурными характеристиками нации, которые обеспечивают социально-правовую целостность, сохраняют единый вектор государственного развития, что диктует государству необходимость сохранить традиционные эмоционально-психологические и национально-культурные структуры, минимизировать радикальные изменения в человеке и обществе (вызванные социально-технологическими, цифровыми биологическими и другими изменениями), поддерживать стабильность через институциональные (правовые, политические, экономические, культурные и др.) и духовно-нравственные механизмы.

Таким образом, элементы консервативной философии и теории права и государства проникают во все концепции правопонимания, изменяя их содержание в традиционалистском ключе: на сегодня вряд ли найдется правовед, отрицающий силу традиций, традиционных ценностей, национальной культуры и их значение для государства и права. Синтез консервативного правопонимания с иными подходами к праву привел к расширению методологического исследовательского горизонта в познании права различных правовых школ, парадигм и направлений.

Глава 3. Критика проекта модерна в современных консервативно-правовых учениях Западной Европы

§ 3.1. Консервативная правовая идеология в условиях цифрового мира

Современные тенденции развития права большинство исследователей связывает с цифровизацией, которая постепенно «выдавливает» человека из различных систем принятия решений. Этот процесс возник еще в начале модерна и связан с материализмом и рационализмом, естественно-научным прогрессизмом и механицизмом в понимании права. Консервативные мыслители выступили с критикой логоцентристской и рационалистической философии права модерна задолго до появления технократических концепций исходя из интуитивного предчувствия того, что, исключая метафизику из юриспруденции, человечество рано или поздно «исключит» из нее и человека.

В условиях цифровизации вопрос о технократическом понимании права стал резко актуальным. Проекты внедрения искусственного интеллекта в самые разнообразные сферы общественной жизни, включая правовую жизнь общества, встречают всеобщее одобрение и поддержку в силу давно известной установки модерна на одобрение «всего прогрессивного». Однако не стоит игнорировать и многочисленных критиков проекта искусственной технократизации права в формате его цифровой модернизации.

Специфика регулирования искусственного интеллекта заключается в высокой роли именно не юридических, а этических социальных норм. Правительства разных стран опасаются жесткого регулирования ввиду «торможения» при таком ограничении развития новых технологий и риска отставания от других стран.

Этические и юридические вопросы взаимодействия человека и искусственного интеллекта касаются как оценки творческого или исследовательского человеческого вклада в генерируемый продукт с использованием технологий искусственного интеллекта, так и степени

участия технологии искусственного интеллекта как вспомогательного инструмента. Это требует новых этических и правовых стандартов или адаптации действующих правовых систем к изменяющимся условиям[1].

Этические принципы как одна из разновидностей социальных норм в отношении применения искусственного интеллекта, в отличие от обязательности и четкости формально-определенных норм права, не могут быть единственным регулирующим инструментом, способным минимизировать потенциальные социальные конфликты и риски. Именно поэтому этика дозволения в применении технологий искусственного интеллекта в образовании и научных исследованиях должна закрепляться в законодательстве.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что технологии искусственного интеллекта могут быть включены в образование только там, где преимущества от их применения значительно превышают риски потери когнитивных функций человека в долгосрочной перспективе[2].

Системы образования во всем мире адаптируются к новым условиям функционирования, неизбежно связанным с использованием технологий искусственного интеллекта. При этом методы и способы экономического и правового регулирования ИИ не могут иметь превентивного воздействия, поскольку сами по себе технологии появляются и внедряются с более высокой скоростью, и, как следствие, подавляющее большинство институциональных механизмов формируется де-факто.

Для этического регулирования искусственного интеллекта требуется ренессанс общественных моделей этического блага. Именно консерватизм, в

[1] Овчинников А.И., Казачанская Е.А., Мовчан И.В. Принципы этического и правового регулирования технологий искусственного интеллекта в образовании и научных исследованиях // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2025. Т. 12, № 4. С. 42–51.

[2] Казачанская Е.А., Артеменко Н.В., Мовчан И.В. Искусственный интеллект в системе образования: практика применения, этика использования и проблемы правового регулирования // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2025. Т. 12, № 4. С. 32–41.

отличие от либерализма, защищает принцип верховенства этики и традиционных духовно-нравственных ценностей над всем устройством общественной жизни. Адаптация существующих правовых регуляторов к тем изменениям, которые порождают технологии машинного обучения и самообучения генеративных моделей искусственного интеллекта, достаточно масштабная проблема, решение которой носит дискуссионный характер, вызывая в правовом дискурсе сложности, как с определением прав собственности и защиты контента, так и этических принципов и норм дозволения применения и использования технологий искусственного интеллекта[1] в обучении людей и генеративных моделей. В этих условиях ясность и четкость христианского консерватизма позволяют сформулировать этические границы в регулировании искусственного интеллекта.

Уже становится очевидным двойственный характер искусственного интеллекта как технологии, имеющей как несомненные преимущества, так и обладающей существенными рисками в плане злоупотреблений и рисков. В этих обстоятельствах необходимо предусмотреть и закрепить сферы подверженности риску, а также определить протоколы безопасного применения искусственного интеллекта в тех или иных отраслях экономики и сферах общественной жизни. Особенно велики риски в юридической сфере: использование искусственного интеллекта для облегчения юридической деятельности обсуждается особенно активно.

Технократизация права давно стала предметом критики как континентальных, так и англосаксонских юристов. Например, американский юрист Гарольд Джордж Берман пишет о том, что право превращается сегодня в мешанину технических процедур, формальных систем: «Сегодня люди воспринимают право преимущественно как массу законодательных, административных и судебных правил, процедур и технических приемов,

[1] Сидоренко Э.Л. Адаптивные возможности российского права в условиях цифровой трансформации // Право и цифровая экономика. 2020. № 2. С. 112.

действующих в данной стране»[1]. Немецкий мыслитель, неокантианец Леонардо Нильсон обращает внимание на то, что оздоровление юриспруденции возможно только с помощью возвращения к понятию права и к честной метафизике права, позволяя прогнать из учения о праве нечистый дух[2]. Лютеранский теолог и философ Альберт Швейцер обращает внимание на необходимость благоговения перед правами человека, его сущности, перед жизнью его[3].

Сегодня уже можно встретить позицию, согласно которой «право в любой области может обеспечить структуру правил, которые должны интерпретироваться, применяться или даже создаваться научно-техническими экспертами, устанавливающими и применяющими общие причинно-следственные связи, а не юристами, использующими юридическую аргументацию»[4]. Кристофер Мэй говорит об искушении технократией, так как всегда проще свести дело к формализации, чем к работе над содержательными характеристиками юридической деятельности[5]. В ситуации постоянных дискуссий на предмет замены законодателя и правоприменителя искусственным интеллектом возникает вопрос: насколько важным является профессиональное правосознание как хранитель знаний «добра и справедливости».

В отечественной юридической науке технократизм критикуют представители теории и истории права, философии права. Д.Ю. Шапсугов называет «обездушенной» современную юриспруденцию[6]. И.А. Исаев

---

[1] Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994. С. 17.

[2] Levi D. Gresh the Legal and Political Philosophy of Leonard Nelson // The American Political Science Review. 1941. Vol. 35, No. 3. P. 437–453. DOI: 10.2307/1948760.

[3] Швейцер А. Благоговение перед жизнью / пер. с нем.; сост. и посл. А.А. Гусейнова; общ. ред. А.А. Гусейнова и М.Г. Селезнева. М.: Прогресс, 1992. С. 89.

[4] Stryker R. Limits on Technocratization of the Law: The Elimination of the National Labor Relations Board's Division of Economic Research // American Sociological Review. 1989. Vol. 54, No. 3. P. 342.

[5] May C. The Rule of Law and Technocratisation // Hague Journal on the Rule of Law. 2019. No. 11. P. 321–326. DOI: 10.1007/s40803-019-00098-y.

[6] Шапсугов Д.Ю. Проблема духа и души в истории правовой мысли и современной юриспруденции // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 9–17.

обращает внимание на то, что «техника грозит окончательно заменить собой истину»[1], а А.И. Овчинников указывает на проблему «цифрового Левиафана» и цифровых утопий, опираясь на немецкого мыслителя консерватора Эрнста Юнгера как предсказателя и критика техноутопий будущего[2].

Одним из наиболее последовательных критиков технизации права с позиции духовно-нравственных ценностей следует признать американского мыслителя русского происхождения Питирима Сорокина, ученика знаменитого профессора Льва Иосифовича Петражицкого, который указал на последствия излишней технократизации общественной жизни. Ученый выступал последовательным критиком гедонистических и прагматических взглядов на природу человека и общественное устройство и разделял право на чувственное и идеациональное. Первое ориентирует на ценности наслаждения, полезности, комфорта, чувственного счастья, то время как второе настраивает на поиск абсолютного блага, на мистическое и духовно-нравственное единство с Богом как абсолютным Благом и Добром, на духовные истины. По мнению П. Сорокина, идеи утилитаризма и постмодернистского релятивизма вызвали сильную деградацию права. Он считает, что правопорядок, построенный не на Божьих заповедях, а на произвольной морали, питающийся от автономной этики, превратится в итоге в полицейское государство, смысл существования которого коренится в насилии и принуждении. Единственной силой, действенной при этом, остается только физическая сила. Вину за сложившейся кризис права П. Сорокин возлагает на гуманитарные науки: «Лишая человека всего божественного, настраивая на чувственное умонастроение, этика и право понизили его до уровня электронно-протонового комплекса и рефлекторного механизма, не имеющего никакой святости»[3].

---

[1] Исаев И.А. «Машина власти», или Легализация техники // Lex russica. 2019. № 1. С. 119–143.

[2] Овчинников А.И. «Цифровой Левиафан» и права человека: риски инноваций в праве и государственном управлении // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 227–230.

[3] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 503.

Важнейшим упущением современной ему теории права, Питирим Сорокин считает лишение человека святости и достоинства. Природа человека стала мыслиться действительно чисто биологически, этому способствуют современные антропология и психология. Чувственная эмпирическая природа человека стала отправной точкой интеллектуальных рассуждений о личности. Духовная природа человека стала мыслиться исключительно в категориях социобиологического симбиоза, а духовные причины антисоциального поведения перестали рассматриваться в качестве отправных. Борьба за существование, борьба за право были провозглашены буржуазным правосознанием, разделить которое были вынуждены юристы XIX века, в частности Рудольф фон Йеринг.

Консерватизм, духовность и историчность правовых традиций были отвергнуты Йерингом несмотря на то, что ранее ученый был учеником исторической консервативной школы права. В результате его учение стало основанием нового направления – «юриспруденции интересов».

Концентрация внимания исследователей на понятии «интерес» связана была с тем, что смысл человеческой жизни в буржуазном государстве XIX столетия стал сугубо прагматическим: поиск выгод, наслаждений и удовольствий. Отсюда правовое или юридически значимое поведение превратилось в теоретическом правовом мышлении в признание или отрицание отдельных интересов. «Юриспруденция интересов» стала, по нашему мнению, одним из таких признаков кризиса права и правосознания, о котором пишет П. Сорокин, указывая на разрушительную роль гедонизма общества потребления. «Мы живем, мыслим, действуем в конце сияющего чувственного дня… Ночь этой переходной эпохи начинает опускаться на нас, с ее кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами»[1]. Речь не идет об отрицании позитивистской юриспруденции и эмпирического понимания или постижения права. Речь идет о необходимости поиска синтеза

[1] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 23.

гармонии сочетания двух начал: обладающего нравственной высотой естественного права и «приземленного» юридического позитивизма.

По мнению Питирима Сорокина, это сочетание преодолеет тенденцию чувственно эмпирического восприятия мира, приводящего к бездуховности права. Сильным импульсом к «приземлению» культуры в целом и права в частности ученый считал либерализацию сексуальных отношений. По его мнению, раскрепощение личности в угоду сексуальной революции крайне негативно отразилось на состоянии правосознания. «Когда правящая группа и общество в целом ослабляют строгость законов, – пишет Сорокин, – то обычно в течение трех поколений происходит упадок культуры, как это было на последних стадиях вавилонской, персидской, македонской, монгольской, греческой и римской цивилизаций, а также в конце Древнего и Среднего царств, Новой империи и эпохи Птолемеев в Египте»[1]. Его логика такова: сексуальная анархия не только уничтожает институт семьи, но и государство, так как «паралич» общественной воли в сфере контроля за раскрепощением порока влечет неизбежно и неспособность противостоять всеобщему увлечению материальными ценностями, комфортом и наживой. «Из самоопределяющейся и самоконтролирующейся общности общество вырождается в нечто пассивно плывущее вниз по течению до самого края исторической Ниагары»[2].

Представляется, что философско-правовое учение Питирима Сорокина является по своим ценностно-содержательным характеристикам консервативно устремленным к духовно-нравственной идеальной сущности права. В его учении явно прослеживается ряд платоновских и реалистических конструкций. Реализм – восходящий к Платону принцип познания мира, основанный на признании существования вне нашего сознания идеальных объектов, реальных безотносительно к познающему сознанию.

[1] Сорокин П. Американская сексуальная революция. М.: Научно-практический центр коммуникативных исследований «Проект барьер», 2006. С. 76.

[2] Там же.

Нравственное состояние общества не должно находиться вне поля зрения государства. От общества интересов необходимо развиваться к обществу нравственному. Целый ряд современных авторов эту точку зрения активно поддерживает. Например, Т. Шишова и И. Медведева обращают внимание на связь личной семейной нравственности и национальной безопасности, отмечая связь между преданностью своей семье и верностью государственному долгу. «С какой стати развращенные эгоисты, привыкшие жить по своим страстям и похотям и готовые ради них бросить, предать свою семью, ведущие постоянную войну со своими согражданами в погоне за максимальной долей материальных благ и удовольствий, будут отдавать силы, здоровье и жизнь за соотечественников – людей, которых они никогда даже в глаза не видели? Они, наоборот, постараются извлечь выгоду из ситуации, не погнушаются предательством, перейдут на сторону врага, сделают все что угодно, лишь бы сохранить свою жизнь для новых чувственных утех»[1]. С.Н. Бабурин считает общественным идеалом «нравственное государство», к которому должно стремиться любое современное общество. К его признакам он относит: закрепление в Конституции не только прав и свобод человека в качестве высших ценностей, но и духовно-нравственных ценностей народа, их отражение на уровне правовых категорий; механизм общественного духовно-нравственного контроля над органами государственной власти[2].

Все эти идеи связаны с размышлениями над судьбой России, ее государственно-правовым будущим. При этом предлагается синтез идеи правового государства и национальной русской идеи нравственного совершенства человека. Например, Ю.А. Тихонравов полагает, что основой юридического мировоззрения могла бы стать идея «русского космизма», синтезирующая ценности философии и антропокосмизма, миссии

[1] Медведева И.Я., Шишова Т.Л. Неучтенный фактор национальной безопасности // Благодатный огонь. 19.06.2012. URL: http://www.blagogon.ru/digest/326 (дата обращения: 12.03.2025).

[2] Бабурин С.Н. Время русского выбора. М., 2022. С. 23.

преображения мира на духовно-нравственных началах, «переосмысленная с помощью категории естественного права и естественной справедливости с их учением о высокой миссии Человека»[1]. Стоит отметить при этом, что антропокосмизм, по мнению мыслителя, восстанавливает давно утраченную здоровую связь человека с природой и космосом. Такой взгляд вполне естественен для секулярного понимания человека и религиозно-нейтральной антропологии. По предположению ученого, такой антропокосмизм соотносит социальное, в том числе позитивно-правовые нормы, по которым живет человек, с природными и космическими императивами. Однако не будет ли такой проект еще одной альтернативой предлагаемой человечеству «новой нормальности» или «новой этики»? Концепция трансгуманизма тоже имеет претензии на новое антропологическое учение.

Консервативная критика модернизма ошибочно трактуется как сопротивление новому. Модерн стал эпохой всеобщего распространения материализма, который совпал по своему времени с внедрением новейших технических средств. Юридический позитивизм, как известно, стал результатом распространения материалистического понимания этики и философии права. В консервативной доктрине критике подвергается юридический позитивизм, рассматриваемый как ошибочное направление в развитии права. Юридическому позитивизму предъявляется то, что он приводит к суперцентрализации и бюрократизации государственного управления, сверхрегуляции, деспотизму законов. Современные критики юридического позитивизма не связаны с консервативным или либеральным мировоззрением, их предложения относительно тенденций развития права выражаются в переходе от императивных к диспозитивным началам, от коллективизма к автономии личности, от этатизма к связыванию государства и чиновников жесткими ограничениями, от централизованного государства к сетевому, от иерархического пирамидального построения государства к

[1] Тихонравов Ю.В. Основы философии права. М., 1997. С. 118–119.

горизонтально-сетевому, ячеистому строению, обеспечиваемому господством институтов гражданского общества.

Еще одной важной тенденцией следует признать установку на гуманизацию правовых средств управления обществом. По мнению Э. Тоффлера, Модерн, Индустриальная Эпоха, породили Золотой век законности[1]. Однако на современном этапе развития законодательство превращается постепенно в гигантскую груду правил, детализирующих каждую мелочь и мешающих динамически развивающемуся социуму, тормозя его эволюцию. Он называет этот уклад «джунглями законов», которые заполонили своими ветвями все социальное здание.

Напряжение, возникающее в обществе под давлением технократических и психологических конфликтов, пытаются сдерживать все новыми законами, а они, в свою очередь, еще более усиливают их. Данный кризис права продиктован устареванием позитивно-правового способа регуляции в условиях современного общества. Законы постепенно становятся избыточными и вредными. Их, как и другие достижения модерна, ждет отмирание наряду с централизованным государством, парламентской демократией, политикой партии и избирательным процессом. Вместо централизованного управления настает время принятия решений с учетом всех нюансов и ситуативных конфликтов автономных социальных групп. Эту систему называют «адхоккратией»[2]. Договоры, третейский суд, примирительная и посреднические процедуры придут, якобы, этому устаревающему позитивистскому укладу на смену. Однако содержательные аспекты права Тоффлер не раскрывает.

В то же время нельзя и сказать о недостатках критики технократического тренда. Дело в том, что эффективность политического управления напрямую зависит от рациональности в подготовке экспертных решений. Это диктует

[1] Тоффлер Э. Глава 5. Технократия // Третья волна. М., 2004. С. 56.

[2] Дедюлина М.А. Адхократия в современном обществе. // Социум и власть. 2009. № 1. С. 35–41.

необходимость максимально освободиться от идеологической мотивированности при принятии управленческих решений. «Технические знания требуют позитивного политического анализа и отсутствия эмоциональной привязанности к объекту изучения», – справедливо отмечает Паоло Фарах[1]. Он подчеркивает, что политика должна перестать руководствоваться идеологией и должна последовательно использовать инструменты, основанные на статистическом моделировании и экспертных оценках, хотя ясно, что ни один из этих инструментов не является абсолютно нейтральным или беспристрастным.

Цифровая трансформация стала постепенно основным трендом революционного слома эпох в истории человеческой цивилизации, значимость и глубина которого тождественна переходу от Средневековья к Новому времени. Не стоит забывать о необходимости разностороннего осмысления этих процессов. В современной философской и юридической литературе критика всеобъемлющей и всеохватывающей цифровизации различных сфер общественной жизни постепенно становится мощным интеллектуальным трендом, свидетельствующим о растущей популярности если не неоконсервативной, то, по крайней мере, критической и даже дистанцирующейся от нейтральной и одобрительной трактовки проектов тотальной цифровизации государственного управления и общественной жизни[2]. При этом важно отметить, что в отношении основных тенденций цифровизации права и государства однозначно невозможно применить классическую дифференциацию правовых взглядов на либеральные, социалистические и консервативные. Сторонники цифровизации, чаще всего, разделяют некий синтез неолиберальной модели и правовой идеологии

[1] Farah P.D. Technocracy and the Law (Foreword) (November 12, 2021). Transnational Law and Governance Series, gLAWcal Series, Routledge Publishing (New-York/London), May 2021, P. XIII–XXI.

[2] Зорькин В.Д. Право будущего в эпоху цифр. Индивидуальная свобода или сильное государство? // Российская газета. 15.04.2020; Зорькин В.Д. Право в цифровом мире // Российская газета. 29.05.2018.

общества, построенного на рационалистических, экономоцентристских, цифрократических принципах, с социалистической мечтой о справедливом государстве, своеобразном Земном рае, обществе равенства и подлинной свободы, которую должен обеспечить новый уровень развития науки и техники. Цифрократические утопии являются закономерным итогом материализма и рационализма Нового времени и Просвещения, поэтому близость либеральных и социалистических идей, их «общий корень» проявляется особенно отчетливо именно в современных концепциях трансгуманизма и цифровых утопий.

Консервативные концепции государства и права XIX и XX вв. были настроены против либеральных и социалистических проектов, так как изначально их появление было вызвано отторжением европейской аристократией как либеральных надежд на мифическую роль «свободного рынка» в построении Земного рая, так и эгалитарных проектов утопической направленности социализма и коммунизма.

Следует обратить внимание на философские и религиозные предпосылки идей либеральных мыслителей, вызвавших консервативную реакцию в Европе XIX столетия и выделяющих принципиальную несовместимость цифрократии и консерватизма. Прежде всего, это идея деизма – философско-религиозное мировоззрение ученых в Западной Европе и Америке XVI–XVIII вв., понимавших Творца как автора Вселенной, исторической первопричины материи и цивилизации, и соединявшее религию с моралью. В XVII столетии на родине либерализма в Англии, а также во Франции, деизм становится самым влиятельным религиозно-философским течением общественной мысли. Деизм всячески оппонировал официальным христианским догматам Католической и Англиканской церкви, настаивая на идее естественной религии, противопоставлявшейся различным системам религиозного откровения. Максимальное обоснование деизм получил в трактатах Ж. Бодена, Дж. Толанда, А. Коллинза, Дж. Тиндаля, Г. Болингброка

и других мыслителей, отталкивавшихся в своем мышлении от принципов свободомыслия, материализма и рационализма.

Либерализм и деизм отличают и политическое мышление во Франции и США, так как деизм был тесно связан с философским скептицизмом. Основные идеи данного философского направления развивались так называемыми либертинами, которые отстаивали принцип свободомыслия, гедонизма и полной раскрепощенности человека в его желаниях. Французские материалисты Гольбах, Дидро, Руссо и другие также развивали собственные версии деизма, отвергая традиционное христианство с его консервативным учением о непреклонном исполнении Божьих заповедей и Промысле Бога о мире. Американские просветители и авторы американской Конституции Том Пэйн, Томас Джефферсон, Александр Гамильтон и другие мыслители были также сторонниками деизма. Таким образом, секуляризация общества и государства, гонения на традиционную христианскую церковь в западноевропейских странах XVII–XVIII столетий были во многом продиктованы соображениями деизма. Рационалистические проекты идеального будущего были вызваны глубинными трансформациями религиозного сознания. Представление о Боге-Творце как первопричине мира и Создателе человеческой цивилизации, впоследствии устранившемся и не вмешивающемся в жизнь человеческого общества, привели к мысли о необходимости активного преображения мира и построения Земного рая усилиями человеческой воли и разума. Именно либеральный прогрессизм, соединившийся с идеями деизма и близкого деизму материализма, приводит постепенно к мысли о необходимости атомарно-индивидуалистического проектирования государственной жизни, в которой «обречены» на выживание лишь наиболее рационально мыслящие и экономически активные представители человеческого рода.

Выделять положительные и отрицательные позиции ученых, исходя из классической модели разделения ценностных оснований правового мышления на либерально-индивидуалистические, соцалистические и консервативно-

патриархальные, возможно только с определенными оговорками. Противники либеральных идей в области науки о праве и государстве опираются на антипрогрессистские и антимодернизаторские оценки новых технологических укладов последнего столетия, используя те же аргументы примерно, что и консерваторы XX столетия. Обратить внимание необходимо на те проекты государственно-правового моделирования, которые задолго до современного государства и права предсказали появление новой технократической цивилизации.

Важнейшие принципы либеральной политико-правовой идеи базируются на своеобразной религиозно-философской картине мира, на модернизируемых концепциях, ценностях и принципах христианской морали, антропологии и философии, которые «погружены» в материалистический и механистический проект преобразования мира на началах естествознания и математики. Сенсуализм, просвещенный абсолютизм, рационализм и материализм приводят постепенно к реификации – отчуждению и овеществлению мира политики и права, социальных отношений и общественных связей, что впоследствии привело и к появлению предпосылок математизации социального мира, в первую очередь экономики, в рамках которой число прибыли становится идолом.

Современные модели будущего основываются на традиционно важных для человечества темах взаимозависимости идей свободы и равенства. В качестве средства раскрепощения человека и преодоления «уз несвободы» человеческой личности неолиберальная идея трансгуманизма рассматривает развитие технологий, в том числе цифровых. Трансгуманизм – философско-прогрессистская идея нового человечества, преодолевающего постепенно все узы несвободы и дефекты человеческой природы: ограниченный разум, смертность, телесность и т.д. Это идеология постчеловека, победившего с помощью разума и технологий все ограничения своего бытия. Таким образом, цифровизация и искусственный интеллект получают не просто легитимность

в рамках либерального мировоззрения, а становятся мировоззренческой ценностью для представителей самых раных слоев современного общества.

Современные правоведы пытаются разрабатывать новую правовую постнеклассическую концепцию «четвертого поколения прав человека»[1]. Эти правовые идеи тесно связаны с либеральной философией права: «Человеческая свобода в обществе имеет правовую меру. Однако представление о соматических правах человека радикализирует идею индивидуальных прав (“мое тело – мое дело”), что соответствует антропологии либертаризма. Тем самым отвергается принятие человеком общности с другими людьми (второе и третье поколения прав человека)»[2]. Большинство исследований современной юридической науки опирается на классическую модель государств и права, пытаясь приспособить старые понятия к новой реальности.

Благовидный предлог освобождения человека и общества с целью преодоления пороков традиционного социума лежит в основе неолиберального утопизма, использующего для обоснования своих проектов цифровые технологии. «Современный техноутопизм получил новый импульс в 1990-х годах, особенно в США, где данная форма техно-утопизма отразила веру в то, что технологическое изменение реконструирует человеческое сообщество, и что цифровая технология – “диджитопия”, в особенности Интернет, способны увеличить личную свободу, освобождая человека от бюрократических правительственных влияний, традиционных социокультурных иерархий и устаревших социальных схем и порядков индустриального общества. Современные идеологии техноутопизма ориентированны в базовое положение – отмену государственного контроля и

[1] Крусс В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 43–50.

[2] Долин В.А. Концепт «Четвертое поколение прав человека»: опыт философско-антропологического обоснования // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 13.

превосходство свободного рынка (самыми знаменитыми представителями современного техно-утопизма являются Джордж Джилдери Кевин Келли)»[1]. Таким образом, технологический утопизм, социализм и либерализм нашли «общий язык» в деле уничтожения традиционного государства и его замене на глобализированное гражданское общество с сетевым управлением техноэлитами. Трансгуманизм представляет собой новый виток развития либеральной философии права, основанной на секулярном гуманизме и индивидуализме. Ей свойственна атомарно-индивидуалистическая концепция общества, предполагающая разобщение, раздробление и разделение традиционных социальных связей. Однако интересным новым моментом следует считать то, что в цифровом трансгуманизме происходит некоторая интеграция классического либрализма и социалистического гуманизма. Во всяком случае правовые идеи получают общее истолкование: «К проблеме дегуманизации (и трансгуманизма) относятся такие спорные социальные и правовые темы, как репродуктивные технологии (экспериментальные эмбриональные технологии, при которых ребенок рассматривается в большей степени как продукт и товар), право на эвтаназию, гендерная тематика и связанные с ней феминизм и права ЛГБТ[2] (подмена биологического пола “социальным полом-гендером”, что ведет к разрушению традиционной семьи)»[3]. Обратим внимание и на близость трансгуманизма к классическим темам социальных утопий: преодоление классового неравенства; исцеление общества от преступности и агрессивности; достижение осмысленности социального бытия и т.д.

«Цифровая утопия» – новая категория общественно-гуманитарного знания, символизирующая начало критического осмысления

[1] Медведева Т.Б. Технологическая утопия и формы ее репрезентации в современной культуре: технопрогрессивизм, трансгуманизм и цифровая утопия // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2011. № 20 (115). С. 56.

[2] Международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в РФ.

[3] Щипков В.А. Секулярные основания и утопические черты идеологии трансгуманизма // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2018. № 3. С. 9.

технологического прогресса и сигнализирующая о ранее не известных формах принуждения и насилия над личностью. «Техноутопия является изображением идеального сообщества, в котором закон, правительство и общественный строй функционируют исключительно для выгоды и благосостояния всех его жителей, а передовая наука и технология позволяют такому сообществу сформироваться на базе современной цивилизации и успешно развиваться в будущем», – пишут современные исследователи[1].

Корни цифро- или техноутопий – в политико-правовых идеях социалистов Сен-Симона, Фурье, Оуэна, строивших идеальный мир будущего на принципах научно-рационалистического и политэкономического преодоления социальных пороков. Современные продолжатели и наследники социалистического мышления уже свободны от иллюзий относительно «человеческой природы», которую будто возможно преобразить к солидарному отношению к ближним. Эту эгоцентрическую природу можно преодолеть за счет технологических новаций, полагают идеологи трансгуманизма[2]. Один из идеологов техно-утопий – Э. Беллами, полагает возможным в условиях технологической модернизации общества добиться преодоления эгоизма посредством интеграции частного интереса в модель общего блага, рационально гармонизирующей интересы личности и общества[3].

Трансгуманистическая утопия уже приобрела определенные институциональные формы. Так, в 1997 году была создана с целью распространения трансгуманистической идеологии Всемирная трансгуманистическая ассоциация, объединившая в своих рядах представителей самых разных областей научного знания: политологов и

[1] Медведева Т.Б. Технологическая утопия и формы ее репрезентации в современной культуре: технопрогрессивизм, трансгуманизм и цифровая утопия // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2011. № 20 (115). С. 55.

[2] Казачанская Е.А., Верченко В.А. Законодательная защита традиционных ценностей и институт семьи в условиях угроз и вызовов трансгуманизма // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2024. Т. 11, № 1. С. 30–38.

[3] Медведева Т.Б. Указ. соч. С. 56.

политиков, юристов и философов, специалистов в сфере генной инженерии, кибериздeлий и нейрофармакологии[1]. Одной из задач данной ассоциации стало создание почвы для социальной модернизации, сопровождающейся справедливым распределением ресурсов, затрат и льгот, новых знаний и мощностей, технологических новинок и т.д.

В научной литературе сегодня анализируются разнообразные формы трансгуманизма, так как существует анархотрансгуманизм, христианский трансгуманизм, демократический трансгуманизм, экстропианизм, постгендеризм, сингуляритаризм, социалистический трансгуманизм и др.[2] Возникает вопрос, возможен ли консервативный трансгуманизм? Оказывается, вполне возможен: некоторые авторы полагают, будто биоконсерватизм – одна из возможных вариаций трансгуманизма, учитывающая риски радикального преобразования человеческой природы[3]. «Биоконсерватизм как минимум в лице представителей традиционных авраамических религий будет долго сдерживать этот процесс, обосновывая ценность “естественной” жизни в том формате, в каком она “задумана” богом», – справедливо полагают современные исследователи[4].

Однако, в целом, вряд ли возможен синтез консерватизма и трансгуманизма. Важно то, что консервативное мышление не может согласиться с трансгуманизмом в силу изначальной оппозиции рационализму Нового времени и Просвещения авторов и создателей европейского консерватизма – Ж. де Местра, Э. Бёрка, Ф.К. Савиньи и Г.Ф. Пухты, а впоследствии авторов немецкой консервативной революции – Э. Юнгера, К. Шмитта, О. Шпенглера и других. Основными характеристиками

---

[1] Bostrom N. Anthropic Bias: Observation Selection Effects in Science and Philosophy. Routledge, 2002. P. 8.

[2] Boyd A. Transhumanism challenge to bioethics // Eubios: Journal of Asian and international bioethics. Christchurch. 2018. Vol. 28, № 5. P. 137–141.

[3] Roache R., Clarke S. Bioconservatism, Bioliberalism, and Repugnance // Monash Biothics Review. URL: http://www.academia.edu/176913/Bioconservatism_Bioliberalism_and_Repugnance (дата обращения: 15.06.2026).

[4] Рыбаков О.Ю., Тихонова С.В. Социальные перспективы трансгуманизма: между философией и мифологией // Юридическое образование и наука. 2012. № 4. С. 25.

классического консерватизма являются: критика модернизма, идей и последствий Французской буржуазной революции как в их либеральной, так и социалистической перспективе и реализации; отрицание возможностей рационального социального проектирования; признание неравенства неотъемлемой характеристикой любого социума и гибельность утопического его устранения; религиозность; отрицание прогрессизма и т.д. Лозунги буржуазной революции во Франции были негативно встречены всеми консерваторами, в том числе и русскими Хомяковыми, Самариным, Аксаковыми, Киреевскими и другими. Один из немецких консерваторов Эрнст Юнгер охарактеризовал ее так: «Свойственная демагогам навязчивая идея равенства еще опаснее, чем жестокость людей в генеральских мундирах»[1]. Любое воплощение свободы, равенства и братства в социальных утопиях оценивается консерваторами крайне негативно. Неоконсерватизм дополнил критику либеральных и социалистических идеологий модерна очевидными для консерваторов ценностями: духовные приоритеты семьи и религии, социальная стабильность, базирующаяся на моральной взаимоответственности гражданина и государства и их взаимопомощи, уважение частного права и недоверие к чрезмерной демократизации, крепкий государственный порядок и стабильность. Современные неоконсерваторы развивают антиутопические и дистопические прогнозы будущего: по их мнению, компьютеризация и диджитализация обрекают мир на институционализацию новейших и ранее не известных форм социальных санкций и ограничений, появление нового цифрового неравенства с соответствующей технологической иерархией (проблема доступа), возможность тотальной системы слежения и контроля со стороны государства, наднациональных и надгосударственных институтов и корпораций, цифрового неофеодализма[2]. Впрочем, об опасностях трансгуманизма и иных

[1] Юнгер Э. Эвмесвиль. М., 2013. С. 251.

[2] Кутырев В.А. Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века). СПб., 2018.

идеопроектов будущего предупреждают не только консерваторы. Ю. Хабермас в работе «Будущее человеческой природы» также вынужден констатировать, что генетическое программирование необратимо. Ученый опасается, что «идентичность людей будет изменена таким образом, что мы больше не сможем видеть себя этически свободными и морально равными существами, руководствующимися нормами и причинами»[1]. Таким образом, консервативная критика цифровых проектов будущего является признаком «трезвения» социально-гуманитарного мышления и предчувствием приближающейся катастрофы и цифровой деградации общественного сознания.

Выводы. Ввиду того, что модерн стал эпохой всеобщего распространения материализма, который совпал по своему времени с внедрением новейших технических средств, а сегодня его развитие протекает в русле цифровизации, консервативные мыслители как в эпоху Просвещения выступали с критикой логоцентристской и рационалистической философии права модерна задолго до появления технократических концепций исходя из интуитивного предчувствия того, что, исключая метафизику из юриспруденции, человечество рано или поздно «исключит» из нее и человека, так и сегодня негативно оценивают новейшие тенденции технократического общества и государства. При этом само право превращается в «мешанину технических процедур, формальных систем», а предложения по замене законодателя и правоприменителя искусственным интеллектом полностью разрушают традиционный ценностный уклад, создавая благоприятный режим для техноутопий будущего. Способствует этому и современная неолиберальная концепция правопорядка, построенного не на Божьих заповедях, а на произвольной морали, нормы которой определяет сам индивид на основе автономной этики, что ведет в итоге к полицейскому государству, смысл существования которого коренится в насилии и принуждении. Иных

[1] Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М., 2003. С. 64.

моделей развития предусмотреть невозможно, так как природа человека стала мыслиться действительно чисто биологически, чему способствуют современная антропология и психология.

Важной представляется критика «юриспруденции интересов» Иеринга, которая стала одним из признаков кризиса права и правосознания в условиях гедонизма общества потребления. Консерваторы призывают перейти от общества интересов, необходимо развиваться к обществу нравственному. Кризис правосознания вызван и раскрепощением личности в угоду сексуальной революции, что крайне негативно отразилось на состоянии правосознания. Никакие концепции трансгуманизма здесь не смогут изменить положение вещей, полагают консерваторы, а превращение законодательства гигантскую «груду» правил, детализирующих каждую мелочь и мешающих динамически развивающемуся социуму, тормозя его эволюцию, этому способствует.

Консерваторы критически осмысляют роль цифровых технологий: синтез неолиберальной модели и правовой идеологии общества потребления, построенного на рационалистических, экономоцентристских, цифрократических принципах в соединении с социалистической мечтой о справедливом государстве, «Земном рае», обществе равенства и подлинной свободы за счет трансгуманизма, который должен обеспечить новый уровень развития науки и синтеза человека с техникой, последовательно ведет, по их мнению, к цифрократическим утопиям, являющимся закономерным итогом материализма и рационализма Нового времени и Просвещения. Консервативная критика обращает внимание на близость либеральных и социалистических идей, их «общий корень» проявляется особенно отчетливо именно в современных концепциях трансгуманизма и цифровых утопий.

Идеологии техноутопизма ориентированы в базовое положение – отмену государственного контроля и превосходство свободного рынка, корни цифро- или техноутопий – в политико-правовых идеях социалистов Сен-Симона, Фурье, Оуэна, строивших идеальный мир будущего на принципах

научно-рационалистического и политэкономического преодоления социальных пороков. Современные неоконсерваторы развивают антиутопические и дистопические прогнозы будущего: по их мнению, компьютеризация и диджитализация обрекают мир на институционализацию новейших и ранее не известных форм насилия, социальных санкций и ограничений, появление нового цифрового неравенства с соответствующей технологической иерархией (проблема доступа), возможность тотальной системы слежения и контроля со стороны государства, наднациональных и надгосударственных институтов и корпораций, цифрового неофеодализма.

Консервативные мыслители западного общества, критиковавшие логоцентризм и машинизацию рационалистического правопонимания еще в XX столетии, обращают внимание на то, что поиск оптимального баланса между идеально-нравственными и технократическими правовыми установками зависит от общественной нравственности, состояние которой в современном обществе достойным назвать вряд ли возможно. В то же время технократическое понимание права в современном обществе вызывает потребность в «насыщении» законодательства духовно-нравственными понятиями и категориями. Поэтому нельзя не приветствовать защиту традиционных духовно-нравственных ценностей в качестве одного из приоритетов правовой политики российского государства.

§ 3.2. Защита прав человека от угроз цифровизации с консервативных правовых позиций

В современном мире процессы цифровизации не оставляют никого равнодушным, и оценка новых технологических достижений человечества все чаще «звучит» из наиболее традиционных и консервативно-настроенных сообществ. Это вполне объяснимо: новый технологический уклад все сильнее влияет на жизнь всех людей на планете, не оставляя возможности выбирать «за» или «против» их внедрения. Наиболее консервативно настроенное сообщество – этнические и религиозные группы, этноконфессиональные

организации, по-своему «реагируют» на нововведения: часть из новых цифровых технологий принимается безоговорочно, часть вызывает умеренное опасение, некоторые цифровые технологические идеи вызывают радикальное отторжение. При этом европейские религиозные организации апеллируют при анализе рисков к классической идее прав человека и традиционной западноевропейской философско-правовой аргументации.

Консервативный подход фокусируется на угрозах, которые цифровые технологии и сингулярность несут для человеческой цивилизации, социальных институтов, политического суверенитета и самого смысла человеческого существования. Критика исходит не из страха перед новым, а из защиты непреходящих ценностей: традиции, свободы, достоинства и естественного правопорядка. Например, традиционалист Байрон Бургват американец, но его идеи крайне влиятельны в Европе, в книге «The Age of A.I.: And Our Human Future» (написанной в соавторстве с Эриком Шмидтом и Дэниелом Хаттенлохером), отмечает, что ИИ, интегрированный в системы социального кредита и тотального наблюдения, может уничтожить частную жизнь и индивидуальную автономию, создав беспрецедентную систему манипуляции и подавления. Таким образом, цифровая среда становится пространством, где свобода воли и моральная ответственность, которые давно считаются базовыми для западного понимания человека, – вытесняются алгоритмическим детерминизмом. Роджер Скрутон пишет об опасности «ситуативной этики», порожденной цифровой средой, и утверждает, что онлайн-пространство разрушает «естественную лояльность» и привязанности, которые формируются в реальных, локализованных сообществах (семья, приход, местный паб), а замена их виртуальными, анонимными связями ведет к атомизации и утрате социального доверия. Шанталь Дельсоль в книге «Икар, павший с небес» анализирует утопический проект современности, стремящийся к радикальному освобождению от человеческой природы, и

показывает, что цифровизация и мечты о «сингулярности» – это новый виток этого проекта, попытка создать «нового Икара»[1].

Не отстает в этом и богословие. В качестве примера можно указать на реакцию Римско-католической церкви по отношению к искусственному интеллекту и цифровым технологиям. 28 февраля 2020 года был опубликован «Призыв Рима к этичности искусственного интеллекта», разработанный Папской академией жизни. Среди подписантов этого документа не только религиозные деятели, в частности Папа Римский Франциск, но и представители транснациональных корпораций IBM, Microsoft, ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН) и представители правительства Италии[2]. Данный документ направлен был на защиту прав человека и достоинства личности в условиях новой цифровой эпохи.

Данный документ можно рассматривать как еще одно подтверждение христианских корней современной технологической революции и понятий о правах человека. Эта декларация с одной стороны, подтверждает вывод одного из ведущих исследователей правовых аспектов внедрения цифровых технологий в государство и общество о том, что универсальность идеи прав человека и достоинства личности сопрягается со свойством универсальности цифровых технологий, что обеспечит решение вопроса об их применимости:

---

[1] См. подробнее: Burgwat B., Schmidt E., Huttenlocher D. The Age of A.I.: And Our Human Future. New York: Little, Brown and Company, 2021. 272 p.; Delsol C. Icar tombé du ciel: Éléments pour une critique de la philosophie politique contemporaine. Paris: Éditions du Cerf, 2003. 250 p.; Kirchhof P. (Hrsg.). In: Maunz T., Dürig G. (Begr.) Grundgesetz-Kommentar. München: C.H. Beck, Loseblattwerk.; Manent P. La Raison des Nations: Réflexions sur la démocratie en Europe. Paris: Gallimard, 2006. 86 p. Рус. изд.: Манент П. Естественная история démocratie / пер. с фр. М. Федоровой. М.: ИД «Территория будущего», 2022. 96 с.; Milner J.-C. Le sage trompeur: Libres raisonnements sur Spinoza et les Juifs, l'Église et la République, les femmes et la théorie du genre.... Paris: Verdier, 2013. 190 p.; Scruton, R. The Uses of Pessimism: And the Danger of False Hope. London: Atlantic Books, 2010. 240 p.; Scruton R. Where We Are: The State of Britain Now. London: Bloomsbury Continuum, 2017. 192 p.

[2] Преображающая сила искусственного интеллекта – на повышение эффективности, устойчивости и инклюзивности продовольственных систем. Генеральный директор ФАО присоединился к резолюции по этике ИИ, утвержденной Папой Франциском. URL: http://www.fao.org/news/story/ru/item/1264088/icode (дата обращения: 11.04.2021).

выработать отношение к новым технологиям позволяет то, что сущность человека и связанных с ним ценностей не меняется[1]. С другой стороны, как увидим ниже, новые цифровые технологии кардинально меняют представление о человеческой природе и затрагивают неизбежно вопросы философской антропологии.

Активно изучает религиозно-правовые аспекты новых информационных и цифровых технологий Русская православная церковь. В настоящее время ведется работа над церковно-правовым документом, разрабатываемым соборно ОВЦС Московской патриархии под названием «Христианское мировоззрение и современные вызовы научного и технологического развития. Отношение Церкви к новым информационным технологиям (антропологический аспект). Проблематика, связанная с развитием искусственного интеллекта». Этот документ призван дать не только богословскую оценку всеобщей цифровизации, но и установить границы конфессионального признания, одобрения и легитимности новых технологий.

Христианские конфессии по-разному проявляют реакции на цифровые инновации и цифровой прогресс, некоторые более консервативно, некоторые менее. Однако в целом цифровые технологии не рассматриваются как нечто не приемлемое. Более того, некоторые авторы отмечают рост интереса к христианской культуре в условиях цифровизации, отмечая, что несмотря на парадоксальность, христианское мировоззрение, этическое учение и ценности более гибко сочетаются с научно-техническим прогрессом, так как именно в лоне европейской культуры и зародилась современная научная картина мира. Именно такое объяснение они дают росту численности христиан в Китае среди представителей молодежи, не мыслящей себя вне технологического окружения[2]. В то же время нельзя не замечать появление совершенно новых,

[1] Секуляр гностицизм и православие. URL: https://bogoslov.ru/article/6022962 (дата обращения: 11.04.2021).

[2] Тренин-Страусов П.Д. О чем не сказал Папа Римский, искусственный интеллект и «христианская реальность». URL: http://www.sdsmp.ru/news/n8908 (дата обращения: 11.04.2021).

ранее неизвестных рисков и вызовов правам человека, на что обращают внимание, в том числе, и европейские богословы различных христианских конфессий, а также защитники коренных малочисленных народов, национальных меньшинств, этнических групп.

В процессе анализа современных тенденций цифровизации, которые отличаются целым рядом особенностей, связанных с виртуальной реальностью, оказываются значимыми как наработанные ранее парадигмы модерна, такие, например, как мироцелостная и системная парадигмы научного мышления, так и парадигмы, формируемые постмодернистской методологией, прежде всего, в рамках социально-конструктивистской парадигмы[1]. Поэтому цифровая трансформация общества и государства не может быть рассмотрена без учета уже ставших классическими работ Ю.М. Лотмана, Ю. Хабермаса, Д. Бэлла, М. Фуко, П. Бергера и др., в которых рассмотрены различные аспекты влияния информационного общества на жизнедеятельность различных культурных сообществ, на коммуникативные структуры межкультурного обмена знаниями в современную информационную эпоху. При этом исследователи не ориентируются исключительно на прогнозы разрушения христианского учения о достоинстве человека и классической концепции прав человека, а также этноконфессиональных сообществ, в процессе их трансформации в информационном обществе и распространения цифровых технологий. Антропологические исследования культурологов и социологов показывают ошибочность прогноза относительно унификации и стандартизации ценностно-нормативных систем в процессе цифровой трансформации общества и государства. Этноконфессиональные различия никуда не исчезли, более того, как отмечает итальянский антрополог Мариэлла Комби, цифровизация не повлекла за собой гомогенизацию мира: этому

[1] Антропологический выпуск № 2. Смерть государств и новое человечество: три опасных идеи Рэя Курцвейла. URL: https://bogoslov.ru/event/5625870 (дата обращения: 11.04.2021).

свидетельствует «постоянно растущий спрос на признание собственных культурных и языковых особенностей (например, как шотландцы в Великобритании, каталонцы в Испании и т.д.) Чем больше мы осознаем жизнь в глобальном мире, тем сильнее мы защищаем местную идентичность»[1].

Этноконфессиональные сообщества инкорпорировали в себя цифровые инновации, используя их для подтверждения собственного права на этноконфессиональную идентичность. «Местная культура приобретает новые технологии, перерабатывает их, чтобы сделать их приемлемыми для существующей культуры в этом сообществе, и отправляет их обратно на глобальный уровень в непрерывном обмене межкультурными влияниями и в постоянной трансформации»[2]. Ряд исследователей настаивает на выводе о том, что стратегия мультикультурализма в цифровом обществе сдает позиции и уступает место этноплюрализму и многоконфессиональности[3]. Не менее важной для исследования следует признать точку зрения, что в ряде случаев цифровые технологии позволяют даже укрепить этноконфессиональную идентичность, как на это указывают в своей статье С. Абрамович и Питер Самуэльсон Уордрип[4]. Ответ оказался положительным: цифровые бейджи, значки, иконки, аватарки, выполненные в этническом и религиозном символизме, усиливают этническую и конфессиональную идентичность. Более того, цифровые технологии влекут за собой формирование нового формата этнокультурной идентичности – виртуальную этничность. «Виртуальная этничность» в «глобальной деревне», по мнению Лии

[1] Combi M. Cultures and Technology: An Analysis of Some of the Changes in Progress – Digital, Global and Local Culture. In: Borowiecki K., Forbes N., Fresa A. (eds) Cultural Heritage in a Changing World. Springer, Cham., 2016. DOI: 10.1007/978-3-319-29544-2_1.

[2] Ibid.

[3] Ivlev V.Yu., Inozemtsev V.A., Ivleva M.L. Intercultural Communication and Dialogue of Ethnic Cultures in the Context of Digitalization of Society. Proceedings of the 7th International Conference on Education, Language, Art and Inter-cultural Communication (ICELAIC 2020) URL: https://www.atlantis-press.com/proceedings/icelaic-20/125949608. DOI: 10.2991/assehr.k.201215.353 (дата обращения: 11.04.2021).

[4] Abramovich S., Wardrip P.S. Can digital badges strengthen religious ethnic-cultural identity in a religious education setting? // British Journal of Religious Education. 2020. Vol. 42. Iss. 3. P. 338–349. DOI: 10.1080/01416200.2019.1626219.

Макфадьен, предполагает совершенно новый ракурс по отношению различных подходов к этничности: социально-конструктивистского и материалистического[1].

Этноконфессиональные нормативные системы оказывают, в свою очередь, особое влияние на процессы цифровизации общества и государства. В различных сферах цифровизации, от политической до образовательной, обнаруживают сохранность устойчивые этноконфессиональные архетипы[2]. При этом влияние этноконфессиональных установок на актуализацию проблемы социального расслоения и прав социально-незащищенной массы людей из стран третьего мира, доступа к цифровым правам человека всех без исключения, на проблему «цифрового равноправия» дает повод социологам, работающим в области изучения цифровых медиа, обратить внимание на «цифровой разрыв» как на существенную методологическую проблему в исследованиях прав человека[3]. Сабина Михель и Адриан Легина обращают внимание, что цифровизация влечет имущественную дифференциацию в плане доступа к объектам культуры, а также ее примитивизацию и омассовление[4].

---

[1] Macfadyen L.P. Virtual ethnicity: The new digitization of place, body, language, and memory // Electronic Magazine of Multicultural Education. 2008. № 8(1). DOI: 10.14288/1.0058425.

[2] Lembani R., Gunter A., Breines M., Tapiwa Mwazvita, Dalu B. (2020) The same course, different access: the digital divide between urban and rural distance education students in South Africa // Journal of Geography in Higher Education. 2020. Vol. 44. No. 1. P. 70–84: Van Dijk J., Hacker K. The Digital Divide as a Complex and Dynamic Phenomenon // The Information Society. 2003. Vol. 19. No. 4. P. 315–326. DOI: 10.1080/01972240309487; Enoch Y., Soker Z. Age, gender, ethnicity and the digital divide: university students' use of web-based instruction // Open Learning: The Journal of Open, Distance and e-Learning. 2006. Vol. 21. Iss. 2. P. 99–110. DOI: 10.1080/02680510600713045.

[3] Robinson L., Cotten Sh.R., Hiroshi Ono, Quan-Haase A., Mesch G., Wenhong Chen, Schulz J., Hale T.M., Stern M.J. Digital inequalities and why they matter // Information, Communication & Society. 2015. Vol. 18. No. 5. P. 569–582. DOI: 10.1080/1369118X.2015.1012532; Halford S., Savage M. Reconceptualizing digital social inequality // Information, Communication & Society. 2010. Vol. 13. Iss. 7. P. 937–955. DOI: 10.1080/1369118X.2010.499956.

[4] Mihelj S., Leguina A., Downey J. Culture is Digital: Cultural Participation, Diversity and the Digital Divide // New Media & Society. DOI:10.13140/RG.2.2.31999.25765.

Более разрушительным влияние цифровизации следует признать на идею национального государства. Разрушительным считается влияние цифровой глобализации на национальные государства с доминирующей титульной этнонациональной общностью. Известный футуролог Рэй Курцвейл, один из создателей Университета сингулярности, указывает: «Мы уже фантастически взаимосвязаны. Национальные государства – это больше не острова. Мы стали гораздо более глобальным обществом. Растущее сегодня поколение ощущает себя гражданами мира, потому что они общаются с людьми по всему миру, и их это не удивляет»[1]. Впрочем, цифровая глобализация в этой части лишь продолжает тенденции экономической глобализации.

Понятие национального государства скоро будет неактуальным, полагает достаточно большое число исследователей, полагающих, что цифровизация неизбежно устраняет границы между государствами и выявляет проблемы избыточных бюрократических барьеров в коммуникации и научном прогрессе, общении и внедрении инноваций.

Критика разрушительного влияния цифровых технологий на этнонациональную идентичность привела к появлению нового термина – «цифровые кочевники», к социальной группе которых относятся носители идеи цивилизации «кочующих объектов» (термин Ж. Аттали), под которыми понимают «электронных кочевников», не помнящих или не имеющих Родины. «Мы полагаем, что именно сохранение национального своеобразия человеческих сообществ мешает установлению режима неограниченной “цифровой власти”. Национальные особенности мировосприятия базируются на культурно-исторических традициях, языковых концептах, духовно-нравственных ценностях, основанных на верности духу предков, сохраненному в языке с помощью его кумулятивной функции. Лишаясь защиты Рода (от корня -род- в русском языке словообразование насчитывает

[1] Антропологический выпуск № 2. Четвертая промышленная революция – обзор книги Клауса Шваба. URL: https://bogoslov.ru/event/5624704 (дата обращения: 11.04.2021).

около 100 лексем: народ, родина, родня, благородный, родиться, родители, родник, родинка, зародыш и т.д.), человек становится послушной игрушкой в руках “цифрового” манипулятора, который легко его может убедить в чем-либо (пожалуй, даже в чем угодно) на основе, например, одной из базовых идей глобализации, идеи толерантности»[1]. В этих условиях особенно бережным должно быть отношение государства к культурно-исторической памяти народа, закрепленной языковыми концептами, являющимися продуктом культуры этноса, в отличие от инстинктов, имеющих универсальный характер. Понимание данного обстоятельства мотивирует авторов признавать необходимость законодательного обеспечения этнокультурной идентичности в условиях цифровизации[2].

Цифровизация по-своему «заострила» давние споры о философско-правовой природе категорий «достоинство личности», «права человека», «уважение к человеку» и др. При этом присутствие большого интереса наблюдается как в российской юридической литературе, так и в зарубежной[3]. В эпоху цифровых технологий достоинство человека со стороны юристов и философов должно особенно бережно защищаться и гарантироваться. Как справедливо отмечает Специальный докладчик ООН по пыткам (автор доклада ООН 2020 о психологической пытке) Нилс Мелцер: «Больше всего меня беспокоит эрозия прав человека. От Китая с Гонконгом и уйгурами до

[1] Мельков С.А., Салтыкова М.В., Лябах А.Ю. «Цифровые кочевники»: проблематизация появления и влияния на развитие современного общества // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 1. С. 82.

[2] Салтыкова М.В., Пителинский К.В. Безопасность личности как Приоритетная цель актуальной государственной стратегии РФ // Вестник Московской международной академии. М.: ММА, 2017. № 2. С. 107–117; Дугужева М.Х., Симаева Е.П. Трансформация законодательства о культуре в условиях цифровизации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 44. С. 190–208.

[3] Бондарь Н.С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19–31; Васильева Т.А. Концепция достоинства личности в доктрине и практике органов конституционного контроля // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 10. С. 3–8; Хоннет А. Право свободы: очерк демократической нравственности / пер. А.Ю. Шачиной, С. Шачина // Кантовский сборник. 2012. № 1. С. 91–100.

России и полицейского насилия в США и их нападок на Международный уголовный суд. От Сирии до Бразилии и всемирного миграционного кризиса. Права человека сворачиваются повсюду – пределов такому списку просто нет»[1]. Можно предположить, что современный мир, прогнозируя разнообразные вызовы человеческому достоинству в связи с достижениями научно-технического прогресса, столкнется с проблемой выработки совершенно новых международно-правовых документов, направленных на защиту прав человека в цифровую эпоху. Следует вспомнить и о том, что цифровизация может усилить тренд технократизации государства и дегуманизации права, который возник еще в период расцвета юридического позитивизма и о котором писал еще П.И. Новгородцев в своем знаменитом философско-правовом трактате о кризисе современного правосознания[2], где мыслитель актуализировал поворот к естественному праву в силу нравственной необходимости возрождения правового идеализма.

Осознание рисков достоинству человека и правам и свободам привели к появлению католической Резолюции об этике в области искусственного интеллекта, в которой говорится: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны действовать по отношению друг к другу в духе товарищества. Это основополагающее условие свободы и достоинства также должно быть защищено и гарантировано при производстве и использовании систем искусственного интеллекта Это должно быть сделано путем защиты прав и свободы индивидов, с тем чтобы они не подвергались дискриминации алгоритмами по признаку их расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального

[1] Эксперт ООН обеспокоен масштабом применения пыток в мире // DW. 26.06.2020. URL: https://www.dw.com/ru (дата обращения: 11.04.2021). (В России Deutsche Welle признана СМИ-иноагентом и включена в реестр нежелательных организаций Минюста РФ.)

[2] Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. СПб.: Издательство «Лань», Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. 352 с.

происхождения, имущественного положения, рождения или иного положения»[1].

Данный документ не предложил никаких специальных критериев, выделяющих опасные и рисковые зоны внедрения цифровых технологий в человеческую жизнь. Однако современные социально-экономические процессы актуализируют новые вызовы этноконфессиональной идентичности.

Практически все христианские традиционные конфессии негативно оценивают синтез технологий искусственного интеллекта и идей цифрового капитализма. Благодаря применению цифровых технологий усиливается идеология «общества потребления», а сбор информации в системах больших данных способствует установлению «надзорного капитализма», где о потребителе известно практически все[2]. По мнению современных богословов, цифровая среда предоставляет значительно больше возможностей для манипуляции потребителями маркетинговыми кампаниями, так как поведение людей – это единственный продукт, который создают технологии, отмечают православные ученые[3].

На уровне правовой идеологии католические и православные богословы фиксируют примерно одинаково оценку перспектив цифровизации. «Искусственный интеллект должен быть прозрачным, инклюзивным, социально полезным и ответственным», – сказал Генеральный директор ФАО Цюй Дунъюй, который стал одним из первых среди тех, кто поставил свою подпись под Резолюцией об этике в области искусственного интеллекта (ИИ), утвержденной Папой Франциском, обратив внимание на то, как важно, пользуясь потенциальными преимуществами этой новой технологии,

[1] Преображающая сила искусственного интеллекта – на повышение эффективности, устойчивости и инклюзивности продовольственных систем. Генеральный директор ФАО присоединился к резолюции по этике ИИ, утвержденной Папой Франциском. URL: http://www.fao.org/news/story/ru/item/1264088/icode (дата обращения: 11.04.2021).

[2] Ишков А. Выбраться из сетей. URL: https://bogoslov.ru/article/6169894 (дата обращения: 11.04.2021).

[3] Там же.

уменьшать связанные с ней риски. «Необходимо добиваться человекоцентричного подхода в разработке и внедрении искусственного интеллекта сегодня и на будущее»[1].

Следует отметить и на неприятие некоторыми представителями трансгуманистической философии права религиозных и светских моральных ограничений в этой сфере. Сторонники либеральной и прогрессистской социальной философии пытаются вывести искусственный интеллект за рамки религиозного и морального дискурса, защищая и обеспечивая «светскость и свободу», что на деле оказывается очень выгодно крупным корпорациям, главная цель которых – извлечение прибыли, полагают представители религиозной мысли. И хорошо, если целью будет только извлечение прибыли, а не переустройство всего мира, оказавшегося у порога кризиса демократической модели самоуправления и встречающегося со значительными рисками.

О переустройстве мира все чаще говорится в прогнозах футурологов. «Механизмы экономики внимания работают на ослабление силы воли, – утверждает Уильямс. – Если политика – форма выражения своей воли на индивидуальном и коллективном уровнях, то экономика внимания явным образом подрывает положения, на которых зиждется демократия». Если Apple, Facebook[2], Google, Twitter, Instagram[3] и Snapchat постепенно лишают нас возможности думать и размышлять, то у меня возникает логичный вопрос: «В какой момент перестанет существовать демократия?»[4]. Данное наблюдение имеет прямое отношение к этноконфессиональной идентичности, так как определяет роль цифровых технологий в формировании общих

[1] Преображающая сила искусственного интеллекта – на повышение эффективности, устойчивости и инклюзивности продовольственных систем. Генеральный директор ФАО присоединился к резолюции по этике ИИ, утвержденной Папой Франциском. URL: http://www.fao.org/news/story/ru/item/1264088/icode (дата обращения: 11.04.2021).

[2] Продукт компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной в России.

[3] Продукт компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной в России.

[4] Антропологический выпуск № 2. «Наши умы могут быть похищены»: почему IT-специалисты боятся смартфонной антиутопии. URL: https://bogoslov.ru/event/5625909 (дата обращения: 11.04.2021).

этноконфессиональных политических убеждений. По мнению многих авторов, технологии провоцируют невежество, отсутствие доверия друг к другу, одиночество, отчуждение, поляризацию, отвлекают и не позволяют сосредоточиться на реальных проблемах.

Манипулирование большим количеством людей – важнейший результат внедрения цифровых технологий. «Поведение людей – это единственный продукт, который создают технологии»[1]. Этноконфессиональные группы значительно более сильно подвержены различным манипулятивным методикам, использующим этноконфессиональные представления в качестве базы социально-конструктивистских манипуляций.

Особое внимание представители этноконфессиональных сообществ уделяют угрозам и рискам прав детей, защите ювенальных прав и свобод. Доступ к информации во многих странах не имеет законодательных ограничений, что вызывает протесты со стороны консервативно настроенных родителей и ювенальных омбудсменов. Прежде всего, рост влияния сетевых цифровых технологий на психику детей уже привлек внимание криминалистов, расследующих многочисленные случаи подросткового суицида.

Представители христианских конфессий отмечают деструктивную роль цифровых технологий в формировании детского правосознания и уважения к достоинству личности. Например, разрушительным для представлений о достоинстве человека потенциалом обладают различные социальные сети. У ребенка складывается впечатление о корреляции достоинства человека с количеством лайков. «Продукты социальных сетей не создавались с привлечением детских психологов, целью которых было бы защитить и воспитать детей. Действующие алгоритмы рассчитаны скорее на то, чтобы снизить достоинство и самооценку человека, что особенно губительно для незрелой психики ребенка. В результате дети и подростки начинают

[1] Ишков А. Выбраться из сетей. URL: https://bogoslov.ru/article/6169894 (дата обращения: 11.04.2021).

организовывать свою жизнь вокруг ложного ощущения совершенства, получая одобрение в виде сердечек-“лайков”, которые отождествляются с реальными отношениями»[1].

Важным и своевременным представляется предложение ряда ученых о необходимости скорейшей интеграции усилий специалистов в сфере нейронаук, психологов и юристов в решении проблемы воздействия цифровой среды на нейросистемы человека. В одной из работ подчеркивается, что «перед уголовным правом стоит задача теоретического осмысления результатов исследований головного мозга, используемых в качестве доказательств в уголовных судах ряда стран и одновременно способствовавших возобновлению дискуссий о свободе воли и основаниях уголовной ответственности»[2].

Представляется, что этот процесс будет усиливаться, что актуализирует проблему этнопсихологического измерения процессов цифровизации права. Не случайно в анализируемой книге важное место занимает статья известного исследователя библейской философии права, первого вице-президента Международного Союза (Содружества) адвокатов П.Д. Баренбойма «Машины, механизмы, технологии. В конечном счете между адвокатами и роботами будет стоять только психология»[3]. В ней автор задается вопросом, а что может помешать или воспрепятствовать повсеместной замене адвокатов на роботов: «Нужно спокойно и уже даже не заранее посмотреть, какие виды

[1] Ишков А. Выбраться из сетей. URL: https://bogoslov.ru/article/6169894 (дата обращения: 11.04.2021).

[2] Гусейнов А.А. Достоинство личности и психологические пытки // Достоинство личности и психологические пытки (О книге София Нагорная, Шамиль Хазиев. Долг адвоката и этика психолога: психическая (психологическая) пытка в правовой системе России. Ответственный редактор А.С. Ковалец, вступительное слово академика РАН А.А. Гусейнова). М.: ЛУМ, 2020. С. 83.

[3] Баренбойм П.Д. Машины, механизмы, технологии. В конечном счете между адвокатами и роботами будет стоять только психология // Достоинство личности и психологические пытки (О книге София Нагорная, Шамиль Хазиев. Долг адвоката и этика психолога: психическая (психологическая) пытка в правовой системе России). Ответственный редактор А.С. Ковалец, вступительное слово академика РАН А.А. Гусейнова). М.: ЛУМ, 2020. С. 15–30.

работы юристов могут быть роботизированы прямо сейчас, какие последствия этого процесса очевидны, а также, что становится важнейшей и срочной задачей для адвокатов в данных условиях»[1]. Автор обращает внимание на то, что государственная власть заинтересована в роботизации адвокатской работы: «Мы должны быть готовы к тому, что общество и власти охотно поддержат роботизацию юридической деятельности в расчете на удешевление и ускорение получения юридической консультационной помощи»[2]. Он указывает на фиксацию противоречий в нормах права, на которую способен искусственный интеллект, но при этом признает, что только от программистов будет зависеть фиксация нарушения.

Таким образом, тема достоинства человека в условиях цифровизации звучит актуально и следует обратить внимание на роль традиционных конфессий относительно к ее опасностям и возможностям. Не стоит отказываться от консервативной религиозно-нравственной оценки рисков новых технологий. Это становится особенно явным, когда обезличенная и оцифрованная личность теряет традиционные характеристики человеческого достоинства. Доктрина трансгуманизма предполагает появление нового человека и человечества, связанного цифровой сетью, объединенного в коммуникативное целое.

Практически все христианские богословы едины во мнении относительно угроз богоподобию человека, исходящих от идей трансформации человеческой природы. Современный научно-технический прогресс позволяет нам видеть три основных направления переформатирования человеческой природы: 1. Генетически модифицированный человек (Homo Genetically Transformed). 2. Нано-

[1] Там же. С. 24.
[2] Там же.

киборгизированный человек (Nano-Cybernetic Homo Organism). 3. Виртуально-цифровой человек (Homo Virtualis)[1].

Трансгуманизм является новой квазирелигией или пострелигией, о чем свидетельствует появление идеи «новой Реформации», «демифологизации религии», «республиканской Церкви», «эмерджентной Церкви» и т.п. Все они объединены одной задачей: трансформировать историческое христианство в некий секулярно-религиозный гибрид, попутно создав нечто вроде рынка религиозных услуг.

По сути, трансгуманизм является новым этапом давних стремлений европейских реформаторов обрести Земной рай. «В 2015 году бывший сотрудник Alphabet и Uber Энтони Левандовски основал и стал CEO церкви поклонения искусственному интеллекту Way of the Future. Ее цель – “содействие в достижении божественного, основанного на технологии искусственного интеллекта”. Церковь закрыта для свободного посещения, а Левандовски никаких подробностей не рассказывает, поэтому о ритуалах и содержании молитв не известно»[2]. В Силиконовой долине многие верят в божественную силу технологий, полагая, что человек от природы неполноценен и необходимо с помощью новых технологий преодолеть эти несовершенства: «услужливые домашние роботы начнут понимать наши желания лучше, чем мы сами»[3].

В 2015 году на лекции «Технологии переворачивают мир вверх дном – что происходит?» выступало руководство Google и eBay. «Участники с энтузиазмом уверяли, что оцифровка сознания и прочее сделает мир лучше. Постепенно я начал понимать, что эти люди – евангелисты новой религии, правоверные, мечтающие о Земле

[1] Трансгуманистическая перспектива: краткий обзор. URL: https://bogoslov.ru/article/5177328 (дата обращения: 11.04.2021).

[2] Антропологический выпуск № 1. Бог есть технология: Как диджитализм стал религией Долины. URL: https://bogoslov.ru/event/5613259 (дата обращения: 11.04.2021).

[3] Там же.

Обетованной»[1]. Не случайно в политико-правовом словаре появился новый термин – диджитопия или техноутопия.

Различные вызовы европейской христианской идентичности привели к тому, что консервативно настроенные интеллектуалы и общественные деятели из Западной Европы выступили с обращением-манифестом к правящим элитам. Журнал VESPA опубликовал ранее перевод части этого манифеста, с ним можно ознакомиться в материале «Парижская декларация. Европа, в которую мы верим»[2]. Авторы манифеста, в основном, являются представителями католических стран, выступающими за государственный и социальный контроль над «свободным рынком». По их мнению, неолиберальный мировой порядок ведет к безличной диктатуре транснациональных корпораций и элит, интересы которых обрели форму обязательного квазирелигиозного культа, с ритуалами одобрения и анафемы. Все люди, по мнению авторов манифеста, сопротивляющиеся процессам глобализации, осуществляемой со знаменем универсализма при умалении значимости этноконфессиональных традиций, считаются представителями неолиберализма «ностальгирующими расистами и фашистами». «Отвернувшаяся от христианских корней Европа уже не может быть уже нашим домом, потому что лжеевропейцы строят свой лжехристианский мир универсальных прав человека, в то время как данный универсализм порождает извращенное понимание прав человека. Групповые права, патриотизм, этноконфессиональная идентичность последовательно истребляются. Этому способствует и культура нигилизма (culture of repudiation), негативно влияющая на формирование европейской христианской идентичности будущих поколений. Теперь, чтобы слыть порядочным человеком с “критическим мышлением”, следует отрицать

[1] Антропологический выпуск № 1. Бог есть технология: Как диджитализм стал религией Долины. URL: https://bogoslov.ru/event/5613259 (дата обращения: 11.04.2021).

[2] Антропологический выпуск № 2. Бунт европейских интеллектуалов. https://bogoslov.ru/event/5624748 (дата обращения: 11.04.2021).

ценность всего своего – национальной политики и культуры и т.д. И это самодовольное нерефлектирующее сознание самим своим существованием отрицает традиционные ценности Модерна: интеллектуальную честность, объективность и дисциплину мышления. Культура нигилизма победила»[1].

Выводы. Таким образом, в условиях постсекулярного мира цифровизация укрепляет религиозное правосознание и христианское учение о правах человека через актуализацию антропологического измерения права: искусственный интеллект «заостряет» вопрос о человеческом интеллекте, о юридической и моральной ответственности человека, о праве на выбор, на свободу человека; экзоскелеты и нанобиотехнологии привлекают внимание к теме соматических прав человека; перспективы высвобождения свободного времени в результате роботизации вновь привлекают внимание к ответу на вопрос о целях человеческой жизни, о судьбе человечества, демографии и праве на жизнь, а также о социальном государстве и христианском социализме; наличие общего врага и апокалиптические настроения способствуют укреплению этноконфессиональной идентичности и политико-правового консерватизма. Европейский христианский консерватизм придерживается умеренной оценки новых информационных технологий с точки зрения защиты достоинства личности и прав человека. В целом, и Римско-католическая и Православная церкви пытаются дать теологическую интерпретацию происходящим цифровым изменениям и выработать нравственную шкалу приемлемости цифровых инноваций. Обе конфессии активно используют цифровые технологии для продвижения своих миссионерских проектов, просветительской деятельности, христианской проповеди: цифровые технологии активно используются для критики цифровых технологий. При этом следует обратить внимание на юридический дискурс с акцентом на права человека и достоинство личности в документах и позициях Римско-католической церкви. Это не случайно: юридическое

[1] Антропологический выпуск № 2. Бунт европейских интеллектуалов. https://bogoslov.ru/event/5624748 (дата обращения: 11.04.2021).

мышление более понятно католическим богословам, использующим категории и термины из правового гуманизма для обоснования своих этических аргументов.

Достаточно показательной является реакция европейских интеллектуалов на процессы трансформации цивилизационной идентичности народов Европы. Эти процессы вызывают протест, так как конфликт ценностей очень опасен и может привести к глубокому цивилизационному расколу. При этом утрата религиозно-нравственных оснований правового сознания и правовой культуры жителей стран Евросоюза приводит к анархии и беспорядкам: оказывается, что рационализм и технократия современного технологического уклада вовсе не однозначно ведут к безоговорочному принятию представителями стран, создавших этот уклад.

Критика цифровизации и ИИ со стороны консерваторов в Западной Европе вытекает из их философии, указывающей на то, что технологическая революция ставит под угрозы основы христианской цивилизации и такие традиционные ценности, как «свобода воли», «уважение к традиции и национальному суверенитету», «телесная и духовная целостность человека». При этом ученые не выступают за запрет технологий, а за его подчинение высшим, вне-техническим целям – сохранению человеческого достоинства, укреплению локальных сообществ и защите политической свободы в рамках суверенных государств: ценность технологии определяется не ее эффективностью, а ее служением человеческому благу.

§ 3.3. Государственно-правовой консерватизм в обществе метамодерна: критика нетрадиционных отношений и антиценностей

Консерватизм как особый тип мировоззрения и стиль государственно-правового мышления долгое время был оттеснен на периферию как академической науки, так и государственно-правовой практики. В рамках научных разработок и исследовательских проектов, главным образом в западноевропейском государственно-правовом пространстве, основной

акцент делался: *с одной стороны*, на формирование правовых режимов и инструментов, стимулирующих разнообразные инновации в социальной, экономической, технологической, политической, культурной и др.; а *с другой* – институционализацию «новой правовой аксиологии», конструирование «симулятивной правовой реальности» и «виртуализированых правовых состояний».

Начиная с середины XX века консервативное правовое мышление препятствовало становлению и развитию глобального вектора социально-правового развития, ориентированного на нивелирование традиционных ценностно-нормативных систем конкретного общества и национально-правовых форм обеспечения социально-экономического и политического порядков[1].

Глобальная правовая унификация и политическая стандартизация конструировали единую, общечеловеческую систему правовых аксиом и ценностей (глубинным фундаментом которых выступали западноевропейская социокультурная основа[2]) и продвигали новую правовую аксиологию, основанную на универсальном мировоззрении и абстрактных, рационально сконструированных ценностных императивах, содержательно выраженных в четвертом и пятом поколении прав человека[3].

Последнее сформировало возможности и для конструирования «симулятивной правовой реальности», в которой смоделированная ценностно-правовая система координат стремилась заместить реально существующие правоментальные и правокультурные характеристики конкретного социально-правового пространства[4].

---

[1] Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. М.: Проспект, 2017. 399 с.

[2] Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме: монография / науч. ред. П.П. Баранов. Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 2002. 285 с.

[3] Крусс В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 43–50; Лаврик М.А. Правое Тело. Соматические права человека: взгляд из Сибири. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2007. 228 с.

[4] Мордовцев А.Ю., Попов В.В. Российский правовой менталитет. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2007. 448 с.

При этом следующим логичным шагом развития данного проекта глобальной правовой универсализации выступило проектирование «виртуализированных правовых состояний», высвобожденных от всего традиционного и этнонационального. Например, аргументировался проект новой «конституционно-правовой идентичности» и «общего мирового блага человечества»[1], основанной на правах человека (преимущественно четвертого и пятого поколения), мультикультурализма и экологической повестки[2]. Все это должно было создать новый «общий порядок взаимоотношений» и «космополитические принципы организации жизнедеятельности людей»[3], возвращая «человека к принципам свободного развития», освобожденным от национально-культурных пут и необоснованного нормирующего воздействия традиций[4].

Западноевропейская консервативная правовая традиция на протяжении долгого исторического периода как интеллектуального развития, так и разработки конкретных доктринально-программных положений достаточно последовательно осуществляет критику так называемых «прогрессивных социальных трансформаций», апеллируя к историческо-правовому опыту нации, правокультурной специфике устойчивых моделей общественных отношений (в гражданско-правовой, семейной, трудовой и других сферах), а также к изначальным естественно-правовым традициям и институциональной преемственности в эволюции юридических, политических, экономических и других институтов. В последние десятилетия эта традиция переживает существенное обновление на фоне глубоких изменений в семейном праве,

[1] Хабермас Ю. Расколотый запад. М.: Весь мир, 2008. С. 31.

[2] Карпа Ф., Маттеи У. Экология права. На пути к правовой системе в гармонии с природой и обществом. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. 328 с.

[3] Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализации. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 36.

[4] Хомский Н. Государство будущего. М.: АНФ, 2012. 100 с.

расширении ЛГБТК+[1] прав, а также цифровой трансформации общественных отношений.

Следует подчеркнуть, что в современной европейской правовой мысли критика нетрадиционных отношений и риторика «антиценностей» встречаются, прежде всего, как часть более широкой полемики о человеке, семье, гендере и границах прав человека. Продолжая бёрковскую традицию, многие европейские консервативно ориентированные мыслители и политические деятели достаточно негативно оценивают стремительное развитие «прогрессивных социальных изменений», которые, с их точки зрения, разрушают основные естественно-правовые принципы жизнедеятельности человека и общества, скрепленные авторитетом власти и правовым порядком, а не воображаемыми правами граждан, абстрактными свободами. Причем современная универсалистская направленность прав и абсолютизация свобод индивида разрушают не только вековые правовые традиции и правокультурную специфику западных сообществ и наций, но и формируют антиценности, противоречащие природе человека и общества, базовым правовым аксиомам и принципам.

Подчеркнем, вышеизложенное не означает, как это уже подчеркивалось выше, что консервативная правовая идеология стремится «законсервировать настоящее» или сохранить прошлое путем отказа от развития. Напротив, консервативно-правовое мышление допускает правовые реформы, совершенствование юридических институтов или отдельных учреждений. Однако последнее легитимируется через обоснование конкретно-исторических причин и социокультурных условий. Как отмечает Т.Ю. Зывицки, консервативная версия верховенства права выводит легитимность и ограничения власти из «истории, традиции и особого характера политического сообщества», а не из абстрактных теорий социального контракта.

[1] Международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в РФ.

По убеждению консерваторов, для реального верховенства права необходимы два основополагающих условия: «Во-первых, необходимо сформулировать концепцию о том, что над правительством существует высший закон, на основании которого правительство получает свою легитимную власть, но который также ограничивает ее использование. Во-вторых, должна существовать эффективная институциональная структура для практического обеспечения верховенства права и ограничения власти правительства»[1].

Необходимо отметить, что оба этих условия не выводятся из абстрактных социально-философских принципов и универсальной идеи прав человека[2]. Такие основания верховенства права и существование самого правопорядка укоренены в ценностно-нормативных представлениях общества, его государственно-правовом опыте и историческом развитии правовых, политических и других социальных институтов. Именно последнее, с позиции Зывицки, отличает консервативное понимание верховенства права от теории общественного договора и правовая идеология современного неолиберализма и его четвертым и пятым поколением прав человека: «Согласно консервативной версии верховенства права, как легитимная власть правительства, так и ограничения, налагаемые на него, обусловлены историей, традициями и особенностями политического сообщества… в консервативной версии верховенства права сначала налагаются ограничения на деятельность правительства, а уже потом они оформляются в виде принципов конституционализма»[3].

Кроме того, отличительной чертой современной консервативной правовой идеологии является то, что центральным теоретическим ресурсом западноевропейского консерватизма выступает естественное право –

[1] Zywicki T.J. The Conservative Version of The Rule of Law // George Mason Legal Studies Research Paper. 2024. No. LS. P. 24–27. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5061816.

[2] Ильин И.А. О сущности правосознания. М.: Русская книга. 1993. С. 217.

[3] Zywicki T.J. The Conservative Version of The Rule of Law // George Mason Legal Studies Research Paper. 2024. No. LS. P. 24–27. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5061816.

философская и юридическая традиция, восходящая к Аристотелю и Фоме Аквинскому. Именно с позиции данной классической традиции осуществляется критика нетрадиционных отношений и антиценностей, институционализируемых четвертым и пятым поколением прав человека.

Как уже отмечалось выше, в рамках европейской неолиберальной прогрессистской мысли обосновывается, что развитие общественных отношений и прогресс политико-правовой организации общества «объективно ведет» к новым поколениям прав человека: четвертое поколение – соматические права (от древне греч. sōma, sōmatos – тело, телесный); пятое поколение прав – цифровые и биотехнологические права. Четвертое поколение включает такие права, как: 1) право на смерть, 2) права человека относительно его органов и тканей, 3) сексуальные права человека, 4) репродуктивные права человека: как позитивного характера (искусственное оплодотворение), так и негативного характера (аборт, стерилизация, контрацепция), 5) право на перемену пола, 6) право на клонирование как всего организма, так и отдельных органов, 7) право на употребление наркотиков и психотропных веществ[1].

В свою очередь пятое поколение прав человека включает: как собственно права человека в цифровом пространстве взаимодействия (право на доступ к информационному пространству, право на забвение, право свободного обмена информации, право на будущее время, право на пересмотр своей идентичности и т.п.)[2], так и биотехнологические[3]

[1] См. об этом подробнее: Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Соматические права как вызов // Права человека и вызовы XXI века: учеб. пособие / под ред. А.Х. Абашидзе. М.: РУДН, 2016. С. 112.

[2] Зубофф Ш. Надзорный капитализм или демократия? М.: Издательство Института Гайдара, 2025. С. 64–67; Цифровое развитие и права человека: монография / И.А. Умнова, Е.В. Алферова, И.А. Алешкова; под общ. ред. И.А. Умновой-Конюховой. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 73–144.

[3] В настоящее время различные лаборатории и корпорации активно разрабатывают режимы конвергенции не только телесного и машинного, но и слияние человеческого сознания с электронной нейронной сетью (см.: Искусственный интеллект в цифровую эпоху: философское, аксиологическое и политическое измерение: учебник / С.В. Володенков, В.Э. Багдасарян, Е.В. Бродовская и др.; под ред. С.В. Володенкова. М.:

(трансгуманистические) права (внедрение различных технологических новаций и биотехнологическое обновление тела человека, конвергенция естественного тела человека с роботизированными устройствами, чипами, интеграция телесных и электронных органов, выгрузка сознания человека в цифровой мир и т.п.[1]).

В то же время с позиции классической естественно-правовой теории существуют базовые общечеловеческие ценности и объективные моральные нормы, познаваемые разумом и предшествующие всякому позитивному праву. В классической формулировке Уильяма Блэкстоуна «этот закон природы, будучи одновременным с человечеством и предписанный самим Богом, превосходит по обязательности любой другой. Он обязателен по всему земному шару… никакие человеческие законы не имеют силы, если они ему противоречат»[2]. Обосновываемые прогрессистской неолиберальной идеологией четвертое и пятое поколение прав человека противоречат этим естественным, природным общечеловеческим законам, формируют в общественных системах антиценности и нетрадиционные социальные отношения.

В настоящее время эта традиция, как отмечалось в предшествующем параграфе, продолжает развиваться в так называемой школе «Новой теорией

Проспект, 2026). Уже сегодня можно констатировать, что «информационные и коммуникативные технологии экстериоризуют и форме электроцепей удваивают человеческую нервную систему. Это вызвало сдвиг в поле нашего восприятия: визуальные режимы репрезентации сменились сенсорно-нейронными режимами симуляции… наши тела стали “биоопосредованными”» (Clough P. The affective turn: political economy, biomedia and bodies // Theory, Culture and Society. 2018. Vol. 25. Iss. 1. P. 1–22). Все эти процессы формируют постгендерного и постэтнического человека, лишенного всех традиционных классификаций и идентификаций. Это новый субъект социотехнических отношений, так называемый «биосимбиот», который представляет собой «гибрид человеческого и машинного», «биологического и технологического» (Брайдотти Р. Постчеловек. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. С. 172–173).

[1] Китайские ученые создали робота с мозгом из стволовых клеток человека. URL: https://habr.com/ru/news/825684 (дата обращения: 23.03.2025); Технология «цифрового моста» позволила парализованному человеку снова ходить. URL: https://hightech.plus/2023/06/02/dogadka-hokinga-ob-isparenii-chernih-dir-primenima-ko-vsei-vselennoi (дата обращения: 25.03.2025).

[2] Blackstone W. Analysis of the laws of England. Oxford, 1762. P. IV.

естественного права» («New Natural Law Theory»). Ее ведущим представителем выступает Роберт П. Джордж, он является наиболее влиятельным консервативным правовым мыслителем, сторонником современной естественно-правовой этики, укорененной в мысли Аристотеля и Фомы Аквинского[1]. Джордж выступает защитником естественно-правовых ценностей и этических стандартов в биоэтике, браке, вопросах сексуальности и религиозной свободы.

При этом, в отличие от позитивистов, которые считают, что современное право не имеет существенной концептуальной связи с моралью, Джордж настаивает на их тесной связи[2]. Причем как юридические институты, так и другие социальные институции служат высшим ценностям, а их роль и оценка определяются социальным предназначением: «Для Джорджа, как и для оксфордского теоретика права Джона Финниса (который вместе с Джозефом Разом был научным руководителем докторской диссертации Джорджа), право в парадигмальном случае – это справедливые правила, установленные признанным авторитетом для координации действий политического сообщества, то есть правила, которые действительно служат общему благу. По мнению Джорджа, несправедливые законы – это реальные, но несовершенные правовые нормы, поскольку они не служат той цели, ради которой вообще существует право. Справедливые законы, напротив, в большей или меньшей степени воплощают в себе естественный закон. И лучше всего мы можем понять их суть, только взглянув на них с точки зрения тех, кто поддерживает их и подчиняется им ради общего блага»[3].

[1] George R.P. Natural Law Theory: Contemporary Essays. Oxford University Press, 1992. 371 p.; George R.P., Lee P. Body-Self Dualism in Contemporary Ethics and Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 236 p.; George R.P., Tollefsen C. Embryo: A Defense of Human Life. Knopf Doubleday Publishing Group, 2008. 256 p.

[2] George R.P. The Clash of Orthodoxies: Law, Religion, and Morality in Crisis. Wilmington: ISI Books, 2001. 387 p.

[3] Girgis S. Robert P. George. URL: https://contemporarythinkers.org/robert-george/introduction (дата обращения: 25.03.2025).

Соответственно, если юридический институт не реализует своего социального предназначения, не служит общему благу, то он искажает естественную природу вещей, становится дисфункциональным, порождает и продвигает атиценностные установки, идущие в разрез общественному благу. Например, брак рассматривается Джорджем и Ли как базовое благо для человека и общества. В семейных правоотношениях субъекты не только разделяют взаимные права и обязанности, но совместно создают уникальный и всеобъемлющий союз между мужчиной и женщиной и живут в этом естественном союзе. И поскольку люди телесны, то союз требует не только эмоционального и волевого, но и физического единства, результатом которого является продолжение рода. Базовой направленностью данного союза становится достижение единой цели – потомство. Далее этот союз обеспечивает соответствующие условия не только рождения, но и воспитания детей. Кроме того, союз это и социально-экономическая ячейка, и основа всякой политико-правовой организации (патриархальная теория Аристотеля, где семья – базовый элемент формирования и поддержания данной организации)[1]. Искажение функционирования института семьи ведет к дисфункциональности базовых общественных отношений, развитию антиценностей, разрушающих общественную солидарность и сплоченность.

Современная западноевропейская культура и правовая система, напротив, движутся к дисфункциональному развитию института семьи (расширение признания разнообразных форм семейной жизни) и распространению антиценностей (радикальная индивидуализация и негативная свобода от общества, национально-культурной идентичности и проч.), что разрушает общественное благо и социально-правовое предназначение данного института.

Так, в современной юридической доктрине и правовых комментариях к практике ЕСПЧ «семейная жизнь» описывается как автономное от общества,

[1] George R.P., Lee P. Conjugal Union: What Marriage Is and Why It Matters. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 152 p.

общественного блага, культуры, религии понятие, зависящее от фактического содержания отношений (а не только от формального статуса в национальном праве). Такое положение стимулирует развитие нетрадиционных общественных отношений, что ведет к разрушению базовых естественно-правовых принципов, отказу от традиционных гендерных моделей/семейных норм, распаду национальной идентичности, подмене прав и обязанностей субъектов семейных правоотношений «индивидуальным выбором и негативной свободой» (т.е. свободой от общества, социальных норм и т.д.).

В рамках консервативно-правового мышления все больше утверждается «идеологический фамилизм» (illiberal familism), где традиционная семья трактуется как основополагающий элемент государственности, религии, культуры и социальной политики государства. С позиции последнего разворачивается и критика в отношении ЛГБТК+[1] и дискурсивное связывание «защиты детей» с анти-ЛГБТК+ мерами.

Например, современные консервативные юристы показывают на примере практики ЕСПЧ развитие в дисфункциональности этого базового социально-правового института: однополые отношения сначала рассматривались через «частную жизнь», затем ЕСПЧ признал их формой «семейной жизни» (в логике учета европейских социального прогрессизма). При этом ЕСПЧ обычно избегает «лобового» слома национально-культурных запретов, но задает рамку: аргументы морали/семьи должны проходить проверку прогрессистской необходимости и недискриминации.

В целом большинство западноевропейских консерваторов в рамках данной проблематики, при всех теоретико-методологических различиях, отстаивают два общих базовых аргумента: *во-первых*, гетеросексуальная нуклеарная семья является «краеугольным камнем стабильного общества» и «лучшей средой для воспитания детей», что служит общественному благу и обеспечивает воспроизводство культурной целостности и социально-

[1] Международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в РФ.

правового порядка; *во-вторых*, распространение антиценностей – «семейного разнообразия» (неполные семьи, однополые семьи, сожительство) – ведет к «упадку традиционной морали», порождая преступность, зависимость от пособий и социальную деградацию.

Одним из наиболее влиятельных критиков антиценностей является шотландский философ Аласдер Макинтайр, чья работа «После добродетели: исследование теории морали» (1981 г.) одна из первых поставила фундаментальный диагноз: либеральный проект универсальных ценностей потерпел крушение, поскольку отверг телеологическое понимание человеческой природы, а также лишил правовой порядок морального дискурса, сменив его на рациональные основания[1]. Философ утверждал, что либеральный индивидуализм ведет к эмотивизму – состоянию, при котором моральные суждения выражают лишь субъективные предпочтения, но не объективные истины, а поведение субъекта освобождается от социальной ответственности перед обществом и предшествующим поколением. Современный дискурс политико-правового развития активно подрывает условия нравственного развития личности и социальной сплоченности в сообществе[2].

В своей работе «Почему либерализм потерпел крах» профессор университета Нотр-Дам Патрик Денин представил достаточно развернутую критику современной социально-экономической и политико-правовой организации западноевропейской ойкумены, которая ориентирована на разрушение правокультурной самобытности, политической уникальности и традиционных ценностно-нормативных оснований общественной целостности. Общество модернити заменяет «старые ценности сообщества, религии и традиции» на своекорыстие, породив «титаническое неравенство,

[1] Maclntyre A.C. After virtue: a study in moral theory. Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press, 2007. 286 p.

[2] Golob S. MacIntyre and The Ethics of Catastrophe // International Journal of Philosophical Studies. 2021. Vol. 29. Iss. 2. P. 204–220. DOI: 10.1080/09672559.2021.1918747.

насаждаемое единообразие, материальную и духовную деградацию». Он критикует современных интеллектуалов как «соучастников секуляризации», которые через академические институты «деконструируют традиции», превозносят негативную свободу и автономию над общими нормами и добродетелью[1].

В итоге правовые, политические, экономические институты становятся дисфункциональными, а социальная система поддерживается абстрактным, провозглашенным законом, опирающимся на антиценности.

Выделим несколько направлений критики нетрадиционных отношений и антиценностей в рамках современной консервативной правовой идеологии.

Во-первых, в рамках современного правового мышления происходит «переосмысление понятия свободы, которое стало означать почти противоположное тому, что подразумевалось изначально». В понятии свободы и ее репрезентации в общественных отношениях доминирующим становится негативная версия ее трактовки (свободы от), а позитивное толкование свободы (свобода для) практически сжимается как «шагреневая кожа». Кроме того, чтобы обеспечить гармоничное взаимодействие различных социально-нормативных регуляторов, обеспечивающих органичный и стабильный социальный порядок, «требовалась длительная выработка добродетелей, в частности самообладания и самодисциплины в борьбе с низменными, но настойчивыми желаниями, – достижение свободы требовало ограничений индивидуального выбора». В свою очередь современные либеральные порядки переосмысляют «свободу как противоположность этой более ранней концепции. Таким образом, либерализм разрушает привычный уклад и заменяет его провозглашенным законом»[2].

Во-вторых, происходит подмена ценностно-нормативных оснований демократического порядка. Современный либеральный дискурс «стремится

[1] Deneen P.J. Why Liberalism Failed. New Haven: Yale University Press, 2018. 225 p.
[2] Deneen P.J. Why Liberalism Failed. New Haven: Yale University Press, 2018. P. 14.

доказать, что демократия легитимна только в том случае, если она подтверждает либеральные ценности»[1]. При этом традиционные основы формы государства также нивелируются и замещаются рационально сконструированными логическими основаниями: характеристики, «основанные на географии, истории и природе, должны быть сведены к минимуму в рамках либеральной логики»[2].

В-третьих, либерализм подменяет и традиционные представления о государственно-организованном обществе, заменяя его идей планетарной свободы на основе общих универсальных прав и свобод человека. В этой логике «национальное государство в конечном итоге должно уступить место глобальному управлению, которое сегодня лучше всего представлено Европейским союзом». Реализация этого проекта возможна только благодаря разрушению традиционных ценностей и формированию универсальных антиценностей: «либерализм превратил мир в однородную массу по своему образу и подобию»[3].

В-четвертых, базовая идея права – «свобода на стадии объективного духа» (Г.В.Ф. Гегель), а политики – справедливость (Аристотель), благодаря развитию универсальных антиценностей метамодерна превращается в свою противоположность: «то, что считалось важнейшей опорой для воспитания добродетели и, следовательно, предпосылкой для освобождения от тирании, стало восприниматься как источник угнетения, произвола и ограничений»[4]. При этом, продолжает П. Денин, «расцвет и триумф либерализма потребовали последовательных усилий по подрыву классического и христианского понимания свободы, разрушению широко распространенных норм, традиций и практик и, возможно, прежде всего, переосмыслению идеи о главенстве личности, определяемой в отрыве от случайных обстоятельств рождения, при

[1] Ibid. P. 15.
[2] Ibid. P. 18.
[3] Ibid. P. 88.
[4] Deneen P.J. Why Liberalism Failed. New Haven: Yale University Press, 2018. P. 25.

которой государство выступает главным защитником прав и свобод личности»[1].

Именно поэтому, с точки зрения Денина, современное общество – это «благожелательная диктатура» отчасти потому, что «главным инструментом является видимость социальной справедливости и заботы об обездоленных»[2]. Он отмечает, что «...апологеты либерализма считают повсеместное недовольство, политическую дисфункцию, экономическое неравенство, разобщенность гражданского общества и популистские настроения случайными проблемами, не связанными с системными причинами, потому что их самообман подпитывается огромным количеством личных интересов, связанных с сохранением нынешней системы. ... Современный либерализм все чаще прибегает к насильственному насаждению либерального порядка»[3].

В-пятых, фундаментальным и необратимым сдвигом в социально-правовом развитии современных общественных систем стало нивелирование роли и значения традиционных социально-нормативных регуляторов (религии, обычаев, традиций, морали и т.д.), которое привело к социальной дезинтеграции, доминированию эгоистических и природных стремлений, отсутствию самоконтроля и хищническому поглощению ресурсов. Все это ведет к коллапсу самого человека и его общественной среды жизнедеятельности: «Два результата этих усилий – утрата морального самоконтроля и истощение материальных ресурсов – делают неизбежным вопрос о том, что придет на смену либерализму»[4].

В свою очередь «по мере того как авторитет социальных норм ослабевает, они все чаще воспринимаются как остаточные, произвольные и репрессивные»[5]. Они лишаются моральной легитимации, социальной поддержки и т.п. При этом все нравственные стандарты и религиозные

[1] Ibid. P. 27.
[2] Ibid. P. 152.
[3] Ibid. P. 180.
[4] Deneen P.J. Why Liberalism Failed. New Haven: Yale University Press, 2018. P. 41.
[5] Ibid. P. 38.

практики нормативного кодирования разнообразных общественных отношений, «тех качеств и ценностей, которые проповедует религия, либерализм стремится искоренить из своего просвещенного общества»; и как следствие, «в обществе начинает доминировать поверхностное, эгоистичное и социально деструктивное поведение»[1].

В-шестых, пропаганда антиценностей, таких как мультикультурализм, абстрактный плюрализм (т.е. основанный не на уважении других культур, традиций и цивилизаций, а на логически сконструированных идеях абстрактной человеческой общинности), насаждение нетрадиционных отношений, ЛГБТК+[2], подрывает фундаментальные основания индивидуального самоконтроля и социальной ответственности: «культура учит нас помнить о долгах и обязательствах перед нашими поколениями... Либерализм тонко, ненавязчиво и повсеместно подрывает любую культуру и освобождает людей от ответственности, превращая их в антикультурных индивидов»[3], а «уничтожение культуры ведет не к освобождению, а к бессилию и рабству»[4].

В-седьмых, современное технологическое развитие и постгуманитарные ценности[5] еще больше ускоряют все перечисленные тенденции. Причем

---

[1] Ibid. P. 39.

[2] Международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в РФ.

[3] Deneen P.J. Why Liberalism Failed. New Haven: Yale University Press, 2018. P. 78.

[4] Ibid. P. 87.

[5] Постгуманистические ценности – это ценностные установки, которые верховенства отдают не человеку, его свободам, социальным интересам и т.п., а потребностям технологического развития, конвергенции социального и технического, безопасному и стабильному функционированию сетей и различных пространств (дополненной реальности, виртуальных обменов, цифровых коммуникаций). Как справедливо отмечает А. Гринфилд, «крупномасштабный анализ данных, алгоритмический менеджмент, технологии машинного обучения, автоматизация и робототехника образуют единое множество технологий для производства опыта, который я называю постгуманистической повседневностью. Это среда, где ритмы, с которыми мы сражаемся, обыденные пространства, которые занимаем, и материальные и энергетические потоки, которые поддерживаем, определяются не столько нашими потребностями, сколько потребностями систем, которые номинально служат нам, но для которых человеческое восприятие, соразмерные человеку масштабы и его желания больше не являются главными мерилами

«люди, наиболее заинтересованные в защите и сохранении окружающей среды и технологическом манипулировании природой, зачастую наиболее рьяно выступают за устранение всех признаков естественной дифференциации между мужчинами и женщинами с помощью химических и технологических манипуляций»[1].

В рамках своего консервативно-правового моделирования будущего развития П. Денин, как и многие другие консервативные исследователи, обосновывает социальную реверсию института государства и традиционных оснований правовой системы общества. Именно государство в дезинтегрированном и постоянно усложняющемся мире неизбежно будет играть все возрастающую роль, усложняя свои социальные функции и направления деятельности.

Систематизируя аргументацию ведущих консервативных авторов, можно выделить ряд антиценностей (антиидеалов), критика которых определяет современную специфику консервативной правовой идеологии (таблица 1).

Таблица 1. Основные направления консервативной критики «антиценностей» современного социально-правового развития общества

п/п	Доминирующие антиценности (антиидеалы)	Критика в рамках консервативной идеологии
1.	Индивидуальная автономия как высшая ценность	Ведет к атомизации, разрушению общинных связей и механизмов социальной интеграции
2.	Моральный релятивизм и процедурный нейтралитет	Маскирует специфическую (анти)теологическую онтологию, подрывая субстантивное общее благо
3.	Секуляризм и вытеснение религии из публичной сферы	Разрушает духовно-нравственные стандарты и моральные принципы, формирующие правокультурные кодексы поведения, что ведет к дестабилизации различных социальных систем и процессов

ценности». (Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. С. 248–249.)

[1] Deneen P.J. Why Liberalism Failed… P. 29.

4.	Гендерная идеология и редефиниция семьи	Подрывает биологические основания идентичности, семью как базовую единицу общества и государства
5.	Космополитизм и либеральный интернационализм	Размывает цивилизационную идентичность, национальный суверенитет и культурную независимость
6.	Расширение субъективных прав (каталога прав человека)	Разрушает баланс прав и обязанностей, подчиняет сообщество индивидуалистическим потребностям и интересам
7.	«Био-либертарианство» и телесная автономия	Радикальный отрыв от «данностей тела», разрушение антропологических оснований сообщества. Демонтаж национальных систем здравоохранения (основания социального государства), что ведет к росту приватизации, развитию коммерческих индивидуальных медицинских сервисов. Развитие теорий «биовласти» и «биополитической гражданственности»
8.	Виталистское либертарианство	Публичный дискурс стал радикально моралистским по отношению к нечеловеческим силам окружающей среды: 1) концепции прав будущих поколений на достойную среду, 2) структура вины за катастрофы и биологические кризисы от действия публичной власти и реализации коллективных интересов; 3) ущерб земли, природе, космосу и т.д.
п/п	**Доминирующие антиценности (антиидеалы)**	**Критика в рамках консервативной идеологии**
9.	Цифровое либертарианство	Усиление неравенства и поляризации общества в силу глобальных перемен на рынке труда, которые отразятся на благосостоянии людей
10.	Постгуманистический поворот	Функциональность институтов и направленность нормативных систем регулирования определяются не столько личностными (антропоцентричными) и общественными потребностями, сколько потребностями различных систем, которые номинально служат человеку, но для которых человеческое восприятие, соразмерные человеку масштабы и его желания больше не являются главными мерилами ценности. Формирование принципиально новой цифровой (постгуманитарной) культуры и нормативных

		систем, регулирующих цифровые социальные интеракции
11.	Плюрализм ценностных оснований	Классические гуманистические идеалы и прогрессивный либерализм не отвечают вызовам высокотехнологичной глобальной экономики. Однако только высокие гуманистические идеалы могут спасти человечество, поэтому требуется создание новых ценностно-нормативных оснований правовой жизни общества, базирующихся на традиционных ценностях и гармонизирующих их с векторами технологической трансформации

Следует отметить, что кроме теоретических и доктринально-программных разработок, ориентированных на системную критику нетрадиционных отношений и антиценностей, западноевропейские консерваторы реализуют активно и юридическую деятельность в данном направлении. Так, согласно исследованию 2024 года (Cambridge International & Comparative Law Quarterly), консервативные европейские НКО активно используют механизмы ЕСПЧ: принимают участие в судопроизводстве, продвигают «традиционные ценности» через amicus curiae[1], активно участвуют в назначении судей и исполнении решений[2]. Эти организации противодействуют «либеральному настрою на вседозволяющую индивидуальную свободу и права меньшинств»[3].

[1] Amicus curiae (от лат. – друг суда) – термин, обозначающий лицо, которое оказывает содействие суду, предлагая информацию, имеющую отношение к делу, но не является стороной в деле и не привлекается к участию в деле его непосредственными участниками (См.: Cawley J.B. Friend of the Court: How the WTO Justifies the Acceptance of the Amicus Curiae Brief from Non-Governmental Organisations // Penn State International Law Abstract. 2004. 53 p.; Collins P.M.Jr. Friends of the Court: Examining the Influence of Amicus Curiae Participation in U.S. Supreme Court Litigation // Law & Society Review. 2004. 26 p. DOI: 10.1111/J.0023-9216.2004.00067.X.

[2] См. об этом: Отчет Европейского центра права и правосудия. «НПО и судьи ЕСПЧ». URL: https://eclj.org/ngos-and-the-judges-of-the-echr?lng=en (дата обращения: 25.03.2025).; «Беспристрастность ЕСПЧ. Проблемы и рекомендации». URL: https://eclj.org/echr-impartiality-concerns-and-recommendations?lng=en (дата обращения: 25.03.2025).

[3] Cliquennois G., Chaptel S., Champetie B. How conservative groups fight liberal values and try to “moralize” the European Court of Human Rights // International Journal of Law in Context. 2024. № 20. P. 360–378. DOI: 10.1017/S1744552324000235.

Западноевропейские консерваторы в последнее время все активнее участвуют в судебных заседаниях в ЕСПЧ, других судебных инстанциях, комиссиях и т.п., активно влияя на развитие общей доктрины прав человека и ее реализацию в современных условиях: «За этими видимыми усилиями стоит стремление консерваторов в долгосрочной перспективе добиться изменений в структуре, возможностях и правилах работы Европейского суда по правам человека, которые больше соответствовали бы их моральным принципам. Европейский суд по правам человека довольно оперативно отреагировал на критику и начал реформировать свои правила работы, в частности порядок избрания европейских судей и этические нормы Суда»[1].

Выводы. В целом можно заключить, что на протяжении последних двух десятилетий на Западе произошла заметная теоретико-практическая консолидация консервативно-правовой критики, которая ставит под сомнение не частные проявления либеральных нетрадиционных отношений, а их фундаментальные ценностные основания. Консервативные правоведы, политические философы и теологи утверждают, что либерализм, выдаваемый за нейтральную процедурную (формально-правовую) рамку, в действительности навязывает специфическую систему антиценностей (антиидеалов) – радикальную индивидуальную автономию, моральный релятивизм, секулярность и т.д. Эти либеральные ценностные установки квалифицируются консерваторами именно как «антиценности» (anti-values), то есть ценностные ориентиры, которые, будучи системно реализованными, порождают аномию, утрату смысла и эрозию институтов, разрушают общинные связи и социальную сплоченность, подрывают базовый институт семьи и подчиняют общее благо частному интересу.

Консервативно-правовая критика либеральных «антиценностей» представляет собой многоуровневый интеллектуальный и институциональный феномен, объединяющий философско-правовую аргументацию, правовую

[1] Cliquennois G., Chaptel S., Champetie B. How conservative groups fight liberal values and try to “moralize” the European Court of Human Rights… P. 369–370.

теорию, конституционную практику ряда европейских государств (например, Венгрия, Польша), политическую и юридическую практику (например, консервативные НКО в ЕСПЧ). Здесь ключевой аргумент заключается в том, что либеральные ценностные установки не нейтральны, а навязывают деструктивную систему антиценностей, подрывающую семью, нацию и общее благо. Вместе с тем апелляция к «общему благу» и «традиционным ценностям» без институциональных гарантий рискует остаться на уровне реакционного движения.

Глава 4. Ценность государства в западной консервативной правовой идеологии

§ 4.1. Сущность государства в фокусе консервативной правовой идеологии

Как уже неоднократно отмечалось выше, ценность государства в консервативной государственно-правовой теории не подвергается сомнению, остается одной из базовых для консервативного дискурса. Отправным в таком теоретическом обосновании пунктом следует признать понятие и сущность государства.

Концептуально-правовой анализ сущности государства в рамках консервативной правовой идеологии традиционно в юриспруденции сталкивается с целым спектром общих теоретико-методологических, конкретно-исторических и ценностно-смысловых проблем.

Первая проблема возникает в связи с тем, что традиционно в общей теории права доминируют различные типы понимания государства (государствопонимание)[1], которые задают принципиально разные исследовательские оптики рассмотрения данного феномена. Причем в каждом из этих типов понимания можно выделить как консервативные, умеренные, прогрессистские, так и иные направления государственно-правовой мысли[2].

[1] В общей теории права сложилось наряду с типами правопонимания и концепция особых типов понимания государства. Первое и второе обусловлено теоретико-методологическими основания самого юридического мышления, о котором писал еще немецкий философ И. Кант: «дойти до определения очень приятно, однако нередко очень трудно. Юристы и до сих пор ищут определения для своего понятия права» (Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 408). Этот постоянный поиск сущностных, исторических, ценностных и иных оснований права и государства, постоянное уточнение и корректировка дефиниций последних сформировала в рамках как общей теории права, так и общей теории государства концепцию типов понимания (См. об этом: Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М.: Прометей, 1999. 419 с.; Общая теория государства: классические и современные вопросы / В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев, Е.А. Апольский. М., 2021. 712 с.).

[2] См. об этом: Казачанская Е.А. Идеи консервативной правовой идеологии в контексте государственных доктрин // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 63–70.

Вторая проблема связана с конкретно-историческими интерпретациями самого феномена «консерватизм», с различными концептуально-правовыми версиями, обусловленными разворачивающимися в обществе социально-экономическими, политическими, культурными и иными процессами. Действительно, феномен консерватизма достаточно масштабный, и как трактовки последнего, так и отнесение различных правовых учений о государстве, праве, власти к консервативным, также основываются на разнообразных критериях, авторских классификациях и типологизациях.

Третья проблема обусловлена специфическим дискурсом самого консерватизма. В правовой науке консервативность тех или иных теорий или позиций всегда была «сущностно оспариваемым» феноменом. С одной стороны, это связано с тем, что сам феномен «право» по своей сути консервативен. Из всей системы действующих социально-нормативных регуляторов право – один из самых стабильных и достаточно медленно трансформирующийся. С другой стороны, консервативное направление в правовой науке, и в частности, в исследовании государства, достаточно специфическое, поскольку базируется в основном на метаюридической (ценностно-нормативной, духовно-нравственной) и общественно-политической аргументации.

Справедливо в этом плане отмечает современный исследователь консервативной правовой идеологии А.А. Васильев, что «юридический компонент слабо выражен в европейском консерватизме. Преимущественно источники европейского консерватизма посвящены мировоззренческим основаниям традиционной цивилизации Европы, в котором право тесно примыкает к религии и этике или занимает незначительную роль в качестве социального регулятора»[1]. В то же время следует констатировать, что

[1] Васильев А.А. Консервативная правовая идеология в России и Западной Европе: сравнительный анализ // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации: сборник статей / под ред. И.А. Панарина; Алтайский филиал РАНХиГС. Вып. 12–13 (2015–2016 гг.). Барнаул: АЗБУКА, 2016. С. 250.

европейский консерватизм достаточно существенно влияет на правовую идеологию, на оценку разворачивающихся социально-правовых, экономических, политических и других процессов в обществе, на разработку доктринально-правовых программ и правотворческих стратегий, выработку направлений совершенствования государственного управления и механизма государства.

Четвертая проблема, на которую следует указать, связана с так называемой временной перспективой и хронотипическими характеристиками[1] в понимании фундаментальных государственно-правовых, а также других явлений и процессов общественной жизнедеятельности.

Очевидно, что консервативная идеология в качестве фундамента для разработки тех или иных доктринально-программных положений и конкретных направлений правовой политики государства, повторяет и закладывает традиции одновременно в самом широком смысле слова, т.е. правовые и управленческие традиции, государственно-правовой опыт и обычно-правовые регулятивные основы нации, устойчивые и воспроизводящееся национально-культурные ценности, духовно-нравственные стандарты и моральные требования, воспроизводящиеся от поколения к поколению, обеспечивающие национальное единство и культурную целостность общества синтезируются с текущими требованиями.

Следует констатировать, что, исходя из хронотопической трактовки государственно-правового развития, существуют разные исследовательские

[1] Хронотоп (от др. греч. χρόνος – время и τόπος – место) отражает пространственно-временные связи между явлениями, событиями, процессами, случайности и закономерности развития в пространственно-временных координатах. В юридической науке хронотопические характеристики позволяют описать фон для юридически значимых действий, развития общественных отношений, который активно влияет на траекторию и содержание того или иного социально-правового взаимодействия (Philippopoulos-Mihalopoulos A. Mariana Valverde: Chronotopes of Law: Jurisdiction, Scale and Governance // Journal of Law and Society. 2015. No. 42 (December). P. 668–673). Кроме того, правовой хронотоп – это и специфическая обстановка, например, зал судебного заседания, характерная для юридического взаимодействия, т.е. переплетение места и времени в социально-правовом диалоге (Борисова Л.А. Юридический дискурс: основные характеристики // Язык, коммуникация и социальная среда. 2016. № 14. С. 133–151).

оптики в понимании государства, в трактовке его социального значения и роли в общественной жизни. Здесь выделяют различия в консервативной идеологии в восприятии времени и государственно-правового развития в зависимости от ориентации на прошлое (*традиционалистские версии консерватизма*[1], обосновывающие восстановление исконного правового и политического порядка из того или иного «золотого века» государственно-правового развития[2]), настоящее – так называемый *классический консерватизм* (ратующий за сохранение существующего положения дел, существующей властно-иерархической организации общества, действующего правового порядка и т.д.[3]) или будущее (так называемый «динамичный консерватизм»[4], ключевым моментом которого является ориентация на развитие, опирающееся на традиции, опыт прошлого и проблемы настоящего). Причем последний вид консервативной идеологии был фундаментально разработан русским сначала революционером, а после монархистом, дореволюционным юристом Л.А. Тихомировым. Идеи и трактовки консерватизма как целостного эволюционного развития оказали существенное значение не только на отечественную, но и зарубежную консервативно-правовую идеологию[5].

---

[1] См.: Генон Р. Очерки о традиции и метафизики. СПб.: Владимир Даль, 2024. 574 с.; Генон Р. Кризис современного мира / пер. с фр. Н. В. Мелентьевой. 2-е изд. М.: Академический проект, 2019. 265 с.

[2] Михалков Н.С. Право и Правда. Манифест просвещенного консерватизма. М.: Эксмо, 2017. 96 с.

[3] См. об этих учениях подробнее: Аверьянов В.В. Традиция и динамический консерватизм. М.: Центральный изд. дом: ИДК, 2012. 695 с.

[4] Eisenstadt S.N. Tradition, Change, and Modernity. N.Y., Sydney, Toronto, 1973. P. 51–52; Geddes A., Favell A. The Politics of Belonging: Migrants and Minorities in Contemporary Europe. Aldershot: Ashgate, 1999; Vorapanyatrakool S., Kiratiburana Y., Thitpat P. Political Culture: The Appropriated Model of Relationship between Group-Interaction and political Roles of the Members of the Thai House of Representatives // European Journal of Social sciences. Victoria, Mahé, Seychelles, 2011. Vol. 19. No. 4.

[5] Здесь также можно вспомнить виднейших юристов той эпохи, которые в эмиграции обосновывали схожие теоретико-методологические положения и доктринально-программные разработки, оказавшие влияние на развитие забежной социологии права, философии права, теории права: Гинс Г.К. Право и культура: Процессы формирования и развития права. Харбин, 1938. 215 с.; Гурвич Г.Д. Философия и социология права: избр. соч. СПб.: Издат. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 847 с.; Ильин И.А. Путь духовного обновления. Изд. 2-е. М.: Ин-т русской цивилизации: Родная страна, 2017. 1298 с.; Сорокин П.А. Социология революции. М.: Астрель, 2008. 783 с.; и др.

Следовательно, интерпретация сущности государства в консервативной идеологии весьма многолика и разнообразна, представляет весьма разные, порой противоречивые, учения и доктрины. Поэтому ниже представим более содержательное описание трактовки сущности государства в рамках выделенных проблемных и рефлексивных полей консервативной идеологии.

Рассмотрим основные версии консервативной правовой идеологии, сложившиеся в рамках конкретного типа понимания государства. Интересно отметить, что даже в антагонистических консервативному стилях государственно-правового мышления можно обнаружить элементы последнего. Так, например, в рамках *марксистского учения о государстве* последнее рассматривается в качестве конкретно-исторической формы организации публичной власти, закрепляющей политическое господство одного класса над другим, институционально выражая сложившуюся систему социально-экономических отношений[1]. Именно в закреплении конкретно-исторической структуры отношений и публично-властном господстве выражается природа и сущность государства.

Другими словами, институт государства, с одной стороны, выступает итогом исторического развития общественных отношений (общественно-производительных сил и производственных отношений), а с другой – институционально-правовым закреплением итогов социально-экономической эволюции: «государственное властвование является простым отражением этих экономических отношений. Государство есть та организация, которая придает социально-экономическим отношениям официальный характер, легализует их, покрывает авторитетом права»[2].

Естественно, что и консервативная правовая идеология в рамках классового типа государства на каждом этапе развития «отсылает» к этим фундаментальным теоретико-методологическим основаниям государства при

[1] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: в связи с исследованиями Льюиса Моргана. Изд. 5-е. М.: Изд-во URSS, 2016. 238 с.

[2] Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 467.

анализе, например, современных трансформаций правовой, политической, экономической и другой социальной организации общества[1]. Так, например, сегодня, в период интенсификации процессов цифровизации государственного управления и цифровой трансформации институтов государства и властно-правовой организации, марксистское понимание сущности и социального назначения государства позволяет представить одну из наиболее непротиворечивых и стройных теоретических моделей описания масштабных изменений в государственно-правовой жизни общества[2].

Современные консервативно ориентированные неомарксисты настаивают, что классический теоретико-методологический потенциал и категориально-понятийный аппарат марксистского учения может наиболее полно, точно и последовательно исследовать фундаментальные сдвиги в общественных отношениях, знаменующие переход к новой формации и классовой структуре господства[3].

Например, обосновывается, что современная динамика развития общественных отношений ведет к формированию новой «цифровой формации», со своей «классовой структурацией общества» (технократы, нетократы, IT-разработчики и проч.), а также иной «классовой структуры

[1] Так, современные исследователи неоднократно возвращаются к методологическим основаниям и аналитическим инструментариям марксизма для выявления и критики современной формы господства, анализа инструментов и орудий эксплуатации одного господствующего класса над классом угнетенных (см.: Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 176 с.; Зодерквист Я., Бард А. Netократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб., 2005. 256 с.; Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная Революция, 2006. 559 с.; и др.).

[2] См., например, использование марксистской методологии в описании формирующейся новой структуры господства и трактовки политэкономических и социально-правовых изменений: Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 78 с.

[3] Мамычев А.Ю. Цифровой левиафан: сценарии развития гоббсовского чудовища в XXI веке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Vol. 24, № 3. P. 367–392.

господства»[1] (господствующий класс, имеющий доступ к технологиям, качественным данным, полной информации, и остальные, довольствующиеся фрагментарной, алгоритмически сгенерированной информацией, поглощающие весь «информационный мусор»[2]).

При этом теоретически и методологически обосновывается и новая форма освобождения общества (заменяющая модель социалистического государства как перехода к коммунизму). Такой формой должно стать сегодня «множество», которое не противопоставляется единству, а «заново его определяет», «становится скорее языком, интеллектом, общими способностями, присущими человеческому роду»[3]. Множество – это новая форма разрушения властного цифрового господства, возвращение социально-духовной свободы в мире цифрового контроля и манипуляции, новая индивидуализация в глобальном цифровом пространстве (например, метавселенные)[4].

В рамках *цивилизационного* (*социокультурного*) *подхода* к пониманию природы и сущности государства обосновывается, что данный институт формируется, развивается и функционирует в конкретной социально-культурной среде. Можно сказать еще более конкретно: государство и есть

[1] Кочетов А.П., Мамычев А.Ю. Цифровая элита: тенденции формирования и развития // Полис. Политические исследования. 2024. № 4. С. 135–145.

[2] Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980. 326 с.

[3] Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 176 с.; Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная Революция, 2006. 559 с.

[4] «Множество» в математике – это совокупность разнообразных (вообще любых) объектов (элементов множества). В политической философии «множество» – это своеобразный политический актор, т.е. совокупность людей, которых нельзя отнести к какой-либо традиционной категории (организация, политическая партия, профсоюз, нация, этнос и проч.), их объединяет не какой-то общий интерес (социальный, экономический, политический, культурный), а сам факт совместного существования. Множество «представляет собой совокупность неоднородных сингулярностей, которые действуют не через национальные государственные институты, а через стихийные разнообразные процессы сетевой власти» (The Edinburgh Dictionary of Continental Philosophy / John Protevi (ed.). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2005. URL: http://ndl.ethernet.edu.et/bitstream/123456789/49427/1/17.John%20Protevi.pdf (дата обращения: 25.03.2026)).

продукт/феномен цивилизации[1], его существование возможно именно как государство-цивилизация, а его социальная роль обусловливается прежде всего сохранением цивилизации, обеспечением цивилизационной безопасности и цивилизационного развития[2] общественных отношений.

Следовательно, социальная сущность и назначение государства связываются с обеспечением социокультурной целостности, охраной его базовой ценностно-нормативной системы, традиционных институциональных оснований (сложившихся в данной среде публично-властных, гражданских и других институций), воспроизводящихся моделей и форм публично-властного взаимодействия личности, общества и государства[3].

Так, известный западноевропейский консерватор Дж. Грей, придерживающийся данного подхода, убежден, что нет универсальной трактовки сущности государства и его функциональных характеристик, есть лишь «разнообразие исторических форм, каждая из которых коренится в

[1] См. об этом подробнее: Контуры цивилизационного будущего России: коллективная монография / отв. ред. А.П. Сегал. М.: Fortis Press, 2024. 680 с. Можно обратить внимание на современные работы, например, китайских ученых, в которых государство, его сущность и назначение связываются с цивилизационым основанием общества. В целом обосновывается, что суверенное и успешное государство возможно в современном мире именно как государство-цивилизация: Zhang Weiwei. The China Wave: Rise of a Civilizational State. Singapore: World Scientific Publishing, 2012. В западноевропейском государствоведческом дискурсе также существует массив академических работ и доктринальных разработок, обосновывающих цивилизационную сущность и миссию современного государства: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2022; Delatolla A. Civilization and Statehood // Oxford Research Encyclopedias. URL: https://oxfordre.com/internationalstudies/display/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-720 (дата обращения: 25.03.2025); Collingwood R.G. What Civilization Means. The New Leviathan Clarendon Press, 1992. P. 480–51; Guizot F. The History of Civilization in Europe [1828–30] Penguin, 1997. P. 9–26; Kocka J. Civil Society and Dictatorship in Modern German History. Brandeis University Press, 2012; и др.

[2] Petito F., Michael M.S. (eds.) Civilizational Dialog and World order: The Other Politics of Cultures, Religions and Civilizations in International Relations. L.: Palgrave Macmillan, 2009.

[3] Справедливо в этом плане отмечает А.Г. Дугин, описывающий современный поворот в развитии современных государств, триггером для которого стало второе избрание Президентом США Дональда Ф. Трампа: «Государство-Цивилизация – это цивилизация (с развитой системой традиционных ценностей и яркой идентичностью), организованное как сверхгосударство, куда притягивается констелляция народов и государств, разделяющих общую цивилизационную парадигму» (Дугин А.Г. Революция Дональда Трампа. Порядок Великих держав. М.: Академический проект, 2025. С. 18).

плодотворной почве культуры, присущей определенной общности»[1]. В связи с этой позицией социальное назначение государства в его правовом оформлении (посредством законодательства, действующих юридических институтов и учреждений) обусловлено цивилизационной спецификой общества, гарантирует воспроизводство и развитие национально-культурной целостности в меняющихся социально-экономических, политических и иных условиях.

Ключевым для Дж. Грея является то, что как властно-правовые институты, так и публично-управленческая деятельность, не учитывающая и не выражающая «национальную культуру или не соответствующие ей, не могут быть ни легитимными, ни стабильными: они либо видоизменяются, либо будут отвергнуты теми народами, которым они навязаны»[2]. Именно такое понимание сущности государства и его функциональной направленности позволяет сформировать стабильный политический и правовой порядок, т.е. способствует «приверженцам различных культурных традиций обеспечить отражение этих традиций в правовых порядках, которым они должны подчиняться»[3].

Здесь в консервативной правовой идеологии с очевидностью наблюдается преобладание метаюридических оснований как в трактовке сущности и социального назначения государства, так и в обосновании стабильности государственно-правового порядка, а главный упор делается на проблематику воспроизводства последних из поколения в поколение. При этом обосновывается, что продвижение конкретного цивилизационного (социально-культурного) стандарта в понимании права, государства, власти, а также ценностно-нормативных оснований общественной системы в другие незападные политико-правовые пространства, является невозможным и

[1] Грей Дж. Поминки по просвещению: политика и культура на закате современности. М.: Праксис, 2003. С. 115.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 264.

достаточно опасным (как для неевропейских общественных систем, так и для самих западных цивилизаций[1]).

Именно при обсуждении данных проблематик в рамках западноевропейской консервативной правовой мысли многие современные исследователи убеждены, что «юридический компонент слабо выражен в европейском консерватизме. Преимущественно источники европейского консерватизма посвящены мировоззренческим основаниям традиционной цивилизации Европы, в котором право тесно примыкает к религии и этике или занимает незначительную роль в качестве самостоятельного социального регулятора»[2]. Соглашаясь с последним, отметим, что эта характеристика приемлема только для определенного направления консервативно-правовой мысли и не может быть распространена на весь спектр консервативных учений и подходов.

В рамках *естественно-правовой доктрины* также можно достаточно четко выделить прогрессистские и консервативные версии и трактовки последнего. В целом сущность государства здесь выводится из соотношения двух состояний общества – естественного и гражданского. Первое состояние олицетворяет идеальное и объективное положение вещей, характеризующееся разумным основанием всего сущего, полнотой прав и свобод человека или божественным замыслом (воплощения божественного закона в естественный порядок вещей). В естественно-правовых консервативных учениях данное

[1] Ниже, в соответствующей части нашего исследования, мы остановимся на двух направлениях развития западноевропейской консервативно-правовой идеологии, т.е. первом – которое ориентировано на сохранение цивилизационного стандарта и внутреннего воспроизводства ценностно-нормативной структуры общества, и втором – внешнем, заключающемся в продвижении и установлении западноевропейского правокультурного стандарта в качестве глобального универсального основания международного правового порядка (См., например, об этом: Де Бенуа А. По ту сторону прав человека. В защиту свобод. М.: ИОИ, 2015. 144 с.).

[2] Васильев А.А. Консервативная правовая идеология в России и Западной Европе: сравнительный анализ // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации: сборник статей / под ред. И.А. Панарина; Алтайский филиал РАНХиГС. Вып. 12–13 (2015–2016 гг.). Барнаул: АЗБУКА, 2016. С. 250.

состояние рассматривается в качестве исходного «общественного кода», в соответствии с которым должны организовываться жизнь и взаимодействие людей, адаптироваться неизбежно возникающие новации в государственно-правовом развитии к естественно-правовой традиции.

В этом плане второе, гражданское, состояние по своей сути выражает и закрепляет естественно-правовой идеал (должный порядок) в государственно-правовой форме организации общества. Практически это воплощается в договорной сущности государства[1], а его социальное назначение – в защите прав и свобод человека, создании условий для реализации его законных интересов.

Сам исконный правовой порядок консервативен, он существует издавна до всякого гражданского состояния, а государство посредством своего механизма воплощает его в конкретно-исторических условиях развития общества: «неотчуждаемость и неумолимость естественных прав, с одной стороны, и весьма ограниченная способность людей к автономному самообязыванию, с другой, ведут к организации таких союзов, которые должны устанавливать и ограждать естественный порядок посредством гетерономных правил и поддерживать их соблюдение силою внешнего, общепризнанного, властвующего авторитета. Единая власть, уполномоченная правом и сама подчиненная праву, получает обязанность формулировать естественное право в виде объективно-значащих, общеобязательных правил внешнего поведения (т.е. в виде положительного права)»[2].

В этом плане демаркация между естественным и гражданским порядком обосновывается как противопоставление естественной (природной) и искусственной, созданной человеком, организации. Здесь природа, естество всего сущего, становится основой истинности, с которой соотносится искусственная человеческая организация. Справедливо в свое время отмечал

[1] Согласно этому в конституционном праве трактуется институт гражданства как политико-правовой договор о взаимных правах и обязанностях государства и общества.

[2] Ильин И.А. О Сущности правосознания. Мюнхен; М., 1993. С. 110.

Г. Рормозер, что для представителей данной интеллектуальной традиции «основной вопрос политики формулируется следующим образом: “Кто вправе интерпретировать истину, принимать обязательные для всех решения?”»[1]. Неслучайно, что многие теоретики права и государства обосновывали естественную сущность государства, природность государственно-правовых форм, а разнообразные правовые положения и государственные институты обосновывали через служение естественному праву, исконному порядку.

Как отмечалось выше, в рамках этого понимания сущности и назначения государства существуют две консервативно-правовые традиции – рационалистическая и теологическая, в которых правовая концепция «индивида», его естественные права и свободы представлены как высшее основание действующего законодательства и функционирования государства. При этом последнее является прямым олицетворением всеобщего разума или мудрости Бога. Соответственно, любые, с одной стороны, государственно-правовые инновации или правотворческие новеллы, а с другой – социально-правовая и публично-властная практика и ее реальные юридические результаты, соотносятся с этим высшим началом.

Равно как и то, что это высшее разумное начало является их легитимирующим источником государства и права. Отход от этих базовых разумных и (или) божественных оснований для представителя консервативной правовой идеологии чреват потерей фундаментальных оснований социальной организации, делегитимацией действующих государственно-правовых институтов, конкретного властно-управленческого или правотворческого решения.

В рамках западноевропейского католицизма и его виднейших представителей (Ж. Маритена, П. Тейяра де Шардена и др.) сущность государства и его назначение коренятся в воплощении и реализации высшего божественного разума, который проявляется в естественном порядке вещей.

[1] Рормозер Г. Кризис либерализма. М., 1996. С. 86.

Lex naturalis представляет собой исходный, божественный код для построения и существования государственно-правовой организации. Государство должно воплощать и оберегать установленный естественный порядок, который благодаря человеческому разуму может быть отражен в проектировании государственных институтов, разработке нормативных правовых актов и т.п. Именно в ходе постижения последнего в человеческом разуме формируется духовно-нравственная матрица, позволяющая различать доброе и злое, моральное и аморальное, правомерное и антиправовое и т.д.: «эта сопричастность вечного закона разумной твари называется естественным законом»[1].

В рамках современных теологических консервативно-правовых учений в интерпретации сущности института государства доминируют два основных дискурса. Один ориентирован на обоснование сближения и гармонизации человеческого и божественного, сверхъестественного и профанного, духовного и мирского, ориентирующее на «примирение веры и закона»[2], государства и церкви. Государство и церковь служат в своей публично-властной и духовно-нравственной деятельности воплощению, сохранению и воспроизводству этого высшего начала в социальной организации[3].

Второй дискурс обосновывает эволюцию натуралистской интерпретации ценностно-нормативных оснований общества и их сближение с современной индивидуалистической моделью Запада, вписывая консервативные учения как в либерально-персоналистскую ориентацию правового общественно-политического вектора развития западноевропейских государств, так и в коммунитарные (солидаристские) устремления правых сил западных обществ, предлагая своеобразную *интегративную консервативную правовую идеологию*[4].

---

[1] Аквинский Ф. Сумма теологии. Киев, 2002. I. 2. 91. 2.

[2] Берман Г. Вера и закон: примирение права и религии. М.: Ad Marginem, 1999. 431 с.

[3] Сорокина Ю.В. Персонализм как ответ на духовный кризис человека // Кризис права: история и современность. 2018. С. 181–205.

[4] См., например: Маритен Ж. Человек и государство М.: Идея-Пресс, 2000. 195 с.

Справедливо в этом плане отмечает Ф.Г. Овсиенко, что признание индивидуальной активности и известной автономности «в установлении и даже обогащении содержания естественного права необходимо идеологам Церкви по двум причинам. Во-первых, чтобы доказать, что установленное Богом вечное право не перечеркивает, не исключает естественного права, поскольку его исполнение осуществляется на основе свободного прочтения голоса собственной совести. Во-вторых, чтобы показать динамический характер этого права – дескать, в ходе осуществления естественного права совершенствуется и сам человек»[1].

Другой тип понимания государства трактует его сущность в *формально-юридическом контексте*, где оно рассматривается в качестве особого властно-правового состояния общественной системы, а сама государственная воля, его социальное назначение и функции выражены совокупностью учредительных и регулятивных норм, образующих юридический порядок властвования: «нормы эти высказывают долженствование, нечто предписывают, нечто повелевают, и сила такого долженствования ощущается людьми как некая власть»[2].

Правовая сущность государства выражается в том, что оно «выступает как консолидированный юридический субъект, обладающий особой волей и особой высшей властью, а власть в этом свете сводится до правового инструментария, который регулирует общественные отношения, обеспечивая тем самым особый правопорядок»[3]. В рамках этого типа понимания государство выступает социально-правовым и институционально-юридическим средством достижения нормативно зафиксированных (в конституции, доктринально-правовых положениях, текущем

[1] Овсиенко Ф.Г. Эволюция социального учения католицизма. Москва: Изд-во МГУ, 1987. С. 132.

[2] Алексеев Н.Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 463.

[3] Общая теория государства: классические и современные вопросы / В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев, Е.А. Апольский. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 345.

законодательстве) целей и задач, а государственное властвование практически выражается в нормировании разнообразных отношений и социальных процессов (экономических, политических, технологических, культурных и т.д.), в правовых режимах функционирования системы государственных органов, учреждений, ведомств, служб, в реализации юридически определенных властных полномочий и компетенций.

Выводы. В понимании сущности государства со стороны различных консервативных мыслителей следует выделить различия в консервативной идеологии в восприятии времени и государственно-правового развития в зависимости от ориентации на прошлое (традиционалистские версии консерватизма, обосновывающие восстановление исконного правового и политического порядка из того или иного «золотого века» государственно-правового развития), настоящее – так называемый классический консерватизм (ратующий за сохранение существующего положения дел, существующей властно-иерархической организации общества, действующего правового порядка и т.д.) или будущее (так называемый «динамичный консерватизм», ключевым моментом является ориентация на развитие, опирающееся на традиции, опыт прошлого и проблемы настоящего). Преобладающим с методологической точки зрения является цивилизационный (социокультурный) подход к пониманию природы и сущности государства, в рамках которого обосновывается, что данный институт формируется, развивается и функционирует в конкретной социально-культурной среде, а государство и есть продукт/феномен цивилизации, и его существование возможно именно как государство-цивилизация, в котором его социальная роль обусловливается прежде всего сохранением цивилизации, обеспечением цивилизационной безопасности и цивилизационного развития общественных отношений.

Социальная сущность и назначение государства связываются с обеспечением социокультурной целостности, охраной его базовой ценностно-нормативной системы, традиционных институциональных оснований

(сложившихся в данной среде публично-властных, гражданских и других институций), воспроизводящихся моделей и форм публично-властного взаимодействия личности, общества и государства. Социальное назначение государства в его правовом оформлении (посредством законодательства, действующих юридических институтов и учреждений) обусловлено цивилизационной спецификой общества, гарантирует воспроизводство и развитие национально-культурной целостности в меняющихся социально-экономических, политических и иных условиях. Здесь в консервативной правовой идеологии с очевидностью видно преобладание метаюридических оснований как в трактовке сущности и социального назначения государства, так и в обосновании стабильности государственно-правового порядка, а главный упор делается на проблематику воспроизводства последних из поколения в поколение. При этом обосновывается, что продвижение конкретного цивилизационного (социально-культурного) стандарта в понимании права, государства, власти, а также ценностно-нормативных оснований общественной системы в другие незападные политико-правовые пространства является невозможным и достаточно опасным (как для неевропейских общественных систем, так и для самих западных цивилизаций).

Относительно рожденной в культуре Запада договорной теории государства отмечается, что существуют две консервативно-правовые традиции – рационалистическая и теологическая, в которых правовая концепция «индивида», его естественные права и свободы представлены как высшее основание действующего законодательства и функционирования государства. В рамках западноевропейского католицизма и его виднейших представителей (Ж. Маритена, П. Тейяра де Шардена и др.) сущность государства и его назначение коренятся в воплощении и реализации высшего божественного разума, который проявляется в естественном порядке вещей. Государство и церковь служат в своей публично-властной и духовно-

нравственной деятельности воплощению, сохранению и воспроизводству этого высшего начала в социальной организации.

Второй дискурс обосновывает эволюцию натуралистской интерпретации ценностно-нормативных оснований общества и их сближение с современной индивидуалистической моделью Запада, вписывая консервативные учения как в либерально-персоналистскую ориентацию правового общественно-политического вектора развития западноевропейских государств, так и в коммунитарные (солидаристские) устремления правых сил западных обществ, предлагая своеобразную интегративную консервативную правовую идеологию.

§ 4.2. Временные векторы государственно-временного консерватизма

Еще одной важнейшей, типоформирующей характеристикой консервативной правовой идеологии в трактовке сущности государства и права является, как это отмечалось выше, временная перспектива в восприятии и понимании фундаментальных государственно-правовых, а также других явлений и процессов общественной жизнедеятельности. Здесь можно выделить три основных позиции, дающих топологические характеристики в развитии государства, его сущности и назначения.

В частности, на какую временную перспективу делает основной акцент консервативная правовая идеология, т.е. ключевой ориентацией в правовой политике государства является – прошлое (традиционалистский государственно-правовой консерватизм), настоящее (умеренная консервативно-правовая идеология, ориентированная на современную повестку дня, действующие опасности и возможные угрозы), будущее (динамический, гармоничный консерватизм, правовая политика государства ориентирована на стратегическое развитие общества, государства, права,

экономики с опорой на традиционные основания социальной системы и те проблемы и вызовы, которые стоят перед обществом в настоящий момент).

Однако в настоящей части исследования представим краткую характеристику данных направлений в понимании сущности и назначения современного государства. Более содержательно эти три позиции будут раскрыты в соответствующей части работы, посвященной рассмотрению традиционного государства в консервативной правовой идеологии.

В первом случае речь идет о традиционалистской консервативной правовой идеологии, в рамках которой правовые традиции и обычаи, традиционная ценностно-нормативная система, сформировавшееся в глубокой древности и воспроизводящиеся из поколения в поколение, обеспечивающие единство общества, его духовную целостность и т.д., противопоставляются современности, как периоду бездуховному, разрушающему базовые идеи и ценности общества, искажающему истинное значение человека, права, государства. Это идейная позиция консервативной контрреформации, которая впервые идейно-концептуально оформилась в рамках консервативно-католических кругов в стремительное развитие протестантизма, кальвинизма, гностицизма и иных ересей в Европе.

Идейными основателями данного направления выступили Жозеф де Местр, Луи Бональд, Доносо Картес и другие[1]. С их точки зрения, отход от сложившегося порядка вещей, религиозных и духовно-нравственных стандартов, традиционного мировоззрения и ценностно-нормативной системы ведет к разрушению как человека, так и общества. Всякое государственно-правовое развитие ведет к негативным последствиям, трактуется как отход от этого порядка и традиционных основ[2]. В свою очередь сущность и социальное назначение государства выражены в сохранении исконной системы ценностей

[1] См. об этом подробнее: Дугин А.Г. Философия политики. М.: Арктогея, 2004. 664 с.; Исаев И.А. Идея порядка в консервативной ретроспективе: монография. М.: Проспект, 2011. 400 с.

[2] Huntington S.P. Conservatism as an Ideology // The American Political Science Review. 1957. Vol. 51 (June). P. 454–473.

и правильной государственно-правовой организации («золотого века», «истинного устройства» власти, общества и т.д.). Здесь консервативная правовая идеология «привязана к какой-то одной-единственной форме общественного устройства; в зависимости от исторической ситуации консерватизм может иметь аристократически-элитарный или демократически-плебейский, либеральный или авторитарный, республиканский или монархический характер»[1].

В этом аспекте механизм государства используется для радикального возврата к старой ценностно-нормативной системе, ее сохранения и защиты, используя государственно-правовое принуждение к тем элементам и движениям, которые направляют общество на ошибочный путь социальной жизнедеятельности (парадигма прогресса, обновления и т.п.). Традиционалистская консервативная правовая идеология воспринимает любые новшества, любые процессы внедрения инноваций в государственно-правовой организм как вредные и не уместные, а правовую политику государства ориентирует на восстановление древних, истинных форм организации, исконных режимов функционирования политических, правовых, культурных и других институтов.

Как правило, в этом типе консервативной правовой идеологии какой-то конкретный период истории и состояния государственно-правовой организации общества выбирается и трактуется в качестве золотого века, отход от которого трактуется крайне негативно, а возврат к которому есть основная обязанность государства[2].

Второе направление консервативной правовой идеологии концентрируется на тех проблемах и опасностях, которые стоят перед обществом на данном этапе развития. Это проблемы национально-культурной целостности общества, духовно-нравственных стандартов поведения, совершенства правовой системы общества (их связанности и

[1] Кальтенбруннер Г.-К. Трудный консерватизм. М.: Тотенбург, 2020. С. 38.
[2] Kirk R. The Conservative Mind, Seventh Revised Edition. Washington, DC: Regnery, 1985.

взаимообусловленности в рамках единой социально-нормативной и ценностно-мировоззренческой систем), государственного управления и т.д. Можно заключить, что это одно из самых распространенных направлений консервативной правовой идеологии, которое воспринимает и решает действующие общественные проблемы с позиции традиционной социально-правовой системы и государственно-правового опыта.

При этом идеалистические представления о правовой и государственной организации не размещаются ни в прошлом, ни в будущем, совершенное устройство реализуется в актуальном настоящем. Другими словами, государственно-правовой идеал не ищется в ушедшем далеком прошлом, с целью его воссоздания в современной правовой реальности, или не прогнозируется/проектируется в будущее, с целью его достижения. Неслучайно, такую позицию весьма упрощенно обозначают как «консервацию» настоящего положения дел[1]. В данном случае дело, конечно, здесь преимущественно в политизированной оценке, что консервативная идеология обосновывает публично-властный статус-кво (от латинского status quo – положение, в котором – политическое, правовое или иное положение, существующее в определенный момент»[2]), незыблемое положение властной элиты, действующей политико-правовой и социально-экономической организации.

На самом деле, как обосновывалось выше, это достаточно системная и взвешенная правовая политика государства, ориентированная на совершенствование существующей общественной организации и обеспечение правового, политического и экономического порядка. Это консервативная правовая идеология, которая не скрывает недостатки и проблемы государственно-правовой реальности, не списывает их на уход от прошлого

[1] Blake Wilson M. Counterrevolutionary Polemics: Katechon and Crisis in de Maistre, Donoso, and Schmitt // Philosophical Jornal of Conflict and Violence. 2019. № 3. P. 72–95.

[2] Статус кво. Словарь. Грамота. URL: https://gramota.ru/poisk?query=%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%81-%D0%BA%D0%B2%D0%BE&mode=slovari (дата обращения: 13.02.2025).

или смещает акцент на будущее. Справедливо в этом аспекте отмечает известный американский исследователь и государственный деятель С. Хантингтон, что консерватизм в этом прочтении «означает не просто отсутствие изменений, это ясно осознанное, систематическое, теоретическое *сопротивление определенным изменениям* (выделено мной. – *Е.К.*)»[1].

Поэтому в целом можно заключить, что данному типу консервативной правовой идеологии «не подходит формула, которая делает упор на status quo… Реакционер стремился бы обновить уже преодоленное историей состояние в совершенно изменившемся мире, например, возродить средневековое сословное общество в эпоху научно-технической революции, а консерватор, наоборот, хочет защитить существующее – иногда путем реформы – от радикальных нападок. Мнение, будто консерватизм и реформа, консерватизм и эволюция исключают друг друга, относится к числу тех полемических тезисов прогрессистов, которые не становятся истиной от того, что уже сто лет регулярно повторяются в принципиальных дискуссиях»[2].

Третье направление основной акцент делает на будущем общества, права, государства, экономики и т.п. Это направление динамического консерватизма, согласно которому прошлый государственно-правовой опыт и действующее проблемы и противоречия в политическом, правовом, экономическом и другом социальном развитии общества – выступают основой для стратегического проектирования образа будущего общества. Данный образ будущего призван, если говорить упрощенно, синтетически объединить и гармонизировать традиции общества и различные инновации в более совершенном будущем государственно-правовом устройстве. Это консервативное движение к будущему порядку с учетом прошлого и настоящих проблем, конфликтов и противоречий.

[1] Conservatism as an Ideology // The American Political Science Review. Vol. 51 (June 1957). P. 454–473.

[2] Кальтенбруннер Г.-К. Указ. раб. С. 37.

По справедливому утверждению русского дореволюционного юриста Л.А. Тихомирова, консервативная правовая идеология есть *высшая идея* и *план развития*, т.е. стратегическое проектирование образа будущего политико-правового, социально-экономического и духовно-нравственного порядков общественных отношений и различных форм взаимодействия. Последнее предполагает государственно-правовое развитие, которое «не отгораживается от прошлого», цивилизационных доминант, устойчивых правовых обычаев и государственных традиций, общественных и религиозных ценностей, духовных доминант и нравственных стандартов. Это совершенствование правового порядка и государственно-правовой организации, опирающееся на многовековой культурно-исторический опыт, а также учитывающее потенциальные вызовы и угрозы социальной стабильности и национально-культурной целостности[1].

В отличие от фундаментализма и традиционализма, которые ориентированы на регрессивное движение политического, т.е. восстановление изначальной универсальной (примордиальной) традиции, утраченных форм и моделей общественного взаимодействия[2], что предполагает негативное отношение ко всяким изменениям, инновациям, трансформациям, консерватизм, напротив, «не требует сохранения традиции неизменной

[1] В этом плане приведем позицию и современных исследователей консерватизма. Например, М.Н. Лукьянов отмечает, что категорически неверным является отождествление консервативной правовой идеологии с неприятием или негативной трактовкой каких-либо изменений или перемен, с отрицательным отношением к любым проектам реформирования отдельных правовых или политических институтов: «Резкая критика реально существующих институтов вполне совместима с консерватизмом. Справедливо и обратное утверждение: поддерживать любой реально существующий порядок – не обязательно означает быть консерватором. Очевидно, что консерватизм в принципе не означает противодействия изменениям», напротив, консервативная идеология направлена на перемены, но осторожные и «с оглядкой на прошлое» (Лукьянов М.Н. Консервативная научная интеллигенция и власть (1907–1914) // Власть и наука, ученые и власть: 1980-е – начало 1920-х: материалы Международного научного коллоквиума. СПб., 2003. С. 343–344).

[2] См. об этом: Генон Р. Символы священной науки. М.: Беловодье, 2002. 494 с.

несмотря ни на что, он лишь стремится ввести эти изменения в рамки “естественного развития” самой традиции»[1].

Выводы. Таким образом, консерватизм в правовой идеологии – это не две или три разных и взаимосвязанных позиции, как это часто трактуется в специализированной литературе. Напротив, это специфическое рефлексивное поле развития правовой мысли и юридической практики. Данное рефлексивное поле концептуально оформляет разнообразные трактовки сущности и назначения государства в консервативной правовой идеологии. Это разнообразие концептуально-правовых моделей можно систематизировать по четырем ключевым основаниям:

1) различие в типах государствопонимания, в каждом из которых выделяются консервативные, умеренные и прогрессистские трактовки сущности государства;

2) различие в понимании самого «консерватизма» и обосновании его содержания (социально-экономическая, юридическая, политическая, культурная система аргументации), отсюда в правовых учениях о государстве, праве, власти выделяются разнообразные критерии, авторские классификации и типологизации консерватизма;

3) различие в идейно-смысловых основаниях консервативной идеологии, где исследование государства базируется в основном на метаюридических (ценностно-нормативной, духовно-нравственной) основаниях, что существенно влияет на правовую идеологию, а также оценку разворачивающихся социально-правовых, экономических, политических и других процессов в обществе, на разработку доктринально-правовых и правотворческих программ, выработку направлений совершенствования государственного управления и механизма государства;

4) различие в восприятии временной перспективы и хронотипических характеристик понимания фундаментальных государственно-правовых

[1] Никитаев В. Повестка дня для России: власть, политика, демократия // Логос. 2005. № 5 (50). С. 53.

процессов и явлений, а также других фактов и событий общественной жизнедеятельности. Другими словами, различие в восприятии прошлого, настоящего и будущего государственно-правового развития формируют различные типы консервативной правовой идеологии.

§ 4.3. Идея и ценность империи в консервативной правовой идеологии: современные подходы

Современный мир и традиционные типы государственно-правовой организации общественных систем стремительно меняются. Эти изменения протекают достаточно давно и затрагивают не только структурно-функциональные, системные и институциональные характеристики права и государства, специфику функционирования конкретных юридических институтов и государственно-правовых учреждений; но и ценностно-нормативные и духовно-нравственные аспекты жизнедеятельности человека, которые на протяжение веков обеспечивали воспроизводство общественных систем, преемственность социально-правового порядка и т.д.

Этапы данных трансформаций в современной литературе описываются достаточно содержательно и разнообразно. Первый виток (этап) современных кардинальных изменений был связан с так называемой концепцией информационного общества, описывающей переход человечества в так называемую эпоху знания. Отсюда возникали и соответствующие обновленные концепции имперского развития – формирование глобальных сетевых и информационных империй[1], а также соответствующих политико-

[1] См.: Иннис Г. Империя и коммуникации. М.: Fortis Press. 2024. 376 с.; Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. 312 с.; Манн М. Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом. М.: Изд. дом. ВШЭ, 2014. 208 с.; Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. 434 с.; Anttiroiko A.-V. Castells' network concept and its connections to social, economic and political network analyses // Journal of Social Structure. 2015. Vol. 16, no. 11. P. 208–219; Castells, M. The Informational City: Economic Restructuring and Urban Development. The Wiley-Blackwell, 1992; Kumar K. From post-industrial to post-

правовых форм организаций[1] – сетевое государство и электронное правительство, сетевые публичные сети, электронная демократия и проч.[2]

Затем с развитием информационно-коммуникативных технологий и инструментов публично-правового и частноправового взаимодействия появляется концепция цифровизации общественных систем, цифровизация права, политики, экономики и т.д. Возникают соответствующие учения о цифровых империях, цифровых государствах, цифровых формах политико-правовых отношений и т.п.[3] Так, например, у ряда исследователей возникли иллюзии о формировании новой формы политико-правовой организации – «государство как платформа», которое основывается на сетевой форме организации публично-властного взаимодействия в системе личность (цифровая личность или точнее цифровой идентификационных профиль пользователя[4]), общество (цифровое пространство взаимодействия),

---

modern society: New theories of the contemporary world. 2nd ed. Malden, 2004. 944 c.; Rothkopf D. In Praise of Cultural Imperialism? // Foreign Policy. 1996. № 107. P. 38–53.

[1] Голоскоков Л.В. Сетевые аспекты развития права, государства, общества: монография. СПб.: Лань, 2021. 306 с.; Зайковский В.Н. «Сервисное государство»: новая парадигма или современная технология государственного управления? // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 24 (261). С. 18–28; Ибраимова Б.С. Сетевое право как новое направление в правовой науке // Вестник КРСУ. 2015. Т. 15. № 2. С. 122–124; Исаев И.А. «Машина власти» в виртуальном пространстве (формирование образа): монография. М.: Проспект, 2021. 384 с.; Рассолов И.М. Проблемы интернет-права. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2009. 350 с.; Сас В.В. Электронное правосудие как элемент сетевого общества: теоретические проблемы // Юридическая наука. 2012. № 2. С. 101–104.

[2] Abdurrahman A. An Overview of e-Government Metadata Standards and Initiatives based on Dublin Core // Electronic Journal of e-Government. 2009. Vol. 7. Iss. 1. P. 20–30; eGovernment Benchmark Pilot on Open Government and Transparency. Measuring the potential of eGovernment to foster Open Government and Transparency in Europe. (2011) Prepared by Capgemini. IDC. Rand Europe. Sogeti and DTi. URL: https://ec.europa.eu/digital-agenda/sites/digital-agenda/files/finalreport_open_government_transparency_pilot.pdf; Srinivasan B. The Network State: How to Start a New Country. 2022. 474 p.

[3] Золаев Э.А. Цифровое государство как новый этап развития общества // Креативная экономика. 2021. Т. 15. № 5. С. 1583–1594; Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма, Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с.; Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А. Государство как платформа. (Кибер)государство для цифровой экономики. М.: Центр стратегических разработок, 2018. 52 с.; Овчинников А.И. «Цифровой Левиафан» и права человека: риски инноваций в праве и государственном управлении // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 227–230.

[4] Новым субъектом в цифровом мире стали считать не личность – субъект социокультурной реальности, а цифровой идентификационный профиль пользователя.

государство (цифровое государство). Ряд теоретиков цифровое государство и цифровое право рассматривают в качестве нового вектора развития государственно-правовой организации, свойственной цифровому обществу и уровню развития сетевых интеркоммуникативных технологий[1].

Отметим, что в рамках консервативной правовой идеологии эти все новомодные конструкции и современные учения рассматривались весьма осторожно. Консерваторы полагали, что сетевые и цифровые теории права и государства весьма преувеличивали роль информации и данных как источника трансформации права или в качестве нового основания власти[2]. При этом ряд ключевых положений данных сетевых учений и цифровых концепций консерваторы считали весьма опасными и разрушительными, а именно, положения, связанные с отрицанием властно-иерархической природы организации государства и других гражданских институций; с заменой всех действующих в государственно-организованном обществе вертикальных связей на горизонтальные (сетевые); с нивелированием роли традиций в цифровом обществе, значения национально-культурной и другой общественной специфики в нормировании сетевых интеракций и т.д.

Последний выступает аналогом личности в социальных отношениях, фиксирует индивидуальный (пользовательский) набор цифровых атрибутов, учетных данных и моделей поведения, связанных с физическим или юридическим лицом в цифровом пространстве взаимодействия (См. об этом: Наумов В.Б. Информационно-правовые вопросы идентификации при использовании цифрового профиля // Аграрное и земельное право. 2020. № 6 (186). С. 137–141; Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залило. М.: Инфотропник Медиа, 2021. 480 с.; Пробелы в праве в условиях цифровизации: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залило. М.: Инфотропник Медиа, 2022. 472 с.).

[1] Золаев Э.А. Цифровое государство как новый этап развития общества // Креативная экономика. 2021. Т. 15. Вып. 5. С. 1583–1594; Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография. М.: ООО «Юридическое издательство НОРМА», 2021. 244 с.; Право цифровой среды: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. М.: Проспект, 2023. 896 с.; Шахновская И.В. Понятие и признаки цифрового государства // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2022. Вып. 6. С. 134–137.

[2] Мамут Л.С. «Сетевое государство?» // Государство и право. 2005. № 11. С. 5-–12.

Более того, с точки зрения консервативной правовой идеологии цифровизация государственного управления и использование глобальных цифровых платформ несут риски денационализации и десуверенизации общественных систем, делают зависимыми государства и этнокультурные сообщества от внешних технологических решений, ведут к потере контроля над национальным информационным пространством. Все это неминуемо ведет к развитию тотального контроля и алгоритмического нормирования публичных и приватных отношений, что становится угрозой личной свободе и выступает инструментом подавления гражданских прав.

Доминирование практики цифровой идентификации и профилирования пользователя может привести к потере гражданами субъектности в правовой, политической и экономической жизни. Например, решения о голосовании, высказывании своей публичной позиции, принятии социально значимого решения и т.п. могут быть делегированы алгоритмам, что снижает роль человека как независимого субъекта. Самые серьезные риски, с точки зрения консерваторов, связаны с возможным неравенством в цифровом пространстве взаимодействия, поскольку невозможно обеспечить равный доступ к интернету и цифровым технологиям. В целом консервативная критика цифрового государства подчеркивает необходимость сохранения баланса между внедрением технологий и защитой традиционных ценностей, таких как свобода, приватность и суверенитет.

В то же время развитие сетевых технологий коммуникации и цифровых форм в государственном управлении «вдохнули новую жизнь» в развитие имперской теории и доктрин цифровых империй. В рамках последних происходит совмещение консервативных принципов государственно-правовой организации общества с инновационными сетевыми формами и цифровыми технологиями. Например, сохранение властно-иерархической структуры, традиций и ценностно-нормативных основ государства-империи (цифровой метрополии) и сетевое управление странами (информационными колониями). Так, действующая цифровая доктрина Великобритании

фиксирует направления развития государства как новой цифровой империи и укрепления Великобритании как мировой технологической сверхдержавы, способной реализовать глобальное цифровое доминирование[1].

Следовательно, как само понимание империи, так и ее правовые, политические, экономические и других характеристики сегодня меняются. Конечно, в современных юридических исследованиях и правовых доктринах, социально-правовых учениях или проектах (правовое прогнозирование, моделирование и ретрополяционные практики[2]) существуют разные прочтения традиционной имперской идеи, а также проектируются разные «образы будущего» имперской политико-правовой организации. Последние сегодня представляются в различных концептах и доктринах – неоимперском, квазиимперском, постимперском порядках.

Впрочем, такое новое прочтение имперских идей и их отражение в социально-правовой идеологии, различных идеологических платформах, социально-экономических доктринах происходило на каждом этапе эволюции, например, в рамках смены социально-экономических формаций, типов политической организации общества, этапов правовой эволюции социальных систем, промышленных или научных революций, смены технологических укладов и т.д.

Вышеобозначенное следует учитывать и при характеристике идейно-смыслового основания имперского проекта в современной консервативной правовой идеологии. Кроме того, очевидно, что кроме общих идейно-

[1] UK's Digital Strategy // Gov.UK. URL: https://www.gov.uk/government/publications/uks-digital-strategy (дата обращения: 24.05.2025).

[2] Ретраполяция, или ретроспективное прогнозирование, используется в конструировании образа будущего посредством разработки нормативных сценариев и изучения этапов их реализуемости, а также возможных последствий. В рамках данных практик конструируется определенный нормативный образ будущего с позиции того, что данный образ уже существует и нормирует определенные отношения и социальные процессы, а затем осуществляется проектирование сценариев и этапов «наступления этого будущего», которые свяжут это заданное будущее с настоящими тенденциями и траекториями развития общественной системы (Robinson J. Future subjunctive: backcasting as social learning // Futures. 2003. № 35. P. 839–856).

смысловых изменений, которые характерны для современной трактовки имперской идеи, существуют и специфические характеристики консервативно-правовой идеологии, связанные с социально-культурными аспектами и типом мыследеятельности[1].

В современной европейской консервативной правовой идеологии преобладают неоимперские, постимперские и квазиимперские идейно-смысловые основания. Они существенно отличаются от классической имперской традиции.

Неоимперские консервативные доктрины и учения представляют собой обновленные имперские традиции, т.е. репрезентуют в современную версию прочтения и адаптации имперских признаков и характеристик. В рамках консервативно-правовой идеологии имперский проект представляет собой обоснование работоспособности и эффективности данной государственно-правовой модели в XXI веке, а также возможности ее адаптации базовых (классических) характеристик к изменяющейся ситуации, современным вызовам. Более того, здесь доказывается, что именно империя как новый (нетипичный, смешанный, сочетающий классические характеристики империи и современные достижения в публично-властной коммуникации) проект развития конкретного общества, может противостоять потенциальным технологическим, цивилизационным, экологическим и другим вызовам и угрозам современности.

Следует признать, что имперская модель как философская и политико-правовая идея, а также как особый тип государственно-правового бытия общества, т.е. формы государства, типа властно-управленческой деятельности, политико-правовой жизнедеятельности и властно-правовой коммуникации в системе «личность – общество – государство», – имеет

[1] Казачанская Е.А. Консервативно-правовой тип мыследеятельности: аксиологические, теонормативные и праксиологические характеристики // Вестник юридического факультета ЮФУ. 2022. Т. 9. № 2. С. 29–36.

достаточно долгую историю, восходящую к первым масштабным политическим организациям и правовым системам древности[1].

В процессе эволюции имперской идеи и имперских принципов политико-правовой организации, а также имперских управленческих практик, в ходе долгой истории государственно-правового развития выделялись различные характеристики и признаки последних. Они, с одной стороны, существенно трансформировались в контексте истории государства и права, а с другой – сохраняли ряд устойчивых идейно-смысловых координат в рамках эволюции правовой и политической мысли[2].

В настоящее время в общей теории права и государства сформировались типичные характеристики империи. Данные типичные характеристики в рамках консервативной правовой идеологии адаптируются к современным реалиям развития общественных систем, государства, права, власти, политики, экономики, культуры.

Во-первых, как отмечалось выше для консервативной правовой идеологии неоимперского дискурса государство является ключевым субъектом, обеспечивающим правовой и политический порядок, национально-культурное воспроизводство общественной системы, а в рамках государственно-правового управления системную взаимосвязь между прошлым, настоящим и будущим. Государство здесь опирается и сохраняет традиции как стержень общественной целостности, опирается на прошлый государственно-правовой опыт для решения насущных проблем, осуществляет правовое моделирование (например, в рамках опережающего

[1] Антонос Г. Империя и национальное государство: история и современность // Политическая наука (теория, ретроспективные исследования). М.: ИОНИОН РАН, 1995; Величко А.М. Политико-правовые очерки по истории Византийской империи. М.: Изд-во «Фонд ИВ», 2008. 248 с.; Кольев А.Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. М.: Логос, 2005. 800 с.; Мартышкин С.А. Союз государств как ранняя форма территориального устройства: историко-управленческий аспект // Основы экономики, управления и права. 2012. № 6. С. 42–47; Омельченко О.А. Всеобщая история государства и права: учеб. В 2 т. Т. 1. М.: ТОН-ПРИОР, 1999. 528 с. и др.

[2] Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. Теория государства и права. 3-е издан. М.: Изд-во ИНФРА-М, РИОР, 2023. 524 с.

правотворчества) и политическое проектирование будущих состояний развития общества с учетом потенциальных рисков и угроз.

Поэтому для неоимперски настроенных консерваторов государство – это базовый гарант сохранения традиций, инструмент решения общих задач и институт, гарантирующий будущее. Для консервативной правовой идеологии в этом направлении «империя – это есть, прежде всего, государство. Но государство особого типа, иначе империя, представляет собой высшее состояние государства»[1].

В отличие от постимперских и квазиимперских доктрин и учений, аргументирующих существенное снижение (например, в пользу глобальных имперских структур, новых глобальных надгосударственных структур) или полное уничтожение государства и его суверенных качеств в глобализирующемся мире (например, замещение института государства глобальными корпоративными или неправительственными организациями), неоимперский консервативный проект обосновывает *сохранение и повышение роли государства в современном мире*. Глобальные вызовы лишь усложняют роль *государства-империи*, повышая его социальное значение и расширяя его структурно-функциональную направленность, соответственно, функции и механизм последнего.

Более того, государство-империя в неоимперской консервативной правовой идеологии рассматривается и организовывается по классическому, традиционному основанию – имеет свою, хоть и специфическую, форму государства (форму правления, форму административно-территориального устройства, формы политического и государственно-правового режимов), суверенные и институционально-функциональные качества государственной власти[2]. Над империей «не существует и не может стоять иное охватывающее

[1] Кольев А.Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. М.: Логос, 2005. С. 318.

[2] Мамычев А.Ю., Самойлова И.В. Функциональные и институциональные свойства государственной власти // Философия права. 2012. № 4. С. 79–84.

ее более высокое политическое целое. Во внутреннем отношении она обладает собственной верховной властью, государственным аппаратом, правовой системой, казной, сложной территориальной структурой… В условиях глобализирующегося мира происходит реновация имперской государственности, реставрация идеи империи и имперского суверенитета»[1].

Во-вторых, неоимперский проект для современной консервативной правовой идеологии – это *единственно возможная и адекватная форма* политико-правового обеспечения независимости национальной культуры, специфики отдельных народов, наций, этносов в стремительно глобализирующемся мире. Поясним, в эпоху развития глобальных интерактивных коммуникативных систем, доминирования массовой культуры и разнообразных унификационных тенденций (сближение правовых систем, стандартизация политических систем, распространение универсальных мировых стандартов и рейтингов[2] и проч.), доминирования единого цифрового пространства и развития метавселенных, стимулирующих так называемое «бегство от государства»[3], действующей социально-нормативной системы

[1] Грачев Н.И. Империя как форма государства: понятие и признаки // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия. 5, Юриспруденция. 2012. № 2 (17). С. 21.

[2] Различные мировые индикаторы эффективности государственного управления, реализации прав человека, верной экологической, социальной или энергетической политики конкретного государства стали универсальными и были положены в оценку политико-правового развития конкретных стран, осуществляли ранжирование национальных правовых политик (см. об этом: Мельвиль А.Ю., Миронюк М.Г., Стукал Д.К. Государственная состоятельность, демократия и демократизация (на примере посткоммунистических стран) // Политическая наука. 2012. № 4. С. 83). Причем данные универсальные индексы и рейтинги управленческой компетенции в верном направлении государственно-правового развития стран «обосновывают неоднозначные и идеологизированные положения о необходимости снижения государственной состоятельности “неправильных” стран, ослаблении и демонтаже целого ряда политических режимов… рейтинговые оценки качества управления позволяют легитимизировать и поддерживать удобные политические режимы и политических лидеров и популяризовать проводимый ими курс» (Иванов В.Г. Концепция государственной состоятельности: сравнительные межотраслевые рейтинги против государственной легитимности // Вестник РУДН. Международные отношения. 2015. Т. 15. № 3. С. 47).

[3] В настоящее время «возникают новые форматы общественно-политической идентификации и мобилизации, а многие формы публично-властной активности уходят в интерактивное виртуальное пространство. Так, например, фиксируется “цифровой уход” от государства на частные или транснациональные цифровые платформы, которые оказывают

(религии, традиций, обычаев, права, духовно-нравственных стандартов и т.д. конкретного общества); происходит именно «реновация имперского государства»[1].

В-третьих, следующий признак империи, в его консервативно-правовом прочтении, отражает связь имперского пространства и цивилизационного уклада. Именно государство-империя способно выступить административно-территориальной формой локализации и глобальной репрезентации отдельного *типа цивилизации*. В консервативно-правовой идеологии, как правило, эта идея выражается в понятии «государство-цивилизация».

Здесь можно выделить два взаимосвязанных аспекта – административно-территориальный и ценностно-нормативный. Первый отражает, что только империя является такой формой, при которой возможна административно-территориальная организация цивилизационного пространства. Здесь история государства-цивилизации неотрывно связана с конкретным исторически-культурным типом, оно организует не просто

более комфортно публичные услуги, мобильно реализуя потребности пользователей» (Кочетков А.П., Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю. «Цифровой транзит» публично-властных отношений: общие и элитарные характеристики // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24. № 1. С. 109–134).

[1] Понятие «реновация империи-государства» (от лат. renovatio – обновление, возобновление, улучшение), считаем, достаточно точно отражает суть и смысл неоимперского консервативного проекта, который ориентирован, с одной стороны, на процесс идейно-смысловой реставрации, с другой, на институциональное восстановление и развитие национального государства («империя это высшая идея государства и его реализации в современном мире») без революционных разрушений, радикальных ломок, умеренных, эволюционных преобразований, опирающихся на прошлое. Это такие преобразование и улучшение, которые сохраняют государственно-правовую и национально-культурную целостность, а также связь времен (прошлое-настоящее-будущее). В отличие от других идейных учений и доктринально-программных положений, ориентированных на конструирование нового порядка, свойственного новой эпохе, или футуристских учений, проектирующих принципиально новые формы жизни и организации. Примечательно, что фашистская идеология, зародившаяся в Италии и получившая свою политическую концептуализацию и доктринальное оформление («Доктрина фашизма» Б. Муссолини), опиралась на целый корпус футуристских концепций. Сам Б. Муссолини прямо сказал: «Официально заявляю, что без футуризма не была бы фашистской революции» (Монтфорт Н. Будущее: принципы и практики создания. М.: Изд-во StrelkaPress, 2021. С. 50).

народы и нации, а выражает географический идеал «метанациональной организации», единый конкретный «исторический организм» и определение «часть света»[1]. Поэтому империя – это всегда сложная политико-территориальная целостность с большой географической территорией: «Маленькая империя есть терминологическое противоречие»[2].

Второй фиксирует то, что империя всегда реализуется в качестве идеократического государства, связана неотрывно с ее географическими характеристиками. И именно с этой локальной территории идет ее распространение на другие пространства. Так, например, «основная идея и цель существования Византийской империи заключалась в том, чтобы нести Христову веру по всему миру, укреплять православную Церковь и жить по Христовым заповедям, приуготовляя народ империи к вечной жизни в Царствии Божьем»[3].

Здесь имперская идея основывается на целой системе объективно существующих географических, исторических и культурных факторов и доминант, а сама государственно-правовая организация «находится в родственной связи с идейным содержанием того начала, которое данной нацией принимается как начало абсолютного идеала, как надэмпирическая реальность. Этим содержанием обусловливается этический идеал нации в виде того или другого кодекса моральных требований; им же обусловливается та идея, тот аспект генезиса власти, которому нация подчиняет свою общественную жизнь в государстве»[4]. В этом плане империя – это всегда идеократическое государство. Поэтому для европейской консервативной правовой идеологии ключевым является поиск *идейно-смысловых оснований*

---

[1] Бабурин С.Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2005. 769 с.

[2] Каспэ С.И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН, 2001. С. 29–30.

[3] Величко А.М. Политико-правовые очерки по истории Византийской империи. М.: Изд-во «Фонд ИВ», 2008. С. 5–6.

[4] Баранов П.П., Горшколепов А.А. Верховная власть как идеолополагающий элемент государственности // Философия права. 2002. № 1. С. 22.

современной государственно-правовой организации, которые бы определили вектор развития неоимперских проектов в новом технологическом укладе.

В-четвертых, в рамках современного консервативного имперского проекта ключевыми проблематиками выступают не только вопросы традиционной административно-территориальной организации, но и проблемы управления иными пространствами (так называемые «зоны влияния»), которые находятся под влиянием и контролем империи. Как правило, империя представляет собой достаточно крупное государство, которое расположено на больших территориях, включающее различные территориальные образования разной степени самостоятельности.

С другой стороны, это использование правовых, политических, экономических, цифровых, когнитивных и других инструментов влияния и контроля за различными географическими пространствами, геоюридическими и геополитическими регионами.

В-пятых, в консервативно-правовой идеологии суверенитет государства и его сохранение является ключевым моментом в глобальных геоюридических и геополитических процессах, поскольку это необходимо для реализации имперского проекта и сохранения цивилизационных (национально-культурных) основ. Причем имперский суверенитет находит «свое проявление в способах организации и легитимации верховной власти, а также распределении суверенных правомочий между верховной властью и периферийными образованиями»[1].

В современном мире, в эпоху развития интерактивных средств коммуникации и цифровых технологий, имперские формы господства расширяют непрямые методы и инструменты трансляции власти на значительные государственно-правовые пространства и географические территории. Последнее, по заключению Грегуара Шамао, позволяет современным империям реализовывать принцип дистанционного властного

[1] Грачев Н.И. Указ. раб. С. 23.

господства и управления, «проецировать власть, не проецируя уязвимость»[1]. Другими словами, «подобное дистанционное вмешательство позволит нам оставаться дома, расширив при этом сферу своего влияния на весь земной шар. Другими словами, подобная система позволит проецировать возможности, не проецируя уязвимость»[2].

В эпоху классических империй, справедливо отмечает Шамао, главный вопрос, стоящий перед имперской властью был: «как при помощи силы влиять из центра на остальной мир, который служит его периферией? На протяжении длительного времени в истории империй “проецирование власти” было синонимом отправки войск”. Но именно это управление сегодня подлежит пересмотру»[3]. В настоящее время обосновывается новый формат распространения имперской суверенности, не требующий легитимации и иных оправданий, он реализуется автономно с помощью цифровых и роботизированных устройств, формируя *десуверенный режим покорности* для других стран и географических пространств. Данный режим позволяет «покончить с самой возможностью неподчинения. Сделать непокорность невозможной… проблема не в том, человек или “машина” обладает контролем. Это необоснованная формулировка. Реальный смысл заключается в материальной и политической автоматизации»[4] имперского господства.

Конечно, кроме обозначенных характеристик современного неоимперского проекта в рамках западной консервативной правовой идеологии обсуждаются и другие признаки империи, связанные с вышерассмотренными. Например, такие как возможность большого внешнеполитического влияния, высокий уровень легитимности имперских структур и внешнеполитическая лояльность к ним со стороны других общественных систем, а также наличие сильной армии и органов

[1] Шамао Г. Теория дрона. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020. С. 16.
[2] Там же. С. 23.
[3] Там же. С. 26.
[4] Там же. С. 250.

правопорядка, но как мы видели выше, эти характеристики имперского доминирования не выступают ключевыми, особенно в аспекте развития интеркоммуникативных технологий, дистанционных форм военного вмешательства, гибридных войн и роботизированных технологий[1].

В качестве примера неоимперского проекта в современном мире можно привести *неоимперскую американскую консервативно-правовую мысль.* Согласно последней не существует ни международного права, ни глобальных институций и межгосударственных договоренностей без национальной государственно-правовой воли и суверенной мощи[2]. Более того, согласно американской консервативной мысли, даже действующие неправительственные организации, фонды и другие институции имеют свое политико-правовое бытие посредством признания их статуса и деятельности

[1] Деланад М. Война в эпоху разумных машин. М.: Ин-т общегуманитарных исслед., 2014. 337 с.

[2] Мощь или сила государства становятся ключевыми характеристиками суверенитета современного государства. В подавляющем большинстве современных американских консервативных учений и доктрин указывается на то, что только сила (военно-политическая, институциональная, финансово-экономическая и т.д.) и мощь (энергетическая, ресурсная, цивилизационная и проч.) выражают потенциальную и реальную способность конкретного государства быть суверенным. Слабость и недостаточный уровень мощи не позволяют современным национальным правительствам быть самостоятельными, т.е. реализовывать суверенную национальную правовую политику, независимо определяя направления и цели государственно-правового развития общественной системы и ее отдельных секторов (промышленности, экономики, сельского хозяйства, культуры, образования и т.д.). Не дает таким государствам быть самостоятельными субъектами на международно-правовом уровне, а также участвовать в определении глобальной архитектуры международных систем безопасности и управления глобальными финансово-экономическими потоками (см. об этом: Брайс Р. Богатство наций: электричество и потребление мира. М: Эксмо, 2025. 400 с.; Питрон Г. Третья цифровая война: энергетика и редкие металлы. М.: Издательство АСТ, 2021. 320 с.; Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.; Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ; Владимир: ВКТ, 2009. 222 с.; Congyan C. New Great Powers and International Law in the 21st Century // European Journal of International Law. 2013. № 24. P. 755–795; Ham C. van, Seim B. Strong states, weak elections? How state capacity in authoritarian regimes conditions the democratizing power of elections // International Political Science Review. 2017. № 39. P. 49–66; Janice E.T. State Sovereignty in International Relations: Bridging the Gap between Theory and Empirical Research // International Studies Quarterly. 1995. Vol. 39. № 2. P. 213–233; State sovereignty to form the basis of international relations // 13th St. Petersburg International Legal Forum. URL: https://legalforum.info/en/news/suverenitet-gosudarstv-stanet-osnovoj-mezhdu narodnyh-otnoshenij (дата обращения: 16.06.2026).

суверенными государствами[1]. В свою очередь развитие любых глобальных структур и неправительственных институтов, формирующих глобальный контур управления над общественными системами и национальными государствами, является негативной тенденцией, разрушающей данные системы, их историю, традиции и социокультурную целостность[2].

Соответственно, именно в рамках имперского проекта, с позиции современных консерваторов, могут быть реализованы совмещение государственно-правовой воли и управление межправительственными институтами, межгосударственными организациями, поскольку последние выражают и продвигают суверенный национальный интерес на международной арене.

В отличие от глобальных либеральных проектов универсальной политико-правовой организации, в рамках которых международные организации и неправительственные институты наделяются статусом «глобальных управительных структур» и «хранительниц всеобщего блага», стоящих выше национальных государственных интересов, – имперская модель, напротив, изначально исходит из относительной самостоятельности глобальных структур, ограниченности делегирования власти всем действующим международным организациям[3].

По утверждению известного исследователя Ф. Фукуямы, для американских консерваторов формирование имперского глобального порядка исходит из того, что американские традиции и государственно-правовой порядок США должны стать ценностно-нормативной моделью для всего мира[4]: «в Америке существовал только один политический режим, который,

---

[1] Сокольщик Л.М. Социальный консерватизм в США: вторая половина XX – XXI в. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Пермь, 2016. 213 с.

[2] Newman W.J. The futilitarian society. New York: Braziller, 1961. 412 p.

[3] Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. Государственная власть: парадигма, методология и типология. М.: Юрлитинформ. 2013. С. 317.

[4] Мамычев А.Ю. Государственная власть в политическом процессе современной России: теоретико-методологический аспект политической и социокультурной трансформации: дис… докт. полит. наук. М., 2013. С. 82.

будучи старейшей в мире непрерывной демократией, не рассматривается как переходящий политический компромисс. Это означает, что политические институты страны внушают людям почти набожное почтение»[1].

Именно это и позволяет осуществить, с одной стороны, имперское продвижение совершенных государственно-правовых институтов и демократических традиций в международном масштабе; с другой – сделать американский национальный интерес глобальным; и наконец, с третьей стороны – обеспечить универсальный (глобальный) контроль и управление в соответствии с национальной государственной волей.

Другими словами, в американской консервативной правовой идеологии такой неоимперский проект позволяет сохранить и универсализировать американские традиции и государственно-правовой опыт, обеспечить культурную экспансию на основе действующих наднациональных институтов и ценностей. Здесь американский цивилизационный идеал трактуется как единственно правильный демократический стандарт как для мирового развития, так и совершенствования государственно-правовой организации конкретных стран.

Американская неоимперская модель не стремится демонтировать национальные государства, сформировать глобальное десуверенное пространство и делегитимизировать действующие государственно-правовые режимы, отражающие порядки и традиции конкретных обществ и народов. С позиции консерваторов, вмешательство в национальную правовую политику возможно и необходимо в тех случаях, когда последнее реализуется в нарушение американских политико-правовых и социокультурных стандартов; или когда правовая политика отдельных государств представляет потенциальную угрозу американскому государственному интересу, что

[1] Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ; Владимир: ВКТ, 2009. С. 189.

закрепляется в Стратегии национальной безопасности США и других стратегических правовых актах[1].

Например, «постановка под сомнение легитимности того или иного государства трактуется с точки зрения воплощения на этом локальном или региональном (группа стран) пространстве конкретного идеала социально-экономической и политико-правовой организации. При этом предполагается ведущая роль международной державы – Америки, в антикризисном и координационном управлении демократическим развитием этих пространств. В то же время некомпетентное и неэффективное управление государством в достижении этого имперского идеала автоматически подрывает качество суверенности данной государственной власти и, соответственно, *легитимирует внешнее вмешательство империи во внутригосударственные политико-правовые процессы*»[2].

В стратегических документах последнее выражено в следующем: миссия американского государства в сохранении демократических традиций и стандартов в мире. Поэтому политика США должна быть ориентирована на поддержку государственно-правовых пространств, соответствующих данным традициям и стандартам, а также военно-политического, информационного, социокультурного и другого влияния на те страны, которые являются угрозой демократии. При этом фиксируется, что угрозы демократии носят трансграничный характер, противодействие последним требует сотрудничества многих суверенных государств при главенствующей роли Америки: «США должны придать новый импульс собственной демократии,

---

[1] The National Security Strategy. October 2022. URL: https://nps.edu/documents/115559645/121916825/2022+Dist+A+National+Security+Strategy.pdf (дата обращения: 16.06.2026); FACT SHEET: The Biden-Harris Administration's National Security Strategy // The White House. 12.10.2022. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/10/12/factsheet-the-biden-harris-administrations-national-security-strategy (дата обращения: 16.06.2026).

[2] Мамычев А. Ю. Государственная власть в социокультурной организации современного общества: теоретико-методологические аспекты политико-правовой трансформации: монография. М.: Общество с ограниченной ответственностью Издательский Центр РИОР, 2024. С. 207.

встать на защиту своих ценностей за пределами своих границ совместно с теми странами, которые поддерживают видение свободного, открытого, процветающего и безопасного мира по-американски, и бороться с авторитарными великими державами за право определить новый мировой порядок»[1].

Важно подчеркнуть, что ключевая неоимперская задача США, с точки зрения подавляющего числа консерваторов, в меняющемся мире – сохранить доминирующие позиции в вопросе поддержания ценностно-нормативных оснований современного порядка в мире[2], а также формулирование конкурентноспособного глобального образа технологического будущего с ведущей ролью Америки[3] как инновационной империи в новом технологическом укладе[4]. Обобщенно данная консервативно-правовая ориентированность закреплена и в доктринально-правовых актах. Например,

---

[1] Тебин П. О новой Стратегии национальной безопасности США // Валдай. Международный дискуссионный клуб. Декабрь 2022. URL: https://ru.valdaiclub.com/files/43490 (дата обращения: 16.06.2026).

[2] См.: Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: Изд-во АСТ, 2024. 512 с.; Гейдаров Н.А. Идеология глобальной гегемонии США // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2008. №1. С. 5–14.

[3] Например, в ставшей уже «знаменитой» речи вице-президента США Джей Ди Вэнса, в которой он озвучил план развития и технологического лидерства Америки, четко говорилось о том, что США теряет не только свой промышленный рост, но начинает уступать и в технологических инновациях. Именно поэтому нужен новый промышленный рывок ради сохранения технологического лидерства и глобального промышленного доминирования (как было в середине XX века, когда экономика США занимала более 50 % в мировом производстве): «Америке необходимо новое промышленное возрождение на основе передовых инноваций. США необходимы передовые новые заводы и широкая программа НИОКР. Лидерство в технологиях искусственного интеллекта – главный приоритет. Америке нужны высокооплачиваемые рабочие места, как результат повсеместного роста производительности и ИИ будет способствовать их созданию, вопреки распространенным мнениям» (Вэнс обозначил стратегическую доктрину США – новая экономика, новая политика, новые войны // Журнал «Фотон». 06.04.2025. URL: https://dzen.ru/a/Z_DcUdFy3huNYaFk (дата обращения: 20.05.2026).

[4] Справедливо отмечается, что формирование нового технологического уклада общества, ориентация на суверенность критической инфраструктуры и технологические инновации – «это не просто один из факторов экономического роста, а необходимое условие национальной безопасности. Они определяют перспективы развития экономики и социальной сферы, благосостояние и качество жизни граждан» (Камчатова Е.Ю., Муратова М.Н. Возможности применения ресурсного подхода при обеспечении технологического суверенитета промышленности РФ // Инновации и инвестиции. 2023. № 2. С. 196).

в упомянутой Стратегии национальной безопасности отмечается, что усилия США должны быть направлены на «определение облика мира, которое принципиально имеет не меньшее значение, чем геополитическое противостояние»[1].

В рамках развития современной консервативной правовой мысли кроме неоимперских учений, которые как правило, связаны с американскими консервативными кругами, также можно выделить ***постимперские учения*** и доктрины. Понятие «постимперия» используется преимущественно для описания государственно-правовых систем, которые раньше развивались как мировые имперские державы, но утратили свой статус и соответствующие ресурсные основания (территории, ресурсы, механизмы глобального контроля и проч.), однако сохранили тягу к «имперской государственно-правовой самости».

Как отмечалось выше, для данного типа консервативной правовой идеологии характерно восприятие времени и государственно-правового развития с акцентом на прошлое, т.е. консервативная мысль ориентирована на восстановление существовавшего в прошлом имперского правового и политического порядка, имперских традиций и практик. Другими словами, современные консервативные учения об империи в Великобритании продолжают развиваться, опираясь на исторические традиции и адаптируясь к современным реалиям. При этом развитие получают не только постимперские учения, но и общественно-политическая практика. Так, консервативная партия Англии, исторически связанная с имперской идеей, играла и играет ключевую роль в формировании и трансформации современной политики Великобритании. В этом аспекте доктринально-правовые инструменты и механизм государства используются для радикального возврата к старой ценностно-нормативной системе, используя государственно-правовое принуждение к тем элементам и движением, которые направляют общество на ошибочный путь социальной жизнедеятельности. Например, подавляющая

[1] The National Security Strategy. October 2022. URL: https://nps.edu/documents/115559645/121916825/2022+Dist+A+National+Security+Strategy.pdf (дата обращения: 20.05.2026).

часть консерваторов поддержала Brexit (из 158 депутатов, выступающих за Brexit, 138 – это консерваторы, 10 – лейбористы, 9 – ольстерские юнионисты и 1 – UKIP.), как одно из ключевых условий возвращения Англии к национально-ориентированному развитию и восстановления имперских традиций[1].

Сегодня консервативные учения об империи сосредоточены на наследии британского империализма и его значении для национальной идентичности. В современной историографии и политической риторике наблюдается акцент на культурных и социальных аспектах имперского прошлого, что включает: поддержку идеи «глобальной Британии» (Global Britain), которая стремится восстановить международное влияние страны через экономические, политические, технологические и культурные связи; переосмысление роли колониального наследия в формировании британской идентичности, включая анализ миграционных процессов и медийного влияния на восприятие имперских ценностей[2].

В новой Стратегии цифрового развития Великобритании фиксируется, что последняя должна стать глобальным лидером в цифровую и технологическую эпоху развития. В Стратегии выделяются ключевые направления, которые должны вернуть ей глобальное лидерство, сформировать блоки технологического влияния, сделать Великобританию центром цифровой экономики, цифровой политики и т.д.[3]

Причем в Стратегии четко определяются пять ключевых технологических центров (объединяющих различные пространства) на развивающих рынках, через которые британцы планируют реализовывать не

[1] Британские консерваторы обозначили Brexit главным приоритетом предвыборной программы // ТАСС. 18.05.2017. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4263685 (дата обращения: 12.12.2024).

[2] Яшкова Т.В. Трансформация британской модели после выхода из европейского Союза // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2017. № 1–2. С. 63–68.

[3] Digital strategy UK // Gov.UK the official website of the British Government. URL: https://www.gov.uk/government/publications/uks-digital-strategy (дата обращения: 12.12.2024).

только свое глобальное технологическое преимущество, но формировать новую глобальную цифровую империю. Великобритания планирует создать условия для своего «стратегического преимущества в цифрах и технологиях», чтобы глобально влиять как на цифровую экономику, так и на технологическое развитие различных геополитических регионов мира.

Многие эксперты фиксируют, что статус научно-технической сверхдержавы позволит Соединенному Королевству формировать и навязывать новые ценностно-нормативные основы развития процессов цифровой трансформации, устанавливать стандарты и требования к технологическим и инновационным решениям. Именно последнее создаст условия для того, чтобы Великобритания на новом витке технологического развития стала новой цифровой империей[1].

В целом следует отметить, что современные консервативные учения об империи в Великобритании продолжают эволюционировать, сочетая исторические традиции с актуальными социально-экономическими и государственно-правовыми задачами[2]. В рамках данных учений и доктринально-программных разработок происходит политико-правовое моделирование «новой империи», сочетающей вертикально-иерархические и сетевые принципы организации современных общественных систем, особенно с учетом развития интеркоммуникативных инструментов и цифровых технологий.

Сегодня Великобритания стремится стать новой цифровой империей и центром цифрового финансового мира. Последнее показывает, что в английской консервативной правовой идеологии происходит адаптация традиционных форматов имперского влияния к новым технологическим

[1] См., например: Шилюбская Н. Развитие цифровой экономики в Великобритании // Мировое и национальное хозяйство. 2018. № 4 (46). С. 20–30; Эксперт заявил о попытках Великобритании воссоздать империю // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20210318/imperiya-1601772151.html?ysclid=m72vsila9l428766291 (дата обращения: 20.05.2026); и др.

[2] Сагимбаев А.В. Колониальная стратегия Великобритании: факторы и модели: дис. … докт. истор. наук. Брянск, 2018. 508 с.

условиям развития. В правовых доктринах, например, фиксируется, что технологическое развитие Соединенного Королевства и формирование новой цифровой империи возможны при контроле географических пространств, обладающих достаточно большими энергетическими запасами и редкоземельными ресурсами[1]. Последние являются основой и гарантией развития цифровой индустрии и систем искусственного интеллекта[2].

Соответственно, формирование цифрового доминирования связывается с ресурсным обеспечением данной правовой политики государства (редкоземельные ресурсы, необходимые для дальнейшего производства и совершенствования технологий[3]) и энергетики (развитие цифровых технологий, робототехники, электрического транспорта и проч., освоение новых пространств – океана, космоса и т.д., требует колоссальной энергии, несопоставимой с предшествующими этапами технологического развития)[4].

Кроме вышеобозначенных – неоимперских и постимперских консервативных учений о государственно-правовом развитии, следует также выделить еще один, третий тип современных консервативных доктрин – ***квазиимперская***. Приставка «квази», как правило, используется в научной литературе для характеристики как бы схожих, почти похожих или якобы

---

[1] Digital strategy UK // Gov.UK the official website of the British Government. URL: https://www.gov.uk/government/publications/uks-digital-strategy (дата обращения: 12.12.2024).

[2] Человек и технологический прогресс: антропологическая повестка мирового развития / В.Э. Багдасарян, С.В. Володенков, И.Е. Жмурин и др. Ярославль: Изд-во Шукаева и семья, 2025. 708 с.

[3] Например, отмечается, что цифровая трансформация подошла к тому этапу, что само развитие технологий отходит на второй план, важнейшим/стратегическим направлением государственной политики становится обеспечение производства критически важными сырьевыми источниками (латан, церий, неодим, прометий, гольмий, эрбий, тулий и многие другие вещества) и формирование запасов редких металлов для нового технологического витка развития и глобального энергетического перехода. А будущее геополитическое противостояние будет главным образом связано не с привычными углеродными ресурсами (уголь, газ, нефть), а с борьбой за контроль над добычей редких веществ, критически необходимых для технологического доминирования в мире (Питрон Г. Третья цифровая война: энергетика и редкие металлы. М.: Издательство АСТ, 2021. 320 с.).

[4] См. об этом: Аникин Д.А., Мамычев А.Ю. Технологический суверенитет в цифровую эпоху развития российского общества: политико-правовой аспект // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2024. № 5. С. 50–65.

совпадающих социальных феноменов. Квазиимперии представляют собой идейно-политически интегрированные национально-государственные территории с общими органами управления, общей элитой, с более или менее выраженной объединительной идеей, но без целостной политико-правовой организации последних.

Например, в рамках современных европейских консервативных учений и доктрин обосновывается, что ЕС если и формировался в самом начале как конфедерация, которая объединяла различные суверенные национальные государства на основе общих социально-экономических целей развития, то сегодня европейское сообщество представляет собой особую форму организации. Данная форма организации не является ни конфедеративным устройством (по своей сути временной формой государственного устройства), ни федеративном типом административно-территориального устройства (хотя имеет общие признаки с федеративным устройством – единое экономическое и политическое пространство, общие органы управления и т.д.)[1].

Многие европейские консерваторы характеризуют современную траекторию развития ЕС как квазиимперскую. Конечно, европейское сообщество не похоже на классическую империю, но обладает объединяющей идеей, сформированной общеевропейской элитой и наднациональными органами управления[2]. При этом все входящие в состав ЕС страны далеки от

[1] Общая теория государства: классические и современные вопросы / В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев, Е.А. Апольский. М.: Юрлитинформ, 2021. 712 с.

[2] Значение и позиция этих управленческих структур и позиции общеевропейской элиты особенно проявляются в настоящей геополитической, геоюридической и геоэкономической обстановке, а именно в разнообразных конфликтах между позицией национальной элиты конкретного европейского государства и общеевропейскими ценностями и властно-управленческими решениями. Когда правовая политика того или иного европейского государства идет в разрез позиции общеевропейских структур, последняя не только делегитимируется Советом Европы, но и обвиняется в нарушении прав и свобод человека, разрешении общей солидарности (См., например: Совет Европы обвинил Венгрию в нарушении прав человека и ксенофобии. URL: https://regnum.ru/news/2633237 (дата обращения: 20.05.2026); Страх убивает демократию: почему Европа отказывается от гражданских прав и свобод. URL: https://actualcomment.ru/strakh-ubivaet-demokratiyu-pochemu-evropa-otkazyvaetsya-ot-grazhdanskikh-prav-i-svobod-2104010001.html (дата обращения: 20.05.2026)).

классических форм имперской государственно-правовой интеграции, что и делает европейское сообщество как бы похожим на империю. В большинстве случаев империя выступает в качестве научно-практической метафоры, описывающей специфику данного социально-экономического и политико-правового сообщества. Неслучайно, консервативно ориентированные мыслители использовали как данную метафору, так и в целом имперский дискурс в описание ЕС как империи прав и свобод, единого конституционно-правового сосуда для всех европейских наций и народов, общего культурного пространства, задающего мировые стандарты и проч.[1]

Причем значимость общих властно-управленческих и элитарных структур в определении единой правовой политики ЕС достаточно отчетливо проявляется в рамках разнообразных конфликтов и противоречий. В качестве примера можно привести недавние выборы в ряде европейских государств, где, поддерживаемые большинством, победили национальные кандидаты, не одобряемые общеевропейской элитой[2], или отстранение от выборов

[1] Кембаев Ж.М. Правовые аспекты эволюции идеи единой Европы // Право и политика. 2011. № 10. С. 1713–1732; Геймбух Н.Г. Конституционно-правовые ценности европейского союза // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 26. С. 54–51; Bogdandy A. Europäische Verfassung und europäische Identität // Juristen Zeitung. Tübingen, 2004. S. 53–61.

[2] Например, Конституционный суд Румынии аннулировал итоги выборов из-за обвинений в адрес предвыборной кампании Джорджеску, которого подозревали в платном продвижении своей кандидатуры через TikTok, а также высказывались предположения, что последнее могло быть сделано по заказу и финансированию России. «Однако румынская налоговая служба ANAF выяснила, что кампания в TikTok была оплачена проевропейской Национально-либеральной партией Румынии (PNL)» (см.: В Румынии задержали кандидата в президенты Джорджеску // РБК. 26.02.2025. URL: https://www.rbc.ru/politics/26/02/2025/67befe5a9a79479100044d73?ysclid=m9daqhx9aw11989807 (дата обращения: 20.05.2026); Myśl Polska: Европа на пути к диктатуре после отстранения от выборов Джорджеску. URL: https://russian.rt.com/world/news/1450449-evropa-diktatura-vybory-rumyniya?ysclid=m9daoybmmx44956411 (дата обращения: 20.05.2026)). Или отзыв лидера румынской партии «Союз спасения Румынии» (USR) Елены Ласкони на предстоящих президентских выборах (см.: Основной кандидат в президенты европейской страны может лишиться места лидера собственной партии // Московский комсомолец. 10.04.2025. URL: https://www.mk.ru/politics/2025/04/10/osnovnoy-kandidat-v-prezidenty-evropeyskoy-strany-mozhet-lishitsya-mesta-lidera-sobstvennoy-partii.html?ysclid=m9daovfdmw533838592 (дата обращения: 20.05.2026).

представителей народа той или иной страны, входящей в состав квазиимперии[1].

Отметим, что в рамках квазиимперской *европоцентрической модели* обосновывается, что на смену устаревшей Вестфальской системы и порядку национальных суверенных государств должна прийти новая форма глобального евроатлантического порядка, основанная на формировании глобального гражданского общества, организованного неправительственными институтами, и локальными демократическими сообществами. Именно эта форма, а не входящие в состав национальные государства, наделяется глобальным суверенитетом. Поэтому традиционные суверенные качества государства нивелируются или существенно ограничиваются при вхождении в данную квазиимперскую общность. Принятие всех социально значимых решений, в определении направлений развития европейского сообщества и формулировании коллективных интересов и потребностей становится прерогативой не отдельных национальных правительств, а международных структур и институтов.

В этом плане европейская квазиимперия выступает в качестве глобального политико-правового проекта, представляя собой «конституционно-правовой резервуар» (термин, обоснованный Ю. Хабермасом) для европейских народов. Именно такая траектория развития европейского сообщества позволит обеспечить полноту всех прав, свобод и законных интересов различных наций на основе общей правовой культуры и «конституционно-правовой идентичностью»[2]. При этом европейская квазиимперия не образует никакой традиционной, родовой общности

[1] Например, своевременный арест основного кандидата в будущих выборах Президента Франции, главы парламентской фракции и лидера партии «Национальное объединение» (RN) Марин Ле Пен, которая была приговорена по делу о нецелевом использовании средств Европейского парламента («Меня устраняют, но вместе со мной устраняют и миллионы французов» // Коммерсантъ. 01.04.2025. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7622120?ysclid=m9dbqsa6fy326346293 (дата обращения: 20.05.2026)).

[2] Хабермас Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 104 с.

(этнонациональной, этнокультурной, религиозной и проч.), а является свободным пространством выбора – «Европой по выбору», которая становится открытой для всех желающих и достойных для вступления в Евросоюз[1].

В свою очередь, европейские демократические стандарты и новый формат конституционно-правовой идентичности становятся глобальным образцом для всего мирового сообщества – «европейским садом», в который каждый из мировой периферии стремится попасть для обретения полноты своих прав и свобод. Так, глава европейской дипломатии Ж. Боррель недавно достаточно четко обосновал идею евроатлантической квазиимперии, которая представляет собой «цветущий сад» вокруг варварских джунглей. Ядро империи – это привилегированная каста, а весь остальной мир должен проникаться и следовать культурному и политико-правовому идеалу, выраженному в триаде европейской политической свободы, экономической перспективы и социальной сплоченности: «Европа – *это сад*, мы создали этот сад… Все [в Европе] работает, это лучшая комбинация политической свободы, экономической перспективы и социальной сплоченности… Остальной мир – это не совсем сад. Большая часть *остального мира – это джунгли* (курсив мой. – *Е.К.*). А джунгли могут вторгнуться в сад. Мы должны гораздо больше быть вовлеченными в ситуацию в остальном мире. *Мы привилегированные люди*, мы создали комбинацию этих трех вещей (политическую свободу, экономическую перспективу и социальную сплоченность), но мы не можем претендовать на выживание в качестве исключения»[2].

Председатель Конституционного Суда РФ в рамках Петербургского юридического форума отметил, что евроатлантисты представляют свое политико-правовое пространство «священным градом, где свобода и правопорядок уравновешивают друг друга», а «за стенами священного града

[1] Хабермас Ю. Расколотый Запад. М.: Весь Мир, 2008. 186 с.

[2] Боррель заявил об угрозе вторжения «джунглей» остального мира в «сад» привилегированной Европы // Газета.ру. 12.05.2023. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/05/12/20416664.shtml?ysclid=m9d7uour81528256343 (дата обращения: 20.05.2026).

цивилизации, на территории дикости и варварства, граду позволено все, что способствует укреплению власти субъекта над объектом... Чем больше анархии и реакции будет находиться за стенами западного священного града, тем легче будет этому граду осуществлять принцип власти»[1].

В этом плане отмечается, что «авторитет международных неправительственных (стоящих выше всяких правительств) организаций направлен на “усомнение” в легитимности существующей власти и демократичности политического процесса в том или ином государственно-правовом пространстве. В то же время правовой характер выборных процедур и государственно-правовые основания не будут иметь особого значения, даже сам акт голосования граждан, достойный уважения, согласно Всеобщей декларации прав человека и гражданина, не имеет никаких юридических последствий для ОБСЕ»[2].

В рамках евроатлантического квазиимперского консервативного дискурса легитимация национальных правовых порядков не обусловливается волей нации, интересами и потребностями конкретных народов, последние интегрируются и репрезентуются глобальными институтами и международными организациями: «это международное сообщество не воплощается конкретно в каком-либо одном глобальном демократически установленном порядке, однако придает легитимность существующим международным институтам, которые отчасти его воплощают»[3].

Данные международные институты и организации становятся выразителями глобального демократического порядка, что подразумевает дальнейшую правовую унификацию и политическую стандартизацию на основе евроатлантического идеала. В качестве примера данного евроатлантического дискурса можно привести недавно принятый в ООН

---

[1] Глава КС России Зорькин: на Западе считают остальной мир территорией дикости и варварства // Газета.ру. 15.12.2023. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/05/12/20416664.shtml?ysclid=m9d7uour81528256343 (дата обращения: 20.05.2026).

[2] Мирзоев С. Гибель права: легитимность в «оранжевых революциях». М., 2006. С. 27.

[3] Фукуяма Ф. Указ. раб. С. 184.

(22 сентября 2024 года) доктринальный документ, так называемый «Пакт Будущего» («Пакт во имя Будущего»[1]), против которого резко выступала Россия (143 страны подписали данный пакт, семь стран проголосовало против – Белоруссия, Иран, КНДР, Никарагуа, Россия, Сирия, Судан и 15 стран воздержались).

В рамках данного документа фиксируется, что современные глобальные социальные, экологические, технологические проблемы и геополитические изменения обусловливают необходимость развития глобальных институтов и инструментов, которые будут представлять все народы мира для решения этих проблем и защиты потребностей и интересов настоящих и будущих поколений (п. 1 и п. 2 Пакта во имя Будущего). Следовательно, происходит легитимация на международно-правовом уровне неких глобальных институций, которые берут на себя право говорить, представлять и действовать не только от имени народов мира, но и будущего поколения. Причем действие от имени будущего поколения человечества создает еще более абстрактную идейно-ценностную систему, в соответствии с которой могут быть ограничены или нивелированы интересы и потребности, цели и направления национальных правовых политик.

Необходимость формирования глобального сообщества представляется как «новая неолитическая революция». Обосновывается, что человечество стоит на пороге масштабных климатических, биологических и демографических кризисов, чтобы выжить необходима кардинальная смена общественной политико-правовой организации. Поэтому обсуждаемые «глобальные преобразования – это шанс для обновления и прогресса на основе нашей общей человечности. Достижения в области знаний, науки, техники и

[1] Пакт во имя будущего, принятый Генеральной Ассамблеей 22 сентября 2024 года // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/79/1 (дата обращения: 20.05.2026).

инноваций могут обеспечить прорыв к лучшему и более устойчивому будущему для всех. Выбор за нами»[1].

Причем дальше обосновывается, что это не собственно выбор в его традиционном понимании, т.е. свободного решения присоединиться к новому формату глобальной политико-правовой организации, а есть неотложная необходимость, не предполагающая никакого реального выбора: «Это вопрос не выбора, а необходимости. Стоящие перед нами вызовы глубоко взаимосвязаны и намного превосходят возможности любого отдельно взятого государства. Действия, предусмотренные этим Пактом, имеют целью обеспечить, чтобы Организация Объединенных Наций и другие ключевые многосторонние учреждения могли строить лучшее будущее для людей и планеты, позволяя нам выполнять наши существующие обязательства»[2].

Соответственно, проект евроатлантической (глобальной) квазиимперии, которая формирует новые идеалы организации и жизнедеятельности человека, а также дискурс необходимости присоединения и подчинения ради выживания и противостояния масштабным кризисам. При этом постсуверенный евроатлантический проект можно охарактеризовать в качестве постконсервативной идеологии, поскольку в рамках последней по-иному интерпретируются старые ценности (равенство, свобода, социальная справедливость, права человека, ответственность и т.п.) и заново трактуется содержание давно устоявшихся социально-правовых терминов и юридических аксиом. Кроме того, в рамках последнего представлены и новые формы гражданской идентификации, соответствующие новому формату политико-правовой организации, где «государство уже не является *актором* интернациональной системы, а *одним из* акторов *среди других*, все же было бы неверным выплескивать вместе с водой ребенка и вместе с критикой взгляда,

[1] Пакт во имя будущего, принятый Генеральной Ассамблеей 22 сентября 2024 года // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/79/1 (дата обращения: 20.05.2026).

[2] Там же.

сконцентрированного на национальном государстве, упускать из вида возможности действия и самообразования государства в эпоху глобализма. Метаигра властей означает, что государство должно мыслиться, строиться и исследоваться как зависимое от разных обстоятельств и политически изменяемое»[1].

Именно поэтому новая социальная общность уже не нормируется и не структурируется национальным государством, а является глобальным «сосудом для реализации гражданской свободы», «конституционно-правовой общностью», обеспечивающей стабильность и устойчивость в глобальном изменяющемся мире, что предполагает полное нивелирование национальной государственно-правовой организации[2] – «национально-государственное мышление и действия должны быть полностью денационализированы»[3].

Выводы. Таким образом, традиционные типы государственно-правовой организации общественных систем стремительно меняются. Эти изменения протекают достаточно давно и затрагивают не только структурно-функциональные, системные и институциональные характеристики права и государства, специфику функционирования конкретных юридических институтов и государственно-правовых учреждений; но и ценностно-нормативные и духовно-нравственные аспекты жизнедеятельности человека, которые на протяжение веков обеспечивали воспроизводство общественных систем, преемственность социально-правового порядка.

Во многом данные изменения стимулируются развитием сетевых технологий коммуникации и цифровых форм в государственном управлении, что ведет и к обновлению имперских теорий и доктрин, в содержании которых предлагается совмещение консервативных принципов государственно-правовой организации общества с инновационными сетевыми формами и

---

[1] Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализации. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 28.

[2] Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. Государственная власть: парадигма, методология и типология. Монография. М.: Юрлитинформ. 2013. С. 247.

[3] См. об этом: Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: Изд-во РГГУ, 2000. 368 с.

цифровыми технологиями. Такое новое прочтение имперских идей и их отражение в социально-правовой идеологии, различных идеологических платформах, социально-экономических доктринах происходило на каждом этапе эволюции государственно-правовой организации общества. В настоящее время существуют разные прочтения традиционной имперской идеи, а также разработка имперских образов будущего. Последние представляются в различных концептах и доктринах – неоимперских, квазиимперских, постимперских государственно-правовых порядках.

Развитие сетевых технологий коммуникации и цифровых форм в государственном управлении «вдохнули новую жизнь» в развитие имперской теории и доктрин цифровых империй. В рамках последних происходит совмещение консервативных принципов государственно-правовой организации общества с инновационными сетевыми формами и цифровыми технологиями. Например, сохранение властно-иерархической структуры, традиций и ценностно-нормативных основ государства-империи (цифровой метрополии) и сетевое управление странами (информационными колониями).

Постсуверенный евроатлантический проект можно охарактеризовать в качестве постконсервативной идеологии, поскольку в рамках последней по-иному интерпретируются старые ценности (равенство, свобода, социальная справедливость, права человека, ответственность и т.п.) и заново трактуется содержание давно устоявшихся социально-правовых терминов и юридических аксиом. Кроме того, в рамках последнего представлены и новые формы гражданской идентификации[1], соответствующие новому формату политико-правовой организации, когда государство уже не является участником интернациональной системы, а является участником наряду с другими. Консервативная критика цифрового государства подчеркивает необходимость сохранения баланса между внедрением технологий и защитой традиционных ценностей, таких как свобода, приватность и суверенитет.

[1] Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. Государственная власть: парадигма, методология и типология. Монография. М.: Юрлитинформ. 2013. С. 310.

§ 4.4. Идеи и ценности солидаризма в современной западной консервативной правовой идеологии

Идейное зарождение и концептуальное оформление солидаризма имеет долгую историю. В социально-гуманитарном корпусе знаний принято считать, что идеи солидаризма начали активно внедряться и распространяться в философской и общественно-политической литературе в XIX веке. Тем не менее понятие «солидарность» впервые появляется уже в римском частном и публичном праве, где in solidum означало – все вместе, в полном размере.

Так, в римском частном праве солидарность, как правило, связана с концепцией obligatio in solidum, что означает совместную ответственность нескольких лиц за одно обязательство. Другими словами, каждый из должников может быть привлечен к полному исполнению обязательства, а кредитор имеет право требовать исполнения долга от любого из них[1]. В свою очередь, в римском публичном праве in solidum отражало идею совместной ответственности и взаимопомощи среди граждан. И данный принцип оказал существенное влияние не только на развитие римского права, но и на дальнейшую эволюцию государства и правовых систем[2].

Таким образом, в рамках развития правовой мысли и юридической практики, не только в континентальной Европе, но и других странах, на которые оказало влияние римская юридическая мысль и где были реципированы институты римского права, идеи солидаризма достаточно давно вплетены в социально-правовую жизнедеятельность общества.

С рецепцией римского права концепция in solidum в средневековой христианской философии развивалась в трех основных направлениях.

---

[1] Римское частное право / под ред. Р.А. Курбанова. М.: Проспект, 2015. 312 с.

[2] Corrias L. Solidarity and Community: From the Politics of the Clan to Constituent Power // Netherlands Journal of Legal Philosophy. 2021. № 2. Vol. 50. P. 129–141. URL: https://www.njlp.nl/tijdschrift/rechtsfilosofieentheorie/2021/2/NJLP_2213-0713_2021_050_002_003.pdf?t (дата обращения: 10.11.2024).

Во-первых, христианство сыграло ключевую роль в формировании современных представлений о солидарности. Так, учение о любви к ближнему, взаимопомощи, примирении и согласовании интересов стало в последующим основополагающим для развития солидаристских идей и консервативно-правовых учений[1]. Согласно последним движущей силой развития человека и общества являются не противоречия, корысть, насилие, а стремление к гармонии, единодушию и взаимопомощи. Это развитие более высокого порядка, отличающегося от животного мира и присущего именно человеку, это движение к разумному (интеллектуальному) и духовному совершенству[2].

Во-вторых, христианские философы того времени, такие как Фома Аквинский, развивали идеи о естественном праве и общем благе, которые подчеркивали важность социальной гармонии и сотрудничества для достижения общего блага. При этом утверждалось, что «вечный закон» («lex aeterna») и его воплощение в естественное право выступили для христианских философов в качестве высших этических критериев для разнообразных типов жизнедеятельности и основой для содержательной трактовки социальной справедливости и гармонии. Концепция «in solidum» как раз и стала теоретико-практическим обоснованием единства и гармонии божественного и земного[3], а важнейшим мерилом человеческих законов и созданных государственных институций выступило то, насколько последние «обеспечивают полноценное функционирование норм естественного права»[4].

В-третьих, концепция «in solidum» интерпретировалась не только в онтологическом аспекте, но и в гносеологическом, т.е. в контексте целостного

[1] Blais M.-C. La solidarite: Histoirite d`une idee. P.: Gallimard, 2007. P. 84.

[2] См. об этом: Кальтенбруннер Г.К. Трудный консерватизм. М.: Тотенбург, 2020. 302 с.; Гребер Д., Уэнгроу Д. Заря всего. Новая история человечества. М.: Ад Маргинем, 2025. 560 с.

[3] Аквинский Ф. Сумма теологии. К., 2002. I. 2. 91. 1.

[4] Папаян Р.А. Христианские корни современного права. М., 2002. С. 29.

подхода к изучению божественного и философского знания[1]. Средневековые мыслители стремились к интеграции различных аспектов знания в единую систему, что отражает стремление к пониманию мира как единого целого под божественным началом.

Учитывая недавние фундаментальные исторические, этнографические и антропологические исследования, можно сказать, что солидаристская концепция начинает формироваться в начале XVII века. На ее содержание повлияли общеевропейские дискуссии об естественном праве. Причем важно подчеркнуть, что эти дискуссии были инициированы не только рецепцией античного наследия, но и новейшими географическими открытиями, когда европейская интеллектуальная традиция сталкивается с идеями и принципами организации коренных народов Нового света.

Так, например, в своем фундаментальном труде «Заря Всего. Новая история человечества» Дэвид Гребер и Дэвид Уэнгроу как раз и обсуждают эти два источника развития солидаристских концепций, которые затем стали идейно-концептуальным и теоретико-практическим основанием современных консервативно-правовых учений и доктрин.

Во-первых, ключевые понятия равенства, социальной справедливости, социальной взаимопомощи и сплочения приобретают свое идейно-смысловое содержание в контексте развития теории естественного права и интеллектуального осмысления социальной организации кореных народов Нового Света: «На самом деле термины “равенство” и “неравенство” начали входить в обиход только в начале XVII века под влиянием теории естественного права. А теория естественного права, в свою очередь, возникла преимущественно в ходе дебатов о моральных и правовых последствиях европейских открытий Нового Света (когда европейское общество столкнулось с «солидаристскими» принципами жизни коренных жителей Нового Света, с их практиками равенства, взаимопомощи, справедливости и

[1] Фоминская М.Д. Идея достоинства личности и прав человека в христианской правовой мысли: дис. … докт. юрид. наук. Ростов н/Д., 2021. 480 с.

проч. – *Е.К.*)… Многие влиятельные мыслители эпохи Просвещения утверждали, что напрямую заимствовали некоторые идеи у коренных американцев… Тогда возник юридический и философский вопрос: какими правами обладают человеческие существа просто в силу того, что они люди, – то есть какие у них есть “естественные” права, даже если они существуют в естественном состоянии, не подвержены влиянию философии, религии и систематизированного законодательства?»[1].

Причем, «использование концепции естественного состояния … позволило политическим философам, писавшим после XVII века, изобразить людей, не имеющих внешних атрибутов цивилизации, не как деградированных дикарей, а как представителей человечества “ в сыром виде”. Это в свою очередь позволило им поставить целый ряд вопросов о том, что значит быть человеком? Какие формы социальной организации были бы свойственны даже людям, не имеющим узнаваемых форм государства и права? Присуще ли людям в естественном состоянии стремление к общению, или же они избегают друг друга?»[2].

С другой стороны, «европейцы, воспитанные на классической, античной литературе, также были знакомы с рассуждениями о давних, счастливых, эгалитарных порядках, которые проявляются в греко-римских источниках; а представления о равенстве, по крайней мере среди христианских народов, можно было найти в концепции *res publica* или понятии “содружества” (*commonwealth*), которые опять же обращаются к античным истокам»[3].

В целом можно заключить, что идеи солидаризма возникли в правовой мысли достаточно давно. На их развитие оказали влияние как эволюция и преемственность в развитии социально-правовой мысли, так и межкультурный диалог. Можно сказать, что солидаризм сформировался в

[1] Гребер Д., Уэнгроу Д. Заря всего. Новая история человечества. М.: Ад Маргинем, 2025. С. 36.

[2] Там же. С. 38.

[3] Гребер Д., Уэнгроу Д. Заря всего. Новая история человечества. М.: Ад Маргинем, 2025. С. 39.

качестве особого «социально-правового кода», который уже позднее развивался в различных философских, социологических, экономических, правовых и политологических учениях.

Одним из важнейших направлений развития солидаризма стала французская правовая мысль. Например, как отечественные[1], так и зарубежные[2] исследователи, внесшие существенных вклад в развитие солидаризма в XIX–XX вв., утверждали, что страной возникновения солидаристских идей, внесшей существенный вклад в развитие солидаризма, является Франция[3]. Именно Французской революции, провозгласившей идеи братства, товарищества, социальной справедливости и т.д., солидаризм обязан своим содержанием. Однако с исторической точки зрения, как мы видим, это является не совсем верным, идеи солидаризма развивались с момента зарождения и развития правовой мысли.

Неслучайно, Пьер Леру, с именем которого связано активное продвижение идей солидаризма в Европе, их социально-философское обоснование и практическое применение в государственной деятельности, имел фундаментальное правовое образование и был известным практикующим юристом. Именно он позаимствовал «у легистов (средневековых юристов, распространяющих в Западной Европе римское

[1] Гинс Г.К. Право и сила: очерки по теории права и политики. Харбин: Типография КВЖД, 1929. 112 с.; Гинс Г.К. Новые идеи в праве и основные проблемы современности. Харбин: [б. и.], 1931. 282 с.; Гинс Г.К. На путях к государству будущего: от либерализма к солидаризму. Харбин: Типография Н.Е. Чинарёва, 1930, 230 с.; Вощин И.В. Солидаризм: Рождение идеи. Франкфурт-на-Майне: Изд-во Посев, 1969. 79 с.; Редлих Р.М. Солидарность и свобода. Франкфурт-на-Майне: Изд-во Посев, 1984. 336 с.; и др.

[2] См. подробнее о зарубежной традиции понимания и исследования солидаризма: Гофман А.Б. Традиция, солидарность и социологическая теория: Избранные тексты. М.: Новый хронограф, 2015. 496 с.

[3] Многие историки права и государства даже берут французскую революцию в качестве исторического маркера появления и развития солидаристского направления в юридической науке. Хотя, как отмечалось выше, идеи солидаризма имеют более глубокую историю. Однако несомненно, что французские революционеры и идеалисты сделали данные идеи солидаризма движущей силой государственно-правовых изменений.

право)»[1] концепцию «in solidum» и дал ей философское, политическое и экономическое обоснование.

В этом плане «истоки идеи солидарности можно обнаружить и в представлении о христианском милосердии, и в тезисе о человеческом братстве, сформулированном Французской революцией в конце XVIII в… Принцип солидарности, ее значение, реальность и необходимость обосновывали представители самых разных и даже противоположных направлений: социалисты и либералы, реформисты и революционеры, консерваторы и новаторы, умеренные и радикалы, клерикалы и лаицисты, анархисты и этатисты, мистики и сторонники строгой науки. Разумеется, интерпретации идеи солидарности оказались столь же разнообразными, как и сами эти течения»[2].

Ровно то же можно сказать и о современных идеях солидаризма в консервативной правовой идеологии, которые не представляют собой отдельного или более-менее целостного феномена, социально-правовой практики или общественно-политического движения. Если использовать язык научных метафор, то следует заключить, что идеи солидаризма в западноевропейской правовой литературе представляют собой определенное «рефлексивное поле», в котором в диалогическом взаимодействии развивается ряд идейно-смысловых направлений.

Это идейно-смысловое направление в западноевропейской консервативной идеологии базируется на понимании общества как органического социокультурного целого (в противовес механистической совокупности отдельных индивидов, интегрированных в общее правовое пространство), которое воспроизводится в общественных отношениях посредством общих ценностей и принципов социальной сплоченности,

[1] Гофман А.Б. Леон Буржуа, Селестен Бугле и солидаризм // Солидаризм во Франции в период Третьей Республики: Л. Буржуа и С. Бугле: сб. переводов / пер. с фр. РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. М.: ИНИОРН РАН, 2016. С. 4.

[2] Там же. С. 5.

взаимопомощи и поддержки между его членами. При этом солидарность означает не только защиту и поддержку традиционных правовых ценностей и институтов, но и ответственность за благополучие различных правокультурных сообществ и общества в целом.

Такое представление о социально-культурной целостности формирует принципиально иное понимание правовой жизни общества, не вписывающейся в современный западноевропейский мейнстрим, т.е. доминирующую правовую идеологию. Ключевым направлением развития в последнее столетие в рамках западноевропейского правового дискурса (особенно после Второй мировой войны, принятия Всеобщей декларации прав человека[1], формирования общеевропейских политико-правовых институций и т.д.[2]) выступает ориентация на формирование «общеевропейского конституционно-правового сосуда», вмещающего в себя разнообразные социальные элементы, свободные от традиционных форм идентификации и интегрированные «общей конституционно-правовой идентичностью»[3].

Устойчивой траекторией развития западноевропейской правовой идеологии было высвобождение всей правовой жизни общества от всевозможных «культурных и этнических идентичностей», социокультурных форм сплоченности, которые ставили под сомнения и дефрагментировали общеевропейскую «конституционно-правовую солидарность».

Начиная со второй половины XX века после крушения советской системы и дискредитации традиционных форм государственно-правовой организации общественных систем начали интенсивно распространяться идеи глобальной неолиберальной демократизации[4], оттесняя консервативную идеологию и

---

[1] Всеобщая декларация прав человека (Принята резолюцией 217 A (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 10.11.2024).

[2] См. об этом: Бенуа де А. По ту сторону прав человека. В защиту свобод. М.: ТД ИОИ, 2015. 140 с.; Краснов М.А. Христианство и права человека: компендиум. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 147 с.

[3] Хабермас Ю. Расколотый запад. М.: Весь мир, 2008. С. 31.

[4] Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: Изд-во АСТ: Полиграфиздат, 2010. 588 с.

солидаристский принцип социально-правовой жизни общества на периферию человеческого развития[1]. Последнее, в свою очередь, активизировало развитие и распространение новых форм социального единства[2], основанных на универсальных правах человека, стандартизированных политических институтов и унифицированных технологиях публичного управления[3].

При этом, по утверждению швейцарского исследователя Урса Альтерматта, в новой глобальной правовой реальности «национально-государственное мышление и действия европейцев должны быть денационализированы»[4], а все традиционные социально-нормативные регуляторы (религия, обычаи, мораль, нравственные стандарты и т.п.) больше не являются нормирующими и структурирующими элементами социальной жизни современного человека и общества. Современные формы организации и системы нормирования «могут существовать лишь в том случае, если они освобождаются от культурной и этнической идентичности»[5].

Однако социально-нормативный кризис в западноевропейских обществах, проявляющийся в растущей социальной напряженности и повышении криминогенности, во многом обусловлен разрушением ценностно-нормативных оснований и солидарности европейских сообществ. Многие эксперты фиксируют рост радикального сознания, падение доверия к социальным институциям, низкий уровень легитимности публичных институтов власти. Все это проводит к свертыванию либеральной демократической стратегии развития и запросу на обеспечение сплоченности и безопасности.

---

[1] Конституция. Конституционализм. Конституционный суд: монография / под ред. А.А. Ливеровского, А.И. Овчинникова. М.: Проспект, 2023. 193 с.

[2] Багаева А.В. Правовые основы европейской интеграции. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2024. 266 с.

[3] Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 467 с.

[4] Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: Изд-во РГГУ, 2000. 368 с. URL: https://djvu.online/file/iT3YUsaiCEvX7?ysclid=m68pvlw7et749081103 (дата обращения: 10.11.2024).

[5] Там же.

Об этом в свое время достаточно точно писал известный русский правовед П.И. Новгородцев: «Если демократия открывает широкий простор свободной игре сил, проявляющихся в обществе, то необходимо, чтобы эти силы подчиняли себя некоторому высшему обязывающему их началу. Свобода, отрицающая начала общей связи и солидарности всех членов общения, приходит к самоуничтожению и разрушению основ государственной жизни»[1].

Известный итальянский консерватор Данило Дзоло маркирует современную ситуацию в европейских обществах как неолиберальную постдемократию, где ключевой потребностью является не развитие свобод и демократических институций, а ориентация на «общеевропейскую концепцию безопасности». Эту тенденцию он характеризует достаточно негативно, поскольку с разрушением ценностно-нормативных основ и солидаристских идеалов «происходит переход от положительного понимания безопасности к отрицательному. Это понятие все меньше отождествляется с идеями социальной принадлежности, солидарности, взаимопомощи, демократического признания суверенности личности и ее участия в общественной жизни; в противовес ему утверждается постдемократическая концепция безопасности»[2].

Соответственно, разрушение принципов солидаризма и национально-культурных оснований социально-правовой целостности формирует, с точки зрения современных консерваторов, достаточно абстрактный правовой порядок, легитимность которого поддерживается искусственно через «негативную концепцию общей безопасности» и весьма абстрактной доктрины «универсальных прав и свобод». Эта искусственность уничтожает историю европейских правовых и политических традиций.

---

[1] Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. С. 559.

[2] Дзоло Д. Постдемократия и сложность: реалистический подход. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010. С. 14.

Примечательно, что многие современные консерваторы, используя научную метафору Френсиса Фукуямы, говорят о конце истории, однако не в позитивном, а именно в негативном ключе. Они соглашаются с американским исследователем, что в конце XX века прежде всего европейское сообщество подходит к концу истории. Причем не в плане победы либеральной идеологии над всеми другими идеологическими платформами (социализмом, консерватизмом и т.д.), а в контексте уничтожения самой истории и правокультурных оснований социально-правового порядка: «Для консерваторов отказ от истории был неприемлем, поскольку они видели в истории жизнь общества и стремились найти образец для подражания в прошлом, чтобы построить будущее»[1].

Более того, отказ от духовно-нравственных стандартов и национально-ценностных оснований разрушает и позитивную социально-экономическую динамику, поскольку именно последние придавали рыночным отношениям солидаристскую направленность развития и достижения общего блага, и имели христианскую направленность[2].

В этом плане наблюдая те социально-правовые трансформации, которые происходят последние полвека, современные европейские консерваторы предпринимают попытку реабилитации солидаристских оснований современной политико-правовой и социально-экономической организации общества.

В последнее время активизировался поиск «новых моделей выживания, самосохранения и развития наций и государств, относительно конструирования новых “миростроительных” проектов, шире – относительно новых структурных и этнических основ общечеловеческой и локальной социальности… В условиях глобального транзита на первый план выходит

[1] Строить будущее, опираясь на прошлое // Образы будущего в политической философии XX–XXI веков: коллективная монография / под ред. М.М. Федоровой. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 159.

[2] Suvanto P. Conservatism from the French Revolution to the 1990s. Transl. from Finnish by R. Fletcher. Basingstoke, 1997. P. 157–158.

вопрос о согласовании и солидаризации интересов, ценностей и потенциалов всех участников общественных отношений, поэтому социальная теория солидаризма, для которой этот вопрос является ключевым, обретает новое звучание и вполне реальные перспективы востребованности»[1].

Отличительной характеристикой солидаристских идей в рамках консервативно-правовой идеологии является солидарность двух типов:

во-первых, это горизонтальная социальная сплоченность и справедливость, которые обусловливают целостность общества, социальную взаимопомощь и поддержку в рамках действующей системы общественных отношений, а также права и обязанности по отношению к друг другу, взаимной ответственности перед каждым членом сообщества. Именно в соответствии с последним, с точки зрения консерваторов, должны формироваться национальные социально-правовые институции, государственно-правовые режимы и инструменты (императивного, дозволительного рекомендательного или стимулирующего характера, которые, в свою очередь, обеспечивают национальный образ социально ответственной жизнедеятельности граждан, социальную справедливость в рамках разнообразных общественных отношений и т.д.);

во-вторых, это более сложная и национально обусловленная система, имеющая вертикальный характер, обеспечивающая социальную солидарность и единство прошлых поколений, нынешних членов общественной системы и будущих поколений[2].

---

[1] Окара А.Н. Социальная солидарность как основа нового «миростроительного» проекта // Научный семинар «Идеология и философия солидаризма». URL: https://intelros.ru/pdf/synergia_09_10/2.pdf?ysclid=m68rnuxbl6222334282 (дата обращения: 10.11.2024).

[2] Например, Палата Лордов в Великобритании играет не только консервативную, стабилизирующую роль, т.е. не позволяет королю и Палате общин игнорировать политические традиции и проводить политику, соответствующую только текущему моменту. Палата Лордов заставляет другие государственные органы поддерживать преемственность в развитии конституции. Как справедливо отмечает В.А. Томсинов, «неписанный характер конституции Великобритании, повышенная роль традиций, обычаев, соглашений в регулировании политических отношений в этой стране предполагали наличие в системе высшей государственной власти органа, выступающего

Л. Буржуа в своей книге, посвященной солидаризму, отмечает по этому поводу, что из «общего закона о солидарности» происходят права и обязанности членов сообщества не только по отношению друг к другу, но и к предкам, а также потомкам: «Как только ребенок, отнятый от груди, окончательно отделяется от матери и становится отдельным существом, получающим извне необходимую ему для существования пищу, он оказывается должником. Он не сделает больше ни одного шага, ни одного жеста, не обеспечит удовлетворение никакой потребности, он не реализует ни одну из своих зарождающихся способностей, не черпая из бесконечного резервуара благ, накопленных человечеством»[1].

В этом же контексте следует рассматривать и активное развитие института омбудсмена по правам будущих поколений. Последний, с одной стороны, формирует социально-правовую ответственность нынешнего поколения не только перед прошлым, но и перед будущими членами общественной системы. Это институт единения/солидаризации с будущими членами социальной жизнедеятельности общества, правообязаность и ответственность перед ними.

Например, в Венгрии омбудсмен по делам будущих поколений наделен рядом специальных полномочий, которые предусмотрены Основным законом и Законом об омбудсмене[2]. В Российской Федерации также обсуждается вопрос о необходимости создания фундамента для защиты прав будущих поколений. Так, по словам Уполномоченного по правам человека в

хранителем конституционных устоев, предохраняющего государство от непродуманных и слишком резких реформ». Главной и признанной важнейшей задачей данной Палаты является обеспечение преемственности между поколениями, солидаризация прошлых, нынешних и будущих поколений (Томсинов В.А. Палата лордов в государственном строе Великобритании в XIX в.: «Доктрина Солсбери» // Вестник РУДН. Юридические науки. 2014. № 3. С. 121–132).

[1] Bourgeois L. Solidarite. P.: Colin, 1896. P. 47.

[2] Прокофьев А.В. Справедливое отношение к будущим поколениям (нормативные основания и практические стратегии) // Этическая мысль. 2008. № 8. С. 229–253.

Российской Федерации Татьяны Москальковой, многонациональный народ России несет ответственность перед нынешними и будущими поколениями[1].

В то же время следует отметить, что солидаризм выступает идейным направлением, которое выражается совершенно по-разному в различных правовых идеологиях. Даже в рамках западноевропейского консерватизма идеи солидаризма оформляются разнообразно, исходя из доминирующих в общественных отношениях проблем. Например, во французской консервативной мысли солидаризм имеет преимущественно социально-экономический уклон.

Здесь основной проблематикой выступают вопросы неравенства и социальной ответственности, а в доктринально-программных положениях обосновываются направления правовой политики, связанные с совершенствованием:

во-первых, правовых режимов, обеспечивающих справедливое распределение доходов, в том числе льготных режимов, поддерживающих неблагоприятные слои населения;

во-вторых, социально-правовых инструментов, стимулирующих взаимопомощь и социальную ответственность политических, экономических и гражданских институций (например, различные формы корпоративной социальной ответственности[2]) и т.д.

При этом ключевое требование консерваторов в развитии французского правового пространства – это не только сохранение национальной специфики и базовых традиционных институтов, но и законодательная фиксация

[1] Татьяна Москалькова: Важно создать фундамент для защиты прав будущих поколений // Российская газета. 09.05.2022. URL: https://rg.ru/2022/05/09/tatiana-moskalkova-vazhno-sozdat-fundament-dlia-zashchity-prav-budushchih-pokolenij.html?ysclid=m6o28qhign259609303 (дата обращения: 24.05.2024).

[2] Berthoin-Antal A., Sobzack A. Corporate social responsibility in France: a mix of national traditions and international influences // Business and Society. 2007. № 46. P. 9–32. DOI: 10.1177/0007650306293391.

принципов взаимной ответственности, справедливое распределение доходов, социальной взаимопомощи[1].

Солидаристские идеи в консервативной правовой идеологии Великобритании традиционно «вращались» вокруг социальной сплоченности, культурной уникальности и были всегда ориентированы на гармоничное развитие каждого подданого английской короны. В отличие от либеральной правовой идеологии, британский солидаризм предполагал активное вмешательство государства в социально-экономическое и культурное развитие общества. Солидаризм оказал существенное влияние на развитие современного английского права, особенно это проявляется в английских конституционно-правовых обычаях и традициях, ориентированных на примирение и поиск компромиссов, сотрудничества и взаимопомощи[2].

В настоящее время солидаризм в Великобритании также приобретает актуальность и востребованность, особенно в свете социальных изменений и культурных вызовов, связанных, прежде всего, с миграцией. Ключевой солидаристской проблематикой здесь также выступает социальное неравенство, кризисы в сфере здравоохранения и образования, которое ощутимо себя показали в период глобальной эпидемии COVID-19.

В частности, профсоюзы, такие как UNISON, активно борются за законодательные изменения в сфере защиты прав работников и улучшение условий труда. В свою очередь, в публичной сфере выступают за развитие практик солидарности между различными слоями населения. Так, генеральный секретарь UNISON К. Макаэна систематически в своих публичных выступлениях и предлагаемых проектах подчеркивает, что солидарность – это краеугольный камень развития английского общества.

[1] Солидаризм во Франции в период Третьей Республики: Л. Буржуа и С. Бугле: сб. переводов / пер. с фр.; РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. М.: ИНИОН РАН, 2016. 215 с.

[2] Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Вече, 2009. 456 с.

Только «стоя вместе, поддерживая друг друга», можно решить многие социальные проблемы современной Великобритании[1].

Идеи солидаризма также находят свое выражение как в острых политических дебатах, так и в предлагаемых законодательных изменениях, направленных на реформирование всей сферы общественных услуг и улучшение социально ориентированных сфер деятельности. Актуализация солидаристских идей практически реализуется в появлении новых законодательных инициатив, например, закона о правах работников, направленного на защиту уязвимых групп населения, в котором фиксируется важность солидаристских ценностей в современном обществе.

В целом можно утверждать, что идеи солидаризма в современной Великобритании представляют собой динамичный элемент консервативно-правовой идеологии, которая продолжает развиваться и адаптироваться к новым социальным вызовам и национально-культурным угрозам. Идеи сплоченности, взаимопомощи, социальной поддержки и ответственности становятся все более востребованными в условиях глобальных трансформаций, миграционных потоков и кризиса международного права.

Солидаризм весьма активно развивается в Германии с начала XX века и до сих пор продолжает оказывать влияние на правовую, политическую и жизнь страны. Солидаризм как элемент консервативной правовой идеологии начал формироваться в Германии после Первой мировой войны, особенно в католической среде. Важными фигурами этого движения стали Генрих Пеш и Густав Гундлах, которые выступали за социальное сотрудничество и защиту интересов различных групп в обществе, подчеркивали необходимость органического понимания общества, где государство должно вмешиваться в социально-экономическую жизнь общества для защиты граждан[2].

---

[1] McAnea C. Opinion: ‘I am determined and optimistic’ for the year ahead // UNISON. URL: https://www.unison.org.uk/news/2025/01/opinion-our-strength-lies-in-solidarity-standing-together/?t (дата обращения: 10.11.2024).

[2] Галкин А.А., Рахшмир П.Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. Л.: Наука, 1987. 188 с.

В послевоенной Германии солидаристские идеи были продолжены Христианско-демократическим союзом (ХДС) и Христианско-социальным союзом (ХСС). Эти партии акцентировали внимание на принципе субсидиарности, который предполагает, что более высокие уровни власти должны помогать более низким, а не заменять их[1]. Это проявлялось в законодательных инициативах, направленных на формирование «сильной социальной политики» государства, развитие местных сообществ и поддержание малого бизнеса.

В XXI веке солидаризм стал фрагментированной идеологией, которая адаптируется к новым социальным условиям. Актуальность этой концепции возросла из-за увеличения значимости человеческого капитала и изменения социальных связей, которые становятся более сетевыми и менее вертикальными.

Солидаризм также рассматривается как альтернатива как либерализму, так и социализму. Он пытается сбалансировать интересы индивида и общества, что делает его привлекательным для различных социальных групп. В условиях глобализации и социальных изменений солидаристские идеи могут стать основой для формирования новых моделей социальной политики. Таким образом, солидаризм в современной Германии представляет собой многогранное явление с глубокими историческими корнями и продолжает развиваться в ответ на современные социальные реалии.

В современной Италии солидаризм имеет длинную историю, его истоки восходят к католической социальной доктрине, которая оказала значительное влияние на формирование общественной жизни, социально-правовое и политическое развитие.

Идеи солидаризма в Италии начали активно развиваться в начале XX века, когда католический священник Луиджи Стурцо основал Народную партию. Эта партия сыграла ключевую роль в создании кооперативов и

[1] Нойхауз Н. Ценности христианской демократии. М.: Республика, 2005. 200 с.

христианских профсоюзов, что стало основой для формирования «белого синдикализма», противопоставленного «красному» (коммунистическому) и «черному» (фашистскому) синдикализму. Основные принципы солидаризма были изложены в энциклике Папы Льва XIII «Rerum Novarum», которая подчеркивала важность социальной справедливости, взаимопомощи и защиты прав трудящихся. Во многом последняя определила современное понимание солидаризма в западноевропейском обществе и основополагающих традиционных ценностей, которые воспроизводились в консервативно-правовых доктринальных и программных положениях.

Во многом данная папская энциклика сформировала смысловое ядро современного солидаризма не только в Италии, но в рамках так называемой «старой Европы». Значимость энциклики также связана с тем, что она появилась в переходный период развития общественных систем, т.е. в период от одной социально-экономической системы к другой, от одного технологического уклада общества к принципиально иному. Развивающаяся капиталистическая система, производственные отношения, рыночная экономика требовали новые идейно-смысловые и социально-правовые основы организации и развития общественных систем. И христианская философская мысль, а также официальные документы католической церкви сформировали последние для европейского общества.

Многие консервативно-правовые учения опирались на это смысловое ядро солидаризма, а в рамках доктринально-программных положений обсуждались проблематики, сформулированные в папской энциклике, предлагались, в рамках социально-правового проектирования, разнообразные решения последних (как государственно-правового, так и гражданского характера)[1].

[1] См.: Консервативная правовая идеология в Западной Европе и России в XVIII–XX вв.: сравнительный анализ: монография / под ред. А.А. Васильева. М.: Юрлитинформ, 2016. 279 с.; Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с.; Мухаев Р.Т. История политических и правовых учений Нового и Новейшего времени. М.: Издательство Юрайт, 2022. 398 с.; и др.

В папской энциклике достаточно большой объем уделяется социально-правовым характеристикам рабочего режима, ставшего основополагающим в новых политэкономических отношениях, его защите и назначению. Работа должна быть добросовестной и быть на благо не только традиционной семье, но и обществу, ее оплата и условия должны быть справедливыми. При этом работодатели (капиталисты) должны «уважать в каждом человеке его достоинство как человека, облагороженного христианским характером… Его великая и главная обязанность – давать каждому то, что справедливо»[1].

Главная задача государства – это обеспечение солидарности в обществе и достижения общего блага, именно реализуя последние, политическая власть обеспечивает «христианское устройство государства». Причем социальные права человека «видны в гораздо более ярком свете, если рассматривать их в связи с социальными и домашними обязанностями человека… Никакой человеческий закон не может отменить естественное и изначальное право брака или каким-либо образом ограничить главную и основную цель брака»[2].

В этом плане ясно виден источник базовых положений консервативно-правовой идеологии, а именно, что права человека неотрывно связаны с общими социальными задачами (солидаристскими обязанностями человека перед свои сообществом) и традиционными семейными ценностями: «Государство в основном процветает и преуспевает посредством морального правления, хорошо упорядоченной семейной жизни, уважения к религии и справедливости, умеренного и справедливого взимания государственных налогов, прогресса искусств и торговли, обильного урожая земли – посредством всего, что делает граждан лучше и счастливее»[3].

Современный итальянский солидаризм продолжает развиваться, сохраняя свои корни в христианской демократии. Христианско-

[1] Rerum Novarum. Encyclical of Pope Leo XIII on Capital and Labor // Официальный сайт Ватикана. URL: https://www.vatican.va/content/leo-xiii/en/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_15051891_rerum-novarum.html (дата обращения: 16.06.2026).

[2] Там же.

[3] Rerum Novarum. Encyclical of Pope Leo XIII on Capital and Labor…

демократическая партия, основанная после Второй мировой войны, унаследовала идеи Стурцо и продолжила их реализацию в правовой политике. В последние десятилетия наблюдается возрождение интереса к солидаризму как ответу на современные социальные вызовы, такие как экономическое неравенство и миграционные кризисы.

Солидаризм также находит отражение в различных гражданских инициативах и движениях, направленных на поддержку семейных ценностей, социального взаимодействия и сотрудничества между различными группами населения. Эти инициативы включают создание кооперативов, семейных предприятий и активное участие граждан в решении местных проблем.

В этом аспекте современные солидаристские основания правовой идеологии ориентируют развитие действующего законодательства на обеспечение и защиту традиционных ценностей, системы общественного воспитания, что создает условия для развития ответственной личности, гарантирует справедливое распределение в обществе. Например, многие современные консерваторы достаточно активно обосновывают и отстаивают необходимость законодательного закрепления принципов и системы общественного воспитания. Более того, если раньше в Италии различные социальные работники выполняли в основном технические функции, то в последнее время в их деятельности важнейшее внимание уделяется именно педагогическому и воспитательному компонентам, социокультурной адаптации и взаимопомощи[1].

В целом следует отметить, что актуализация солидаризма в консервативной правовой идеологии, как показывает история, происходит в тот период, когда проблематизируются ценностно-нормативные основания воспроизводства общественной целостности и ее устойчивого развития. Консервативные политики, придерживающиеся идеи солидаризма, обычно поддерживают социальные программы и политики, направленные на

[1] Лупенкова Н.В. Образовательные реформы Италии: история и опыт // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 3. Ч. 2. С. 155–162.

укрепление семьи, общественную безопасность, занятость и защиту наиболее уязвимых групп населения. Они признают, что только через солидарность и взаимопомощь можно обеспечить стабильность и процветание общества.

Выводы. Таким образом, идеи солидаризма стали важным аспектом западноевропейского консерватизма, подчеркивающим необходимость взаимодействия и сотрудничества между гражданами и группами общества для достижения общих целей и ценностей.

Обобщая, можно отметить, что солидаристское направление в западной консервативной правовой идеологии отстаивает восстановление в рамках современной государственно-правовой организации общества:

во-первых, приоритет духовно-нравственных ценностей и традиций, обеспечивающих сохранение духовных и моральных основ общества. При этом отвергаются крайности неолиберального индивидуализма (например, выраженного в современных течениях законодательного гарантирования разнообразия сексуальной и гендерной идентичности) и тоталитарного коллективизма (например, проявляющегося в направлениях тотального цифрового контроля и современных цифровых формах идентификации), подчеркивая важность сплоченности и гармонии в системе национальных интересов (интересов личности – общества – государства);

во-вторых, приоритет органической структуры общества над механистическим объединением атомизированных индивидов в сетевых и цифровых проектах инновационной организации людей (например, доминирующие модели инклюзивного капитализма[1] или цифровых метавселенных[2]). Здесь подчеркивается взаимосвязь, социальная и юридическая ответственность между членами общественной системы, ориентация на правокультурный характер общественного порядка;

[1] Шваб К. Капитализм всеобщего блага. Новая модель мировой экономики. М.: Бомбора, 2022. 352 с.

[2] Ситников М.С. Право и метавселенная: некоторые вопросы теории и практики // Цифровое право. 2023. № 4. С. 51–71.

в-третьих, отказ от абстрактных принципов и радикальных идеологий, социальная стабильность и преемственность в развитии для консерватора важнейшая ценностно-нормативная ось, любые революционные изменения или кардинальное реформирование социально-правового устройства маркируются однозначно негативно. Любые доктринально-программные положения в консервативной идеологии исходят из эволюционного подхода к реформам. В этом контексте солидаризма последние становятся своего рода компромиссной моделью, которая поддерживает баланс между свободой и ответственностью;

в-четвертых, приоритет модели социального партнерства, где права и обязанности граждан сбалансированы. Это перекликается с консервативной идеей социальной ответственности и поддержания общественного порядка через укрепление традиционных институтов – семьи, религии и местных сообществ. Важно подчеркнуть, что для солидаризма социальное партнерство – это не частноправовой, а публично-правовой институт. В этом плане социальное партнерство представляет собой один из ключевых социальных институтов современного общества. Он не исчерпывается трудовыми отношениями, бизнес-процессами, социальными соглашениями, социально-экономическими компромиссами и проч.

Социальное партнерство представляет собой сложную систему устойчивых общезначимых отношений между личностью, обществом и государством, и ориентировано на выражение, организацию и реализацию доминирующих (публичных и скрытых) социальных интересов и ценностей, общенациональных и локальных задач (например, местного сообщества). При этом организация и реализация последних базируются на развитых формах социально-правового взаимодействия и социально-экономического партнерства, социальных технологиях мобилизации материальных и символических ресурсов[1].

[1] Мамычев А.Ю., Калюжный В.В. Социальное партнерство как принцип публично-властной организации современного общества: теоретико-концептуальные и практические

Данный институт является одним из значимых в механизме социальной самоорганизации и общественного саморазвития, поскольку он диалектически сочетает формы и технологии стабилизации и гармонизации общественных (публично-властных, корпоративных, коммерческих, некоммерческих, культурных, научных и т.п.) отношений, с активизацией стимулов и условий совместного развития. Кроме того, социальное партнерство обеспечивает условия для бесконфликтного взаимодействия и взаимного обогащения традиций и инноваций, модернизационных и консервативных (культур-цивилизационных) трендов в развитии общества;

в-пятых, государство выступает гарантом социальной целостности и общественной солидарности, только последнее в меняющемся мире ориентировано на сохранение общественной сплоченности и воспитание у человека чувства долга и уважения к общественным институциям. Последнее реализуется посредством развития системы государственного образования и воспитания, социально ориентированной политики (социального страхования, обеспечения и т.д.), государственные институты выступают посредником в различных общественных отношениях, нормируя и сглаживая социальные противоречия и конфликты.

аспекты (на материалах социологических исследований и экспертных опросов) // Азимут научных исследований. 2017. Т. 6. № 4. С. 333–336; Мамычев А.Ю., Калюжный В.В. Политико-правовой анализ принципа соразвития публично-властной организации современного общества: концепция, современное состояние и перспективы // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 4(21). С. 482–486.

Заключение

За двухсотлетнюю историю своего развития правовой консерватизм проделал значительную эволюцию своих методологических, концептуальных, аксиологических оснований, однако сохранил приверженность к религиозным, нравственным, солидаристским ценностным установкам правосознания и традиционным ценностям. Изучение его основных направлений в современном западном мире приводит к следующим выводам.

Первое. Если под государственной идеологией следует понимать подкрепленную властным авторитетом концепцию, определяющую иерархию целей и идеалов государственно-правового развития, то под правовой идеологией следует понимать единство взглядов на учение о правовом идеале и обоснование иерархии ценностей, защищаемых правом конкретного государства, определенной страны.

Государственную идеологию можно признать элементом государственного суверенитета, ее наличие необходимо любому государству, цель которого – обеспечить полный суверенитет. В консервативной теории права и государства идеологию принято рассматривать как важнейший механизм и средство обеспечения единства народа, общества, государства, необходимое для достижения таких целей развития, которые обусловлены национальным характером, историей, культурно-цивилизационной самобытностью.

Правовая идеология незримо присутствует в любой правовой системе: законы всегда защищают определенные идеалы и ценности. Символический универсум – понятие, точно отражающее когнитивную природу идеологии и ее мировоззренческую роль. В связи с тем, что каждый символ является «окном» в незримый мир смыслов и значений, конструируемых в акте интерпретации символа, правовая идеология позволяет достигать общих схем толкования этих смыслов и соединять толкователей законов в единое общество.

Можно выделить автономную, функциональную и синтетическую концепции правовой идеологии, отталкиваясь от широкого или позитивистского понимания права. Автономная теория правовой идеологии возникает в рамках религиозной, рационалистической теории естественного права, социологической, психологической и иных концепций, согласно которым право существует и вне государства. С такой позиции государственная идеология и правовая идеология – принципиально разные явления, так как первая представляет собой совокупность ценностей, целей и доктрин, «продвигаемых» государственным аппаратом.

Функциональные модели познания представлены критическими правовыми исследованиями (правовой реализм), марксистской и неомарксистской теорией, некоторыми постмодернистскими учениями. В таком случае правовая идеология признается всегда зависящим от государства продолжением его правовой политики, приобретая черты утонченной и замаскированной формы государственной или господствующей классовой идеологии.

Синтетическая теория правовой идеологии основана на институционализме и коммуникативной концепции общества; предполагает различия между феноменами, но акцентирует их взаимовлияние и функциональную связь в рамках государства; считает государственную и правовую идеологию разными, но взаимосвязанными подсистемами. С одной стороны, государственная идеология задает «ценностный каркас» и «стратегические цели» развития общества, с другой стороны, правовая идеология обеспечивает формально-юридические механизмы и процедуры для их реализации и легитимации. Среди юридической элиты страны именно данная теория является популярной: большинством чиновников признается, что российское право должно отражать и защищать «суверенную государственность», «исторические традиции» и «нравственные основы» российского общества, что является элементами государственной идеологии.

Право, таким образом, служит формой для легитимации и стабилизации ценностного содержания, задаваемого государством.

Второе. В современный период консервативные партии и мыслители на Западе становятся носителями идеи защиты традиционных прав человека, в том числе и прав на свободу идеологического выбора. Классические представления о правах и свободах выглядят консервативными на фоне новых либеральных идей, особенно связанных с проблематикой ЛГБТ[1], трансгендеров, феминизма и др. Право на собственность, семью, воспитание детей, свободу убеждений сегодня больше защищают консерваторы, чем либералы. Три классические идеологии (либерализм, консерватизм и социализм) стали в некотором смысле продуктом кризиса христианской цивилизации. Консерватизм возник именно как реакция на Великую французскую революцию, ставшую результатом секуляризации, атомизации, номинализма и рационализма.

Консерватизм в нашей работе понимается как тип социального мышления, основывающийся на традиционных ценностях и задачах по их сбережению. Такой подход выражает содержательное или идейно-сущностное измерение консерватизма. Такой консерватизм представляется как одна из идеологических программ модерна, идейно-политических матриц Нового времени, а внутри нее возможны отдельные трактовки консерватизма как мировоззрения, стиля политико-правового мышления, интеллектуально-духовной традиции. Такому пониманию противостоит ситуационное понимание консерватизма, связанное с англо-американской политико-правовой мыслью и либертарианством (Фридрих Хайек, Людвиг фон Мизес, Роберт Нозик и др.), представляет собой политическое мышление, выступающее за сохранение или консервацию классического либерализма, сильный и свободный рынок, антипатерналистическое минимальное государство, развитое гражданское общество и т.д. Ситуативный

[1] Международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в РФ.

консерватизм присущ англосаксонскому политическому менталитету, в то время как континентальному консерватизму свойственен традиционализм. Его важнейшим недостатком является релятивизм, выражающийся в том, что консервативным можно назвать любое политическое движение или идеологическую программу, направленную на сохранение действующего политического порядка. Подлинный консерватизм оформлялся постепенно, созревал он как реакция на революцию, как отрицание ее антирелигиозных и антитрадиционалистских воззваний. Консерватизм представляет собой идеологическую инерцию средневекового религиозного мировоззрения или идеологию традиционного общества. Признаки и свойства консерватизма тесно связаны с характеристиками либерализма и социализма в плане их отрицания. Этих признаков несколько: антиноминализм, иррационализм, антииндивидуализм и антиколлективизм, коммюнитаризм, культурный национализм, религиозность, антисекуляризм, органицизм.

Третье. Главной особенностью западного правопонимания в консервативных кругах считают принцип законности. Платонизм, философия духа и религиозный общинный общественный идеал, отвергнутый модерном, с их представлениями о греховной природе человека и существовании абсолютных ценностей постепенно уступил место локковскому наивному гуманизму с убеждением о доброжелательности частного собственника и врожденной добропорядочности граждан, заключивших мирно общественный договор.

В теории и философии права защищается традиционное правопонимание, сердцевиной которого является критика морального релятивизма наряду с отказом от либерального, рационально-индивидуалистического понимания естественного права. При этом интересно отметить, что классический консерватизм, напротив, выступал с критикой рационалистической теории естественного права. Эдмунд Бёрк критикует абстрактные «права человека», в защиту которых выступили французские революционеры.

Бёрк не был противником естественного права вообще, более того, он защищал права человека. Скорее он был противником абсолютизации рационализма в понимании естественного права, противником рационалистически-индивидуалистической модели. Аналогично и Жозеф де Местр был против такой трактовки естественных прав. Взгляды де Местра строятся вокруг идеи божественного миростроительства и порядка, который сложен на установленных Творцом естественных законах.

В эпоху Просвещения классическая античная идея естественного права, скорректированная и дополненная христианскими убеждениями, была давно забыта в Европе. В отличие от консерваторов эпохи Просвещения, современные его последователи среди правоведов положительно относятся к идеям естественного права. Традиционные ценности в теории естественного права представляют собой не обычное право, а рационально постигаемые принципы, способствующие достижению этих фундаментальных человеческих благ. Следует отграничивать консервативную критику естественного права и критику прав и свобод человека, так как последние являются ценностями либерализма.

Консервативное правопонимание базируется на признании неразрывного единства, симфонии права и нравственности; на вере в естественное право как вечный, неизменный закон справедливости, идущий от Бога; на уважении к правам человека, но без их абсолютизации; на признании достоинства каждой личности, но без секулярного гуманистического ее раскрепощения и морально-правовой автономизации, под которой следует понимать «произвол и вседозволенность» в выборе моделей поведения (свободу от общественных правил). По нашему мнению, идея прав человека, несмотря на свое христианское происхождение, вполне истинна в глобальном мировом масштабе. Впрочем, именно по причине своего религиозного рождения она и способна быть универсальной для всего человечества идеей, так как христианство является мировой религией, а не этнической, как, например, иудаизм. Другое дело в том, что эта идея, лишившись своего

христианского контекста, была положена в основание секулярного гуманизма, который, прикрываясь этой идеей, стал оправданием любого человеческого действия, включая и порочное, греховное действие. Не вызывает дискуссий признание глубокой пропасти между религиозной и современной версиями правового гуманизма. Законодательство стран Евросоюза под влиянием политиков дрейфует в сторону дехристианизации права. Это выразилось в легализации однополых браков, в разрешении однополым парам усыновлять детей, в легализации проституции, эвтаназии, раннего сексуального просвещения и т.д.

Является правильной, на наш взгляд, критика идеи верховенства прав человека по отношению к правам народа, государства, общества, церкви и иных общих союзов. Нельзя жестко разделять общее и частное в трактовке прав человека, тем более недопустимо частное ставить выше общего. Они должны находиться в гармонии. Именно на этом поиске гармоничного сочетания всемирного и национального, правового и морального, общего и частного выстроен консервативно-правовой дискурс в современный период критики постмодернистского общества.

Четвертое. Консерватизм – это давно уже не только идеологический продукт реакции на либеральную идеологию, не имеющий своего научного и доктринально-программного статуса. Это новый подход к праву и правовому мышлению, развивающийся сегодня на Западе в следующих направлениях: «новая теория естественного права» (New Natural Law Theory), опирающаяся на неотомистскую традицию, во французской (Ж. Маритен, Э. Жильсон, Ж.-Э. Никола и др.), немецкой (Ф. Веттер, М. Грабман, Д. Бергер, К. Райнер, И. Лотц, И. Де Фриз и др.), бельгийской (Д. Мерсье, Ж. Марешаль, М. де Вульф и др.) и других школах права, общим для которых является признание: неразрывной связи права и морали, естественного разума и воли законодателя; позитивного права как разумной «конкретизации» общих принципов естественного права, необходимой в силу неопределенности самих этих принципов для конкретных обстоятельств и фактов социальной

жизнедеятельности; базовые блага познаются не путем дедукции из «человеческой природы», а через самоочевидные предписания практического разума (это главное отличие новой теории естественного права от классического томизма). К продолжателям этой линии относятся также Роберт П. Джордж, Джерард Брэдли, Патрик Ли и Кристофер Толлефсен. Роберт Джордж, в частности, активно применяет эту теорию к дебатам о конституционном праве, биоэтике и религиозной свободе.

Следующее консервативное направление – «конституционализм общего блага» Адриана Вермюля: право обусловлено и подчинено естественному порядку и божественному закону; сущность и авторитет государственной власти обусловлены естественным благом общества: силу и мощь государства следует рассматривать не в его принудительной силе, а в возможности направлять человечество к общему благу, гарантировать устройство в соответствии с естественным порядком; единство права и морали.

Еще одно направление, англосаксонское, представлено Роджером Скрутоном, и основано на философии привязанности, лояльности и социальной сплоченности. Верховенство права (rule of law) – это не формальная процедура, а выражение общей лояльности: закон работает не потому, что подкреплен принуждением, а потому, что люди ощущают солидарность с правовым порядком своего сообщества; право коренится не в рациональной аргументации, а иррациональной – привычках, традициях, ощущении принадлежности.

Далее идет консервативный оригинализм Антонина Скалии, Роберта Борка и Эми Кони Барретт: право – это текст, имеющий фиксированное значение; судья не создает право, а обнаруживает его, сохраняя верность исходному смыслу текста; изменения в праве должны осуществляться через законодательный процесс, а не через судебную деятельность.

Следующее направление консервативной правовой идеологии связано с критикой прав человека, представителей данного направления обозначают как «новые правые». Центральной фигурой «новых правых» является Ален де

Бенуа, который с конца 1960-х годов разрабатывает альтернативную правовую и политическую философию.

В целом для консерваторов право как феномен всегда содержательно конкретизируется в определенной национальной культуре, оно создается и эволюционирует в обществе и служит этому обществу. Несмотря на разнообразие позиций консерваторы разделяют следующие идеи о сущности права: право не сводится исключительно к воле законодателя и системе установленных государством общеобязательных правил поведения, то есть у права есть субстанциальное содержание, будь то естественный закон, традиция, религия или культурная специфика; право укоренено в дополитическом порядке: порядок базовых благ, познаваемых разумом, либо, спонтанный порядок общества, либо культурная уникальность или социально-эмоциональная привязанность к «своему»; отрицание или скепсис по отношению к правовому конструктивизму: право нельзя «придумать заново» на основании абстрактных принципов: оно либо открывается разумом, либо вырастает из практики, либо переживается как нечто свое, либо исторически и культурно «вырабатывается».

При этом основное внутреннее противоречие пролегает между универсалистами, для которых сущность права одинакова везде – это требования практического разума и общего блага, и партикуляристами, для которых право всегда конкретно, исторически обусловлено и связано с определенным народом и его образом жизни. Эта напряженность между универсальным естественным правом и исторически сложившейся традицией представляет собой, пожалуй, центральную проблему консервативной правовой идеологии на современном Западе.

Пятое. В консервативной теории права ценность самого права заключается в том, что оно связано с обычаями и традициями народа, придавая стабильность и устойчивость развитию общественных отношений даже в нестабильные и переходные периоды социальной жизнедеятельности. В этом смысле оно может рассматриваться источником социологической теории

права. Например, Луи де Бональд источником формирования и развития права признавал природу вещей и органический порядок в обществе, а не узкую волю властных лиц или законодательной группы, испытывая крайнюю форму консервативного скептицизма по отношению к профессиональному законотворческому процессу. Фридрих Юлиус Шталь развивал наиболее систематическую теократическую концепцию права, связывая ценность права с религией, нравственностью, народными обычаями, моралью. Все это принципиально противопоставляло консервативное правопонимание секулярному, постоянно изменяющемуся либеральному правопониманию, не принимающему во внимание, что право является продуктом длительного исторического развития, а его легитимность определяется социально-правовой преемственностью, ориентацией на сохранение и воспроизводство правокультурной целостности.

В континентальной консервативно-правовой идеологии важнейшим аксиологическим компонентом выступает также стабильность иерархической структуры общества, отсутствие равенства и высокий авторитет публичной власти, сильного государства, сдерживающего распад общества на элементы. Консервативное правопонимание характеризуется также приоритетом общего блага над индивидуальными интересами. Его сторонники либо критикуют и отрицают универсализм и глобализм либеральной теории прав человека, либо допускают последние в качестве ценности, но весьма относительной. Ее внедрение и правовое гарантирование требуют постепенности, осторожности и учета национальных традиций. При этом предлагаются различные модели синтеза теории права человека с культурно-историческими взглядами на природу права: например, связывая права человека с категориями нравственной необходимости (долженствования), ответственности, а также такими ценностями и идеалами как общее благо, общий интерес. «Новая теория естественного права», в отличие от классической томистской традиции, делает основной акцент на солидаристской сущности права, где последняя является не дополнением к справедливости, но ее проявлением.

В англо-американской консервативно-коммунитаристской традиции представлены схожие аксиологические установки на современное развитие права. Майкл Оукшотт, Аласдер Макинтайр, Чарльз Тейлор и другие достаточно критично оценивают ориентацию на индивидуальные права в трактовке сущности права, указывая на ее несовместимость с более глубоким пониманием человеческой личности как встроенной в социальные практики.

Шестое. Концепция человеческого достоинства представляет собой, возможно, наиболее значимый пример трансформации отношения к традиционным ценностям: от ценности гуманизма к ценности естественно-правовой доктрины неотомизма. Католическое социальное учение выделяет четыре основополагающих принципа, имеющих значение для правовой и политической практики: человеческое достоинство, субсидиарность, солидарность и общее благо. Австралийский философ права Джон Финнис разработал одну из наиболее влиятельных современных «обновленных версий естественно-правовой теории», в которой традиционные ценности приобретают базовое значение, а важнейшую роль в обосновании естественного права играют «базовые блага» (basic goods), т.е. фундаментальные традиционные ценности дорефлексивного и дотеоретического характера: жизнь, знание, игра, эстетические переживания, социальное общение (или дружба, доверие), практический разум, религия.

Американский правовед Адриан Вермюль в своих поздних работах предложил консервативно-правовую концепцию «конституционного общего блага» (common good constitutionalism) как радикальную альтернативу доминирующему в США оригинализму, призывая правоведов перейти к так называемой «открытому аксиологическому подходу», согласно которому властно-управленческая деятельность государства должна концентрироваться на реализации базовых (традиционных) ценностных установок общества, обеспечении общего блага и правокультурной целостности. Подход Вермюля находится в русле «постлиберализма», подвергающего серьезной критике либеральный индивидуализм и утверждающего необходимость подчинения

индивидуальной автономии традиционным социальным ценностям. Такая позиция исследователя вызвала острую полемику, в том числе с такими представителями консервативной юриспруденции, как Роберт Джордж, который защищает оригинализм против постлиберального подхода. В более поздней работе – «Что нельзя купить за деньги» («What Money Can't Buy»), Майкл Сэндел критикует рыночное общество за утрату коллективного морального компаса. Обосновывает, что рыночные потребности подменяют и разрушают ценностные основания функционирования всех социальных систем (правовой, политической, культурной и т.д.), что приводит к их дестабилизации и неустойчивому функционированию, а «конкуренция рыночных и моральных ценностей» в публично-правовой сфере – к масштабной коррумпированности.

Британский философ сэр Роджер Скрутон разработал комплексную консервативную философию, охватывающую право, эстетику, политику и культуру. Скрутон опирался на классическую философскую традицию, синтезируя платоновскую и аристотелевскую парадигмы. Для него традиционные ценности формируют пространство намерений в поведении и эволюции общественных отношений. Ойкофилия Скрутона – «чувство сопричастности и общности, унаследованное от предков», выступающая базовым источником права, обеспечивающим не только эволюцию, но и преемственность в развитии национальной правовой системы, также является социопсихическим фундаментом политической стабильности и легитимности публичной власти и законов.

Отражается значение традиционных ценностей и на реализации принципа правового плюрализма, признающего сосуществование множественных ценностно-нормативных оснований в одном обществе, в рамках которого обсуждаются проекты гармонизации действующего государственного права, обычно-правовых регуляторов, религиозных и моральных ценностей в двух исследовательских направлениях: во-первых, это юридический плюрализм права (например, «формальное признание

государством обычного права»); во-вторых, правовая политика или «эмпирический плюрализм права» (например, когда «индивид сталкивается с различными правовыми системами»).

В целом, консерваторы относительно традиционных ценностей считают, что любое развитие должно опираться на воспроизводящиеся из поколения в поколение устойчивые социокультурные доминанты и традиционные институты, более того, консервативно-правовой стиль мышления ориентирует на гармонизацию различных нормативных элементов в обществе с целью формирования позитивного образа правопорядка и сохранения национально-культурных характеристик последнего.

Таким образом, если обобщить выше рассмотренные консервативные концепции и учения о роли традиционных ценностей в современной правовой системе общества, можно выделить ряд доминирующих направлений:

– *во-первых*, это естественно-правовое направление, обосновывающее существование объективных, универсальных моральных истин, познаваемых разумом, которые должны служить основой для позитивного права и быть ориентирами для юридической деятельности. Базовые блага человеческого процветания предоставляют нормативную основу для оценки развития различных элементов правовой системы;

– *во-вторых*, коммунитарное направление, критикующее либеральный индивидуализм и подчеркивающее роль сообщества, традиций и общих ценностей в формировании моральной и правокультурной идентичности, полагающее, что базовые нормативные правила и требования формируются в практической деятельности людей и содержатся в социокультурном опыте общества. При этом правовой порядок и справедливость не могут быть выведены из абстрактных принципов или универсальных аксиом, но должны основываться на конкретных ценностях и практиках сообщества;

– *в-третьих*, интегративное направление, которое пытается преодолеть дихотомию между позитивизмом и естественным правом, утверждая, что право включает как правила, так и моральные принципы. Судьи должны

интерпретировать закон в свете моральных ценностей для обеспечения целостности правовой системы. Именно эти два базовых фактора придают динамизм и обусловливают уникальность правовых систем;

– *в-четвертых*, плюралистическое направление (концепция правового плюрализма), признающее множественность правовых порядков и культурных традиций, отвергающее монистическое понимание права. Конституционный плюрализм допускает сосуществование различных правовых систем без единого иерархического порядка. В основании каждого такого порядка лежат уникальные ценности сообщества, фиксируемые на конституционном уровне и формирующие ценностно-нормативную основу для развития правовой системы.

В свою очередь ключевыми аргументами за интеграцию традиционных ценностей в правовую жизнь общества являются следующие:

– существуют объективные моральные истины и базовые ценности, основанные на человеческой природе, которые закон должен отражать, а юридическая практика воплощать;

– традиционные ценности общества необходимы для социальной интеграции и предотвращения дезинтеграции общества, они обеспечивают сохранение и воспроизводство правокультурной целостности;

– традиционные ценности защищают фундаментальное достоинство человеческой личности;

– светское государство не может самостоятельно генерировать духовно-нравственные стандарты, моральные условия и культурные рамки для собственного существования и нуждается в религиозных и традиционных источниках;

– индивидуальная идентичность и кодекс поведения формируются в контексте традиций и сообществ, которые закон должен признавать и поддерживать.

Седьмое. Для защиты традиционных духовно-нравственных ценностей крайне важным является признание юридической наукой принципа

социокультурной самобытности каждого правопорядка: право на самобытность каждого народа следует считать естественным законом. В этом консервативная идеология достигла большого успеха, разработав основные понятия культурно-исторического правопонимания. При этом важнейшими для правопорядка остаются ценности: семьи традиционного типа (понимаемой как союз мужчины и женщины, ориентированный на рождение и воспитание детей) с гарантиями ее безопасности и неприкосновенности со стороны государства; публичность религиозных прав и постсекулярное понимание светскости, под которым принято понимать признание равноправия государства и конфессий в отношениях друг с другом, права церквей на активную политическую и иную публичную деятельность под лозунгом «светскость государства не означает его безрелигиозности»; критика правового индивидуализма современной концепции прав человека, оторванной от понятия естественного закона и человеческой природы, так как это ведет к произволу и дезинтеграции общества; сильное государство, обеспечивающее безопасность; органическую демократию, предполагающую формирование общественной воли, основанное на дискуссии, взаимном уважении и поиске общего блага, рождающую Основной закон как живой, развивающийся правовой порядок; отрицание «судебного активизма», когда судьи Конституционного суда подменяют собой законодателя; национальное государство, в котором максимально возможно достижение подлинной свободы и политической жизни: ведь только на уровне нации возможна подлинная демократия, где народ может быть сувереном; идея социального государства, но не социалистического или неолиберального типа, где социальные права чаще всего на практике оборачиваются «лозунгами» и «призывами» к законодателю, а как конституционные обязательства государства по обеспечению справедливости и человеческого достоинства; ценности нации, суверенитета и культурной преемственности.

В учении консерватизма национальное правосознание является источником права, так что защита национального суверенитета и границ

является для консерваторов и правовой необходимостью, так как только в рамках национального государства возможны эффективная демократия и верховенство права, основанные на разделяемой культурной традиции.

Все эти ценности активно продвигаются с помощью действующих правовых механизмов: в повестке деятельности ООН вопросы защиты традиционных ценностей постоянно обсуждались, свидетельством чего является следующее: процессы усиления механизмов защиты прав сексуальных меньшинств протекали наряду с институционализацией защиты интересов традиционной семьи. Однако защита традиционных духовно-нравственных ценностей в политике европейских государств развивается в условиях глубокого раскола и поляризации, двигаясь в нескольких, зачастую противоположных, направлениях, создавая условия для ожесточенной идеологической и юридической дискуссии. При этом лидером в защите консервативных правовых ценностей выступают страны бывшего Варшавского договора, социалистического блока, в повестке которых можно заметить усиление и институционализацию защиты традиционных идеалов и норм (в основном в странах Вышеградской группы и Восточной Европы): религиозных идей, семьи, национальной идентичности и культуры. При этом именно отношение к религии становится определяющим фактором, а основным механизмом давления на консервативных правоведов является обвинение их в дискриминации – идеологический прием, используемый для переопределения ценностей, а также прогрессистское направление, которое стремится переопределить саму суть «традиционных ценностей», вписав в них либеральные понятия и представления, что часто используется в практике обоснования постановлений Европейского суда по правам человека, который расширительно толкует антидискриминационное законодательство, ограничивая возможности национальных правительств по защите консервативных подходов. Однако старение коренного населения и приток мигрантов из иных культурных ареалов, пытающихся защитить свои права и интересы, еще более политизируют ситуацию и обостряют дискуссии о

национальной идентичности и традиционных ценностях европейской культуры.

Таким образом, современный правовой консерватизм защищает традиционные духовно-нравственные ценности, такие институты, как семья, религия, нация, так как именно они являются эволюционно и исторически проверенными механизмами формирования не только ответственной личности и социальной солидарности, но и эффективного государства, и лежат в основе современных государств. Поэтому они выступают против релятивизации права, утверждая, что оно должно быть укоренено в моральном порядке, а не служить инструментом для продвижения идеологий. Эта точка зрения базируется на отрицании либерально-индивидуалистического и технократического проекта модерна, предлагая альтернативный путь, основанный на преемственности, ответственности и уважении к наследию прошлого.

Восьмое. Ввиду того, что модерн стал эпохой всеобщего распространения материализма, который совпал по своему времени с внедрением новейших технических средств, а сегодня его развитие протекает в русле цифровизации, консервативные мыслители как в эпоху Просвещения выступали с критикой логоцентристской и рационалистической философии права модерна задолго до появления технократических концепций исходя из интуитивного предчувствия того, что, исключая метафизику из юриспруденции, человечество рано или поздно «исключит» из нее и человека, так и сегодня негативно оценивают новейшие тенденции технокартического общества и государства. При этом само право превращается в «мешанину технических процедур, формальных систем», а предложения по замене законодателя и правоприменителя – искусственным интеллектом, полностью разрушая традиционный ценностный уклад, создавая благоприятный режим для техноутопий будущего. Способствует этому и современная неолиберальная концепция правопорядка, построенного не на Божьих заповедях, а на произвольной морали, нормы которой определяет сам индивид

на основе автономной этики, что ведет в итоге к полицейскому государству, смысл существования которого коренится в насилии и принуждении. Иных моделей развития предусмотреть невозможно, так как природа человека стала мыслиться действительно чисто биологически, чему способствуют современная антропология и психология.

Важной представляется критика «юриспруденции интересов» Иеринга, которая стала одним из признаков кризиса права и правосознания в условиях гедонизма общества потребления. Консерваторы призывают перейти от общества интересов к обществу нравственному. Кризис правосознания вызван и раскрепощением личности в угоду сексуальной революции, что крайне негативно отразилось на состоянии правосознания. Никакие концепции трансгуманизма здесь не смогут изменить положение вещей, полагают консерваторы, а превращение законодательства в гигантскую «груду» правил, детализирующих каждую мелочь и мешающих динамически развивающемуся социуму, тормозя его эволюцию, этому способствует.

Консерваторы критически осмысляют роль цифровых технологий: синтез неолиберальной модели и правовой идеологии общества потребления, построенного на рационалистических, экономоцентристских, цифрократических принципах в соединении с социалистической мечтой о справедливом государстве, «Земном рае», обществе равенства и подлинной свободы за счет трансгуманизма, который должен обеспечить новый уровень развития науки и синтеза человека с техникой, последовательно ведет, по их мнению, к цифрократическим утопиям, являющимся закономерным итогом материализма и рационализма Нового времени и Просвещения. Консервативная критика обращает внимание на близость либеральных и социалистических идей, их «общий корень» проявляется особенно отчетливо именно в современных концепциях трансгуманизма и цифровых утопий.

Идеологии техноутопизма ориентированы на базовое положение – отмену государственного контроля и превосходство свободного рынка, корни цифро- или техноутопий – в политико-правовых идеях социалистов Сен-

Симона, Фурье, Оуэна, строивших идеальный мир будущего на принципах научно-рационалистического и политэкономического преодоления социальных пороков. Современные неоконсерваторы развивают антиутопические и дистопические прогнозы будущего: по их мнению, компьютеризация и диджитализация обрекают мир на институционализацию новейших и ранее не известных форм насилия, социальных санкций и ограничений, появление нового цифрового неравенства с соответствующей технологической иерархией (проблема доступа), возможность тотальной системы слежения и контроля со стороны государства, наднациональных и надгосударственных институтов и корпораций, цифрового неофеодализма.

Консервативные мыслители западного общества, критиковавшие логоцентризм и машинизацию рационалистического правопонимания еще в XX столетии, обращают внимание на то, что поиск оптимального баланса между идеально-нравственными и технократическими правовыми установками зависит от общественной нравственности, состояние которой в современном обществе достойным назвать вряд ли возможно. В то же время технократическое понимание права в современном обществе вызывает потребность в «насыщении» законодательства духовно-нравственными понятиями и категориями. Поэтому нельзя не приветствовать защиту традиционных духовно-нравственных ценностей в качестве одного из приоритетов правовой политики российского государства.

Девятое. Таким образом, в условиях постсекулярного мира цифровизация укрепляет религиозное правосознание и христианское учение о правах человека через актуализацию антропологического измерения права: искусственный интеллект «заостряет» вопрос о человеческом интеллекте, о юридической и моральной ответственности человека, о праве на выбор, на свободу человека; экзоскелеты и нанобиотехнологии привлекают внимание к теме соматических прав человека; перспективы высвобождения свободного времени в результате роботизации вновь обращают внимание к ответу на вопрос о целях человеческой жизни, о судьбе человечества, демографии и

праве на жизнь, а также о социальном государстве и христианском социализме; наличие общего врага и апокалиптические настроения способствуют укреплению этноконфессиональной идентичности и политико-правовому консерватизму. Европейский христианский консерватизм придерживается умеренной оценки новых информационных технологий с точки зрения защиты достоинства личности и прав человека. В целом, и Римско-католическая и Православная церкви пытаются дать теологическую интерпретацию происходящим цифровым изменениям и выработать нравственную шкалу приемлемости цифровых инноваций. Обе конфессии активно используют цифровые технологии для продвижения своих миссионерских проектов, просветительской деятельности, христианской проповеди: цифровые технологии активно используются для критики цифровых технологий. При этом следует обратить внимание на юридический дискурс с акцентом на права человека и достоинство личности в документах и позициях Римско-католической церкви. Это не случайно: юридическое мышление более понятно католическим богословам, использующим категории и термины из правового гуманизма для обоснования своих этических аргументов.

Достаточно показательной является реакция европейских интеллектуалов на процессы трансформации цивилизационной идентичности народов Европы. Эти процессы вызывают протест, так как конфликт ценностей очень опасен и может привести к глубокому цивилизационному расколу. При этом утрата религиозно-нравственных оснований правового сознания и правовой культуры жителей стран Евросоюза приводит к анархии и беспорядкам: оказывается, что рационализм и технократия современного технологического уклада вовсе не однозначно ведут к безоговорочному принятию представителями стран, создавших этот уклад.

Критика цифровизации и ИИ со стороны консерваторов в Западной Европе вытекает из их философии, указывающей на то, что технологическая революция ставит под угрозы основы христианской цивилизации и такие

традиционные ценности как «свобода воли», «уважение к традиции и национальному суверенитету», «телесная и духовная целостность человека». При этом ученые не выступают за запрет технологий, а призывают к его подчинению высшим, вне-техническим целям – сохранению человеческого достоинства, укреплению локальных сообществ и защите политической свободы в рамках суверенных государств: ценность технологии определяется не ее эффективностью, а ее служением человеческому благу.

Десятое. В целом можно заключить, что на протяжении последних двух десятилетий на Западе произошла заметная теоретико-практическая консолидация консервативно-правовой критики, которая ставит под сомнение не частные проявления либеральных нетрадиционных отношений, а их фундаментальные ценностные основания. Консервативные правоведы, политические философы и теологи утверждают, что либерализм, выдаваемый за нейтральную процедурную (формально-правовую) рамку, в действительности навязывает специфическую систему антиценностей (антиидеалов) – радикальную индивидуальную автономию, моральный релятивизм, секулярность и т.д. Эти либеральные ценностные установки квалифицируются консерваторами именно как «антиценности» (anti-values), то есть ценностные ориентиры, которые, будучи системно реализованными, порождают аномию, утрату смысла и эрозию институтов, разрушают общинные связи и социальную сплоченность, подрывают базовый институт семьи и подчиняют общее благо частному интересу.

Консервативно-правовая критика либеральных «антиценностей» представляет собой многоуровневый интеллектуальный и институциональный феномен, объединяющий философско-правовую аргументацию, правовую теорию, конституционную практику ряда европейских государств (например, Венгрия, Польша), политическую и юридическую практику (например, консервативные НКО в ЕСПЧ). Здесь ключевой аргумент заключается в том, что либеральные ценностные установки не нейтральны, а навязывают деструктивную систему

антиценностей, подрывающую семью, нацию и общее благо. Вместе с тем апелляция к «общему благу» и «традиционным ценностям» без институциональных гарантий рискует остаться на уровне реакционного движения.

Одиннадцатое. В понимании сущности государства со стороны различных консервативных мыслителей следует выделить различия в консервативной идеологии в восприятии времени и государственно-правового развития в зависимости от ориентации на прошлое (традиционалистские версии консерватизма, обосновывающие восстановление исконного правового и политического порядка из того или иного «золотого века» государственно-правового развития), настоящее – так называемый классический консерватизм (выступающий за сохранение существующего положения дел, существующей властно-иерархической организации общества, действующего правового порядка и т.д.) или будущее (так называемый «динамичный консерватизм», ключевым моментом является ориентация на развитие, опирающееся на традиции, опыт прошлого и проблемы настоящего). Преобладающим с методологической точки зрения является цивилизационный (социокультурный) подход к пониманию природы и сущности государства, в рамках которого обосновывается, что данный институт формируется, развивается и функционирует в конкретной социально-культурной среде, а государство и есть продукт/феномен цивилизации, и его существование возможно именно как государство-цивилизация, в котором его социальная роль обусловливается прежде всего сохранением цивилизации, обеспечением, прежде всего, цивилизационной безопасности и цивилизационного развития общественных отношений.

Социальная сущность и назначение государства связываются с обеспечением социокультурной целостности, охраной его базовой ценностно-нормативной системы, традиционных институциональных оснований (сложившихся в данной среде публично-властных, гражданских и других институций), воспроизводящихся моделей и форм публично-властного

взаимодействия личности, общества и государства. Социальное назначение государства в его правовом оформлении (посредством законодательства, действующих юридических институтов и учреждений) обусловлено цивилизационной спецификой общества, гарантирует воспроизводство и развитие национально-культурной целостности в меняющихся социально-экономических, политических и иных условиях. Здесь в консервативной правовой идеологии с очевидностью видно преобладание метаюридических оснований, как в трактовке сущности и социального назначения государства, так и в обосновании стабильности государственно-правового порядка, а главный упор делается на проблематику воспроизводства последних из поколения в поколение. При этом обосновывается, что продвижение конкретного цивилизационного (социально-культурного) стандарта в понимании права, государства, власти, а также ценностно-нормативных оснований общественной системы в другие незападные политико-правовые пространства является невозможным и достаточно опасным (как для неевропейских общественных систем, так и для самих западных цивилизаций).

Относительно рожденной в культуре Запада договорной теории государства отмечается, что существуют две консервативно-правовые традиции – рационалистическая и теологическая, в которых правовая концепция «индивида», его естественные права и свободы представлены как высшее основание действующего законодательства и функционирования государства. В рамках рассуждений западноевропейского католицизма и его виднейших представителей (Ж. Маритена, П. Тейяра де Шардена и др.) сущность государства и его назначение коренятся в воплощении и реализации высшего божественного разума, который проявляется в естественном порядке вещей. Государство и церковь служат в своей публично-властной и духовно-нравственной деятельности воплощению, сохранению и воспроизводству этого высшего начала в социальной организации.

Второй дискурс обосновывает эволюцию натуралистской интерпретации ценностно-нормативных оснований общества и их сближение с современной индивидуалистической моделью Запада, вписывая консервативные учения как в либерально-персоналистскую ориентацию правового общественно-политического вектора развития западноевропейских государств, так и в коммунитарные (солидаристские) устремления правых сил западных обществ, предлагая своеобразную интегративную консервативную правовую идеологию.

Двенадцатое. Консерватизм существенно повлиял на различные подходы к сущности права, изменил даже позитивистский дискурс правопонимания, в котором традиционно государство занимало особое место. В рамках позитивистского понимания государства и права можно выделить и соответствующие последнему направления консервативной правовой идеологии: государственно-правовой позитивизм, социологический, психологический и антропологический юридический позитивизм. При этом представители государственно-правового позитивизма, отвергая базовые представления естественно-правовых учений об исходном разумном или божественном начале, в качестве консервативно-правового ядра видят конституционные основания общества, которые фиксируют общие параметры и цели развития общества, закрепляют культурно-исторически сложившийся порядок вещей, призваны отражать, насколько это возможно, «живую конституцию» народа. Консерватизм в юридическом социологизме представляет собой особый подход к праву, который подчеркивает сохранение традиционных ценностей и институтов, обычаев и национального правосознания, их учет в правоприменении. Психологический и антропологический подходы к интерпретации государственно-правовых феноменов опирается на понятие «архетипы», обычаи, менталитет, связан с психо-культурными характеристиками нации, которые обеспечивают социально-правовую целостность, сохраняют единый вектор государственного развития, что диктует государству необходимость

сохранить традиционные эмоционально-психологические и национально-культурные структуры, минимизировать радикальные изменения в человеке и обществе (вызванные социально-технологическими, цифровыми биологическими и другими изменениями), поддерживать стабильность через институциональные (правовые, политические, экономические, культурные и др.) и духовно-нравственные механизмы.

Тринадцатое. Разнообразие концептуально-правовых моделей можно систематизировать по четырем ключевым основаниям:

1) различие в типах государствопонимания, в каждом из которых выделяются консервативные, умеренные и прогрессистские трактовки сущности государства;

2) различие в понимании самого «консерватизма» и обосновании его содержания (социально-экономическая, юридическая, политическая, культурная система аргументации), отсюда в правовых учениях о государстве, праве, власти выделяются разнообразные критерии, авторские классификации и типологизации консерватизма;

3) различие в идейно-смысловых основаниях консервативной идеологии, где исследование государства базируется в основном на метаюридических (ценностно-нормативном, духовно-нравственном) основаниях, что существенно влияет на правовую идеологию, а также оценку разворачивающихся социально-правовых, экономических, политических и других процессов в обществе, на разработку доктринально-правовых и правотворческих программ, выработку направлений совершенствования государственного управления и механизма государства;

4) различие в восприятии временной перспективы и хронотипических характеристик понимания фундаментальных государственно-правовых процессов и явлений, а также других фактов и событий общественной жизнедеятельности. Другими словами, различие в восприятии прошлого, настоящего и будущего государственно-правового развития формируют различные типы консервативной правовой идеологии.

Четырнадцатое. К основным элементам консерватизма (скептицизм к утопическим теориям, приверженность к традициям и преемственность, естественный порядок и социальная иерархия) западные ученые относят и рыночную экономику, свободу торговли. В этом самобытность и специфика западного консерватизма: «идея маркетизма» органически свойственна западноевропейским мыслителям как консервативного, так и либерального толка. Свободные рыночные отношения и свободная конкуренция являются базовыми принципами государственно-правовой организации, основанием для реализации правовой политики государства. Поэтому важнейшая задача традиционного государства – это гарантирование, обеспечение и защита свободного рынка и конкуренции. Помимо маркетизма консерваторы интегрировали в свою идеологию свободно-рыночные отношения, конституционализм, систему представительства и выборности органов власти, парламентаризм, политический и идеологический плюрализм, рационализм и технократизм.

Идеи государственно-правового единства и национально-культурной целостности, посредством которых и обосновывается синтез индивидуалистических и коллективистских начал, а также размежевание с либералистскими и социалистическими учениями, являются основополагающими в современной консервативной правовой идеологии. Государственно-правовое единство, по К. Шмитту, не только определяет «статус народа», но и делает возможным его бытие как определенной социокультурной целостности.

Консервативные основания традиционной государственно-правовой организации, как отмечалось выше, структурно выражены в пяти взаимосвязанных и взаимообусловливающих элементах:

- естественный порядок вещей, властно-иерархическая и ценностно-нормативная организация сообщества. Здесь традиционное государство базируется на властно-иерархической структуре и ценностно-нормативной архитектонике общественной организации, в которой каждый

гражданин занимает строго отведенное ему место и реализует определенные, с учетом его социальной позиции, функции;

- взаимосвязь социально-экономической организации и правовой политики государства, ориентированной на обеспечение социальной справедливости, поддержку традиционных институтов и проч.;
- идея целостности, принципы общественного и институционального единства, где все элементы тесно взаимосвязаны и взаимообусловливают друг друга, а любые попытки кардинально изменить действующие социальные институты и порядки влекут разрушение всей общественной целостности, упадок и разложение единого организма;
- концептуальный скептицизм по отношению к отвлеченным теоретико-концептуальным построениям, которые воспринимаются консерваторами достаточно критически. В консерватизме основной приоритет отдается имеющемуся в конкретном обществе государственно-правовому опыту;
- гармонизация индивидуализма и коллективизма, выраженная в теоретических (концептуально-теоретическое и идейно-ценностное) и практических (в виде доктринально-программных предложений по совершенствованию современного государственно-правового устройства) солидаристских положениях.

Пятнадцатое. Развитие сетевых технологий коммуникации и цифровых форм в государственном управлении «вдохнули новую жизнь» в развитие имперской теории и доктрин цифровых империй. В рамках последних происходит совмещение консервативных принципов государственно-правовой организации общества с инновационными сетевыми формами и цифровыми технологиями. Например, сохранение властно-иерархической структуры, традиций и ценностно-нормативных основ государства-империи (цифровой метрополии) и сетевое управление странами (информационными колониями).

В современной европейской консервативной правовой идеологии преобладают неоимперские, постимперские и квазиимперские идейно-смысловые основания.

Постсуверенный евроатлантический проект можно охарактеризовать в качестве постконсервативной идеологии. Консервативная критика цифрового государства подчеркивает необходимость сохранения баланса между внедрением технологий и защитой традиционных ценностей, таких как свобода, приватность и суверенитет.

Шестнадцатое. Современные европейские консерваторы предпринимают попытку реабилитации солидаристских оснований современной политико-правовой и социально-экономической организации общества. Зародившись в древнем римском праве и развившись благодаря христианству, учение о близости и связанности друг с другом всех людей, солидаристская концепция начинает формироваться в начале XVII века. На ее содержание повлияли общеевропейские дискуссии о естественном праве, равенстве, социальной справедливости, социальной взаимопомощи и сплочении. Это идейно-смысловое направление в западноевропейской консервативной идеологии базируется на понимании общества как органического социокультурного целого (в противовес механистической совокупности отдельных индивидов, интегрированных в общее правовое пространство), которое воспроизводится в общественных отношениях посредством общих ценностей и принципов социальной сплоченности, взаимопомощи и поддержки между его членами. При этом солидарность означает не только защиту и поддержку традиционных правовых ценностей и институтов, но и ответственность за благополучие различных правокультурных сообществ и общества в целом.

Обобщая, можно отметить, что солидаристское направление в западной консервативной правовой идеологии отстаивает восстановление в рамках современной государственно-правовой организации общества:

– *во-первых*, приоритет духовно-нравственных ценностей и традиций, обеспечивающих сохранение духовных и моральных основ общества. При этом отвергаются крайности неолиберального индивидуализма (например, выраженного в современных течениях законодательного гарантирования разнообразия сексуальной и гендерной идентичности) и тоталитарного коллективизма (например, проявляющегося в направлениях тотального цифрового контроля и современных цифровых формах идентификации), подчеркивая важность сплоченности и гармонии в системе национальных интересов (интересов личности – общества – государства);

– *во-вторых*, приоритет органической структуры общества над механистическим объединением атомизированных индивидов в сетевых и цифровых проектах инновационной организации людей (например, доминирующие модели инклюзивного капитализма или цифровых метавселенных). Здесь подчеркиваются взаимосвязь, социальная и юридическая ответственность между членами общественной системы, ориентация на правокультурный характер общественного порядка;

– *в-третьих*, отказ от абстрактных принципов и радикальных идеологий, социальная стабильность и преемственность в развитии для консерватора важнейшая ценностно-нормативная ось, любые революционные изменения или кардинальное реформирование социально-правового устройства маркируются однозначно негативно. Любые доктринально-программные положения в консервативной идеологии исходят из эволюционного подхода к реформам. В этом контексте солидаризма последние становятся своего рода компромиссной моделью, которая поддерживает баланс между свободой и ответственностью;

– *в-четвертых*, приоритет модели социального партнерства, где права и обязанности граждан сбалансированы. Это перекликается с консервативной идеей социальной ответственности и поддержания общественного порядка через укрепление традиционных институтов – семьи, религии и местных сообществ. Важно подчеркнуть, что для солидаризма социальное партнерство

это не частноправовой, а публично-правовой институт. В этом плане социальное партнерство представляет собой один из ключевых социальных институтов современного общества. Он не исчерпывается трудовыми отношениями, бизнес-процессами, социальными соглашениями, социально-экономическими компромиссами и проч.

Социальное партнерство представляет собой сложную систему устойчивых общезначимых отношений между личностью, обществом и государством, и ориентировано на выражение, организацию и реализацию доминирующих (публичных и скрытых) социальных интересов и ценностей, общенациональных и локальных задач (например, местного сообщества). При этом организация и реализация последних базируются на развитых формах социально-правового взаимодействия и социально-экономического партнерства, социальных технологиях мобилизации материальных и символических ресурсов.

Данный институт является одним из значимых в механизме социальной самоорганизации и общественного саморазвития, поскольку он диалектически сочетает формы и технологии стабилизации и гармонизации общественных (публично-властных, корпоративных, коммерческих, некоммерческих, культурных, научных и т.п.) отношений, с активизацией стимулов и условий совместного развития. Кроме того, социальное партнерство обеспечивает условия для бесконфликтного взаимодействия и взаимного обогащения традиций и инноваций, модернизационных и консервативных (культур-цивилизационных) трендов в развитии общества;

– *в-пятых*, государство выступает гарантом социальной целостности и общественной солидарности, только последнее в меняющемся мире ориентировано на сохранение общественной сплоченности и воспитание у человека чувства долга и уважения к общественным институциям. Последнее реализуется посредством развития системы государственного образования и воспитания, социально ориентированной политики (социального страхования, обеспечения и т.д.), государственные институты выступают посредником в

различных общественных отношениях, нормируя и сглаживая социальные противоречия и конфликты.

Список использованных источников

Монографии, учебные пособия, сборники

На русском языке

1. Аверьянов, В.В. Традиция и динамический консерватизм / В.В. Аверьянов. – Москва : Центральный издательский дом : ИДК, 2012. – 695 с.

2. Алексеев, Н.Н. Русский народ и государство / Н.Н. Алексеев. – Москва : Аграф, 1998. – 640 с.

3. Альтерматт, У. Этнонационализм в Европе / У. Альтерматт. – Москва : РГГУ, 2000. – 368 с.

4. Арендт, Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. – Москва : ЦентрКом, 1996. – 672 с.

5. Бабурин, С.Н. Время русского выбора / С.Н. Бабурин. – Москва : Книжный мир, 2022. – 320 с.

6. Бабурин, С.Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок / С.Н. Бабурин. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2005. – 769 с.

7. Багаева, А.В. Правовые основы европейской интеграции / А.В. Багаева. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2024. – 266 с.

8. Бек, У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализации. Новая всемирно-политическая экономия / У. Бек. – Москва : Прогресс-Традиция, 2007. – 464 с.

9. Бенуа, А. де. Как можно быть язычником / А. де Бенуа. – Москва : Русская Правда, 2004. – 240 с.

10. Бенуа, А. де. По ту сторону прав человека. В защиту свобод / А. де Бенуа ; пер. с фр. С. Денисова. – Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2015. – 144 с.

11. Бенуа, А. де. Против либерализма: к четвертой политической теории / А. де Бенуа. – Москва : Амфора, 2009. – 480 с.

12. Бёрк, Э. Размышления о революции во Франции / Э. Бёрк // Правление, политика и общество : сборник. – Москва : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. – С. 13–244.

13. Бёрк, Э. Консерваторы. Без либералов и революций / Э. Бёрк, Ж. де Местр. – Москва : Алгоритм, 2017. – 240 с.

14. Берман, Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии / Г.Дж. Берман. – Москва : Ad Marginem, 1999. – 431 с.

15. Берман, Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г.Дж. Берман ; пер. с англ. – 2-е изд. – Москва : Изд-во МГУ : ИНФРА-М – НОРМА, 1998. – 624 с.

16. Брайдотти, Р. Постчеловек / Р. Брайдотти. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2021. – 408 с.

17. Брайс, Р. Богатство наций: электричество и потребление мира / Р. Брайс. – Москва : Эксмо, 2025. – 400 с.

18. Валлерстайн, И. Мир-система Модерна. Т. IV. Триумф центристского либерализма, 1798–1914 / И. Валлерстайн ; пер. с англ. – Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 496 с.

19. Васильев, А.А. Консервативная правовая идеология России: теологические и духовные аспекты / А.А. Васильев. – М.: Проспект, 2023.

20. Васильев, А.А. (ред.). Консервативная правовая идеология в Западной Европе и России в XVIII–XX вв.: сравнительный анализ: монография / под ред. А.А. Васильева. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – 280 с.

21. Величко, А.М. Политико-правовые очерки по истории Византийской империи / А.М. Величко. – Москва : Фонд ИВ, 2008. – 248 с.

22. Вирно, П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / П. Вирно. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2013. – 176 с.

23. Вощин, И.В. Солидаризм: Рождение идеи / И.В. Вощин. – Франкфурт-на-Майне : Посев, 1969. – 79 с.

24. Галкин, А.А. Консерватизм в прошлом и настоящем / А. А. Галкин, П. Ю. Рахшмир. Ленинград : Наука, 1987. – 188 с.

25. Генон, Р. Кризис современного мира / Р. Генон ; пер. с фр. Н.В. Мелентьевой. – 2-е изд. – Москва : Академический проект, 2019. – 265 с.

26. Генон, Р. Очерки о традиции и метафизике / Р. Генон. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2024. – 574 с.

27. Генон, Р. Символы священной науки : [пер. с фр. Ника Тирос] / Р. Генон. – Москва : Беловодье, 2002. – 494 с.

28. Гинс, Г.К. На путях к государству будущего: от либерализма к солидаризму / Г.К. Гинс. – Харбин : Типография Н.Е. Чинарёва, 1930. – 230 с.

29. Гинс, Г.К. Новые идеи в праве и основные проблемы современности / Г.К. Гинс. – Харбин : [б. и.], 1931. – 282 с.

30. Гинс, Г.К. Право и культура: Процессы формирования и развития права / Г.К. Гинс. – Харбин : [б. и.], 1938. – 215 с.

31. Гинс, Г.К. Право и сила: очерки по теории права и политики / Г.К. Гинс. – Харбин : Типография КВЖД, 1929. – 112 с.

32. Голоскоков, Л.В. Сетевые аспекты развития права, государства, общества : монография / Л.В. Голоскоков. – Санкт-Петербург : Лань, 2021. – 306 с.

33. Гофман, А.Б. Традиция, солидарность и социологическая теория: Избранные тексты / А.Б. Гофман. – Москва : Новый хронограф, 2015. – 496 с.

34. Грей, Дж. Поминки по просвещению: политика и культура на закате современности / Дж. Грей. – Москва : Праксис, 2003. – 368 с.

35. Гребер, Д. Заря всего. Новая история человечества / Д. Гребер, Д. Уэнгроу. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2025. – 560 с.

36. Гринфилд, А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни / А. Гринфилд. – Москва : Дело РАНХиГС, 2018. – 424 с.

37. Гурвич, Г.Д. Философия и социология права: избранные сочинения / Г.Д. Гурвич. – Санкт-Петербург : Издательский Дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. – 847 с.

38. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози. – Москва : Международные отношения, 2021. – 456 с.

39. Дворкин, Р. Империя права / Р. Дворкин. – Москва : Изд-во Института Гайдара, 2021. – 592 с.

40. Дегтярева, М.И. Жозеф де Местр и его русские «собеседники»: опыт философской биографии и интеллектуальные связи в России / М.И. Дегтярева. – Пермь : Астер, 2007. – 250 с.

41. Деланад, М. Война в эпоху разумных машин / М. Деланад. – Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2014. – 337 с.

42. Дестют де Траси, А.-Л.К. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / А.-Л.К. Дестют де Траси ; пер. с фр. Д.А. Ланина. – Москва : Академический Проект : Альма Матер, 2013. – 333 с.

43. Дзоло, Д. Постдемократия и сложность: реалистический подход / Д. Дзоло. – Москва : Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010. – 208 с.

44. Дугин, А.Г. Революция Дональда Трампа. Порядок Великих держав / А.Г. Дугин. – Москва : Академический проект, 2025. – 320 с.

45. Дугин, А.Г. Русский логос – русский хаос / А.Г. Дугин. – Москва : Академический проект, 2015. – 582 с.

46. Дугин, А.Г. Теория многополярного мира / А.Г. Дугин. – Москва : Евразийское движение, 2013. – 532 с.

47. Дугин, А.Г. Философия политики / А.Г. Дугин. – Москва : Арктогея, 2004. – 664 с.

48. Еллинек, Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. – 750 с.

49. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек ; пер. с англ. – Москва : Европа, 2021. – 320 с.

50. Жирнов, Н.Ф. История политической мысли: консерватизм / Н.Ф. Жирнов. – Москва : Юрайт, 2025. – 300 с.

51. Зодерквист, Я. Netократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / Я. Зодерквист, А. Бард. – Санкт-Петербург : [б. и.], 2005. – 256 с.

52. Зорькин, В.Д. Лекции о праве и государстве / В.Д. Зорькин. – Санкт-Петербург : Конституционный Суд Российской Федерации, 2024. – 250 с.

53. Зорькин, В.Д. Цивилизация права и развитие России: избранные труды / В.Д. Зорькин. – 2-е изд., доп. – Москва : Норма, 2016. – 416 с.

54. Зубофф, Ш. Надзорный капитализм или демократия? / Ш. Зубофф. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2025. – 280 с.

55. Зубофф, Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Ш. Зубофф. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2022. – 784 с.

56. Ильин, И.А. О сущности правосознания / И.А. Ильин. – Мюнхен : [б. и.] ; Москва : [б. и.], 1993. – 240 с.

57. Ильин, И.А. Путь духовного обновления / И.А. Ильин. – 2-е изд. – Москва : Институт русской цивилизации : Родная страна, 2017. – 1298 с.

58. Иннис, Г. Империя и коммуникации / Г. Иннис. – Москва : Fortis Press, 2024. – 376 с.

59. Исаев, И.А. «Машина власти» в виртуальном пространстве (формирование образа) : монография / И.А. Исаев. – Москва : Проспект, 2021. – 384 с.

60. Исаев, И.А. Идея порядка в консервативной ретроспективе : монография / И.А. Исаев. – Москва : Проспект, 2011. – 400 с.

61. Кальтенбруннер, Г.-К. Трудный консерватизм / Г.-К. Кальтенбруннер. – Москва : Тотенбург, 2020. – 302 с.

62. Карбонье, Ж. Юридическая социология / Ж. Карбонье. – Благовещенск : Благовещенский гуманитарный колледж им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. – 351 с.

63. Карпа, Ф. Экология права. На пути к правовой системе в гармонии с природой и обществом / Ф. Карпа, У. Маттеи. – Москва : Изд-во Института Гайдара, 2021. – 328 с.

64. Карцов, А.С. Правовая идеология русского консерватизма / А.С. Карцов. – Москва : Московский общественный научный фонд : Издательский центр научных и учебных программ, 1999. – 224 с.

65. Каспэ, С.И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика / С.И. Каспэ. – Москва : РОССПЭН, 2001. – 256 с.

66. Кин, Дж. Демократия и декаданс медиа / Дж. Кин. – Москва : Издательский дом ВШЭ, 2015. – 312 с.

67. Киссинджер, Г. Мировой порядок / Г. Киссинджер. – Москва : АСТ, 2024. – 512 с.

68. Кольев, А.Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции / А.Н. Кольев. – Москва : Логос, 2005. – 800 с.

69. Контуры цивилизационного будущего России : коллективная монография / отв. ред. А.П. Сегал. – Москва : Fortis Press, 2024. – 680 с.

70. Кравченко, С.А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме : монография / С.А. Кравченко. – Москва : Анкил, 2009. – 220 с.

71. Краснов, М.А. Христианство и права человека: компендиум / М.А. Краснов. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 147 с.

72. Кутырев, В.А. Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века) / В.А. Кутырев. – Санкт-Петербург : [б. и.], 2018. – 200 с.

73. Лаврик, М.А. Правое Тело. Соматические права человека: взгляд из Сибири / М.А. Лаврик. – Иркутск : Изд-во Иркутского университета, 2007. – 228 с.

74. Ливеровский, А.А. (ред.). Конституция. Конституционализм. Конституционный суд : монография / под ред. А.А. Ливеровского, А.И. Овчинникова. – Москва : Проспект, 2023. – 193 с.

75. Луман, Н. Право общества / Н. Луман ; пер. с нем. – Москва : Говорящее дерево, 2021. – 880 с.

76. Любашиц, В.Я. Государственная васть: парадигма, методология и типология / В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – 397 с.

77. Любашиц, В.Я. Общая теория государства: классические и современные вопросы / В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев, Е.А. Апольский. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 712 с.

78. Любашиц, В.Я. Теория государства и права / В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев. – 3-е изд. – Москва : ИНФРА-М, РИОР, 2023. – 524 с.

79. Макаренко, В. Главные идеологии современности / В. Макаренко. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2000. – 480 с.

80. Макаренко, Б.И. (ред.). Консерватизм и развитие. Основы общественного согласия / под ред. Б.И. Макаренко. – Москва : Центр политических технологий, 2015. – 280 с.

81. Мальцев, Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы / Г.В. Мальцев. – Москва : Прометей, 1999. – 419 с.

82. Мальцев, Г.В. Социальные основания права / Г.В. Мальцев. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 799 с.

83. Мамычев, А.Ю. Государственная власть в социокультурной организации современного общества: теоретико-методологические аспекты политико-правовой трансформации : монография / А.Ю. Мамычев. – Москва : РИОР, 2024. – 250 с.

84. Манн, М. Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом / М. Манн. – Москва : Издательский дом ВШЭ, 2014. – 208 с.

85. Манхейм, К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм. – Москва : Юрист, 1994. – 700 с.

86. Маритен, Ж. Человек и государство / Ж. Маритен. – Москва : Идея-Пресс, 2000. – 195 с.

87. Марченко, М.Н. Государство и право в условиях глобализации / М.Н. Марченко. – Москва : Проспект, 2017. – 399 с.

88. Марченко, М.Н. Источники права : учебное пособие / М.Н. Марченко. – Москва : Норма, 2018. – 672 с.

89. Медушевский, А.Н. Сравнительное конституционное право и политические институты: Курс лекций / А.Н. Медушевский. – Москва : Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010. – 592 с.

90. Местр, Ж. де. Рассуждения о Франции / Ж. де Местр. – Москва : [б. и.], 1997. – 200 с.

91. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – Москва : [б. и.], 2006. – 873 с.

92. Михалков, Н.С. Право и Правда. Манифест просвещенного консерватизма / Н.С. Михалков. – Москва : Эксмо, 2017. – 96 с.

93. Монтфорт, Н. Будущее: принципы и практики создания / Н. Монтфорт. – Москва : Strelka Press, 2021. – 350 с.

94. Мордовцев, А.Ю. Российский правовой менталитет / А.Ю. Мордовцев, В.В. Попов. – Ростов-на-Дону : Изд-во ЮФУ, 2007. – 448 с.

95. Мухаев, Р.Т. История политических и правовых учений Нового и Новейшего времени / Р.Т. Мухаев. – Москва : Юрайт, 2022. – 398 с.

96. Нерсесянц, В.С. Философия права : учебник для вузов / В.С. Нерсесянц. – Москва : Норма, 2018. – 848 с.

97. Новгородцев, П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания / П.И. Новгородцев. – Санкт-Петербург : Лань, 2000. – 352 с.

98. Новгородцев, П.И. Об общественном идеале / П.И. Новгородцев. – Москва : Пресса, 1991. – 640 с.

99. Нойхауз, Н. Ценности христианской демократии / Н. Нойхауз. – Москва : Республика, 2005. – 200 с.

100. Образы будущего в политической философии XX–XXI веков : коллективная монография / под ред. М.М. Федоровой. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2024. – 300 с.

101. Обычное право России: теоретико-правовой и историко-правовой аспекты : монография / Р.Л. Хачатуров [и др.] ; под ред. Р.Л. Хачатурова. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 468 с.

102. Овчинников, А.И. Основы теории национальной безопасности / А.И. Овчинников, А.Ю. Мамычев, А.Г. Кравченко. – Москва : РИОР, 2011. – 252 с.

103. Овчинников, А.И. Основы национальной безопасности : учебное пособие / А.И. Овчинников, А.Ю. Мамычев, А.Г. Кравченко. – Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2016. – 235 с.

104. Овчинников, А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме : монография / А.И. Овчинников ; науч. ред. П.П. Баранов. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского университета, 2002. – 285 с.

105. Овчинников, А.И. Юридические архетипы в правовой политике России / А.И. Овчинников, А.Ю. Мамычев, А.В. Манастырный, М.Е. Тюрин. – Ростов-на-Дону : [б. и.], 2009. – 250 с.

106. Осавелюк, А.М. Духовно-нравственные основы Конституции Российской Федерации (избранные труды) : сборник / А.М. Осавелюк. – Москва : Проспект, 2024. – 496 с.

107. Папаян, Р.А. Христианские корни современного права / Р.А. Папаян. – Москва : [б. и.], 2002. – 320 с.

108. Пашуканис, Е. Б. Общая теория права и марксизм / Е.Б. Пашуканис // Избранные произведения по общей теории права и государства. – Москва : Наука, 1980. – С. 71–255.

109. Петров, М. Государство как платформа. (Кибер)государство для цифровой экономики / М. Петров, В. Буров, М. Шклярук, А. Шаров. – Москва : Центр стратегических разработок, 2018. – 52 с.

110. Питрон, Г. Третья цифровая война: энергетика и редкие металлы / Г. Питрон. – Москва : АСТ, 2021. – 320 с.

111. Попов, Э.А. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика / Э.А. Попов. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 2005. – 200 с.

112. Права человека / под ред. Е.А. Лукашевой. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 561 с.

113. Право цифровой среды : монография / под ред. Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. – Москва : Проспект, 2023. – 896 с.

114. Пробелы в праве в условиях цифровизации : сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залойло. – Москва : Инфотропик Медиа, 2022. – 472 с.

115. Пухта, Г.Ф. Энциклопедия права / Г.Ф. Пухта ; пер. с 6-го изд. под ред. П. Карасевича студентом Демидовского юридического лицея Линденбратеном. – Ярославль : Тип. Г. Фальк, 1872. – 99 с.

116. Рассолов, И.М. Проблемы интернет-права / И.М. Рассолов. – 2-е изд., доп. – Москва : Норма, 2009. – 350 с.

117. Редлих, Р.М. Солидарность и свобода / Р.М. Редлих. – Франкфурт-на-Майне : Посев, 1984. – 336 с.

118. Рейснер, М.А. Государство. Введение. Культурно-исторические основы: Пособие к лекциям по общему учению о государстве. Ч. 1 / М.А. Рейснер. – Москва : [б. и.], 1911. – 200 с.

119. Римское частное право / под ред. Р.А. Курбанова. – Москва : Проспект, 2015. – 312 с.

120. Рормозер, Г. Кризис либерализма / Г. Рормозер. – Москва : [б. и.], 1996. – 290 с.

121. Савиньи, Ф.К. фон. Система современного римского права. В 8 т. Т. I / Ф.К. фон Савиньи ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. – Москва : Статут, 2011. – 450 с.

122. Саррацин, Т. Германия: самоликвидация / Т. Саррацин. – Москва : АСТ, 2016. – 558 с.

123. Сидоренко, Э.Л. Адаптивные возможности российского права в условиях цифровой трансформации / Э.Л. Сидоренко // Право и цифровая экономика. – 2020. – № 2. – С. 56–63.

124. Соловьев, В.С. Оправдание добра / В.С. Соловьев. – Москва : [б. и.], 1899. – 500 с.

125. Солонин, Ю.Н. (ред.). Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности). Вып. 1 : сборник статей / под ред. Ю.Н. Солонина. – Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2004. – 321 с.

126. Сорокин, П.А. Американская сексуальная революция / П.А. Сорокин. – Москва : Проект барьер, 2006. – 200 с.

127. Сорокин, П.А. Социология революции / П.А. Сорокин. – Москва : Астрель, 2008. – 783 с.

128. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. – Москва : [б. и.], 1992. – 543 с.

129. Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации : сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. – Москва : Инфотропик Медиа, 2021. – 480 с.

130. Тард, Г. Законы подражания / Г. Тард. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1892. – 380 с.

131. Теория государства и права : учебное пособие / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. – 3-е изд. – М., 2006.

132. Тихомиров, Л.А. Монархическое начало власти / Л.А. Тихомиров. – Москва : ФИВ, 2018. – 439 с.

133. Тихонравов, Ю.В. Основы философии права / Ю.В. Тихонравов. – Москва : [б. и.], 1997. – 600 с.

134. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – Москва : [б. и.], 2004. – 781 с.

135. Филиппов, А.Ф. Социология пространства / А.Ф. Филиппов. – Москва : [б. и.], 2008. – 285 с.

136. Фридмэн, Л. Введение в американское право / Л. Фридмэн. – Москва : [б. и.], 1993. – 300 с.

137. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – Москва : [б. и.], 1995. – 256 с.

138. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – Москва : АСТ : Полиграфиздат, 2010. – 588 с.

139. Фукуяма, Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке / Ф. Фукуяма. – Москва : АСТ ; Владимир : ВКТ, 2009. – 222 с.

140. Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы / Ю. Хабермас. – Москва : [б. и.], 2003. – 144 с.

141. Хабермас, Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / Ю. Хабермас. – Москва : Новое литературное обозрение, 2023. – 104 с.

142. Хабермас, Ю. Расколотый запад / Ю. Хабермас. – Москва : Весь Мир, 2008. – 186 с.

143. Хабермас, Ю. Фактичность и значимость / Ю. Хабермас ; пер. с нем. – Москва : Весь Мир, 2021. – 720 с.

144. Хайек, Ф.А. фон. Дорога к рабству / Ф.А. фон Хайек. – Москва : Новое издательство, 2005. – 264 с.

145. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон. – Москва : Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.

146. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – Москва : АСТ, 2022. – 640 с.

147. Хардт, М. Империя / М. Хардт, А. Негри ; пер. с англ. под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. – Москва : Праксис, 2004. – 440 с.

148. Хардт, М. Множество: война и демократия в эпоху империи / М. Хардт, А. Негри. – Москва : Культурная Революция, 2006. – 559 с.

149. Хомский, Н. Государство будущего / Н. Хомский. – Москва : АНФ, 2012. – 100 с.

150. Человек и технологический прогресс: антропологическая повестка мирового развития / В.Э. Багдасарян, С.В. Володенков, И.Е. Жмурин [и др.]. – Ярославль : Изд-во Шукаева и семья, 2025. – 708 с.

151. Честнов, И.Л. Постклассическая теория права : монография / И.Л. Честнов. – Санкт-Петербург : АЛЕФ-Пресс, 2012. – 649 с.

152. Чудинов, А.В. Размышления англичан о Французской революции: Э. Бёрк, Дж. Макинтош, У. Годвин / А.В. Чудинов. – Москва : Памятники исторической мысли, 1996. – 304 с.

153. Шамао, Г. Теория дрона / Г. Шамао. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2020. – 300 с.

154. Шваб, К. Капитализм всеобщего блага. Новая модель мировой экономики / К. Шваб. – Москва : Бомбора, 2022. – 352 с.

155. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью / А. Швейцер ; пер. с нем. ; сост. и посл. А.А. Гусейнова ; общ. ред. А.А. Гусейнова и М.Г. Селезнева. – Москва : Прогресс, 1992. – 576 с.

156. Шиллер, Г. Манипуляторы сознанием / Г. Шиллер. – Москва : Мысль, 1980. – 326 с.

157. Шмитт, К. Государство и политическая форма / К. Шмитт. – Москва : [б. и.], 2010. – 272 с.

158. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: в связи с исследованиями Льюиса Моргана / Ф. Энгельс. – 5-е изд. – Москва : URSS, 2016. – 238 с.

159. Юнгер, Э. Эвмесвиль / Э. Юнгер. – Москва : [б. и.], 2013. – 350 с.

160. Як, Б. Национализм и моральная психология сообщества / Б. Як. – Москва : Изд-во Института Гайдара, 2017. – 320 с.

На иностранных языках

1. Against Constitutional Originalism. A historical critique. – Yale : University Press, 2024. – 343 p.

2. Allison, L. Right principles: Conservative philosophy of politics / L. Allison. – Oxford ; New York : B. Blackwell, 1984. – 180 p.

3. Antonov, M. Formalism, Decisionism and Conservatism in Russian Law / M. Antonov. – Leiden ; Boston : Brill, 2021. – 202 p. – (Law in Eastern Europe ; no. 68).

4. Baylis, J. The United States and Europe: Beyond the Neo-Conservative Divide? / J. Baylis, J. Roper. – London ; New York : Routledge, 2007. – 231 p.

5. Benoist, A. de. Beyond Human Rights: Defending Freedoms / A. de Benoist. – [S. l.] : Arktos, 2011. – 150 p.

6. Bennett, R.W. Constitutional Originalism: A Debate / R.W. Bennett, L.B. Solum. – New York : Cornell University Press, 2011. – 224 p.

7. Blackstone, W. Analysis of the laws of England / W. Blackstone. – Oxford : [s. n.], 1762. – 200 p.

8. Böckenförde, E.-W. Staat, Gesellschaft, Freiheit. Studien zur Staatstheorie und zum Verfassungsrecht / E.-W. Böckenförde. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1976. – 300 S.

9. Böckenförde, E.-W. Staat, Verfassung, Demokratie. Studien zur Verfassungstheorie und zum Verfassungsrecht / E.-W. Böckenförde. – 1. Aufl. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1991. – 450 S.

10. Boltanski, L. The New Spirit of Capitalism / L. Boltanski, E. Chiapello ; trans. G. Elliott. – London ; New York : Verso, 2005. – 601 p.

11. Bonald, L. de. Observations sur l'ouvrage de Madame la Baronne de Staël, ayant pour titre: Considérations sur les principaux événements de la révolution française / L. de Bonald. – Paris : Imprimeur N.S.P. le Pape et de l'Archevêché de Paris, 1818. – 139 p.

12. Bostrom, N. Anthropic Bias: Observation Selection Effects in Science and Philosophy / N. Bostrom. – [S. l.] : Routledge, 2002. – 240 p.

13. Bourgeois, L. Solidarité / L. Bourgeois. – Paris : Colin, 1896. – 150 p.

14. Burgwat, B. The Age of A.I.: And Our Human Future / B. Burgwat, E. Schmidt, D. Huttenlocher. – New York : Little, Brown and Company, 2021. – 272 p.

15. Burke, E. The Portable Edmund Burke / E. Burke ; ed. I. Kramnick. – [S. l.] : Penguin Classics, 1999. – 624 p.

16. Burke, E. The works of the Right Honourable Edmund Burke. V. II (of 12) / E. Burke. – [S. l.] : [s. n.], 1887.

17. Castells, M. The Informational City: Economic Restructuring and Urban Development / M. Castells. – [S. l.] : Wiley-Blackwell, 1992. – 400 p.

18. De Maistre, J. Considérations sur la France: principe générateur des constitutions politiques, etc. délais de la justice divine. Du pape. De l'église Gallicane / J. De Maistre. – Paris : Imprimerie Catholique de Migne, 1841. – 643 p.

19. De Maistre, J. Study on Sovereignty (1794–1796) / J. De Maistre // The Works of Joseph de Maistre. – New York : Schocken Books, 1971.

20. Delsol, C. Icare tombé du ciel: Éléments pour une critique de la philosophie politique contemporaine / C. Delsol. – Paris : Éditions du Cerf, 2003. – 250 p.

21. Delsol, C. Le principe de la subsidiarité / C. Delsol. – Paris : Presses Universitaires de France (PUF), 1993. – 255 p.

22. Delsol, C. Les pierres d'angle: À quoi tenons-nous? / C. Delsol. – Paris : Éditions du Cerf, 2014. – 200 p.

23. Deneen, P.J. Why Liberalism Failed / P.J. Deneen. – New Haven : Yale University Press, 2018. – 225 p.

24. Devlin, P. The Enforcement of Morals / P. Devlin. – Oxford : Oxford University Press, 1965. – 139 p.

25. Eisenstadt, S.N. Tradition, Change, and Modernity / S.N. Eisenstadt. – New York ; Sydney ; Toronto : [s. n.], 1973. – 300 p.

26. Finnis, J. Moral Absolutes / J. Finnis. – New York : CUA, 1991. – 128 p.

27. Finnis, J. Natural Law and Natural Rights / J. Finnis. – 2nd ed. – Oxford : Oxford University Press, 2011. – 500 p.

28. Finnis, J. Religion and Public Reasons / J. Finnis. – New York : Oxford, 2011. – 455 p.

29. Geddes, A. The Politics of Belonging: Migrants and Minorities in Contemporary Europe / A. Geddes, A. Favell. – Aldershot : Ashgate, 1999. – 250 p.

30. George, R.P. Conjugal Union: What Marriage Is and Why It Matters / R.P. George, P. Lee. – Cambridge : Cambridge University Press, 2014. – 152 p.

31. George, R.P. Embryo: A Defense of Human Life / R.P. George, C. Tollefsen. – [S. l.] : Knopf Doubleday Publishing Group, 2008. – 256 p.

32. George, R.P. Natural Law Theory: Contemporary Essays / R.P. George. – Oxford : Oxford University Press, 1992. – 371 p.

33. George, R.P. Seeking Truth and Speaking Truth: Law and Morality in Our Cultural Moment / R.P. George. – [S. l.] : Encounter Books, 2025. – 312 p.

34. George, R.P. The Clash of Orthodoxies: Law, Religion, and Morality in Crisis / R.P. George. – Wilmington : ISI Books, 2001. – 387 p.

35. George, R.P. Body-Self Dualism in Contemporary Ethics and Politics / R.P. George, P. Lee. – Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – 236 p.

36. Gierke, O. von. Das deutsche Genossenschaftsrecht / O. von Gierke. – Berlin : [s. n.], 1868–1913.

37. Gough, J.W. Fundamental Law in English Constitutional History / J.W. Gough. – Oxford : [s. n.], 1955. – 200 p.

38. Grieco, J.M. State Power and World Markets / J.M. Grieco, G.L. Ikenberry. – New York : W.W. Norton & Co., 2003. – 300 p.

39. Guizot, F. The History of Civilization in Europe [1828–30] / F. Guizot. – [S. l.] : Penguin, 1997. – 400 p.

40. Hart, H.L.A. Law, Liberty and Morality / H.L.A. Hart. – Stanford : Stanford University Press, 1963. – 160 p.

41. Hart, H.L.A. The Concept of Law / H.L.A. Hart. – Oxford : Oxford University Press, 2012. – 400 p.

42. Hazony, Y. Conservatism: A Rediscovery / Y. Hazony. – [S. l.] : Swift Press, 2022. – 300 p.

43. Huscroft, G. The Challenge of Originalism: Theories of Constitutional Interpretation / G. Huscroft, B.W. Miller. – Cambridge : Cambridge University Press, 2011. – 320 p.

44. Kaltenbrunner, G.-K. Der schwierige Konservatismus / G.-K. Kaltenbrunner // Rekonstruktion des Konservatismus. – Freiburg im Br. : [s. n.], 1972. – S. 19–50.

45. Kirchhof, P. Deutschland im Prozess europäischer Integration / P. Kirchhof ; hrsg. von K. G. Meyer-Teschendorf. – Berlin : Springer, 2017. – 235 S.

46. Kirk, R. The Conservative Mind, Seventh Revised Edition / R. Kirk. – Washington, DC : Regnery, 1985. – 450 p.

47. Kocka, J. Civil Society and Dictatorship in Modern German History / J. Kocka. – Waltham, MA : Brandeis University Press, 2012. – 200 p.

48. Kriele, M. Grundprobleme der Rechtsphilosophie / M. Kriele. – Münster : LIT, 2003. – 250 S.

49. Kriele, M. Theorie der Rechtsgewinnung, entwickelt am Problem der Verfassungsinterpretation / M. Kriele. – Berlin : Duncker & Humblot, 1967. – 300 S.

50. Kumar, K. From post-industrial to post-modern society: New theories of the contemporary world / K. Kumar. – 2nd ed. – Malden : [s. n.], 2004. – 944 p.

51. Lévy-Bruhl, H. La morale et la science des moeurs / H. Lévy-Bruhl. – Paris : [s. n.], 1903. – 250 p.

52. MacIntyre, A.C. After virtue: a study in moral theory / A.C. MacIntyre. – Notre Dame, Ind. : University of Notre Dame Press, 2007. – 286 p.

53. Maine, H.S. Ancient Law / H.S. Maine. – London : [s. n.], 1861. – 400 p.

54. Manent, P. La loi naturelle et les droits de l'homme / P. Manent. – Paris : Presses Universitaires de France, 2018. – 200 p.

55. Manent, P. La Raison des Nations: Réflexions sur la démocratie en Europe / P. Manent. – Paris : Gallimard, 2006. – 86 p.

56. Manent, P. Natural Law and Human Rights: Toward a Recovery of Practical Reason / P. Manent. – Notre Dame, IN : University of Notre Dame Press, 2020. – 200 p.

57. Menczer, B. Catholic Political Thought 1789–1848 / B. Menczer. – South Bend : University of Notre Dame Press, 1962. – 205 p.

58. Milner, J.-C. Le sage trompeur: Libres raisonnements sur Spinoza et les Juifs, l'Église et la République, les femmes et la théorie du genre... / J.-C. Milner. – Paris : Verdier, 2013. – 190 p.

59. Murphy, M.C. Natural Law and Practical Rationality / M.C. Murphy. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 284 p.

60. Natural rights and natural law: the legacy of George Mason. – Fairfax, VA : George Mason University Press ; Lanham, MD : Distributed by arrangement with University Pub. Associates, 1986. – 264 p.

61. Newman, W.J. The futilitarian society / W.J. Newman. – New York : Braziller, 1961. – 412 p.

62. Oakeshott, M. Rationalism in Politics and other essays / M. Oakeshott. – London : [s. n.], 1962. – 300 p.

63. Petito, F. (ed.). Civilizational Dialog and World order: The Other Politics of Cultures, Religions and Civilizations in International Relations / F. Petito, M.S. Michael (ed.). – London : Palgrave Macmillan, 2009. – 300 p.

64. Renan, E. Qu'est-ce qu'une nation? / E. Renan. – Paris : [s. n.], 1882. – 30 p.

65. Ricoeur, P. Lectures on Ideology and Utopia / P. Ricoeur ; ed. G.H. Taylor. – New York : Columbia University Press, 1986. – 300 p.

66. Sandel, M.J. Liberalism and the Limits of Justice / M.J. Sandel. – Cambridge : Cambridge University Press, 1998. – 300 p.

67. Sandel, M.J. Public Philosophy: Essays on Morality in Politics / M.J. Sandel. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2005. – 300 p.

68. Sandel, M.J. What Money Can't Buy: the moral limits of markets / M.J. Sandel. – New York : Farrar, Straus and Giroux, 2012. – 244 p.

69. Scruton, R. Confessions of a heretic: selected essays / R. Scruton. – Devon : Notting Hill, 2016. – 208 p.

70. Scruton, R. Gentle regrets: thoughts from a life / R. Scruton. – London : Continuum, 2005. – 256 p.

71. Scruton, R. Green Philosophy. How to think seriously about the planet / R. Scruton. – London : Atlantic Books, 2013. – 500 p.

72. Scruton, R. How to be a conservative / R. Scruton. – London : Continuum, 2014. – 200 p.

73. Scruton, R. How to think seriously about the planet. The Case for an Environmental Conservatism / R. Scruton. – Oxford : Oxford University Press, 2012. – 300 p.

74. Scruton, R. The Meaning of Conservatism / R. Scruton. – 2nd ed. – Houndmills ; London : MacMillan, 1990. – 200 p.

75. Scruton, R. The Meaning of Conservatism / R. Scruton. – 3rd ed. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2001. – 206 p.

76. Scruton, R. The Soul of the World / R. Scruton. – Princeton : Princeton University Press, 2014. – 300 p.

77. Scruton, R. The Uses of Pessimism: And the Danger of False Hope / R. Scruton. – London : Atlantic Books, 2010. – 240 p.

78. Scruton, R. Where We Are: The State of Britain Now / R. Scruton. – London : Bloomsbury Continuum, 2017. – 192 p.

79. Scruton, R. Conversations with Roger Scruton / R. Scruton, M. Dooley. – London : Bloomsbury, Continuum, 2016. – 200 p.

80. Srinivasan, B. The Network State: How to Start a New Country / B. Srinivasan. – [S. l.] : [s. n.], 2022. – 474 p.

81. Stanlis, P.J. Edmund Burke and The Natural Law / P.J. Stanlis. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 1958. – 311 p.

82. Suvanto, P. Conservatism from the French Revolution to the 1990s / P. Suvanto ; transl. from Finnish by R. Fletcher. – Basingstoke : [s. n.], 1997. – 200 p.

83. Vermeule, A. Common Good Constitutionalism / A. Vermeule. – Cambridge : Polity, 2022. – 270 p.

84. Vermeule, A. The System of the Constitution / A. Vermeule. – Oxford : Oxford University Press, 2011. – 224 p.

85. Viereck, P. Conservative Thinkers: From John Adams to Winston Churchill / P. Viereck. – New York : Routledge, 2005. – 196 p.

86. Viereck, P. Unadjusted Man in the Age of Overadjustment / P. Viereck. – New York : Routledge, 2003. – 386 p.

87. Villey, M. La formation de la pensée juridique moderne / M. Villey. – Paris : Montchrestien, 1975. – 668 p.

88. Villey, M. Le droit et les droits de l'homme / M. Villey. – Paris : Presses Universitaires de France (PUF), 1983. – 172 p.

89. Villey, M. Seize essais de philosophie du droit: dont un sur la crise universitaire / M. Villey. – Paris : Dalloz, 1969. – 337 p.

90. Zhang, W. The China Wave: Rise of a Civilizational State / W. Zhang. – Singapore : World Scientific Publishing, 2012. – 200 p.

91. Zippelius, R. Deutsches Staatsrecht / R. Zippelius. – München : C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1998. – 497 S.

92. Zippelius, R. Gesellschaft und Recht: Grundbegriffe der Rechts- und Staatssoziologie / R. Zippelius. – München : Beck, 1980. – 200 S.

Диссертации и авторефераты диссертаций

На русском языке

1. Жирнов, Н.Ф. Политические идеи консерватизма в наследии Эдмунда Бёрка: преемственность и развитие : диссертация ... доктора политических наук : 23.00.01 / Жирнов Николай Фёдорович. – Москва : Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2009. – 500 с.

2. Карцов, А.С. Правовая идеология русского консерватизма (II половина XIX – начало XX веков) : автореферат диссертации … доктора юридических наук : 12.00.01 / Карцов Алексей Сергеевич. – Москва, 2008. – 37 с.

3. Мамычев, А.Ю. Государственная власть в политическом процессе современной России: теоретико-методологический аспект политической и социокультурной трансформации: диссертация … доктора политических наук : 23.00.02 / Мамычев Алексей Юрьевич. – Москва, 2013. – 442 с.

4. Палазян, А.С. Функциональная характеристика права : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.01 / Палазян Арутюн Сергеевич. – Москва : Московский университет МВД России, 2010. – 461 с.

5. Сагимбаев, А.В. Колониальная стратегия Великобритании: факторы и модели : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.03 / Сагимбаев Алексей Викторович. – Брянск : [б. и.], 2018. – 508 с.

6. Сокольщик, Л.М. Социальный консерватизм в США: вторая половина XX – XXI в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / Сокольщик Лев Маркович. – Пермь : [б. и.], 2016. – 213 с.

7. Фоминская, М.Д. Идея достоинства личности и права человека в христианской правовой мысли : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.01 / Фоминская Марина Дмитриевна. – Ростов-на-Дону : ЮФУ, 2021. – 480 с.

Научные статьи

На русском языке

1. Абашидзе, А.Х. Соматические права как вызов / А.Х. Абашидзе, А.М. Солнцев // Права человека и вызовы XXI века : учеб. пособие / под ред. А.Х. Абашидзе. – Москва : РУДН, 2016. – С. 30–60.

2. Аникин, Д.А. Технологический суверенитет в цифровую эпоху развития российского общества: политико-правовой аспект / Д.А. Аникин, А.Ю. Мамычев // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2024. – № 5. – С. 50–65.

3. Аристов, Е.В. Будущее социальности государства и социального государства в контексте цифровизации / Е.В. Аристов, И.В. Понкин // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2025. – № 2. – С. 175–191.

4. Астафичев, П.А. Конституционный запрет на государственную или обязательную идеологию: к вопросу о доктринальном осмыслении и обосновании / П.А. Астафичев // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 8. – С. 12–18.

5. Бабурин, С.Н. Традиционные ценности как цивилизационный фактор развития государства / С.Н. Бабурин // Юридический мир. – 2023. – № 11. – С. 14–20.

6. Баранов, П.П. Верховная власть как идеолополагающий элемент государственности / П.П. Баранов, А.А. Горшколепов // Философия права. – 2002. – № 1. – С. 20–25.

7. Баренбойм, П.Д. Машины, механизмы, технологии. В конечном счете между адвокатами и роботами будет стоять только психология / П.Д. Баренбойм // Достоинство личности и психологические пытки (О книге София Нагорная, Шамиль Хазиев, Долг адвоката и этика психолога: психическая (психологическая) пытка в правовой системе России) / отв. ред. А.С. Ковалец. – Москва : ЛУМ, 2020. – С. 15–30.

8. Берлявский, Л.Г. Оригиналистская и нооригиналистская концепции конституционной интерпретации в США / Л.Г. Берлявский // Журнал российского права. – 2013. – № 8. – С. 101–108.

9. Бондарь, Н.С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика / Н.С. Бондарь // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 4. – С. 19–31.

10. Борисова, Л.А. Юридический дискурс: основные характеристики / Л.А. Борисова // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2016. – № 14. – С. 133–151.

11. Бузгалин, А.В. Человек в мире отчуждения: к критике либерализма и консерватизма. Реактуализация марксистского наследия / А.В. Бузгалин // Вопросы философии. – 2018. – № 6. – С. 155–166.

12. Васильев, А.А. Консервативная правовая идеология в России и Западной Европе: сравнительный анализ / А.А. Васильев // Ученые записки

Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации: сборник статей / под ред. И.А. Панарина; Алтайский филиал РАНХиГС. – Вып. 12–13 (2015–2016 гг.). – Барнаул: АЗБУКА, 2016. – С. 250–261.

13. Васильев, А.А. Консерватизм и модернизм в праве / А.А. Васильев // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2011. – № 7. – С. 58–62.

14. Васильева, Т.А. Концепция достоинства личности в доктрине и практике органов конституционного контроля / Т.А. Васильева // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 10. – С. 3–8.

15. Гаджиев, Г.А. Нуждается ли российское гражданское право в расколдовывании (демистификации)? / Г.А. Гаджиев // Закон. – 2023. – № 9. – С. 148–155.

16. Гайденко, П.П. Средневековый номинализм и генезис новоевропейского сознания / П.П. Гайденко // Вопросы философии. – 2014. – № 2. – С. 155–163.

17. Геймбух, Н.Г. Конституционно-правовые ценности европейского союза / Н.Г. Геймбух // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2017. – № 26. – С. 45–55.

18. Гейдаров, Н.А. Идеология глобальной гегемонии США / Н.А. Гейдаров // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». – 2008. – № 1. – С. 5–14.

19. Гошуляк, В.В. Идеология консерватизма в обновленной Конституции Российской Федерации / В.В. Гошуляк // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – № 6. – С. 35–44.

20. Грачев, Н.И. Империя как форма государства: понятие и признаки / Н.И. Грачев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. – 2012. – № 2 (17). – С. 20–30.

21. Гусейнов, А.А. Достоинство личности и психологические пытки / А.А. Гусейнов // Достоинство личности и психологические пытки (О книге

София Нагорная, Шамиль Хазиев, Долг адвоката и этика психолога: психическая (психологическая) пытка в правовой системе России) / отв. ред. А.С. Ковалец. – Москва : ЛУМ, 2020. – С. 80–90.

22. Дедюлина, М.А. Адхократия в современном обществе / М.А. Дедюлина // Социум и власть. – 2009. – № 1. – С. 35–41.

23. Демин, И.В. Ален де Бенуа об истоках, мировоззренческих предпосылках и парадоксах теории прав человека / И.В. Демин // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. – 2021. – С. 30–40.

24. Демин, И.В. Критика идеологии права человека в политической философии Алена де Бенуа / И.В. Демин // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2017. – № 2 (22). – С. 81–96.

25. Денисов, С.А. Конституционализм как правовая идеология и отступления от нее / С.А. Денисов // Вестник Гуманитарного университета. – 2021. – № 1. – С. 118–128.

26. Джагарян, А.А. Достойная жизнь в идеологии российского конституционного строя / А.А. Джагарян // Конституционное и муниципальное право. – 2025. – № 3. – С. 4–9.

27. Динч, Д. На берегу «Империи». Критический анализ концепции Хардта и Негри / Д. Динч // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 2. – С. 92–108.

28. Длугач, Т.Б. Де Местр – враг Просвещения / Т.Б. Длугач // История философии. – 2018. – Т. 23, № 1. – С. 40–50.

29. Долин, В.А. Концепт «Четвертое поколение прав человека»: опыт философско-антропологического обоснования / В.А. Долин // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2018. – Т. 18. – Вып. 4. – С. 7–20.

30. Долин, В.А. Трансгуманистические представления о человеке в современном антропологическом дискурсе / В.А. Долин // Знание. Понимание. Умение. – 2017. – № 4. – С. 133–144.

31. Доренко, К.С. Конституционализация принципа социального государства в зарубежных странах / К.С. Доренко // Государственная власть и местное самоуправление. – 2025. – № 3. – С. 44–47.

32. Дугужева, М.Х. Трансформация законодательства о культуре в условиях цифровизации / М.Х. Дугужева, Е.П. Симаева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – Вып. 44. – С. 190–208.

33. Жирнов, Н. Идеи консерватизма в работах Э. Бёрка, Э. Фёгелина, и К. Шмитта / Н. Жирнов // Вестник ПАГС. – 2014. – № 3. – С. 123–127.

34. Зайковский, В.Н. «Сервисное государство»: новая парадигма или современная технология государственного управления? / В.Н. Зайковский // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 24 (261). – С. 18–28.

35. Золаев, Э.А. Цифровое государство как новый этап развития общества / Э.А. Золаев // Креативная экономика. – 2021. – Т. 15, № 5. – С. 1583–1594.

36. Зорькин, В.Д. Право будущего в эпоху цифр. Индивидуальная свобода или сильное государство? / В.Д. Зорькин // Российская газета. – 2020. – 15 апр.

37. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Выступление В.Д. Зорькина на ПМЮФ. 2018 год. URL: https://alrf.ru/news/pravo-v-tsifrovom-mire-vystuplenie-valeriya-zorkina-na-pmyuf/?ysclid=mr0q5ay3qu276073667.

38. Зуйков, А.В. О некоторых вопросах идеологии в российском конституционном праве / А.В. Зуйков // Конституционное и муниципальное право. – 2025. – № 5. – С. 14–18.

39. Ибраимова, Б.С. Сетевое право как новое направление в правовой науке / Б.С. Ибраимова // Вестник КРСУ. – 2015. – Т. 15, № 2. – С. 122–124.

40. Иванов, В.Г. Концепция государственной состоятельности: сравнительные межотраслевые рейтинги против государственной легитимности / В.Г. Иванов // Вестник РУДН. Международные отношения. – 2015. – Т. 15, № 3. – С. 45–55.

41. Исаев, И.А. «Машина власти», или Легализация техники / И.А. Исаев // Lex russica. – 2019. – № 1. – С. 119–143.

42. Казачанская, Е.А. Консервативно-правовой тип мыследеятельности: аксиологические, теонормативные и праксиологические характеристики / Е.А. Казачанская // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 2. – С. 29–36.

43. Калюжный, Ю.Н. Государственное управление в области обеспечения безопасности дорожного движения с использованием концепции «мягкой силы» / Ю.Н. Калюжный // Государственная власть и местное самоуправление. – 2025. – № 1. – С. 24–29.

44. Камчатова, Е.Ю. Возможности применения ресурсного подхода при обеспечении технологического суверенитета промышленности РФ / Е.Ю. Камчатова, М.Н. Муратова // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 2. – С. 195–200.

45. Каягин, А.Б. Государственно-правовая идеология и правовое воспитание: взаимосвязь и взаимообусловленность / А.Б. Каягин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – Т. 22, № 4. – С. 99–104.

46. Кембаев, Ж.М. Правовые аспекты эволюции идеи единой Европы / Ж.М. Кембаев // Право и политика. – 2011. – № 10. – С. 1713–1732.

47. Клименко, А.И. Марксистские основания современной философии права / А.И. Клименко // Труды Института государства и права РАН. – 2020. – Т. 15, № 6. – С. 70–85.

48. Клименко, А.И. Проблема понимания правовой идеологии / А.И. Клименко // Юридическая психология. – 2011. – № 4. – С. 2–7.

49. Кокотов, А.Н. Конституция России и идеология / А.Н. Кокотов // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 12. – С. 11–23.

50. Конева, Н.С. Конституционализация традиционных ценностей: диалог общества и государства / Н.С. Конева // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 12. – С. 17–19.

51. Коньков, А.Е. Солидарность в политике современного государства / А.Е. Коньков // Государственное управление. Электронный вестник. – 2020. – № 81. – С. 182–195.

52. Корнев, Е.И. Права и свободы человека в консервативной философско-правовой мысли пореформенной России / Е.И. Корнев // Право и политика. – 2007. – № 9. – С. 20–30.

53. Кочетков, А.П. «Цифровой транзит» публично-властных отношений: общие и элитарные характеристики / А.П. Кочетков, А.Ю. Мамычев, А.Ю. Мордовцев // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2022. – Т. 24, № 1. – С. 109–134.

54. Кочетов, А.П. Цифровая элита: тенденции формирования и развития / А.П. Кочетов, А.Ю. Мамычев // Полис. Политические исследования. – 2024. – № 4. – С. 135–145.

55. Крусс, В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы / В.И. Крусс // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 43–50.

56. Лазарев, В.В. Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации / В.В. Лазарев // Журнал российского права. – 2021. – № 4. – С. 5–17.

57. Лукьянов, М.Н. Консервативная научная интеллигенция и власть (1907–1914) / М.Н. Лукьянов // Власть и наука, ученые и власть: 1980-е – начало 1920-х : материалы Международного научного коллоквиума. – Санкт-Петербург : [б. и.], 2003. – С. 340–350.

58. Лупенкова, Н.В. Образовательные реформы Италии: история и опыт / Н.В. Лупенкова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9, № 3, ч. 2. – С. 155–162.

59. Максимов, В.А. Государственная идеология в современной России – конституционно-правовой взгляд / В.А. Максимов // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 11. – С. 54–59.

60. Мамычев, А.Ю. «Цифровой левиафан»: сценарии развития гоббсовского чудовища в XXI веке / А.Ю. Мамычев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24, № 3. – С. 367–392.

61. Мамычев, А.Ю. Политико-правовой анализ принципа соразвития публично-властной организации современного общества: концепция, современное состояние и перспективы / А.Ю. Мамычев, В.В. Калюжный // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6, № 4 (21). – С. 482–486.

62. Мамычев, А.Ю. Социальное партнерство как принцип публично-властной организации современного общества: теоретико-концептуальные и практические аспекты (на материалах социологических исследований и экспертных опросов) / А.Ю. Мамычев, В.В. Калюжный // Азимут научных исследований. – 2017. – Т. 6, № 4. – С. 333–336.

63. Мамычев, А.Ю. Функциональные и институциональные свойства государственной власти / А.Ю. Мамычев, И.В. Самойлова // Философия права. – 2012. – № 4. – С. 79–84.

64. Мамут, Л.С. «Сетевое государство?» / Л.С. Мамут // Государство и право. – 2005. – № 11. – С. 5–12.

65. Мартышкин, С.А. Союз государств как ранняя форма территориального устройства: историко-управленческий аспект / С.А. Мартышкин // Основы экономики, управления и права. – 2012. – № 6. – С. 42–47.

66. Масленникова, С.В. Идеология конституционных поправок 2020 г. в сфере социального и экономического развития / С.В. Масленникова // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 14, № 5. – С. 24–47.

67. Махина, С.Н. Правовое оформление традиционных ценностей: значение, проблемы и перспективы / С.Н. Махина // Российская юстиция. – 2025. – № 2. – С. 58–65.

68. Медведева, Т.Б. Технологическая утопия и формы ее репрезентации в современной культуре: технопрогрессивизм, трансгуманизм

и цифровая утопия / Т.Б. Медведева // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. – 2011. – № 20 (115). – С. 55–61.

69. Мельвиль, А.Ю. Государственная состоятельность, демократия и демократизация (на примере посткоммунистических стран) / А.Ю. Мельвиль, М.Г. Миронюк, Д.К. Стукал // Политическая наука. – 2012. – № 4. – С. 80–100.

70. Мельков, С.А. «Цифровые кочевники»: проблематизация появления и влияния на развитие современного общества / С.А. Мельков, М.В. Салтыкова, А.Ю. Лябах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2019. – № 1. – С. 76–92.

71. Миронов, В. Философ и общественная позиция Роберт Шпеман (1927–2018) / В. Миронов, Д. Миронова // Социологическое обозрение. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 280–290.

72. Михеева, Т.Н. Запрет смены пола человека в России: правовые и аксиологические аспекты / Т.Н. Михеева, Д.С. Михеев, П.Д. Михеева // Российский юридический журнал. – 2025. – № 1. – С. 104–114.

73. Моссберг, Е.Ю. Правовое регулирование института паллиативной помощи и право человека на достойную жизнь: зарубежный опыт / Е.Ю. Моссберг // Юрист. – 2025. – № 4. – С. 38–42.

74. Мошин, В.А. Эволюция датского конституционализма: от абсолютизма к современному социальному государству / В.А. Мошин // Конституционное и муниципальное право. – 2025. – № 7. – С. 54–57.

75. Наумов, В.Б. Информационно-правовые вопросы идентификации при использовании цифрового профиля / В.Б. Наумов // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 6 (186). – С. 137–141.

76. Никитаев, В. Повестка дня для России: власть, политика, демократия / В. Никитаев // Логос. – 2005. – № 5 (50). – С. 50–65.

77. Овчинников, А.И. «Цифровой Левиафан» и права человека: риски инноваций в праве и государственном управлении / А.И. Овчинников // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 227–230.

78. Овчинников, А.И. Духовно-нравственная легитимация права: мировоззренческий контекст / А.И. Овчинников // Философия права. – 2013. – № 1 (56). – С. 12–17.

79. Овчинников, А.И. Идеология российской государственности в контексте модернизации: базовые ценности и приоритеты / А.И. Овчинников // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2012. – № 1. – С. 20–25.

80. Овчинников, А.И. Национальная безопасность и традиционные духовно-нравственные ценности: вопросы законодательного обеспечения / А.И. Овчинников // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 1. – С. 35–42.

81. Овчинников, А.И. Понятие государственной идеологии и ее функции в современном государстве / А.И. Овчинников // Философия права. – 2012. – № 2 (51). – С. 15–20.

82. Овчинников, А.И. Правотворческая и правоприменительная политика в сфере традиционных духовно-нравственных ценностей / А.И. Овчинников, В.Ю. Багдасаров, Н.А. Чухутова // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2024. – Т. 11, № 2. – С. 16–28.

83. Овчинников, А.И. Принципы этического и правового регулирования технологий искусственного интеллекта в образовании и научных исследованиях / А.И. Овчинников, Е.А. Казачанская, И.В. Мовчан // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 4. – С. 42–51.

84. Овчинников, А.И. Социоконструктивистская функция права / А.И. Овчинников // История государства и права. – 2023. – № 1. – С. 44–48.

85. Овчинников, А.И. Традиционные духовно-нравственные ценности как основа категории «публичный порядок» в современном правовом регулировании / А.И. Овчинников // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 45–55.

86. Овчинников, А.И. Миланский эдикт и его роль в формировании ценностей современного права / А.И. Овчинников // Философия права – 2013. – № 3 (58). – С. 15–19.

87. Овчинников, А.И. Христианские ценности в современном праве и глобализация (к 1700-летию Миланского эдикта) / А.И. Овчинников // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2013. – № 2. – С. 8–15.

88. Осипов, И.Д. Ю.Н. Солонин о социально-политической философии консерватизма / И.Д. Осипов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2022. – Т. 38, вып. 4. – С. 525–533.

89. Пермиловский, М.С. Традиционные российские духовно-нравственные ценности и российские конституционные ценности: догматическое соотношение / М.С. Пермиловский // Государственная власть и местное самоуправление. – 2023. – № 11. – С. 20–24.

90. Петражицкий, Л.И. К вопросу о социальном идеале и возрождение естественного права / Л.И. Петражицкий // Юридический вестник. – 1913. – Кн. 2. – С. 5–20.

91. Покок, Д.Г.А. Бёрк и древняя конституция : об одной проблеме в истории идей / Д.Г.А. Покок ; пер. с англ. Л.В. Черниной ; под. ред. Т.М. Атнашева, М.Б. Велижева // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – Т. II, № 3. – С. 141–170.

92. Поляков, А.В. Свободы и права человека – это тоже традиционная ценность : интервью с А.В. Поляковым // Закон. – 2024. – № 12. – С. 8–16.

93. Пономарева, А.П. Замена ненадлежащего способа защиты: нерешенный вопрос практики через призму теории процессуального права / А.П. Пономарева, Д.И. Крымский // Вестник гражданского процесса. – 2025. – № 3. – С. 104–131.

94. Прокофьев, А.В. Справедливое отношение к будущим поколениям (нормативные основания и практические стратегии) / А.В. Прокофьев // Этическая мысль. – 2008. – № 8. – С. 229–253.

95. Рыбаков, О.Ю. Социальные перспективы трансгуманизма: между философией и мифологией / О.Ю. Рыбаков, С.В. Тихонова // Юридическое образование и наука. – 2012. – № 4. – С. 24–26.

96. Рыков, А.В. Современное искусство и эстетика консерватизма. Лондонская школа / А.В. Рыков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. – 2005. – Вып. 2. – С. 80–87.

97. Садовникова, Г.Д. 30 лет Конституции Российской Федерации: традиционные ценности и новые приоритеты / Г.Д. Садовникова // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 10. – С. 45–53.

98. Салтыкова, М.В. Безопасность личности как приоритетная цель актуальной государственной стратегии РФ / М.В. Салтыкова, К.В. Пителинский // Вестник Московской международной академии. – Москва : ММА, 2017. – № 2. – С. 107–117.

99. Сас, В.В. Электронное правосудие как элемент сетевого общества: теоретические проблемы / В.В. Сас // Юридическая наука. – 2012. – № 2. – С. 101–104.

100. Сергеев, А.А. Нужна ли России государственная идеология? / А.А. Сергеев // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 10. – С. 9–12.

101. Синюков, В.Н. Цивилизационная природа европейской правовой культуры / В.Н. Синюков, С.В. Синюков // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 12. – С. 11–24.

102. Ситников, М.С. Право и метавселенная: некоторые вопросы теории и практики / М.С. Ситников // Цифровое право. – 2023. – № 4. – С. 51–71.

103. Сорокина, Ю.В. Персонализм как ответ на духовный кризис человека / Ю.В. Сорокина // Кризис права: история и современность. – 2018. – С. 181–205.

104. Спекторский, Е.В. Номинализм и реализм в общественных науках / Е.В. Спекторский // Юридический вестник. – 1915. – Кн. 9 (1). – С. 3–20.

105. Старилов, Ю.Н. Консерватизм правовой политики как гарантия прогресса в сфере административных и иных публичных правоотношений / Ю.Н. Старилов // Административное право и процесс. – 2023. – № 6. – С. 15–33.

106. Сурков, О.С. Преемственность дискурса националистической интеллигенции Российской империи начала XX века консервативной европейской традиции на примере исторической школы права / О.С. Сурков // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 6 (149). – С. 44–52.

107. Сытин, А. Самоликвидация Европы: последнее предупреждение / А. Сытин // Свободная мысль. 2012. № 7-8. С. 203–206.

108. Тимошина, Е.В. Теория и политика права профессора Л.И. Петражицкого / Е.В. Тимошина // Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды. – Санкт-Петербург : Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2010. – С. V–XXX.

109. Тимошина, Е.Н. Общее благо» классической правовой традиции: актуальный дискурс и судьба понятия в картинах мира (Античность и Средневековье) / Е.Н. Тимошина // Вопросы философии. – 2025. – № 4. – С. 5–16.

110. Толстых, В.Л. Миф о войне как центральный элемент международно-правовой идеологии / В.Л. Толстых // Российский юридический журнал. – 2015. – № 6. – С. 43–53.

111. Томсинов, В.А. Палата лордов в государственном строе Великобритании в XIX в.: «Доктрина Солсбери» / В.А. Томсинов // Вестник РУДН. Юридические науки. – 2014. – № 3. – С. 121–132.

112. Фадеева, И.А. Обострение отношений Польши и ЕС: возможные варианты развития и решения дезинтеграционных процессов / И.А. Фадеева // Теория и практика общественного развития. – 2024. – № 5. – С. 136–141.

113. Хоннет, А. Право свободы: очерк демократической нравственности / А. Хоннет ; пер. А.Ю. Шачиной, С. Шачина // Кантовский сборник. – 2012. – № 1. – С. 91–100.

114. Чирков, Ф.В. Конституционализация уголовной политики защиты традиционных ценностей: к постановке проблемы / Ф.В. Чирков // Российский следователь. – 2024. – № 6. – С. 42–45.

115. Шапсугов, Д.Ю. Проблема духа и души в истории правовой мысли и современной юриспруденции / Д.Ю. Шапсугов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2021. – № 1. – С. 9–17.

116. Шахновская, И.В. Понятие и признаки цифрового государства / И.В. Шахновская // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2022. – Вып. 6. – С. 134–137.

117. Шилюбская, Н. Развитие цифровой экономики в Великобритании / Н. Шилюбская // Мировое и национальное хозяйство. – 2018. – № 4(46). – С. 20–30.

118. Шундиков, К.В. Инструментальный подход и инструментальная теория в современном правоведении: методологический аспект / К.В. Шундиков // Ленинградский юридический журнал. – 2005. – № 3. – С. 167–175.

119. Щипков, В.А. Секулярные основания и утопические черты идеологии трансгуманизма / В.А. Щипков // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2018. – № 3. – С. 7–15.

120. Яшкова, Т.В. Трансформация британской модели после выхода из европейского Союза / Т.В. Яшкова // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2017. – № 1–2. – С. 63–68.

На иностранных языках

1. Abdurrahman, A. An Overview of e-Government Metadata Standards and Initiatives based on Dublin Core / A. Abdurrahman // Electronic Journal of e-Government. – 2009. – Vol. 7, Issue 1. – P. 20–30.

2. Abramovich, S. Can digital badges strengthen religious ethnic-cultural identity in a religious education setting? / S. Abramovich, P.S. Wardrip // British Journal of Religious Education. – 2020. – Vol. 42, Issue 3. – P. 338–349.

3. Anttiroiko, A.-V. Castells' network concept and its connections to social, economic and political network analyses / A.-V. Anttiroiko // Journal of Social Structure. – 2015. – Vol. 16, No. 11. – P. 208–219.

4. Basilaia, T. Liberalism and Aristotelianism: Reflecting on Alasdair MacIntyre's After Virtue / T. Basilaia // Conatus – Journal of Philosophy. – 2025. – Vol. 10, Issue 1. – P. 57–71.

5. Beheiri, E.N. Benedicto XVI y Álvaro d'Ors sobre el Derecho natural / E.N. Beheiri // Persona Y Derecho. – 2017. – No. 74. – P. 253–272.

6. Benda-Beckmann, K.V. Legal pluralism, social theory, and the state / K.V. Benda-Beckmann, B. Turner // The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. – 2018. – Vol. 50, Issue 3. – P. 255–274.

7. Berthoin-Antal, A. Corporate social responsibility in France: a mix of national traditions and international influences / A. Berthoin-Antal, A. Sobzack // Business and Society. – 2007. – No. 46. – P. 9–32.

8. Blake Wilson, M. Counterrevolutionary Polemics: Katechon and Crisis in de Maistre, Donoso, and Schmitt / M. Blake Wilson // Philosophical Journal of Conflict and Violence. – 2019. – No. 3. – P. 72–95.

9. Bogdandy, A. Europäische Verfassung und europäische Identität / A. Bogdandy // Juristen Zeitung. – Tübingen, 2004. – S. 53–61.

10. Boyd, A. Transhumanism challenge to bioethics / A. Boyd // Eubios: Journal of Asian and international bioethics. – Christchurch, 2018. – Vol. 28, No. 5. – P. 137–141.

11. Bruce, F.P. Common Good Constitutionalism and the Problem of Administrative Absolutism / F.P. Bruce // SSRN. – 2022. – URL: https://ssrn.com/abstract=4083882 (дата обращения: 28.03.2026).

12. Campelo, C.M.V. Which power decides on the basic human goods of John Finnis' natural law theory in Brazilian democracy? / C.M.V. Campelo, N.J.C. Matos // REVISTA FOCO. – 2024. – Vol. 17, No. 2. – DOI: 10.54751/revistafoco.v17n2-048.

13. Capdevila, N. “Ideology”: Everyday and scholarly usages of the term / N. Capdevila // Actuel Marx. – 2008/1. – No. 43. – P. 50–61. – DOI: 10.3917/amx.043.0050. – URL: https://shs.cairn.info/journal-actuel-marx-2008-1-page-50?lang=en (дата обращения: 16.06.2026).

14. Caverley, J. Neoconservatism, Neoclassical Realism, and the Narcissism of Small Differences / J. Caverley // After Liberalism? / ed. R. Friedman, K. Oskanian, R. P. Pardo. – Basingstoke : Palgrave, 2013. – P. 145–166.

15. Cawley, J.B. Friend of the Court: How the WTO Justifies the Acceptance of the Amicus Curiae Brief from Non-Governmental Organisations / J.B. Cawley // Penn State International Law Abstract. – 2004. – 53 p.

16. Cliquennois, G. How conservative groups fight liberal values and try to “moralize” the European Court of Human Rights / G. Cliquennois, S. Chaptel, B. Champetie // International Journal of Law in Context. – 2024. – No. 20. – P. 360–378.

17. Cliteur, P. The American Conservatives, Edmund Burke and Natural Law / P. Cliteur // ARSP: Archiv Für Rechts- Und Sozialphilosophie / Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy. – 1988. – Vol. 74, No. 4. – P. 452–460.

18. Clough, P. The affective turn: political economy, biomedia and bodies / P. Clough // Theory, Culture and Society. – 2018. – Vol. 25, Issue 1. – P. 1–22.

19. Coel, K. Abysmal Jurisprudence: On the Genesis of John Finnis's Practical Guide to Statesmen / K. Coel // Forthcoming in the University of Toronto Law Journal. – 2023. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4509486 (дата обращения: 28.03.2026).

20. Cohen, M.I. Radicalised Conservatism in the Hungarian Constitution: An Analysis of Justifications for Rule of Law Backsliding / M.I. Cohen // European Constitutional Law Review. – 2024. – Vol. 20, Issue 3. – P. 424–450.

21. Colen, J.A. What is Wrong with Human Rights? / J.A. Colen // Interpretation: A Journal of Political Philosophy. – 2018. – Vol. 44, Issue 3. – P. 451–469.

22. Collingwood, R.G. What Civilization Means / R.G. Collingwood // The New Leviathan. – Oxford : Clarendon Press, 1992. – P. 480–510.

23. Collins, P.M.Jr. Friends of the Court: Examining the Influence of Amicus Curiae Participation in U. S. Supreme Court Litigation / P.M. Collins Jr. // Law & Society Review. – 2004. – 26 p. – DOI: 10.1111/J.0023-9216.2004.00067.X.

24. Combi, M. Cultures and Technology: An Analysis of Some of the Changes in Progress – Digital, Global and Local Culture / M. Combi // Cultural Heritage in a Changing World / ed. K. Borowiecki, N. Forbes, A. Fresa. – Cham : Springer, 2016. – P. 45–60.

25. Congyan, C. New Great Powers and International Law in the 21st Century / C. Congyan // European Journal of International Law. – 2013. – No. 24. – P. 755–795.

26. Conor, C. “Common Good Constitutionalism” and the New Debate over Constitutional Interpretation in the United States / C. Conor // Public Law. – 2021. – No. 4. – P. 765–787.

27. Conor, C. Continuity and Evolution in Vermeule on Legal Interpretation / C. Conor // The American Journal of Jurisprudence. – 2024. – Vol. 69, Issue 1. – P. 29–43.

28. Conor Crummey, C. One-system integrity and the legal domain of morality / C. Conor Crummey // Legal Theory. – 2022. – No. 28. – P. 269–297.

29. Corrias, L. Solidarity and Community: From the Politics of the Clan to Constituent Power / L. Corrias // Netherlands Journal of Legal Philosophy. – 2021. – Vol. 50, No. 2. – P. 129–141.

30. Csillag, T. Drifting from Liberal Democracy: Traditionalist/Neo-conservative Ideology of Managed Illiberal Democratic Capitalism in Post-communist Europe / T. Csillag, I. Szelenyi // Intersections. East European Journal of Society and Politics. – 2015. – No. 1. – P. 1–31.

31. Cullen, D. Roger Scruton, 1944–2020: Conservatism Unmodified / D. Cullen // American Political Thought. – 2020. – Vol. 9, Issue 2. – P. 300–310.

32. Cuypers, S.E. H.L.A. Hart on Legal Moralism and Social Morality / S.E. Cuypers // Roczniki Filozoficzne. – 2024. – Vol. 72, Issue 3. – P. 239–257.

33. Delatolla, A. Civilization and Statehood / A. Delatolla // Oxford Research Encyclopedias. – URL: https://oxfordre.com/internationalstudies/display/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-720 (дата обращения: 25.03.2025).

34. Dijk, J. van. The Digital Divide as a Complex and Dynamic Phenomenon / J. van Dijk, K. Hacker // The Information Society. – 2003. – Vol. 19, Issue 4. – P. 315–326.

35. Dupré, C. Hungary's attacks on human dignity: Article 2 TEU and the foundations of democracy in the European Union / C. Dupré // European Law Journal. – 2024. – Vol. 30, Issue 3. – P. 255–463.

36. Dworkin, R. Lord Devlin and the Enforcement of Morals / R. Dworkin // The Yale Law Journal. – 1966. – Vol. 75, Issue 6. – P. 986–1005.

37. Ekins, R. Between Authority and Usurpation? Common Good and Constitutional Government / R. Ekins // The American Journal of Jurisprudence. – 2024. – Vol. 69, Issue 1. – P. 45–60.

38. Enoch, Y. Age, gender, ethnicity and the digital divide: university students' use of web-based instruction / Y. Enoch, Z. Soker // Open Learning: The Journal of Open, Distance and e-Learning. – 2006. – Vol. 21, Issue 2. – P. 99–110.

39. Ergang, R. Möser and the Rise of National Thought in Germany / R. Ergang // The Journal of Modern History. – 1993. – Vol. 5, No. 2. – P. 172–196.

40. Ezzy, D. Religious diversity in Australia: Rethinking social cohesion / D. Ezzy, G. Bouma, G. Barton [et al.] // Religions. – 2020. – Vol. 11, Issue 2. – P. 92.

41. Farah, P.D. Technocracy and the Law (Foreword) / P.D. Farah // Transnational Law and Governance Series, gLAWcal Series. – New York ; London : Routledge Publishing, 2021. – P. XIII–XXI.

42. Finnis, J. Philosophy of Law / J. Finnis // SSRN. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1850674.

43. Fitzpatrick, S. Legal Pluralism: A Framework for Understanding and Addressing Conflicts between Legal Systems / S. Fitzpatrick, D. Osborn, C. Mitchell // Law and Social Inquiry. – 2020. – Vol. 45, Issue 3. – P. 731–760.

44. Golob, S. MacIntyre and The Ethics of Catastrophe / S. Golob // International Journal of Philosophical Studies. – 2021. – Vol. 29, Issue 2. – P. 204–220.

45. Hahn, J. Ernst-Wolfgang Böckenförde's Approach to Natural Law as Normative Legal Ethics / J. Hahn // Oxford Journal of Law and Religion. – 2018. – Vol. 7, Issue 1. – P. 28–50.

46. Halford, S. Reconceptualizing digital social inequality / S. Halford, M. Savage // Information, Communication & Society. – 2010. – Vol. 13, Issue 7. – P. 937–955.

47. Ham, C. van. Strong states, weak elections? How state capacity in authoritarian regimes conditions the democratizing power of elections / C. van Ham, B. Seim // International Political Science Review. – 2017. – No. 39. – P. 49–66.

48. Hamudy, N.A. Justice for Community: Political Perspective of Michael Sandel's Communitarianism / N.A. Hamudy // Jurnal Bina Praja. – 2020. – Vol. 12, Issue 1. – P. 43–52.

49. Hancock, R.C. Thinking, Acting, Flourishing: The Audacious Modesty of Pierre Manent's Practical Natural Law / R.C. Hancock // Perspectives on Political Science. – 2020. – Vol. 49, Issue 4. – P. 250–260.

50. Hariri, A. Legal Pluralism: Concept, Theoretical Dialectics and Its Existence in Indonesia / A. Hariri, B. Babussalam // Walisongo Law Review (Walrev). – 2024. – Vol. 6, Issue 2. – P. 147–160.

51. Hart, H.L.A. Social Solidarity and the Enforcement of Morality / H.L.A. Hart // University of Chicago Law Review. – 1967. – Vol. 35, Issue 1. – P. 1–13.

52. Hörcher, F. Natural law, human dignity and tradition / F. Hörcher // Pro Publico Bono. Public Administration. – 2019. – Vol. 9, No. 2. – P. 100–115.

53. Hörcher, F. Platonist, Aristotelian or simply Classical? Roger Scruton's Political Philosophy and the Great Tradition / F. Hörcher // Rivista di Studi Politici. – 2021. – No. 16. – URL: https://journals.openedition.org/politics/4871 (дата обращения: 13.03.2026).

54. Hornung, K. Konservatismus / K. Hornung // Politis – Padagogisches Handworterbuch. – Munchen, 1985. – S. 265–270.

55. Huang, L. The Basic Good of John Finnis's New Natural Law Theory / L. Huang // International Journal of Frontiers in Sociology. – 2025. – Vol. 7, Issue 7. – P. 14–17.

56. Huntington, S.P. Conservatism as an Ideology / S.P. Huntington // The American Political Science Review. – 1957. – Vol. 51 (June). – P. 454–473.

57. Hurwood, J. Application of the Hart-Devlin debate to the ideas and arguments raised in “Legalising assisted dying would be a failure of collective human memory and imagination” / J. Hurwood // Student Journal of Professional Practice and Academic Research. – 2019. – Vol. 1, Issue 2. – DOI: 10.19164/sjppar.v1i2.872.

58. Ibric, S. Ronald Dworkin: Seeking Truth and Justice through Responsibility / S. Ibric // Laws. – 2023. – DOI: 10.3390/laws12030041.

59. Ivlev, V.Yu. Intercultural Communication and Dialogue of Ethnic Cultures in the Context of Digitalization of Society / V.Yu. Ivlev, V.A. Inozemtsev, M.L. Ivleva // Proceedings of the 7th International Conference on Education, Language, Art and Inter-cultural Communication (ICELAIC 2020). –

URL: https://www.atlantis-press.com/proceedings/icelaic-20/125949608 (дата обращения: 11.04.2021).

60. Janice, E.T. State Sovereignty in International Relations: Bridging the Gap between Theory and Empirical Research / E.T. Janice // International Studies Quarterly. – 1995. – Vol. 39, No. 2. – P. 213–233.

61. Jose, J. Rhetoric of natural law in the public discourse of Benedict XVI / J. Jose // Church, Communication and Culture. – 2024. – Vol. 9, Issue 1. – P. 37–58.

62. Kirchhof, P. Der Staat als Organisationsform der Freiheit / P. Kirchhof // JuristenZeitung (JZ). – 2006. – Nr. 14. – S. 677–685.

63. Kirk, R. The Conservative Mind of Newman / R. Kirk // The Sewanee Review. – 1952. – Vol. 60, No. 4. – P. 659–676.

64. Künkler, M. State, Law and Constitution. Ernst-Wolfgang Böckenförde's Political and Legal Thought in Context / M. Künkler, T. Stein // Constitutional and Political Theory. Selected Writings by Ernst-Wolfgang Böckenförde / ed. by M. Künkler, T. Stein. – Oxford : Oxford University Press, 2017. – P. 1–50.

65. Lacey, N.P. Devlin's The Enforcement of Morals Revisited: Absolutism and Ambivalence / N.P. Lacey // Legal Studies Working Paper. – 2022. – No. 2. – URL: https://ssrn.com/abstract=4062258.

66. Lee, P. The New Natural Law Theory / P. Lee // The Cambridge Companion to Natural Law Ethics. – Cambridge : Cambridge University Press, 2019. – P. 73–91.

67. Levi, D.G. The Legal and Political Philosophy of Leonard Nelson / D.G. Levi // The American Political Science Review. – 1941. – Vol. 35, No. 3. – P. 437–453.

68. Macfadyen, L.P. Virtual ethnicity: The new digitization of place, body, language, and memory / L.P. Macfadyen // Electronic Magazine of Multicultural Education. – 2008. – No. 8(1). – DOI: 10.14288/1.0058425.

69. Mahlmann, M. Truth, Ethics and Legal Thought – Some Lessons from Dworkin's Justice for Hedgehogs and Its Critique / M. Mahlmann // Laws. – 2023. – DOI: 10.3390/laws12030042.

70. May, C. The Rule of Law and Technocratisation / C. May // Hague Journal on the Rule of Law. – 2019. – No. 11. – P. 321–326.

71. McKerracher, K. Relational legal pluralism and Indigenous legal orders in Canada / K. McKerracher // Global Constitutionalism. – 2023. – Vol. 12, Issue 1. – P. 133–153.

72. Mihelj, S. Culture is Digital: Cultural Participation, Diversity and the Digital Divide / S. Mihelj, A. Leguina, J. Downey // New Media & Society. – 2019. – Vol. 21, Issue 7. – P. 1465–1485.

73. O'Connor, J.D. What Makes an Ethical Account a Natural Law Ethical Account? Contemporary Ethics, Metaethics and Normative Ethics / J.D. O'Connor // Studies in Christian Ethics. – 2024. – Vol. 37, No. 2. – P. 303–326.

74. Peker, E. Finding Religion: Immigration and the Populist (Re)Discovery of Christian Heritage in Western and Northern Europe / E. Peker // Religions. – 2022. – Vol. 13, Issue 2. – P. 158. – DOI: 10.3390/rel13020158.

75. Philippopoulos-Mihalopoulos, A. Mariana Valverde: Chronotopes of Law: Jurisdiction, Scale and Governance / A. Philippopoulos-Mihalopoulos // Journal of Law and Society. – 2015. – No. 42 (December). – P. 668–673.

76. Poole, D. Justice and Solidarity / D. Poole // Forum Prawnicze. – 2025. – No. 4(88). – P. 49–61.

77. Regoli, R. Religion, Culture, and Peace: The Social Doctrine of Benedict XVI / R. Regoli // Religions. – 2025. – Vol. 16, Issue 2. – URL: https://www.mdpi.com/2077-1444/16/2/126 (дата обращения: 30.04. 2025).

78. Roache, R. Bioconservatism, Bioliberalism, and Repugnance / R. Roache, S. Clarke // Monash Bioethics Review. – 2009. – Vol. 28, No. 1. – P. 4.1–4.20.

79. Robinson, J. Future subjunctive: backcasting as social learning / J. Robinson // Futures. – 2003. – No. 35. – P. 839–856.

80. Robinson, L. Digital inequalities and why they matter / L. Robinson, S. R. Cotten, H. Ono [et al.] // Information, Communication & Society. – 2015. – Vol. 18, Issue 5. – P. 569–582.

81. Rodríguez, A.R. Legislating Morality: Moral Theory and Turpitudinous Crimes in Immigration Jurisprudence / A.R. Rodríguez, J.A. Bulcock // Crimes in Immigration Jurisprudence. – 2019. – http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5073035. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=5073035.

82. Rothkopf, D. In Praise of Cultural Imperialism? / D. Rothkopf // Foreign Policy. – 1996. – No. 107. – P. 38–53.

83. Sandstrom, G. The Marketism conundrum: how to proactively achieve proportionality in institutions? / G. Sandstrom // Topos. – 2015. – No. 2–3. – P. 42–56.

84. Shea, M. Value Comparability in Natural Law Ethics: A Defense / M. Shea // The Journal of Value Inquiry. – 2022. – DOI: 10.1007/s10790-022-09895-5. – URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9662135 (дата обращения: 28.03.2026).

85. Solari, S. Social justice and economic order according to natural law / S. Solari, D. Corrado // Journal of market and morality. – 2009. – Vol. 12, No. 1. – P. 45–60.

86. Stryker, R. Limits on Technocratization of the Law: The Elimination of the National Labor Relations Board's Division of Economic Research / R. Stryker // American Sociological Review. – 1989. – Vol. 54, No. 3. – P. 341–358.

87. Vorapanyatrakool, S. Political Culture: The Appropriated Model of Relationship between Group-Interaction and political Roles of the Members of the Thai House of Representatives / S. Vorapanyatrakool, Y. Kiratiburana, P. Thitpat // European Journal of Social sciences. – 2011. – Vol. 19, No. 4. – P. 550–565.

88. Wright, K.S. The principles of Catholic social teaching: A guide for decision making from daily clinical encounters to national policymaking / K.S. Wright // The Linacre Quarterly. – 2017. – Vol. 84, Issue 1. – P. 10–22.

89. Zywicki, T.J. The Conservative Version of The Rule of Law / T.J. Zywicki // George Mason Legal Studies Research Paper. – 2024. – No. LS. – P. 24–27.